МАЭСТРО

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРОК ЕВРОПЫ

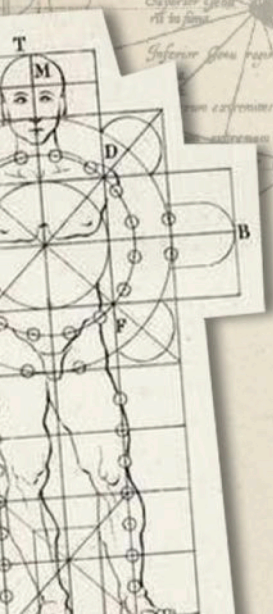
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА СОЦИОЛОГИИ
DR LUCIEN OULAHBIB

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

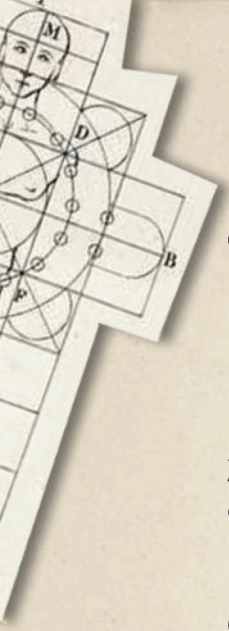

МАЭСТРО

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРОК ЕВРОПЫ

ОДЕССА
2020

Олег Викторович Мальцев
Маэстро. Последний пророк Европы – Одесса, 2020, – 263 стр.

ISBN 978-617-95051-3-3

Жана Бодрийяра не просто называют «Последним пророком Европы». Выдающийся мыслитель, французский философ, автор 54 программных трудов и ряда эссе, в которых подробно рассматривается современное общество потребления. Тот человек, который смог противопоставить себя миру и взбудоражить «молчаливое большинство». То, что Бодрийяр написал в своих работах еще 20-30 лет назад, происходит в современном мире сейчас. В своих трудах он не просто описывает свой взгляд на мир, но и объясняет причины, почему мир, человек и общество именно такие. Кроме этого, в работах он зашифровал целую систему, позволяющую безошибочно прогнозировать будущее.

До выхода данной книги никто не смог выстроить целостную систему философии Жана Бодрийяра. Сам Бодрийяр никому ее не передавал и нигде не описывал. Говоря метафорически, он разбил свою систему на труды, подобно кирпичам, затем построил из них здание, пронумеровал каждый кирпич, а после – разобрал само здание, а чертежи сжег. В книге «Маэстро. Последний пророк Европы» автор Ph.D. Олег Мальцев досконально разбирает каждый кирпич, и полностью выстраивает то самое здание, которое построил Жан Бодрийяр, впервые представляя читателю комплексную принципиальную модель философии Жана Бодрийяра и те инструменты, которые он использовал.

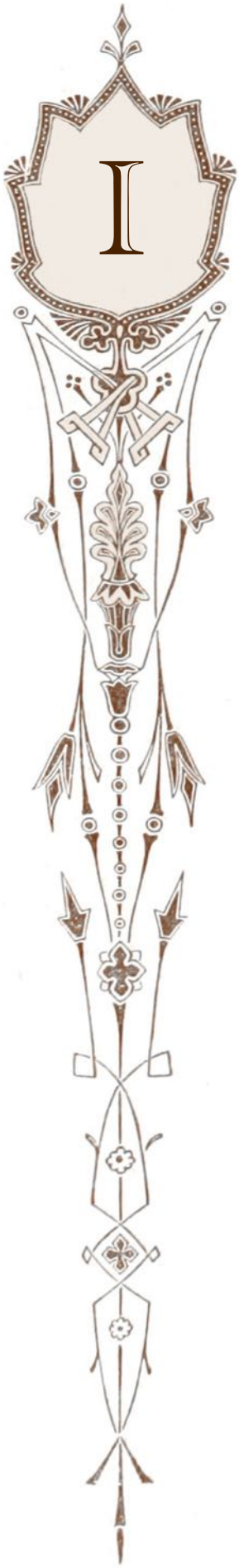
В 16 главах книги «Маэстро. Последний пророк Европы», рассматривая вопросы человека, «совершенного преступления», «великолепной катастрофы», науки, Европейского мистицизма, символьной системы и других явлений с точки зрения Бодрийяра, автор в том числе делится своими результатами исследований, сделанных на основе философии маэстро. При написании книги были исследованы все труды Жана Бодрийяра, многие из которых были переведены на русский язык впервые, были исследованы его фотографические работы, которые в сущности являются продолжением философии, а также были проведены интервью с теми людьми, кто лично знал философа, его последователями и критиками.

Этот труд имеет огромную практически-прикладную пользу для современного делового человека, кто не желает жить, как придется, а пытающегося отвечать за жизнеустройство себя, своей жизни и деятельности, за свое настоящее и будущее. Здесь дается представление о философии, социологии и радикальной антропологии Бодрийяра как о фундаменте личностных достижений, эффективности и безопасности в столь нестабильных и неопределенных условиях постоянно изменяющейся среды.

© Олег Викторович Мальцев 2020

ГЛАВА I
ВВЕДЕНИЕ. ЦЕЛЬ НАПИСАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Величие — это не человек, а его дела.
Академик Олег Мальцев

Жан Бодрийяр. Последний и самый выдающийся мыслитель XX-го века. Такие люди рождаются раз не в каждые сто лет, и новые философы такого уровня, во всяком случае, пока, вряд ли предвидятся… Именно поэтому я решил написать эту книгу, пошагово и детально рассматривая во всех аспектах вопрос о том, что делает эту личность «великой» и — даже не побоюсь этого слова — «величайшей» не только в эпоху постмодернизма прошлого века, но и намного опережая свое время; что делает Жана Бодрийяра «последним пророком Европы». Интерес к трудам Бодрийяра при его жизни проявлялся по-разному — от кривых улыбочек до пристальнейшего внимания и увлечения. Его работы остались не менее востребованы и после его смерти. Но особый интерес они вызвали тогда, когда всё, о чём он писал, начало сбываться, превращаться в жизнь,— вот тогда стало совсем не смешно. Как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последний.

Почему Жан Бодрийяр великий? Бодрийяр более 20-ти лет был самым популярным философом в мире. В 60-е, 70-е, и даже 80-е годы была своего рода «болезнь» Европы: не было ни одного издания, которое бы не посчитало за честь взять интервью у Жана Бодрийяра («The New York Times», «The Guardian», «The New Yorker», «Der Spiegel», «Die Zeit», «Süddeutsche Zeitung» и многие другие). Примером тому — отдельные издания его интервью (сборники интервью «Исчезновение культуры» и «От гиперреальности к исчезновению»), взятых разными журналистами и учеными. Известное британское новостное онлайн издание «The Guardian» писало о Бодрийяре так: «Пророк апокалипсиса, истеричный лирик паники, навязчивый рассказчик разрушения постмодернистской сцены и в настоящее время самое яркое достояние в интеллектуальном кругу Нью-Йорка». А известный французский писатель, фотограф и искусствовед Серж Брэмли в интервью в рамках проекта «Наследие Ж. Бодрийяра» охарактеризовал его как крайне серьезного философа, который знал цену вещам, но при этом в жизни был необычайно простым человеком, которого сложно было посчитать автором всех этих трудов.

В Соединенных Штатах Америки «крестный отец постмодернизма» был вообще некой инородной субстанцией. А как известно, всё инородное вызывает огромный интерес. Ведь Жан Бодрийяр посмел критиковать США, назвав его «первобытным обществом» в своей книге с простым, кратким и характерным названием — «Америка». С точки зрения тех, кого принято называть стопроцентными американцами, это — неописуемая наглость.

Фактически он сделал невозможное. Жан Бодрийяр своей философией и социологией смог расшевелить общество. И тот факт, что в однородном, в общем-то, обществе потребления появились как некие сторонники идей Бодрийяра, так и противники, его критикующие — уже само по себе следует признать огромным достижением. Одно только это — по сути, его гражданский подвиг.

Философия Бодрийяра — практически и крайне полезна для любого читателя. Жан Бодрийяр позволяет иначе взглянуть на мир. Пусть даже человек, который живет в своем «мире», после прочтения просто иначе взглянет на всё с другой стороны — уже это является огромной пользой для современного общества. С другой стороны, можно сказать, что люди, которые приложат усилия и вникнут в его работы, смогут сделать то, что сегодня неподвластно большинству, потому что прикладное значение философии Бодрийяра просто невероятно. Существует огромное количество людей (профессоров, ученых, общественных деятелей), которые черпали вдохновение из трудов Жана Бодрийяра. Не говоря уже о многочисленных деятелях культуры — художниках, композиторах и других — кто на протяжении 30–40 лет и более продолжают черпать свое вдохновение в трудах Бодрийяра, и даже пытались его идеи, в том числе, внедрить и в кинематографе — например, фильмы «Матрица», «V значит Вендетта» сняты по мотивам трудов Бодрийяра.

Достаточно большое количество людей говорят о том, что Бодрийяр был марксистом, и поэтому он — враг капитализма. Но это не совсем так. В своей работе «Общество потребления» он достаточно четко пишет: «Люди живут в безобразии», нужно лечить все это…» Обязательно. Ведь только «больной» человек может считать, что тот, кто читает сказки — автоматически является сказочником; а того, кто смотрит мультфильмы — мультипликатором; того же, кто читает Ницше — ницшеанцем. Иначе, откуда в таком случае берутся критики? Если человек читает труды Канта, это совершенно не значит, что он является приверженцем Канта. Если он читает работы Фуко, то он — приверженец Фуко? Как в той байке о логическом маневре одного подсудимого: председатель суда считает его террористом, потому что при обыске его комнаты нашли брошюру о терроре, но в следующий момент эта брошюра уже лежит на столе господина Председательствующего. Можно ли было на основании найденной брошюры считать подсудимого виновным в терроре?

Человек, в принципе, может многим интересоваться, но само по себе это еще ни о чем не говорит, кроме его любознательности. Таким образом, если Бодрийяр читает книги другого французского философа Жака Лакана, он не является автоматически последователем Лакана. Но философ, безусловно, читал его работы, и даже использовал его в своих исследованиях. И если Бодрийяр читал Фрейда, это также не значит, что он был убеждённым и последовательным фрейдистом. В этом заключается вся суть. Логика людей, которые делают такие утверждения, очень странная, если не сказать больше…

У многих складывается такое впечатление, что Жан Бодрийяр критиковал капитализм. Но и это не совсем так. Он критиковал людей, человечество. Жан Бодрийяр взял на себя нелегкую ношу критики человечества, а не капитализма. Капитализм — это всего лишь некая форма отношений в обществе на известном этапе его развития, не говоря уже о том, что критика, в отличии от критиканства, не есть отрицание. Настоящая критика — это анализ. Великие критики писали и положительные статьи. Но Бодрийяр критиковал именно людей. И его основная концепция выглядит так: во всем виноваты люди. Если бы люди были другие, то все остальное было бы другое. И это крайне разумно. Обидевшиеся за это на Жана Бодрийяра коллеги либо забыли, либо, скорее всего, не знали того, что Лев Толстой устами одного из героев произведения «Анны Карениной» (вспомним помещика Левина; кстати, вполне положительный и любимый автором герой) дал куда более жесткую формулировку человечества — «маленькая плесень на маленькой планете», и никто из интеллигенции творческой и научной не обиделся на зеркало русской революции за этот жесткий пассаж.

Сегодня очень многие люди не понимают достаточно простую вещь: в силу своей необразованности, определенного рода «отсутствия культуры» (о чем говорится в сборнике интервью с Бодрийяром «Исчезновение культуры»: «у нас исчезла культура»), в силу некой глупости — они являются приверженцами каких-то очень «странных» подходов. К примеру, религиозного подхода, когда говорят «на все воля Божья», «Бог сотворил мир и поэтому Бог знает, как надо делать», а люди — всего лишь «следствие некоего Бога». И поэтому все, что происходит сегодня — богоугодно. Но если просто эмпирически понаблюдать за всем происходящим вокруг, то никакой Бог мир не строил. Мир строят люди.

Если подходить к вопросу философски, безусловно, есть такая вероятность, что кто-то сотворил человека… И теоретически, возможно, что это Бог. (Но не тот старик с бородой, который сидит на туче, и когда требуется гром и молния, посылает Илью пророка на колеснице скакать по небу…) Однако даже в таком случае выходит: после того, как он человека сотворил, он больше не вмешивается. А все остальное делают сами люди, помогая, наверное, Богу строить этот мир. Но если все же убрать «божественную концепцию», как таковую, исключить здесь Бога, в силу того, что мы его существование не можем ни опровергнуть, ни доказать, то, безусловно, следует сказать: этот мир строят люди, а не Бог. Следовательно, возникает крайне интересный вывод: все проблемы в этом мире… от людей.

По этой причине Бодрийяр критиковал людей, а не капитализм, сильных мира сего, президентов… Если рассматривать весь объем его трудов, написанных вообще за всю жизнь, то треть своей жизни он посвятил «издевательству» над людьми. К примеру, как он их только не называет: «массы», «общество потребления», «молчаливое большинство», «отсканированные», «царство слепых», «участники карнавала», «участники оргии»… Смотрите, сколько им внимания уделяется. Жан Бодрийяр, по сути, «издевается» над человечеством на протяжении 44 лет (с 1970 по 2014 года). Это подвиг, потому что, если взять человечество, то эта «здоровенная штука» могла «обидеться» и серьезно поднаддать за все те годы издевательства над собой товарищу Бодрийяру. Но «оно» молча, а где-то в каких-то местах и не молча, сносит все упреки.

Треть философии Бодрийяра — это критика человечества. И главная концепция великого философа в этой части сводится к следующему: из-за того, что люди такие — мир такой! Все очень просто. Когда кто-то говорил, что СМИ плохие, Бодрийяр в ответ на это давал понять, чтобы вы просто перестали их смотреть. Ведь это же и впрямь очень просто — перестать смотреть СМИ. Тогда они будут вынуждены меняться. А вынужденные меняться СМИ будут вынуждены заставлять меняться и политиков. По сути эти средства массовой информации станут ненужными в том виде, в котором они существуют сейчас. Они будут не востребованы, поскольку нужны только там и тогда, где и когда влияют на массы, на общество, на электорат… Но если это влияние заканчивается и ни на кого они более влияния не оказывают, то и толку никакого от этих СМИ. Тогда им придется изменяться. Не редко СМИ сравнивают с наркотиками — отрава. А вот, поди ж ты, какая индустрия, какой бизнес. А ведь подумать только — не покупайте эту продукцию, не потребляйте ее, и все! И ее не будет в природе. Ведь воротилы того бизнеса не сами свою продукцию употребляют; они своим родным, близким, детям делать этого не позволяют. Выходит, все дело в тех же потребителях — в «массе».

Представьте себе, что вы проводите некое представление в цирке или театре. Но зал пустой. Никто не пришел на это представление. Никто не заплатил деньги за него. Как артисты будут работать при пустом зале? Не будет никакого представления. Никто не будет играть в пустом зале, где нет ни одного зрителя. Вспомним Чеховского героя, приехавшего из столицы в захолустье к старику-отцу: «Ты послушай, какой анекдот со мной вышел. Захожу я в вашем губернском городе в театр, иду в кассу за билетом, а мне и говорят: спектакля не будет, потому что еще ни одного билета не продано! А я и спрашиваю: как велик ваш полный сбор? Говорят, триста рублей! Скажите, говорю, чтоб играли, я плачу триста… Заплатил от скуки триста рублей, а как стал глядеть их раздирательную драму, то еще скучнее стало… Ха-ха…» Да-да, Антон Павлович Чехов, «Святая простота». И актеры играли для него одного. На то и Чехов Антон Павлович, правда искусства и литературы. В реальной же практике без спроса нет и предложения — закон все того же капитализма.

Точно также со средствами массовой информации. Они не будут работать, если никто не будет читать этих газет. Все откажутся от той субстанции, которую они предоставляют, аргументируя тем, что все лживое, и потому никакого толку от этого, никто читать их не будет… По этой причине Бодрийяр и выводил, что вся проблема — это люди. Если условно разделить труды Жана Бодрийяра на три части,

то в центре всего стоит человек: даже не «масса», уже даже не «отсканированная», «не электорат» и «не царство слепых», а именно индивид. Именно эта единичная субстанция, которая, с точки зрения Жана Бодрийяра, является очень-очень странной, если не сказать больше.

Не менее важным является и то, что Жан Бодрийяр — не только последний, один из самых знаменитых философов мира, но также и один из последних мистиков этого мира. Бодрийяр был мистиком, и в этом нет никаких сомнений. Но более подробно об этом будем говорить отдельно. Нельзя не упомянуть и то, что он был очень воспитанным и культурным человеком. Удостоверится в этом достаточно просто: если бы это было не так, то у него обязательно появилась бы еще работа под названием «сказочный глупец», потому что человечество упорно потребляет то, что их убивает. Если говорить о Западной цивилизации, то в определенный момент времени высшей ценностью человечества стала жизнь. Поскольку, если такой ценности жизни нет, то нет и общества потребления, потому что оно спешит жить. «Общество потребления» — это реализация мечт, реализация жизни в том виде, в котором мы ее себе представляем. Иначе, нет общества потребления. Но эта жизнь убивает человека. По сути, человек превращается в некоего робота, о чем Жан Бодрийяр писал в книге «Система вещей». То есть человек становится электронным придатком этой системы. По сути, мы имеем дело с очень неприятной ситуацией, когда употребление наркотиков дает людям новое впечатление и т.д, но их потребление значительно сокращает срок жизни человека. К слову, и Братья Стругацкие в своем произведении «Хищные вещи века» в последней главе выводят то, что выдуманный мир — это конец человечеству. Заблуждения и иллюзии всегда были свойственны некоторой части человечества. Но при этом окончание реального мира и превращение его в виртуальное — это конец человечества.

Да, вероятнее всего у него была бы такая работа, центральный труд учёного. Потому что иначе определить эту субстанцию, которую он называл «достаточно странной субстанцией» нельзя. Но ее, такой работы, у него нет. Когда я начал читать труды Жана Бодрийяра, то понял, что это и есть философия, предшествующая психологии ущербности. Поэтому, рассматривая такого индивида с точки зрения психологии, можно сказать: это — ущербный человек.

Должен уточнить: научную категорию ущербности ввел не Жан Бодрийяр, а я, являясь Ph.D. в области психологии, и она стала продолжением философии Жана Бодрийяра. Его научные труды — превосходная база для изучения такого предмета глубинной психологии, как психология ущербности, и на языке психологии такой человек называется «ущербным».

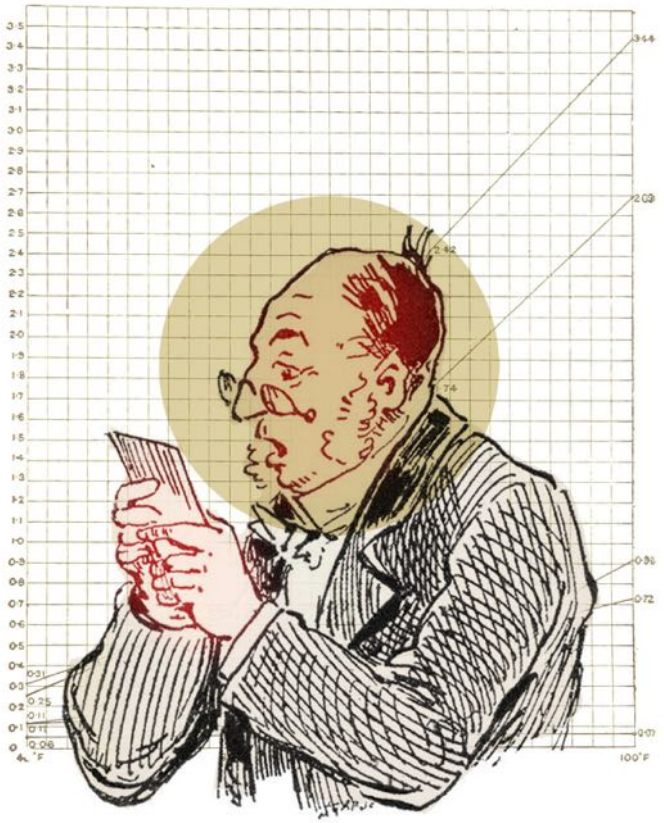
Жан Бодрийяр — великий, не потому, что кто-то считает его великим, а в связи с тем, что он смог себя противопоставить всему человечеству! Да мало сказать: он смог, один, не только себя противопоставить всему миру, но и победить в этой схватке, обретя безмерную популярность. Его стали беспредельно цитировать. Он стал невообразимо востребован… Один.

Жан Бодрийяр, с моей точки зрения, совершил еще один, более яркий подвиг — противопоставление себе всей европейской академической науки. И это было вторым объектом его изучения. Таким образом, если первым объектом исследования этого философа и социолога была «масса», «отсканированные» люди и приход к одному человеку, к единице, к «сказочному глупцу», то вторым блоком изучений

Бодрийяра было, повторюсь, противопоставление себе всей академической науки Европы. И он доказывал в своих работах, что академическая наука — не совсем академическая, по меньшей мере потому, что она лжива. Это обман, симуляция. И он показывал те парадоксы, которые существовали в науке тогда и существуют по настоящее время, как видим это наглядно.

Современная наука — совсем не чета науки древней. Так, современная наука не появилась на пустом месте. При этом, она достаточно странна: ее никогда не существовало в природе. То есть современная наука, с точки зрения Жана Бодрийяра, появилась с возникновением Буржуазной революции; та наука, которая нужна была для обслуживания общества потребления. Поскольку наука сама по себе существовала с незапамятных времен, и никаких идей развития науки ни в XV, XVI, XVII, XVIII и XIX веках не было. Наука никогда не развивалась, она существовала и так, как истина в последней инстанции, а все остальное определялось лишь степенью доступа к этой науке (то есть до какого уровня, до какой степени осведомленности допускался человек). Поэтому Жан Бодрийяр и обращал внимание на то, что современная наука отрицает степень осведомленности. Наглядным примером высочайшего уровня знаний и подготовки людей 300–400 лет назад является исторический документ — трактат «Философия оружия», написанный испанским дворянином, командором Ордена Иисуса Христа Иеронимо Санчесом де Карранза на стыке 9 наук (!) в конце XVI века, который полностью описывает предмет исследования. Сегодня подобного рода труд — величайшая редкость. Та работа, которая была проделана Карранзой — это, по сути, докторская диссертация, написанная на стыке 9 наук, и на сегодня она практически невозможна к написанию. Ни один ученый в современном мире не сможет написать труд на пересечении 9 наук. Даже просто прочитать «Философию оружия» не так просто…

Наука, обслуживающая общество потребления, достаточно странная, которая к собственно науке имеет мало какое отношение, при этом вызывает, как минимум, огромное количество парадоксов. Если не вдаваться в подробности, то наука эта парадоксальна. И выглядят парадоксы достаточно просто: к примеру, рассмотреть что-либо объективно возможно, если исследовать предмет с точки зрения 160 наук единовременно. Каждая наука (математика, физика и т.д.) к исследованию любого предмета может подойти в отдельности. Но если это одна наука, то возникает симуляция, так как предмет исследован только с одной стороны, но это выдается за комплексное исследование. Так, если сам предмет исследования представить в виде единого целого, то ученый увидит лишь его небольшую часть, и только рассмотрение предмета с точки зрения 160 наук, что охватывают предмет со всех сторон (как глобус), дает объективный взгляд.

Но сразу возникает вопрос, кто будет читать такой труд?

Рассмотрение же чего-либо только с одной точки зрения, допустим — математики, не даёт объективных картин. А физик никогда не договориться с химиком, это бесполезно… В свое время академик Мельников говорил о том, что, например, в химии есть теория ядра и в атомной физике также есть теория ядра, но эти две теории крайне не соответствуют друг другу. Таким образом, как в свое время медицина разделилась на «части», так и наука в определенный момент разделилась на какие-то составляющие. И сегодня она уже пришла в то состояние, что только научная работа, написанная на стыке наук, является единственно возможной, что приближает нас к истине (доказуемости, проверяемости, многоприменимости); то, от чего американские ученые, почему-то, так категорически отказываются. Если европейские коллеги на сегодня поощряют исследование на стыке наук, то американские говорят, что это недопустимо: историк должен быть только историком, философ — только философом и так далее. Ученый не может быть и философом, и историком одновременно — иначе это полный непорядок, что звучит достаточно абсурдно, с одной стороны. А с другой — достаточно странно, потому что в этой науке сохранились все черты изначальной, точной науки.

На сегодня наука превращена в процесс — не в результаты исследования, а в процесс исследования. Но достижение науки — в результатах научной деятельности, а не в процессах. Сегодня же результатом исследования является не «ответ» на вопрос, а процесс доказывания, то есть сам ход рассуждения. В этом и заключается парадокс современной науки. Почему такой результат работ? Потому что ход рассуждений можно украсть, и потом его использовать в своих работах… В трактате «Философия оружия» Карранза не предоставляет источники своих рассуждений, он просто пишет, ссылаясь на других ученых, например, на Евклида, и показывает уже определенные вещи, потому что подразумевается, что человек, читающий этот труд, разбирается в Евклидовой геометрии. Если же он не разбирается, то ничего там не поймет, и ему сперва нужно выучить Евклидову геометрию. В этом разница между древними источниками и современными. В подавляющем большинстве, современные источники — это украденное и переписанное у кого-то. Сам процесс науки, по сути, стал заимствованием друг у друга идей, а так в науке быть не может: возможна дискуссия, оппонирование, но не заимствование. И самая большая проблема современной науки заключается в том, что если результат не нужен (не имеет значения), то процесс доказывания может быть каким угодно. И в этом суть, как говорил Бодрийяр, современной науки.

О методологии науки: к услугам учёного есть все инструменты для того, чтобы сегодня работать объективно. Но по какому-то странному стечению обстоятельств эти инструменты ему неведомы. Учёный почему-то не занимается изучением этих исследовательских инструментов: методологии, инструментов проникновения в тайну, раскрытия поля неизвестного… Ведь наука изначально занимается открытием неизвестного. При этом крайне важно и то, что учёные как-то не задумываются над тем, что, прежде чем проводить исследования, необходимо хоть немного быть знакомыми с какими-то исследовательскими инструментами и методиками. А если методики нет, то её нужно разрабатывать…

И то, что происходит сегодня, те алгоритмы науки, которые применяются сейчас, ведут к очень слабым исследовательским результатам. В этом легко удостоверить-

ся, обратив внимание на то, что научных открытий с каждым годом становится все меньше и меньше, в сравнении с достижениями ученых и большим количеством научных открытий еще в 30-х годах XX-го века. Алгоритм же требований в академической науке предусматривает на первом, самом начальном этапе разработку методики исследования, так как прежде чем проводить исследования, нужна методика исследования (по мнению академической науки), и ее кто-то должен разработать… Но какое количество времени на это потребуется — никто не знает. Это может быть и год, и два, и более…

Таким образом, возникает достаточно странная ситуация, когда ученому два года нужно разрабатывать методику для того, чтобы потом провести исследование. Но парадокс заключается в том, что за эти два года пропадает всякое желание проводить какое-либо исследование… Или если ученому нужно два года разрабатывать методику, и он, не дай Бог, сделал это на один день раньше, как быть тогда? Наглядный пример — такие тоталитарные государства как Россия, где научные открытия, согласно новому утвержденному законодательству, нужно делать ко времени, то есть по расписанию. Но научных открытий по расписанию не бывает. При этом руководство этого государства считает, что такое возможно. И Российская академия наук говорит о том, что надо стремиться к открытиям по расписанию… Безусловно, можно сделать открытие раньше, но никому ничего не говорить. Подождать, допустим, до 5-го числа, и в тот день прийти с докладом об открытии, просимулировать, так сказать. Но объективно «по расписанию» открытия сделать нельзя.

Таким образом, по своей сути, современная академическая наука — достаточно странная субстанция, которая имеет разнородные категории, с одной стороны, и разнородных ученых — с другой. Большинство ученых — это в известном смысле следствие того порядка, того устоя и того общества, в котором они живут. При этом, они такие же точно люди, как и все остальные, и просто тиражируют науку с целью обслуживания общества потребления — того общества, в котором мы живем. Если же говорить о философии Жана Бодрийяра, то в центре его внимания — «массы», которые сводятся к этому одному индивиду. А второй центр его внимания — академическая наука, которая на самом деле является ничем иным, как некой парадоксальной структурой в составе общества потребления. Именно парадоксальной. Так как при наличии всего фонда человечества (даже допуская, что в какой-то степени и лживого), при наличии всех инструментов исследования, при возможности создавать новые методики и многое другое, в современной академической науке установлен такой порядок, что всё это делать крайне затруднительно. А если точнее… невозможно. По этой причине Жан Бодрийяр — велик, так как он нашел в себе силы противопоставить себя не только всему человечеству, тому обществу, в котором мы живем сейчас, но и академической науке. А это посложнее «общества», так как оно может и «не рассмотреть» это противопоставление в трудах Бодрийяра, а вот академическая наука рассмотрит обязательно, по причине того, что она свято хранит свои «скелеты в шкафу». Образно это можно сравнить с умершим фараоном: «скелеты в шкафу» академической науки — это как «умерший фараон», которому поклоняются. Так, «объектом поклонения» в современной академической науке являются её же скелеты в шкафу.

На самом деле существует огромная разница между сегодняшней наукой и наукой, из которой якобы она появилась. Та наука была достаточно объективной. И построена она была на прикладной практике, исходя из ключевого навыка эпохи (термин, введенный академиком Г. С. Поповым). У человечества в разные эпохи существует понятие «ключевого навыка». Так, примером такого ключевого навыка было умение держать оружие в руках. И вся наука выстраивалась вокруг ключевой потребности, ключевого навыка. При этом существовала совершенно отдельно от этого всего, а все научные познания выстраивались вокруг ключевых навыков.

Но впервые за всю историю науки, в некий момент после Второй Мировой войны она стала обслуживать общество. Как следствие, учёные перестали быть учеными. Они стали неким «обслуживающим персоналом традиции». Начали исчезать школы. Исчез главный аспект науки… прикладной (наука для людей, та наука, которая обеспечивает жизнь людей, помогает им жить). Это главное исчезло. А наука оказалась на вооружении капитала. Капитал всегда чётко был заинтересован в преимуществах перед себе подобными, потому что в экономике всегда существует конкуренция. У людей также бывает конкуренция между собой. Но человек, на самом деле, свободен в обществе потребления: он может изучать что хочет, учиться, где хочет, и так далее. И, однако же, парадокс заключается в том, что он не хочет. Человек попросту «не желает», у него нет в этом никакой надобности. Исчезла система воспитания, и появилась система преподавания. И это также парадоксально.

Сегодня преподавателя путают с ученым. Подавляющее большинство преподавателей в университетах учеными не являются, они являются именно преподавателями. Плохими? Хорошими? Разными. К примеру, ранее человек был учёным и преподавал в силу необходимости, но сегодня ситуация обстоит крайне противоположно: преподаватель является ученым в силу необходимости. И, по сути, та академическая наука, которая сегодня существует, бесполезна. В этом парадокс. Ведь, если это наука, то она должна быть полезна, она не может быть бесполезной, но сплошь и рядом факты подтверждают обратное.

В науке появилась такая интересная вещь, как мода. А моду устанавливают некие люди, которые могут быть достаточно сомнительными как учёные. Рассмотрим работу немецкого психолога, являющегося также директором Хардинг-центра по оценке рисков в Институте человеческого развития Общества Макса Планка, Герда Гигеренцера «Адаптивное мышление». На протяжении всей книги автор громит подход современной науки от математики. Хотя демонстрирует там же адаптивное мышление: великолепные способности в области высшей математики, используя Байесовские модели, и так далее. Герд Гигеренцер говорит, что сегодня человечество возвышает человека над всеми. К примеру, токарь на заводе, вероятно, должен уметь брать в уме тройные интегралы. Или представьте себе менеджера Макдональдса, который производит расчёт вероятности при помощи Байесовской модели… это просто беспрецедентно. И выглядит достаточно смешно со стороны. Уверен, что этот человек никогда даже не слышал таких слов. Он как-то живет без науки. Скорее, уже привык жить без нее, и вроде как нормально существует в обществе потребления. Зато у него есть, скажем… интуиция. При этом он даже не знает, что это такое, и не имеет ни малейшего представления об этом, даже не интересовался. Для него интуиция — это просто все его ощущения, вся гамма его

чувств и эмоций, которые периодически принимают определенную форму. И он пытается эту форму расшифровывать, называет это «интуицией». Это — полное невежество, но, как говорил Бодрийяр, сегодня невежество является основой социальной адаптации. По сути, как он пишет в одной из своих работ, в настоящее время это состояние ущербности и состояние жуткой неполноценности — основа жизни человека в обществе потребления. И чем вы более неполноценней, тем больше вам должны в этом обществе.

Сразу опережу «реплики из зала», а как же быть с бедными несчастными инвалидами, детьми, неимущими, малоимущими и другими подобного рода категориями населения… Эти категории никто и не рассматривает. Речь идет исключительно об обыкновенном, абсолютно здоровом, даже можно сказать «румяном» человеке, который, как говорят у нас в Одессе, «жив и очень даже здоров». Речь идет именно об этой субстанции. О других же категориях населения, таких как несчастные многодетные женщины, несчастные дети-инвалиды, о них даже вопрос такой не стоит. Безусловно, общество должно взять на себя обязанность по содержанию этих людей, и в этом нет никаких сомнений. Но, когда совершенно здоровый, ни в чём не нуждающийся ни физиологически, и, по сути, вообще ни в чём в жизни, человек становится неполноценным для того, чтобы иметь как можно больше от этого общества — вот это беда, как бы это ни парадоксально звучало. Но как нужно притворяться при таких параметрах конфигурации для того, чтобы у такого человека в этом обществе все было хорошо? Представьте, что вам нужно сыграть инвалида во всём… Жан Бодрийяр в своей работе «Симулякры и симуляции» писал об этом со ссылкой на Эмиля Литтре: «Тот, кто прикидывается больным, может просто лечь в кровать и убеждать, что он болен. Тот, кто симулирует болезнь, вызывает у себя ее некоторые симптомы». В советском кинематографе есть тому даже наглядный пример — образ «поля чудес» в фильме «Приключения Буратино»… страна дураков. Поэтому, то, что сегодня происходит в этом мире, это перевернутые от противного научные концепции, которые являются, в сущности, парадоксами этого мира.

Приведу еще один наглядный пример такого парадокса. По непонятной причине современная психология считает «нормальными» массы людей, которые ходят на работу и каждый месяц 25 числа выстраиваются за зарплатой. А бизнесменов, которые платят им деньги, они считают «патологией». При этом, существует достаточно большое количество учёных, которые истерически доказывают эту позицию. Тогда возникает крайне интересный вопрос: как могут быть «ненормальными» те, кто, по сути, обеспечивает жизнедеятельность этих «нормальных»? Но это парадокс современной науки. И она изобилует такими парадоксами.

Еще одним подобным примером являются выдвинутые учеными нейротеории, настолько популяризированные на сегодня. Ведь они очень удобны для обоснования чего-либо, поскольку это никак нельзя проверить в ходе эксперимента.

Древние писали, что о том, что всё постигается через демонстрацию, но современная наука ничего демонстрировать не желает. Она просто есть, и всё. То есть до определённого момента наука демонстрировала мировому сообществу определённые вещи. Например, запускала людей в Космос, строила ракеты, изобрела компьютер, и ещё очень много другого сделала. Но в определенный момент времени все это остановилось. Обратите внимание, что большинство научных открытий сделаны в 1930–40-е (даже в 1950-е) годы. Последние настоящие учёные

были в период 1984–1986 гг., но в те года они были уже на стадии ухода из науки в силу их преклонного возраста. Их ученики, которые остались, продолжили их дела, но таких людей единицы, их можно по пальцам пересчитать. Одними из таких ученых, которых сегодня еще можно увидеть, например, в когнитивной психологии, являются Герд Гигеренцер, Даниел Канеман и ряд других. И то им практически по 70 лет, они давно состоявшиеся профессора, которые читают лекции в Гарварде, в Оксфорде, и им уже просто всё равно. И по сути всё, что они пишут, другие просто вынуждены читать, даже если не согласны в каких-то моментах с их точкой зрения, поскольку они авторитеты в своих направлениях.

Парадокс заключается в том, что наука перестала нуждаться в научном открытии, апеллируя тем, что «все и так известно, и не надо ничего трогать», и ни в коем случае не пересматривать никакие устои, потому что это может поставить под сомнение деятельность предыдущих ученых. Любое научное открытие может поставить под сомнение научные «работы» других. Тем самым, возникнут «новые» скелеты в шкафу.

Обратите внимание на крайне интересную закономерность: то огромное количество научной работы, которое существует на сегодня, совершенно не востребовано никем. То есть она никому не нужна. И академическая наука существует отдельно, а общество существуют отдельно: оно совершенно не интересуется тем, что делает в этом мире академическая наука, потому что она просто никому не нужна. На нее даже внимание никто не обращает. При этом академическая наука не обращает внимания на общество. Но общество так жить не может: во все времена оно, безусловно, нуждалось в науке. Однако уже давным-давно стало понятно: в той науке, которая существует на сегодня, общество не нуждается. Например, присмотримся к тем современным учёным, которых, в общем-то… давным-давно нет. У них последняя научная работа (хорошая/плохая/симулятивная) была сделана лет 30 назад. Значит, этот человек 30 лет «считается» ученым, при этом ничего не делает вообще, не ведёт никаких последующих исследований. Он просто читает лекции в университете. И с момента получения статуса доктора наук (Ph.D) можно сказать, что «закончил» свою научную карьеру. Именно это критиковал Жан Бодрийяр, поскольку порочен сам подход в современной науке. И при том (парадокс!) всё, что необходимо для существования науки, имеется в наличии.

Да, запрета на методологию науки и исследования, как в своё время инквизиция запрещала определённые мысли в Европе — нет. Все инструменты, методологии, методики — все есть в наличии, но при этом они никому не нужны, никто их не использует. И самое главное, что нет желания быть ученым, потому что критерии оценки учёного совершенно иные. Например, существует учёный, который занимается определенной проблематикой. Обратите внимание, что кроме него этой проблематикой никто не занимается, а если и занимается, то может еще один человек. В итоге их всего два ученых в мире, исследующие определенное направление. И когда такой ученый, допустим, написал научную статью по результатам его исследований, отправляет в научный журнал, у него спрашивают: «почему у вас такая низкая степень цитируемости?». На что слышат ответ: «Так ведь цитировать-то и некому! Кроме меня и еще одного коллеги, этой проблемой никто в мире по сей день не занимается!» — «Как?! Нет, должен быть индекс цитируемости. Обязательно!» И тот факт, что данной проблематикой занимается лишь два ученых в мире, вообще никого не интересует…

Еще один из множества примеров очередных парадоксов в современной академической науке. Недавно в Нидерландах происходила некая научная конференция по ситуации проблем слепого рецензирования в научных журналах индексов Скопус (Scopus) и Веб-оф-Сайенс (WebofScience). Один руководитель, корифей одной из отраслей в мире, вышел к участникам этого международного мероприятия и спросил в зал, кто его вслепую хочет отрецензировать? Он просто хотел посмотреть, есть ли в мире тот ученый, кто будет его (корифея в науке) рецензировать, ему это стало даже очень интересным. Или кто будет рецензировать работы Герда Гигеренцера? Это всё равно, что рецензировать одного из основоположников глубинной психологии Липота Сонди, или Зигмунда Фрейда, или Карла Густава Юнга.

Всё это было бы смешно, если б не было так грустно. Поскольку приведенные примеры наглядно показывают, что сам подход современной науки с требованием «кого-то цитировать» изначально порочен. Почему? Ответ прост: кто кого будет цитировать? Допустим, существует некий гениальный ученый. Он обязан ссылаться на… некомпетентных в данном вопросе ученых, которые к науке имеют совершенно непонятное отношение. Но, к сожалению, сегодня такие идеи и такие нормы пытаются быть навязанными всему научному сообществу. Учёный, безусловно, может ссылаться на предшественника, но, если считает нужным. А если эту тему никто не рассматривал до него, тогда как возникнет научная новизна, которую требуют в науке, если необходимо ссылаться на кого-то…? Где же в этом тогда новизна? В этом, в том числе, и заключается проблематика. И то, что происходит в науке сегодня, является абсурдом. Именно этот абсурд и критиковал Жан Бодрийяр в своих работах.

В чём проблема конфликта Бодрийяра и научного сообщества? Наука обеспечивает мировоззрение человека. Жан Бодрийяр же это «мировоззрение» делил на три части: на заблуждения, симуляцию и гиперреальность. По сути, говоря о том, что это — не мировоззрение, а симуляция.

Заблуждение — это такая категория, когда мы чего-то не знаем, но думаем, что знаем. Это поверхностное восприятие предмета, что давно стало традиционной основой нашего общества. Причиной заблуждения является… скорость! То есть увеличивающаяся скорость обеспечивает поверхностность. Допустим, у человека нет времени читать книгу в двух томах, поэтому лучше он посмотрит 10 минут видео на YouTube, в котором обобщается этот вопрос. А правильно ли обобщена суть книги или неправильно — уже не имеет значения.

Ещё весьма влиятельным критерием стала формула «нравится/не нравится». Наука превратилась из объективных данных о мире в данные, которые наделяются свойствами симпатии. Например, мне не нравится эта цифра, потому что у меня психотравма по этому поводу, и всё, что связано с цифрой «2», я нумерологически плохо воспринимаю… То есть все может доходить и до таких парадоксальных состояний. И с моей личной точки зрения, сегодня, слушая достаточно большое количество «ученых», ловишь себя на мысли о клинической норме и её нарушениях. Да, откровенно складывается такое впечатление, что многие из них являются пациентами какого-нибудь хорошего психолога или психоаналитика. Потому что слушать это невозможно.

Обратите внимание на то, что современная наука на базе предшественников учит и лгать, обосновывая это. Так возникает симуляция. По сути, обоснованная конструкция, которая не является действительной, есть конструкция симулятивная. Доказано, что большинство ученых не имеют ни малейшего представления о том, что происходит: психологи ничего не знают о психике человека, физики — о своих единицах и величинах. И лишь небольшое число людей занято действительно научной деятельностью. Например, я работаю в науке уже около 25 лет. И за эту четверть века встречал немного собственно учёных. Хотя, естественно, с учеными общался многократно. И это также является парадоксом. Научный статус — это всего лишь положение, он требует серьезного содержания. А у нас статусы присваивают послушным, а не тем, кто действительно занимается научно-исследовательской деятельностью и доказывает свои мысли мировому научному сообществу. Возникает некая категория «послушного учёного», что само по себе парадоксально: ведь по своей сути, ученый — это революционер в науке: он открывает что-то новое, что-то неизвестное. Ведь главная функция науки — это прояснение поля неизвестного. Глупости и пошлости послушания в науке и пытался противопоставить себе Жан Бодрийяр.

Третий элемент, который исследовал Бодрийяр,— исследование систем (по сути, результатов) того, что получилось. Напомню, что он написал такую книгу, как «Америка», где исследовал целую систему, то есть американское государство. Эта книга является результатом исследования Жаном Бодрийяром взаимодействия некоего индивида, то есть «сказочного глупца», и той самой парадоксальной науки, того самого парадоксального мировоззрения, которое навязывает современная симулятивная составляющая науки.

Можно сказать, наука сделала в мире всё для того, чтобы стать непонятной. Наука для необразованного человека может быть (и чаще всего бывает) непонятной в деталях, но в концепциях она должна быть ясной и понятной. Современная же наука во всех своих проявлениях непонятна. Как это было достигнуто? Нужно, чтобы ученый говорил людям каким-то совершенно неизвестным языком, чтобы он за одну минуту одновременно употреблял сотни-тысячи непонятных терминов, чтобы никто не понял ничего из того, что он сказал. И так как у человечества выработалось такое странное понятие, которое выдающиеся фантасты XX-го века Братья Стругацкие определяли, как «переключающийся тумблер чувства собственного достоинства», то ни один человек не желает выглядеть дураком. Поэтому ему легче признать непонятное понятным и верным, нежели чувствовать себя глупцом. В силу этого большинство людей принимают то, что есть — не потому, что понимают суть, а потому, что ничего не понимают.

Если посмотреть на менталитетную составляющую Соединённых Штатов Америки, то это достаточно странные люди, как описал их Жан Бодрийяр в своей книге «Америка» — с другой планеты: в основной своей массе они крайне примитивны. Надо сказать, что я со страной этой сталкиваюсь постоянно, у меня в США живут друзья. И поначалу мне, европейцу, с этими людьми было сложно разговаривать. Даже их лексика звучит странновато. Например, мой друг, когда писал сообщение, употребил словосочетание «он много и трудно работает». Честно говоря, это сложно осмыслить на русском. Что значит «трудно работаю»? Вероятно, «много и тяжело работать»… Если он тяжело работает, то, видимо, делает что-то не так. Но понять это для американцев очень сложно. Как если человек будет дверь открывать не в ту,

а в обратную сторону, безусловно, она сложно будет открываться. Но осмыслить это не представляется возможным.

Обратите внимание, появился ещё один разряд «ученых», которые «адаптировано» переводят труды ученых общей массе населения. Но, чтобы этой «массе» в силу невежества было понятно, что говорят те или иные ученые, которых они никогда в жизни не видели и не читали, возникли некие «спикеры», общественные авторитеты, которые в большинстве случаев являются некомпетентными в тех вопросах, но смело берутся за «перевод». То есть большинство людей сегодня считают, что учиться — это вообще достаточно глупо. Следовательно, и требования общества сегодня построены таким же точно способом. Скажем, такие корпорации как Google, CocaCola и другие выставляют совершенно конкретные требования к резюме: их интересуют только навыки (всё, что человек знает, им не интересно, а только то, что он умеет). То есть в современном обществе потребления учиться глупо, быть образованным также глупо. И самое главное — никому не нужно.

Очень многие люди считают, что деньги — это просто, что деньги зарабатываются легко, что нужно хобби превратить в работу и многое другое в этом же духе. В этом обществе потребления измерителем благополучия являются деньги. А значит, если у тебя есть деньги, то всё хорошо. Если денег нет — всё очень плохо. Но если это так, было бы, вероятно, разумно начать исследовать деньги и способы их зарабатывания. Но этого также никто не делает. Почему? Тоже неизвестно. Ведь, если деньги — это главный измеритель всего в жизни, то разумно немедленно всем приступить к исследованию главного вопроса зарабатывания денег. Придумывать какие-то способы зарабатывания денег, для того, чтобы как можно больше себя чувствовать адекватным в обществе. Однако этого нет.

Для того, чтобы исследовать эти системы, нужен был специальный подход, методология. И надо отметить, Бодрийяр блестяще справился с этим вопросом. Его подходы концептуальны; его исследовательский взгляд, его модели — безупречны, а выводы из них абсолютно проверяемы. Многие вещи, связанные с выводами Жана Бодрийяра в работах, настолько очевидны, что не требуют вообще никаких доказательств. Достаточно просто посмотреть вокруг на то, что происходит. Поэтому исследование взаимодействия, моделей (по сути, того, что уже получилось в результате всего этого) является, с одной стороны, крайне сложным, а с другой стороны — крайне важным. Поскольку исследование того, что уже получилось, доказывает причины существования всего этого. Становятся понятны причины того, почему получили такой продукт в виде «общества потребления», в виде «экономики знака» и так далее.

Четвертый предмет исследования Бодрийяра — мистицизм. И прежде всего европейский мистицизм. Один из его главных, ключевых вопросов, который он неоднократно поднимает в своей работе «Прозрачность зла», звучит так: «И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» Это и есть мистицизм.

Будущее неизвестно. Но Жан Бодрийяр начинает работать с «будущим», используя разные подходы к исследованию этой субстанции. И он исследует не только то, что будет, но и характер отношений людей в этом «будет», характер того, что именно будет, и почему будет.

Надо сказать, что философ выходит за рамки Земли, пытаясь размышлять над тем, что за пределами гиперреальности. Жан Бодрийяр говорил о том, что нам дан этот мир, и, чтобы его уничтожить, недостаточно придумать мир новый. Куда денется тот? У Бодрийяра есть даже такая работа «Почему всё еще не исчезло?» (Когда человек всё придумал, то почему не исчезло всё то, что было).

Тенденция бессмертия к примитиву… Изучая одно из интервью, которое я взял в рамках проекта «Наследие школы Ж. Бодрийяра» и моего исследования философии и социологии Бодрийяра, французский социолог, профессор Монреальского Университета Тьерри Бардини сказал, что движение назад, к бессмертию — это упрощение. Весь парадокс в том, что человек может прийти к бессмертию, но превратившись в примитив, теряет свои свойства и особенности. То есть человек перестанет быть человеком. И создание сверхчеловека, которого ищет Европа и Россия уже много-много лет, (и Ницше искал, и другие литераторы), ведёт неизменно к созданию «недочеловека». И возникновению таких опасных явлений как фашизм и прочих субстанций, которые были осуждены Нюрнбергским процессом и прочими международными трибуналами. Поэтому наука — очень опасная вещь сама по себе, и если она используется во зло, то это может привести к катастрофическим последствиям.

Мистицизм Бодрийяра происходит из таких понятий как соблазн, фатальность, судьба, заговор искусства. В центре мистической концепции философа стоит Зло, абсолютное не ущербное Зло. Символ (символизм, символьная составляющая) являются для Жана Бодрийяра многогранной мистической категорией, которую он многовекторно использует и для того, чтобы проводить исследования, и для того, чтобы делать выводы, и для того, чтобы объяснять причины. И из мистицизма он выводит свою пятую часть философии, на базе которой Бодрийяром были написаны следующие труды: «Фатальные стратегии», «Совершенное преступление», «Жизнь как игра», «Пароли», «Радикальная инаковость» — элементы этой части философии и последствия, которые во многом являются пророческими.

Одним из основных контрольно-проверочных элементов своей работы, Бодрийяр с определенного времени начинает использовать

фотографию. Человеческая система так устроена, что образ у нас привязывается к понятию. Например, «пачка сигарет» — это и образ, и название. И в определенный момент времени, с моей точки зрения, «крестный отец постмодернизма» начинает фотографировать для того, чтобы образы, которые он описывает, были правильно поняты, чтобы человек их не выдумывал.

Предполагаю, что Бодрийяр идет дальше. Он предлагает человеку фотоаппарат, как исследовательский инструмент той философии и социологии, которую создает альтернативой современному обществу, современной науке и продуктом этих взаимодействий между собой. Жану Бодрийяру видится, что с помощью фотоаппарата человек может заглянуть в будущее. В одном из интервью с Николасом Зургбруггом, Бодрийяр проводит параллель между писательством и фотографией: «Я понял, что существует связь между теоретическим писательством и фотографией, которые поначалу казались мне совершенно непохожими. Но на самом деле это одно и то же — это тот же процесс изоляции чего-либо в пустом пространстве, и анализа его в этом же пространстве, а не интерпретация этого». Просто два разных подхода. Ведь изображением можно выразить больше, чем текстом.

В свое время основоположник военной журналистики, один из основателей первого в мире фотоагентства «Magnum Photos» Роберт Капа говорил о том, что он тремя фотографиями может выразить больше, чем написать в трех книгах. В силу этого, когда мы говорим о Жане Бодрийяре как фотографе, то это является продолжением того же самого ученого, но создающего образы, которые дополняют его работы. Так, изучая философию Бодрийяра, изучая социологию фотографии, но не изучая его фотографии, достаточно сложно глубоко вникнуть в эти явления.

Надо сказать, что Бодрийяр, помимо того, что уже описано выше, был очень хорошим учителем, как все мудрецы. Он не стал давать свою систему людям просто так, в «голом виде», а разбил ее на труды, на работы, превратив их в некие интеллектуальные конструкции. Затем построил из них здание, пронумеровал каждую конструкцию, каждый кирпич. После чего, можно сказать, разобрал этот дом, положил на стол все его компоненты, а чертежи — сжег. То есть получилась такая ситуация, что теперь для того, чтобы понять концепции философии и социологию Жана Бодрийяра, человек вынужден прочитать все его работы, нарисовать чертежи и попытаться выстроить здание. Тем самым Бодрийяр его обрек на самостоятельную работу над своими трудами. Почему так? Французский социолог, профессор Люсьен Улабиб, с которым я также провел интервью в рамках исследования работ Бодрийяра, пояснил это тем, что проникновение в философию и социологию, и понимание определенных вещей и конструкций, которые вывел Жан Бодрийяр, может попасть в руки недобросовестных людей. Жан Бодрийяр этого и опасался. Потому что у всего есть две стороны медали: созидательная и наступательная. А так как философия и социология Бодрийяра — это очень прикладная вещь, то все это может быть использовано в наступательном варианте.

Как выразился один из профессоров в рамках интервью в проекте «Наследие школы Ж. Бодрийяра», Бодрийяр — это потрясающий молоток, которым можно крушить все, что угодно. Поэтому у его философии и социологии внутри, как некая «сакральная сфера», спрятано огромное количество прикладных систем. И я, поставив эксперимент, смог в этом убедиться: за две недели на базе философии Бодрийяра я написал «Учебник по безопасности 21 века». Безусловно, у меня в наличии были десятилетние исследования в этом направлении. Но его философия

Человек

Академическая наука

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

ПРИКЛАДНЫЕ СИСТЕМЫ НАСТОЯЩЕГО

результаты их взаимодействия в виде общества, систем и др.

Системы

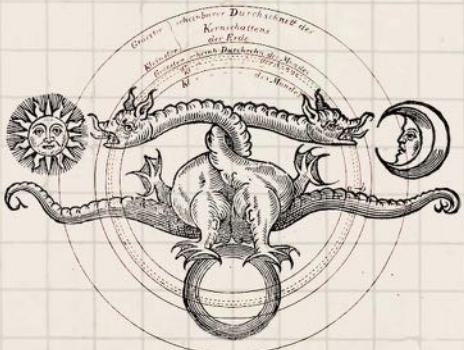

Оргия

точка перехода от настоящего к будущему

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Мистика

ПРИКЛАДНЫЕ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО

Фотоаппарат, как исследовательский инструмент

расставила все это на свои места, и создало некий жесткий каркас для того, чтобы это систематизировано изложить.

Помимо всего вышеизложенного, философия и социология Жана Бодрийяра — многогранна. И с помощью этой системы можно творить прикладные «чудеса». То есть она одинаково полезна как бизнесмену, так и студенту, одинаково полезна как военному, так и врачу, как руководителю, так и подчиненному — полезна любому человеку, вне зависимости от того, кто он. Если он вникнет серьезно в этот вопрос, то сможет очень многое.

В результате у нас получается некая синтетика конструкции философии и социологии Жана Бодрийяра. Если схематизировать её на аудиторной доске, выглядеть она будет следующим образом:

Итак, у нас есть пять частей философии Жана Бодрийяра. И некая шестая — неизвестная прикладная часть этой философии в виде двойной сферы:

— *человек как индивид*, с возможностью тиражирования до города, до «массы», до «отсканированных», до «молчаливого большинства»;

— *академическая наука*;

— *система взаимодействия между этими субъектами*, результаты их взаимодействия в виде общества и прочих систем;

— в центре конструкции расположена некая ключевая точка перехода от настоящего к будущему — это «*оргия*» (как ее называл Бодрийяр; «Что после оргии? Будущее»);

— *мистика* (будущее время);

— *фотоаппарат* как исследовательский инструмент;

— *двойная сфера* взаимодействия между собой, куда направляются прикладные конструкции настоящего и прикладные системы будущего. И все это устроено таким образом, что посредством самостоятельной работы человек может постепенно полностью осмыслить исчерпывающее количество прикладного знания в настоящем, и понять будущее прикладное знание.

По сути, система Бодрийяра содержит определенное секретное знание, доступное лишь человеку, самостоятельно работающему над его трудами, и желающему проникнуть в их суть. Таким образом, Жан Бодрийяр создал не только философию и социологию. Он дал толчок к рождению новой академической школы психологии. И самое главное, он создал систему самостоятельной работы над собой, которая в результате дает прикладную науку настоящего и будущего.

Забегая наперед, скажу, что не собираюсь ограничиваться только одной книгой по системе Жана Бодрийяра. Каждая книга, которую я буду писать о его системе, имеет свою цель, как и эта книга имеет свою. Цель этой книги — научить вас изучать философию Бодрийяра самостоятельно. То есть построить работу над собой таким способом, во взаимодействии с трудами Бодрийяра, чтобы у вас начали заполняться прикладные сферы настоящего и будущего.

Следующие книги, вероятнее всего, будут помогать разбираться в определенных деталях его системы. Например, с человеком, «массами», обществом, наукой, с тем, что получилось и тем, что уже есть, с системами… Возможно, в определенный момент времени, вам также нужно будет задавать себе тот же вопрос, который задавал Жан Бодрийяр: «Что будет после оргии?» Закон опережающего

роста потребностей и ряд других закономерностей природы делают человеческие желания безмерными. Плюс нетерпение: человек хочет всё и сейчас! И это желание порождает «оргию». Но ясно, что никакая «оргия» не вечна. А когда закончится, что будет? Это очень серьезный философский, социологический и психологический вопрос, потому что взгляд со всех трех точек дает огромные выводы, которые каждому человеку требуется осмыслить, поскольку это ключ к несчастью в мире, ключ к неудовлетворенности человека. А фотография Бодрийяра — это зеркало его мистики. Это то, что находится за пределами «оргии» (в будущем), то, что никто не знает. Но можно пойти ненадолго в будущее, например, в послезавтра, а можно надолго — посмотреть на 10 лет вперед. И чем дальше, тем будет «веселее». Ведь этот мир можно представить и как «оргию». И, по сути, это то, что сейчас происходит.

То, что сейчас происходит в мире, карантин по причине COVID-19 — это «оргия». Что после этой «оргии»? Мистицизм Бодрийяра прямо отвечает на этот вопрос: будут фатальные последствия «фатальных стратегий». Какие именно это будут последствия? Необходимо садиться, разбираться, вникать. Но то, что последствия будут фатальные, в этом нет никаких сомнений. После «оргий» всегда наступают фатальные последствия, что совершенно отчётливо видно в истории. Есть очень хорошая русская народная сказка, которая описывает, что будет после. Она называется «Колобок»: когда лиса ловит и съедает колобка. Народная мудрость, передающаяся из поколения в поколение. Кстати, о прототипологии: «Колобок» — по сути, это яркая и убедительная иллюстрация Бодрийяровской философии, отвечающая на вопрос «что после оргии?»

Сколько «оргия» может длиться? Она всегда исторически кратковременна. Даже, если она длится достаточно долго, то в истории человечества — это капля в море. И всё, что происходит после оргии — всегда мистично. Это последствия фатальных стратегий.

Итак, целью написания этой книги является научить вас изучать философию Жана Бодрийяра, открыть некие дороги, которые позволили бы проникнуть в глубину этой философии и извлечь из этого для себя прикладную пользу.

shalt thou re-
turn. Gen. III, 19.
Then shall the
Duſt return to the
Earth as it was:
and the Spirit
ſhall return unto
God who gave it.
Eccle. XII, 7.
Tremble, ye
Women that are at
eaſe. Iſa. XXXII, 11.
She that liveth
in pleaſure, is dead
while ſhe liveth.
I Tim. V, 6.
O that they were wiſe,
that they underſtood
this, that they would
conſider their latter end!
Deut. XXXII, 29.
For what is your life?
It is even a vapour that
appeareth for a little time,
and then vaniſheth away.
Jam. IV, 14.
I have ſaid to corruption,
Thou art my Father; to the Worm,
Thou art my Mother
and my Siſter. Job XVII, 14.
Sheep they are laid in the
, Death ſhall feed on them
ir Beauty ſhall conſume
e Grave — the Houſe
nted for all living —
laid in the Balance
ey are altogether
r than vanity. Pſa. XLIX, 14,
ob XXX, 23. Pſa. LXII, 9.
Becauſe the Daughters
of Zion are haughty,
and walk with wanton
eyes — the Lord will
take away their
tinkling ornaments
— and inſtead of
ſweet ſmell, there
ſhall be ſtink.
Iſa. III, 16, 18, 24.
BEAUTY is VAIN. Pro. XX
CORINNA was all
rits, all Finery in her apparel
Ball: The next Night, ſhe lay pale
tended Corpſe, and ready to be
the mouldering dead. Hervey's Med.
d, how valu'd once, avails Thee not;
om related, or by whom begot.
eap of Duſt alone remains of Thee:
'tis all THOU art! and all the PROUD ſhall be!
LIFE how ſhort! ETERNITY how long!
Lady's table, and tell her, let her pa
ſhe muſt come at laſt.
PEARE.

ГЛАВА 2
ЧЕЛОВЕК

Им не нравится то, что я должен сказать, но они все равно приходят ко мне, потому что им нужен кто-то, кто скажет им что-то другое, противоположное от всех остальных.
Жан Бодрийяр, «От гиперреальности к исчезновению»

Человек — первый и центральный объект исследования Жана Бодрийяра. Он посвящает треть своих работ именно ему — индивиду, «странному субъекту», который, в конце концов, исходя из работ Бодрийяра, должен превратиться в Человека. Безусловно, будучи философом и социологом, Бодрийяр рассматривает человека с одной стороны, с точки зрения социологии, а с другой — с философской точки зрения. А с третьей — с точки зрения психологии. В рамках этих исследований и анализа он использует также труды своего коллеги, французского философа Жака Лакана и австрийского психоаналитика — одного из мэтров глубинной психологии — Зигмунда Фрейда.

Жан Бодрийяр рассматривает человека как участника этого мира и как «последствие» своего мировоззрения. Тем самым подход Бодрийяра крайне интересен: в отличие от подхода других ученых, он изначально идет от общего к частному. То есть философ не сосредотачивается на частностях, а выводит частности из общего. Если посмотреть на библиографию Бодрийяра, то, по сути, он начинает рассматривать человека… от семьи, от дома, где он живет, еще в самой первой работе — «Система вещей» (1970). Очень философская работа и в то же время… это триллер. В ней Бодрийяр ставит незамысловатые вопросы, но, тем не менее, ими просто обескураживает современного человека. Например, он говорит: *«Дома времени больше не стало, оно больше не стучит в сердце комнатных часов, зато оно по-прежнему регистрируется в часах наручных, доставляя нам органическое удовлетворение, словно регулярное действие какого-нибудь внутреннего органа (Жан Бодрийяр, «Система вещей»)»*. У нас в домах исчезли часы, но у большинства часы расположены на руках, на гаджетах. Раньше было общее время для всех в доме, то, что объединяло этот дом. Но сегодня у каждого — свое время… И это разваливает «дом».

Бодрийяр приводит множество подобных примеров: планировка комнат, или что-то другое, что человек сделал в своей жизни и как он ее «усовершенствовал».

Первое обобщенное название Бодрийяр использует в своей работе «В тени молчаливого большинства или конец социального» (1978). В ней массу людей он рассматривает уже как «молчаливое большинство»:

«Единственный оставшийся референт — референт «молчаливого большинства». Этим тёмным бытием, этой текучей субстанцией, которая наличествует не социально, а статистически и обнаружить которую удаётся лишь приёмами зондажа, обусловлены все функционирующие сегодня системы. Сфера её проявления есть сфера симуляции в пространстве социального, или, точнее, в пространстве, где социальное уже отсутствует… (Жан Бодрийяр, «В тени молчаливого большинства»)».

Следующая, с моей точки зрения, жесткая работа-эссе сделала Жана Бодрийяра для одних гением, а для других — персоной нон грата. Когда он приезжал на научные конференции, американцы поднимались в полном составе и демонстративно выходили из зала. Речь идет о книге «Америка». Именно в связи с её выходом в свет и последующим фурором в обществе американцы стали покидать конференц-залы при появлении там Бодрийяра. Огромное количество ученых США ругались с Бодрийяром из-за этой книги, потому что она действительно жесткая. Например, он назвал Соединенные Штаты Америки — первым первобытным обществом нового времени:

«В сущности, Соединенные Штаты со своим пространством, со своей чрезвычайной технологической изощренностью и простодушием, включая и те пространства, которые они открывают для симуляции — единственное реально существующее первобытное общество. И все очарование состоит в том, что можно путешествовать по Америке как по первобытному обществу будущего, обществу сложности, смешанности, всевозрастающей скученности, обществу жестоких, но прекрасных в их внешнем разнообразии ритуалов, обществу непредсказуемых последствий тотальной метасоциальности, очаровывающего своей имманентностью, и в то же время — обществу без прошлого, которое можно было бы осмыслить, а значит, подлинно первобытному… (Жан Бодрийяр, «Америка»)».

Безусловно, восприятие и определение Бодрийяром людей в виде «массы» само по себе не было такой уж новинкой. Но в 1978 году появилось более радикальное название этих субъектов — «молчаливое большинство». В дополнение ко всему, Жан Бодрийяр «находит» еще одно резкое определение людей — «царство слепых», о чем говорит прямо в названии книги «В царстве слепых» (2002), как одной из последних его работ и новый, более поздний взгляд на человечество.

Через два года после этого, в 2014-м, Бодрийяр пишет свою следующую работу — «Отсканированные», что является, согласитесь, также достаточно миловидным названием для людей. Все эти определения — лишь некоторые примеры того, как учёный характеризовал этих «странных субъектов». По одним только названиям его работ в разные периоды видно, что Бодрийяр из общего выводит частное, то есть, выводит человека.

Может показаться, что Жан Бодрийяр склонен к непомерным обобщениям — всех людей стрижет под одну гребенку. Но это не так. Безусловно, есть преобладающая «масса», из которой выводится некий человек, и таких — большинство.

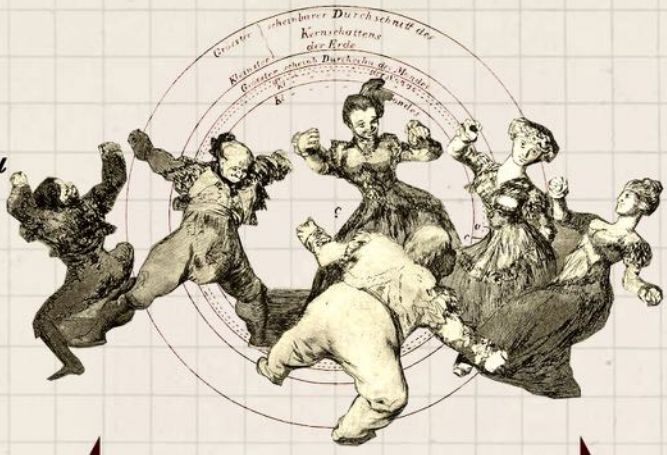

ФИЛОСОФЫ

Объективно осмысляющие происходящее

Массы либо в оргии

Либо после оргии

МАССА

У массы существует состояние Оргии

ИСКРЕННЕ ЗАБЛУЖДАЮЩИЕСЯ

Чем-то это пытаются объяснить, но не получается

НАМЕРЕННО ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

Объясняют, что так и должно быть

Некоторые его определения уже перечислены: «молчаливое большинство», «царство слепых», «отсканированные» и т.д. Это лишь часть примеров, каких только определений Бодрийяр не вводил в обращение! Он рассматривал и другой тип людей, он делит их на два класса, которые я бы охарактеризовал, как «искренне заблуждающиеся» и «намеренно заблудившиеся». Более детально мы рассмотрим их чуть дальше.

Третий тип, к которому, безусловно, относит учёный не без иронии и себя самого, это философы, способные осмыслить то, что происходит. Люди, которые максимально объективно смотрят на мир, насколько это вообще возможно. Таким образом, Жан Бодрийяр в своих трудах выводит парадигму, которая должна выстраиваться следующим образом: вверху — «философы», которые объективно смотрят на мир; чуть ниже — товарищи, которые им противостоят («искренне заблуждающиеся» и те, кто сознательно, намеренно «заблудились»), а между ними должна быть «масса».

Обратите внимание на схему. У «массы» существует некое состояние, о котором много пишет Жан Бодрийяр. Состояние… оргии. Дело в том, что «масса», согласно Бодрийяру, все время находится в состоянии оргии. Если точно следовать работам учёного, существует всего несколько состояний: либо в оргии, либо после оргии… И массы находятся в этих двух состояниях, где одно постоянно сменяет другое. Можно, конечно, еще посчитать состояние «до оргии», но его никто не рассматривает, по причине того, что любое состояние «до оргии» — это состояние «после предыдущей оргии». Следовательно, обычно существует, так сказать, перманентное состояние оргии, сменяемой состоянием «после оргии», а затем начинается следующая волна.

Представители «искренне заблуждающихся» пытаются эту оргию чем-то объяснить, но у них ничего не получается. Например, они начинают искать какие-то закономерности, задавая вопросы: «Ну почему все так?», «Почему мы — такие?», «Почему мир таков?», и этим вуалируют свое положение. «Намеренно заблудившиеся» объясняют это другим образом: «Так, в принципе, и должно быть» или «Это, в принципе, нормально». Для них — все в порядке.

Бодрийяр же говорит о том, что большая часть человечества постоянно находится в стадии оргии, что ему представляется сравнимым с сексом на центральной площади. По сути, секс, как таковой, перестал быть тайной. Секс — это нечто сакральное между двумя людьми, то, что никогда не выставляют напоказ. Исторически никогда он не выставлялся напоказ. Но сейчас сексом занимаются прямо на центральной площади. И это наглядный пример того, что со всем остальным происходит то же самое: все сакральное перестало быть сакральным.

Самое интересное в этой схеме то, что «массе» — все равно: она не обращает на всё это никакого внимания. Она не слушает ни философов, ни «намеренно заблудившихся», ни «искренне заблуждающихся» — никого. Бодрийяр показывает, что в силу этого «массу» даже «примитивом» назвать сейчас сложно. Они — все «увлеченные», или «соблазненные» этим миром. А соблазн — такая форма отношений с миром, когда мир распоряжается тобой так, как хочет. И ты не знаешь, как он тобой распорядится. Если это объяснить очень просто, то это такое положение дел, когда объекты (вещи) начинают создавать вместо человека его жизнь. Например, «моя жизнь закончилась, потому что я потерял свой телефон» (то есть его жизнь — это его телефон). Другой подобный пример в США: в мире современных информацион-

ных технологий у человека блокируют аккаунт в сети Инстаграм (приложение для обмена фотографиями и видеозаписями). И человек искренне считает: его жизнь на этом закончилась, поскольку аккаунт заблокировали, и теперь жить просто нет смысла. Это также еще одна иллюстрация того, почему Бодрийяр писал о США, как о первобытном обществе: у американки забрали электронную страницу в сети, и сразу начался «конец света».

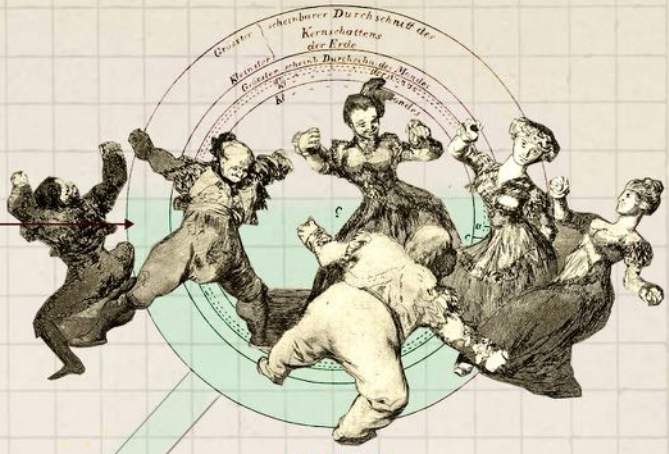
Описанная Бодрийяром схема современного общества, состоящего из преобладающего числа «массы», «искренне заблуждающихся», «намеренно заблудившихся» и «философов» — это очень простая картина мира. И из этого всего Бодрийяр выводит самого человека. Он считает, что в любом человеке существуют все эти 4 типа, которые объединяются в некую систему, 4 индивида — как зеркальное отражение каждого человека в любой момент времени. По сути, эти 4 типа человека — это отражение человека, его проявление в этом мире.

Исходя из этого, можно было бы сделать «круговую диаграмму» человека. То есть какой тип в человеке преобладает: «философ», «намеренно заблудившийся», «искренне заблуждающийся» или «причастный к массе»? При этом все зависит от процентного отношения. Идеальное процентное соотношение выглядит так: 75% — это «философ» (этот тип человека преобладает в диаграмме), «искренне заблуждающегося» и «намеренно заблудившегося» в человеке должно быть где-то 20% (по 10% каждого) и оставшиеся 5% — это «масса», его принадлежность к массе. Безусловно, такое соотношение дает радикально-идеальную форму человека. Но в реальной жизни так не бывает. У человека эти «типы» находятся в динамике, то есть его конфигурация постоянно изменяется: в один момент он может быть философом на 90%, а уже через 5 минут от философа останется лишь 1%. Эту модель можно представить в виде четырех сообщающихся сосудов (вспомним соответствующий урок физики: где-то больше, где-то меньше жидкости, в зависимости от наклона к горизонту).

Итак, «круговая диаграмма» постоянно находится в какой-то динамике. При этом динамически она неуправляема. То есть, если человек сознательно не хочет этим управлять (сознательно не желает определиться — кто он в данный момент), то это соотношение все время находится в некоем постоянном изменении. И неизвестно, в какой именно момент в каком состоянии (типе) находится человек, в каком соотношении представлена «диаграмма». И все, кто имеют виды на этого человека, пытаются эту «диаграмму» сделать для себя как можно больше «подходящей». Например, правительство. Для него удобнее всего, чтобы человек был «массой» в государстве. И чем больше в нем «массы», чем больше он «отсканированный», тем лучше. Другим примером являются работодатели. Они надеются на то, что на «диаграмме» большинство будет «намеренно заблудившимися»: человек должен сознательно быть заблудшим, и считать, что корпорация (компания) для него — это «манна небесная», поэтому он должен ходить на работу, быть роботом и т.д.

ФИЛОСОФЫ

МАССА

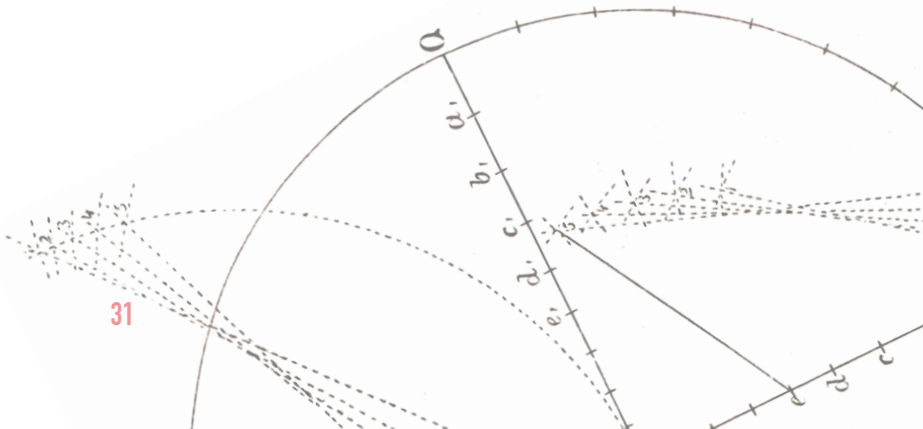
ИСКРЕННЕ
ЗАБЛУЖДАЮЩИЕСЯ

НАМЕРЕННО
ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

Еще один необходимый и по-своему яркий пример — средства массовой информации. Для СМИ оптимальным соотношением на «диаграмме» является, когда у человека преобладает тип «искренне заблуждающегося», как результат их воздействия на него. Человек сам по себе — это существо, которое «имеет потенциал» (и «не более того», как отмечали великие фантасты XX века братья Стругацкие). Наличие разума не заставляет человека думать. Наличие у него определенных аппаратов не заставляет ими пользоваться. Человек — это всего лишь носитель определенного потенциала. А вот воспользуется ли он этим потенциалом — уже его личное дело. Это «личное» в человеке по-настоящему никто не воспитывает, кроме него самого, поскольку никто не заинтересован в том, чтобы его «личное» стало больше, чтобы потенциал раскрывался все больше и больше. Никто не заинтересован в этом, кроме, повторим, самого человека. Только он сам может это делать. Но так как оно ему субъективно ни к чему в стадии оргии, и он не думает ни о чем другом, как это неоднократно подчеркивал Жан Бодрийяр, то этот «потенциал», эта часть человека становится все меньше и меньше… И стремится к нулю. В чём и суть.

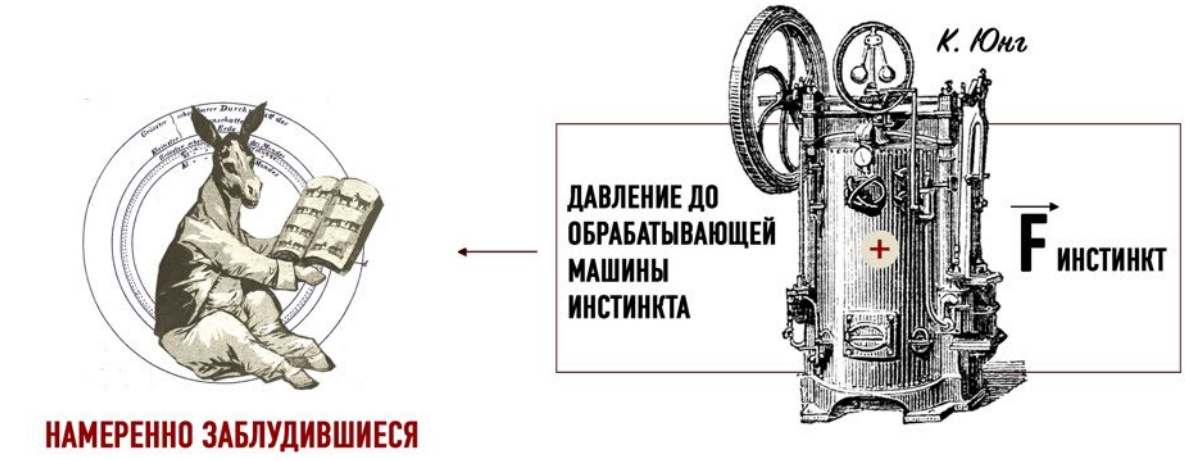
Если смотреть на эту «диаграмму» глазами психолога, то чем меньше в человеке этого «Я» («философа») и больше привнесённых систем, тем он ущербней. Следовательно, эта диаграмма, с точки зрения глубинной психологии, является и диаграммой ущербности человека. Так у нас возникает понятие «степеней ущербности», введенное мной как Ph.D. в области психологии в рамках исследования новой научной категории в психологии — ущербности. Изучая такую категорию, как ущербность, я могу утверждать: каждый человек в этом мире живет с определенной степенью ущербности. Приведу простой пример из моей новой книги «Психология фотографа», которая является неким введением в психологию ущербности на примере фотоаппарата. Категория эта комплексная и глубокая, более того, она новая для психологической дисциплины. И чтобы объяснить суть этой категории практическим языком и показать, как она влияет на нашу жизнь, я выбрал модели фотоаппарата и создания фотографии. Ведь хороший фотоаппарат сегодня — это наивысшая степень ущербности; если фотоаппарат ущербен настолько, что он удовлетворяет большинство «ущербных», то является очень хорошим фотоаппаратом. И чем камера профессиональнее, тем ужаснее она для большинства. По сути, люди готовы отдавать большие деньги только за ту камеру, которая за них сделает хороший снимок. При этом высшая степень ущербности заключается в компромиссе с камерой, когда кто-то решает, что достаточно одной любой камеры, способной справится со всеми задачами одновременно. Еще одна степень ущербности — это сочетание цены и качества, когда потребитель соглашается с тем, что он покупает не то, что хотел, но …цена подходящая, а значит, все устраивает.

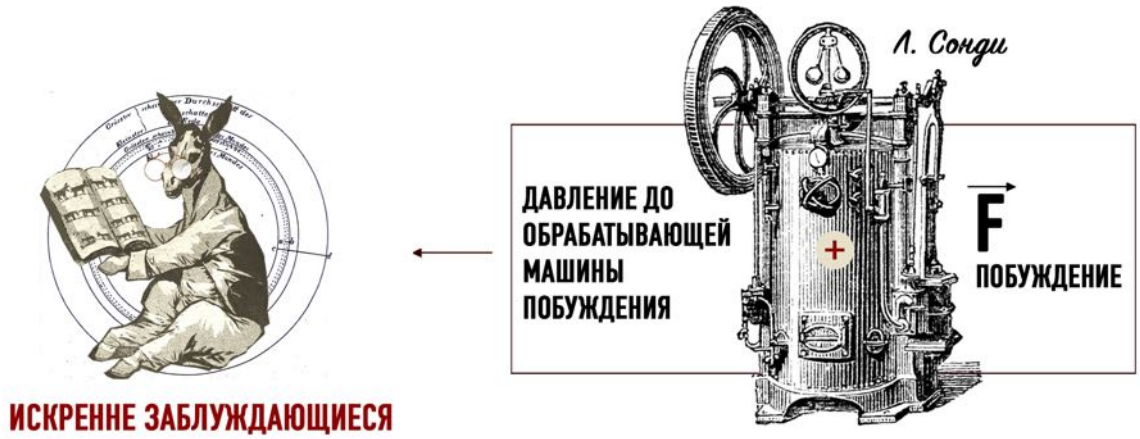
В сущности, современная психология требует введения академической категории ущербности как центрального объекта исследования, поскольку вся психология человека проистекает из ущербности. И, если подойти к этой парадигме с помощью психологии, то можно увидеть, что человек не просто этой «массой» становится. **«Массы»** реагируют рефлекторно, вне зависимости от того, хочет этого человек или нет (рефлексами и их исследованием занимался один из мэтров глубинной психологии, австрийский психолог Зигмунд Фрейд). Становится человек «массой» следующим образом:

Если рассматриваем сложные модели («искренне заблуждающихся» или «сознательно заблудившихся»), то эти объекты является вторыми. То есть, чтобы сделать себя **«намеренно заблудившимся»**, необходимо «давление» до работы с инстинктом. Это сложные инстинктивные модели поведения, как психологическая категория, которыми занимался мэтр глубинной психологии Карл Густав Юнг.

Когда говорим об «искреннем заблуждении», речь идет о побуждениях человека. **«Искренне заблуждающийся»** — это человек, как следствие своих заблуждений. Побуждения исследовал основатель судьбоанализа, другой мэтр глубинной психологии — Липот Сонди.

Обратите внимание, этим самым «Я» не занимался в мире никто, кроме венгерско-швейцарского психоаналитика Липота Сонди и меня, как последователя и продолжателя школы Сонди. Так, главный труд Липота Сонди в области исследования «Я» — его четвертая книга «Я-Анализ», в которой он вывел «Pontifex Oppositorum» — высшую форму «Я», триумф личности. «Pontifex Oppositorum» — одно из самых мистических понятий, вообще существующих в науке (не только в глубинной психологии). В рамках моего исследования и работы над книгой «Философия Сонди», помимо отделения и описания непосредственно самой философии Сонди, одной из базовых задач написания этой книги является состояние «Pontifex Oppositorum» или «высшее жреческое». Это некое особое состояние человека и тот уровень развития его «Я», который позволяет разрешать конфликты в его жизни и осознанно управлять собственной судьбой, выстраивая её свободно и вне зависимостей от требований жизни и её незримых институтов.

Жан Бодрийяр в своих работах рассматривал «Я» с точки зрения социологии и философии, как символьную составляющую, где, по сути, «Я» является следствием символьной составляющей. И поскольку «Я» стоит над всей этой «диаграммой» человека, оно ретрансформируется в формы: форму на базе рефлекса — «масса», форму на базе инстинкта или побуждения — «искренне заблуждающийся» или «намеренно заблудившийся». Таким образом, «Я» принимает формы, начиная с формы «символа», и заканчивая формой «массы» (по сути, расщеплением до состояния «массы»).

Жан Бодрийяр говорит о том, что человек может быть символом. Например, таким, как выдающийся испанский дворянин, командор ордена Иисуса Христа Иеронимо Санчес де Карранза, как командор ордена Иисуса Христа в Калабрии (юг Италии) Франческо Виллардита. Эти выдающиеся исторические личности —

символы Испанской школы фехтования, символы Европы, символы Ндрангеты. То есть человек может быть символом, культом личности (каким в известный период СССР воспринимался Сталин), а может быть «массой», ретрансформироваться в массу (в одного из многих). Это расщепление посредством ущербности и делает человека ничтожным.

По сути, мы имеем дело с неким субъектом, для которого мир искажается пропорционально направлению движения к состоянию «одного из многих». И чем ниже идет движение, тем искажается все больше и больше. При этом у каждого человека своя примесь такого «искажения» (эти стадии искажений доводят человека от уровня «заблуждений» до уровня «симуляций» («симулякр»), и в конце концов до «гиперреальности»). Таким образом, заблуждение, симуляция, гиперреальность — стадии искажения мира для человека. А это уже уровень мистики Бодрийяра. Но вещь не нова. Если прочесть любую еврейскую древнюю книгу, будет понятно, что именно в них, начиная с Торы, и заканчивая Зоаром, Бахиром — во всех указанных и им подобных древних трудах описан этот механизм.

Существует даже некая притча о том, что Бодрийяр вводил слово «симулякр» как несуществующее высказывание из книги Екклесиаста. Учёный сослался на пророка, мол, он впервые использовал этот термин. И многие тщательно и тщетно искали этот фрагмент книги, входящей в состав иудейского Священного Писания и Ветхого Завета. Искали в Седьмой книге раздела Писаний Танаха. Перевернули разновидности Торы, Танаха, Бахира… но до сегодняшнего дня не нашли подобного высказывания пророка Екклесиаста, где бы было слово «симулякр». В художественной литературе нечто подобное давно получило прописку. Культурный мир хорошо знает повести Белкина, которого никогда не было на свете. Та же история — с Козьмой Прутковым. Но в науке до Бодрийяра это было не принято. Фактически, он использовал некий подход (как настоящий учитель): он заставил их искать! Бодрийяр знал, что никто не станет поднимать старые книги и искать там. Но когда все бросились критиковать его и искать подтверждение этому в древних еврейских книгах, было уже поздно. Термин не просто введен, но и стал использоваться многими учеными, крайне точно описывая все те явления, которые происходят в современном обществе и мире.

Немаловажно и то, что он поднимает такие серьезные вопросы, как вопрос судьбы, вопрос Зла (абсолютного Зла, интеллекта Зла). Здесь и начинается мистицизм Бодрийяра. Эти состояния человека, его взаимодействие с миром после оргии порождают мистицизм Бодрийяра: «гипсовых ангелов», «судьбу», «Зло», «Бога», «выдуманный мир», книгу «Почему всё не исчезло» и многое другое.

Надо сказать, Бодрийяр был последним глубоким европейским мистиком, обретшим мировую известность. Европейский мистицизм никуда не делся. Он постоянно переходит в новые формы. С моей точки зрения, Бодрийяр — это современный взгляд на европейский мистицизм сквозь призму человека и те понятия, которые он дает: «масса», «царство слепых», «молчаливое большинство».

Если сопоставить это с явлениями, которые описывали мастера современной научной и социальной фантастики Братья Стругацкие, то у них также этот тезис присутствует в произведении «Хищные вещи века» (и неспроста). И яркой иллюстрацией к явлению «молчаливого большинства» выступает сцена, в которой один из персонажей говорит: *«Чем дальше вы от животного, тем слег* безобиднее, но*

чем ближе вы к животному, тем больше вам захочется соблюсти конспирацию. Сами животные вообще предпочитают помалкивать». На что другой ему отвечает: «А вы сами-то пробовали?» — «Да» — «И что?» — «Как видите, помалкиваю».

Это «молчаливое большинство» Стругацкие описали в «Хищных вещах века» ещё в 1964 году (книга опубликована в 1965), за 13 лет до «Молчаливого большинства» Жана Бодрийяра. И чем ближе человек к инстинкту, тем больше он превращается в «молчаливое большинство», потому что скелетов в шкафу у него становится все больше и больше. Поэтому он вообще «предпочитает об этом помалкивать».

Не скажу, что все, но многие, очень многие граждане современного общества попали в такую ситуацию: мы все время как бы имеем дело с некой «формой» человека. То есть он постоянно двигается по той шкале-диаграмме, которую описывали ранее, но двигается неуправляемо, потому что очень много людей и их сообществ заинтересованы в этом человеке. Просто представьте, сколько интереса к этому бедному несчастному человеку: у правительства — свои интересы, у бизнеса — свои, у СМИ — свои интересы. Да, а ведь ещё — он сам по себе, у него — свои интересы. Вы представляете, сколько заинтересованных в этом маленьком «тщедушном» субъекте одновременно!

Рассмотрим это на примере происходящего в мире — пандемии, спровоцированной коронавирусом. Государство заинтересовано в том, чтобы люди сидели дома. Зачем? Иначе государству может мало не показаться, поскольку на сегодня у него нет методик того, как справится с этой эпидемией, и как стабилизировать обстановку в стране. Бизнес не заинтересован в том, чтобы люди сидели дома, потому что ему необходима их работа, хождение людей на работу. А СМИ почему-то (и впрямь — с чего бы это?) играют на стороне государства, а не на стороне бизнеса. Не логично ли будет предположить, что бизнесмены реализуют эту ситуацию в свою пользу. И используют государство, как инструмент реализации своих интересов. В силу этого СМИ ведет себя так, как удобно им. Но, по идее, должно быть прямо до наоборот: СМИ должны как можно больше шуметь. И вообще энергично-ритмично возмущаться деятельностью государственных органов, президента — в особенности. Потому что все они решили эту ситуацию использовать в свою пользу: то есть зарабатывать на этом деньги. Ну, а как же человек? Ну, тот, которого заперли дома? Почему он безрадостен? Потому что его оставили один на один с собой, в квартире. Не будем отвлекаться от главного на детали типа — квартиры-то у наших разных людей — разные, далеко не все они приспособлены для такого автономного плавания в житейском море-океане. Но о деталях — в другой раз. Таков один из законов второй природы — природы человека и его общества: вырванный из контекста повседневной круговерти человек… начинает думать. И нередко понимает: идет оргия без его участия. Он вроде как бы созерцатель. А для человека общества потребления — это подобно смерти (быть лишь зрителем, а не пайщиком, не участником событий). И в этом смысл происходящего.

** В произведении Братьев Стругацких «Хищные вещи века» используется слово «слег». Это слово Стругацкие определяют как приспособление для волнового психотехнического воздействия на мозг, растормаживающего фантазию, по воздействию близок к современным синтетическим галлюциногенам; при систематическом применении или передозировке оказывает разрушающее воздействие на организм.*

Всмотримся в человека, как в участника системы. У Жана Бодрийяра описана очень интересная форма: при всем многообразии возможностей, предоставляемых миром гиперреальности, у человека в этом мире… нет места. Это культ мира гиперреальности, культ «места». И этого никто не заметил в трудах Бодрийяра. Но на самом деле, сие — основополагающая система мира гиперреальности: отсутствие места. Человек как бы постоянно стоит на ногах, и ему некуда прибиться. И самое главное, места ему не принадлежат. Например, согласно закону, курить в общественных местах запрещено, и человек нашел небольшой угол, где он, как ему кажется, может спокойно покурить. Но в тот момент, когда он предполагал, что, наконец-то, у него есть несколько минут насладиться сигаретой, к нему подходит полицейский: в общественных местах запрещено курить. А где он может курить — неизвестно… По сути, человеку везде нужно спрашивать разрешение.

Современный мир — это мир разрешений. Гиперреальность — это мир разрешений: везде нужны допуски, пароли, фрагменты и т.д. И отсутствие какого-либо места — первый признак этой гиперреальности, социализации в гиперреальности. То есть человеку не принадлежит ни одно место. Он нигде не может себя чувствовать так, чтобы беспрепятственно занять «место» без каких-либо разрешительных мер.

Вторым признаком гиперреальности является отсутствие будущего. В гиперреальности есть только настоящее, и нет будущего. Поскольку сама гиперреальность — это форма настоящего без будущего.

Третья составляющая социальных отношений и гиперреальности — это движение за объектом. Объекты определяют жизнь человека, и ссылка на тот или иной объект происходит ежесекундно. Допустим, у вас нет клиентов, потому что у вас плохой сайт. Таким образом, у человека всегда виноват тот объект, которого нет. То есть объект становится для человека неким поводырем в гиперреальности.

Ещё одна, четвертая составляющая гиперреальности — это фатальные стратегии. Каждый поступок человека в жизни, в игре в гиперреальность, ведет его к… неудаче, к проигрышу, к разочарованию. Причём — без вариантов, обязательно и всенепременно. Этот человек является «потерпевшим» по жизни, и не может жить в ином состоянии. И те, кто лучше всех «выполняет эту программу», становятся самыми значительными членами общества гиперреальности. По сути, это игра наперегонки — «кому хуже»: чем человеку хуже, тем больше ему должны все: общество, работодатели. Что-то вроде игры в поддавки? Пожалуй…

Как это выглядит на самом деле?

Во-первых, когда люди имеют дело с изначальным символьным «Я», то они борются за символьное состояние. Что такое символьное состояние? Это состояние, в котором «Я» не нуждается в каком-то месте, когда ему все двери открываются. «Символьное состояние» — это состояние без места, и при этом, «Я» может занимать любое место, которое ему заблагорассудится, и определять всем места, где они должны сидеть. Таким образом, символьная система обеспечивает пространство вне гиперреальности.

Во-вторых, побуждения определяют будущее, судьбу человека.

В-третьих, речь о фатальностях жизни человека. Гиперреальность обеспечивает фатальность. И очень многим исследователям кажется, что Бодрийяр описывал пространство «за пределами гиперреальности», подразумевая движение вверх, куда-то в невидимое. На самом деле, имеется в виду движение вниз. То есть «за

пределами гиперреальности» — это в самый низ, и даже еще ниже. Как у Станислава Ежи Леца, помните: «Очутившись на дне, я услышал стук снизу». Вот что-то в таком роде. И если гиперреальность — это состояние человека, массы, которые реагируют на базе рефлексов, то… что стоит тогда ниже уровня рефлексов? Архаичные составляющие Я1 и Я2 (птичьи и осьминожьи подходы, которые описывал академик Г. С. Попов), что находятся за пределами гиперреальности (по сути, другие формы архаичных, продуцированных систем, которые порождают Я1 и Я2 человека: Я-Сознание и Я-Памяти).

Рассмотрим это более подробно. С детства мы знаем о том, что они имеются, Я1 и Я2. Как? Каждый из нас «разговаривал» сам с собой, размышлял на манер диалога, испытывал некий внутренний многоголосый конфликт, метался меж двух огней и так далее. Это и есть проявление диалога между Я1 и Я2. Но знать, что этот феномен существует — недостаточно. Это лишь начало познания «Я». Вопрос исследовали многие ученые, так или иначе описывая Я2, но по-настоящему добились успеха лишь единицы. Отцом мировой науки о памяти в XX веке является советский академик Григорий Семенович Попов. Именно он вывел модель памяти человека и исследовательскую концепцию Я1 и Я2, где «Я1» — это «Я-сознания», и «Я2» — это «Я-памяти». Академик Попов говорил, что «весь мир — это память». И если посмотреть на устройство памяти, на ее блоки и дойти до изначалия, то там, в глубине памяти, располагается ее архаическая составляющая, представленная в виде двух моделей: птицы и осьминога. Именно академик Попов, первый в мировой науке памяти, описал этот архаический блок.

В-четвертых, человеку кажется, что фатальные стратегии приводят ко Злу. Но на самом деле все не так, согласно философии Бодрийяра. Фатальная стратегия — это погружение, без возможности перезарядки символа. По сути, движение за пределы гиперреальности, стремление опуститься еще ниже… все время вниз, деградируя все больше и больше. И заканчивается это тем, что человек сталкивается с гаммой психологических повреждений либо с психиатрическим заболеванием, что и является, в сущности, его неконтролируемым переходом за пределы гиперреальности.

Это состояние легко можно описать в виде летящего орла, который внезапно врезался в радиатор автомобиля. Его полная отрешенность, вздыбленные перья и полностью очумевший взгляд очень ярко характеризуют это состояние «выхода за пределы гиперреальности». Фатальная стратегия — это тот орел, который попал в решетку радиатора.

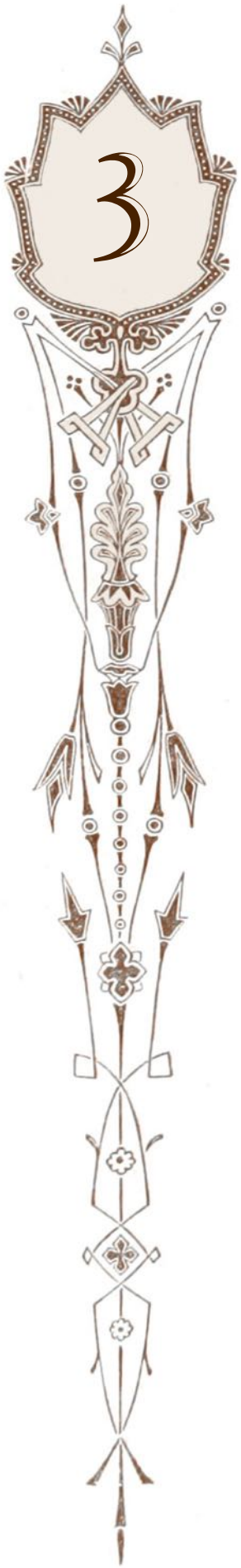
Надо сказать, что «фатальные стратегии» по-русски — это несколько иное. На русскоязычном пространстве фатализмом, по сути, является революционизм. «Орел в решетке радиатора» — модель, более свойственная для США. С точки зрения прототипа у нас — это известный всем по советскому мультфильму попугай Кеша, который сидит в клетке и лапой достает чайник, для того, чтобы попить, а затем дальше продолжает требовать «свободу попугаям». Он именно «революционист»… это даже не революция, и не революционер, а «революционист», как некая пародия на революционеров. И всё происходит с точностью до наоборот: где нужно применить радикализм, его нигде не применяют, но там, где он не нужен — его применяют. И это основа нашего общества — ненужный радикализм.

Радикализм направлен почти всегда не в ту сторону, куда его нужно направить. Другими словами, вместо того, чтобы бороться с людьми, необходимо бороться с эпидемией, но радикализм направлен в сторону людей. И это отмечал Жан Бодрийяр в каждой своей работе. У него есть серия книг об этом явлении: «Радикальное мышление» (1994), «Радикальная инаковость» (2008), «Агония власти» (2010).

Напоследок отмечу еще один момент касательно человека. Жан Бодрийяр выделял, что «смерть» выступает главным двигателем человечества. Философ ссылается на Фрейда, который говорил о том, что у человека существует два двигателя: жизнь и смерть. И где-то нами движет жизнь, а где-то — смерть. Но в обществе потребления большинством движет смерть, поскольку жизнь ими двигать перестала. Именно поэтому Жан Бодрийяр рассматривает смерть, как главный двигатель этой придуманной симулятивной, гиперсимулятивной реальности.

ГЛАВА 3
«НАУКА»

Ограничение объекта науки эквивалентно ограничению сумасшедших и мертвых. Точно так же, как целый социум непоправимо заражен тем зеркалом безумия, которое он сам поставил перед собой, так и науке остается лишь умереть, заразившись смертью своего объекта, который является ее обратным зеркалом. Наука якобы овладевает объектом, но на самом деле это он проникает в нее, в какой-то бессознательной реверсии, давая лишь пустые и повторяющиеся ответы на пустые и повторяющиеся вопросы.
Жан Бодрийяр, «Симулякры и симуляции»

Жан Бодрийяр совершил подвиг, противопоставив себя всей европейской академической науке. Именно она стала его еще одним серьезным объектом исследования. И Бодрийяр доказал в своих работах: современная академическая наука… — полная симуляция. Парадоксы, которые в ней возникли в определенный момент и сохранились по настоящий день, очевидны. Именно об академической науке мы и поговорим в рамках этой главы, причем в самом серьезном ее ключе. Вероятно, не всем окажутся по душе материалы этого исследования, но, как говорили мудрецы, истина дороже. Особенностью этой части книги является то, что она иллюстрирована большим числом первоисточников, подтверждающих идеи и выводы Бодрийяра в рамках моего исследования его философии.

Необходимо сказать, что эта глава лишь с определенного момента раскрывает философию Бодрийяра, его взгляд на науку. До этого — речь идет исключительно о моей точке зрения, как доктора философии, и о плодах моей дидактический работы с архивами и документами из ведущих библиотек Европы.

История науки никому не известна. Да-да, кто бы не занимался исследованием этого вопроса в разные периоды, в полном объеме истории науки не знает никто. Безусловно, большинству ученых, вероятно, неплохо известна история науки в период XIX–XX веков, но то, что предшествовало этому историческому периоду — покрыто мраком неизвестности. То есть, по сути, никто не знает какой была наука до начала XIX века — что называется, терра инкогнита. Но факт в том, что наука эта сохранилась. Она осталась в документах, в книгах, в объяснениях.

Если двигаться в глубину веков, можно дойти до определенной точки, где наука предстает в том виде, в котором сегодня даже сложно себе представить. Так, если выйти на рубеж XIV–XV веков, будет понятно: люди того времени воспринимали некоторые вещи и явления несколько иначе, нежели сегодня считаем мы. Подходили они к науке также по-другому, нежели к ней подходит современное академическое общество. По сути, в XIV–XV веках представление о науке было следующим: *существует некая сила, которая строит этот мир.* Называть ее можно как угодно (это личное дело человека, как он ее воспринимает), но ученые в тот период считали, что сама по себе такая сила существует. И работа Экспедиционного Корпуса, который я возглавляю, в европейских экспедициях, в Мексике, в США и в других частях мира подтверждает: даже там сегодня видны сохранившиеся остатки такого восприятия науки.

Во-первых, чего желали древние в этом плане — научиться взаимодействовать с указанной *силой*. Соответственно, из взаимодействия с этой силой выводились все законы мироздания и последствия в этом мире. Почему так? Дело в том, что эта сила сильнее всех остальных сил, поэтому ей противостоять очень сложно, практически невозможно.

Во-вторых, это субстанция. Древние считали, что у мира существует некая субстанциальная составляющая, которая стоит над наукой, над пониманием человека, поскольку «наука» — это уже некое понимание человеком того, что происходит. Все остальное — описание, попытка обосновывать, доказывать — уже является делом рук человеческих. Они считали, что субстанция эта существует, и все уже давным-давно обоснованно. Но то, как мы это понимаем, становится понятным со временем.

Еще в 1930-х годах советским ученым, академиком Г. С. Поповым было выведено, что наука строилась вокруг ключевого навыка, объясняя, как реализовывать, приобретать ключевой навык эпохи и навыки, сопутствующие ключевому навыку. Академик Попов считал, что это объяснение — уже на уровне определенного понимания такой субстанции, с учетом этой силы миропостроения, с учетом ее особенностей, законов, и вообще того, что происходит и от нас в этом мире не зависит.

Также древние считали еще в XIV–XV веках, что «геометрия» либо взаимодействует с этой силой, либо не взаимодействует. То есть сила — величина постоянная, она все время есть. Но удастся ли воспользоваться этой силой или не удастся — зависит от геометрии. Есть геометрические функции, которые работают с этой силой. Таким образом, как только возникает подобная геометрическая функция, на нее сразу «подается» эта сила. Но есть и геометрии, которые не взаимодействуют с силой. Тогда в мире возникают «пустоты». Понять это достаточно просто. Например, люди сидят в комнате, и на них, следовательно, подается эта

сила, потому что геометрия человека соответствует требованиям этой силы. Но между людьми находится «пустота»: внутри пусто, геометрии нет, поэтому здесь и силы никакой нет, она не подается на пустоту. Но если в какой-то момент кто-то из этих людей представит себе геометрический куб, то сила одновременно станет подаваться и на этот куб — да, только от того, что человек применил свое воображение и мысленно построил здесь геометрический куб. То есть достаточно «выдумать» куб как геометрию, и он станет участником этой системы. Его задействует сила миропостроения. Именно поэтому древние выводили «геометрию» как элемент силового компонента силы миропостроения.

Древние считали, что человек, по сути, ничего не изобретает. Безусловно, он участвует в процессе изобретения чего либо, но выглядит это следующим образом: человек либо адаптирует свои элементы (элементы своего строения) в жизни, либо использует элементы мировой памяти для создания чего-то нового. Например, мобильный телефон: он является некой компиляцией счетно-решающей машины и памяти (то есть, взаимодействия разума и памяти), а по сути, телефон — это протез разума и памяти человека. Таким образом, человек либо протезирует свои функции, либо берет неизвестные компоненты из мировой памяти, комбинирует их между собой (синтезирует или дорабатывает), и в результате получается некая штука. Древние считали, что научно это выглядит так.

Помимо этого, также считалось, что все вещи имеют 2 стороны медали — военную и гражданскую. И любая гражданская вещь в любой момент может стать военной, а любая военная — гражданской. И это наглядно видно и сегодня. Например, мобильная связь сначала появилась у военных, а уже затем стала достоянием гражданских. Или спальные мешки, которые изначально изобрели для военных, но впоследствии они стали достоянием гражданских (туристов, альпинистов, путешественников). Таким образом, видно, что ничего особо не меняется: как древние считали ранее, так происходит даже сейчас. Но современная наука это все игнорирует.

Касательно определенных сооружений культового характера, зданий и домов, целых городов и прочего, современные ученые — наши соотечественники и зарубежные — считают, что у любого изделия существует исключительно полезная нагрузка. Но так не считали древние. Считалось, что любая вещь (шпага, нож, клинок, храм и так далее) — имели огромное количество функций, которые следует рассмотреть. Этих функций много, но рассмотрим лишь некоторые из них:

1) культурно-эстетическая функция;

Изделие должно быть красивым, быть необычным, штучным. Так считали древние.

2) символическая функция;

Изделие (объект) являлось символом, несло символическую функцию. Например, меч был символом европейского рыцарства. И если убрать меч, то в полном объеме исчезнет европейское рыцарство. То есть уберите символ «меч», и сразу же уйдет целая эпоха.

3) силовая функция;

4) солидарная функция.

Это значит, что меч объединял людей и рыцарей между собой, делая их рыцарством. То есть не одним человеком, а множеством.

5) идейная функция;

Объект порождал необходимость идей (при его использовании). При этом, каждый человек пытался адаптировать его под себя, под свою психофизиологию, под свои представления о мире и так далее.

б) содержал тайну;

Меч содержал тайну хлеба насущного. Еще одним примером этого является фрагмент из советского кинофильма «Белое солнце пустыни», где один из главных героев, Абдула, говорит: «Садись на коня и возьми сам, что хочешь, если ты храбрый и сильный…». Безусловно, для этого необходимо было виртуозно владеть оружием. Тайна владения им и есть, в данном случае, тайна хлеба насущного. Возьмем компьютер: он тоже является неким предметом, у которого есть тайна хлеба насущного. Кто-то умеет с помощью компьютера деньги зарабатывать, а кто-то не может. В этом и есть тайна хлеба насущного.

7) содержал тайну победы и поражения до начала событий;

Ярким примером этого являются слова одного из величайших фехтовальщиков в истории Японии Миямото Мусаси о том, что мастер побеждает, не вынимая клинка из ножен. Это дает представление о древней науке.

Это лишь небольшое количество функций, описанных в качестве иллюстративного примера. И они касались любого изделия, любого храма, любого здания. Наглядным примером тому является старая часть Одессы, построенная итальянскими и немецкими архитекторами еще в XVIII веке: все дома, все строения, все храмы несли эти функции.

Необходимо отметить, что работая в экспедициях на территории современной Европы, Экспедиционный Корпус нашел огромное количество доказательств того, что техническая мощь европейской цивилизации до определенного момента была таковой, что она могла, по сравнению с нынешним уровнем, «творить чудеса». Мы живем в цивилизованном мире? Но люди, жившие задолго до нас, вероятно, смеялись бы над этим. Ибо они обитали в величественных замках, стоящих порой высоко в горах, невообразимых по сегодняшним меркам. А цивилизованный современник наш очень-очень нередко проживает в клетке, облагорожено именуемой квартирой. Таким образом, возникает вполне закономерный, хотя и странный вопрос — кто цивилизованней в таком случае? Вряд ли те люди согласились бы жить в утлой квартирке…

Весьма странно и то, что сегодня «цивилизованный» мир поклоняется «нецивилизованной» Европе — так ее называют историки, когда говорят о Средних веках, аргументируя тем, что тогда люди даже читать и писать не умели… Тем не менее, все ездят в Европу, восхищаются ее архитектурой и прочим. При этом, построить что-то подобное сейчас, не говоря уже о том, чтобы сделать лучше, даже речи не идет. Наглядный пример этому — собор Фрауэнкирхе в Мюнхене, одно из самых величественных сооружений, почитаемых и мистических явлений архитектуры средневековой Европы. Собор, точнее одну из его мачт, ремонтируют уже 4 года, и до сих пор не могут это сделать как надо… И это при современных немецких строительных технологиях! Одна мачта достигает в высоту 100 м, а их там две, и собор был построен еще в период так называемой «нецивилизованной Европы». Таким образом, наши современники — являясь, так сказать, цивилизованными людьми с точки зрения современной академической науки, поклоняются неповторимым, уникальным, восхищающим взоры «достижениям» нецивилизованной Европы.

Достаточно странно, не правда ли?

Обратите внимание, верхом престижа считается учиться в старейшем университете, а вовсе не окончание новейшего университета. Хотя, по идее, новейший вроде как лучше. Новейший ведь — самый современный. И все же почему-то люди хотят учиться именно в старейшем университете… Вроде как архаично, но парадокс заключается в том, что все хотят закончить именно один из старейших университетов Европы. Тем самым, если сопоставить современную науку сегодня с той наукой, что существует уже на протяжении многих веков, то она — достаточно примитивна по сравнению с европейской древней наукой.

Для большинства людей Европа в промежутке с XIV по XVIII века — это научная фантастика. Её существование похоже на научно-фантастический роман. И сомневаться в этом сложно. Достаточно посмотреть на такой город как Венеция и другие места Европы. Существование подобного рода города, которому уже более 1000 лет, согласно официальной истории, который был сооружен на воде (до сих пор считается загадкой с помощью каких технологий был построен город) — фантастично. И Венеция постоянно привлекает к себе внимание огромного количества туристов со всего мира, ежедневно, ежегодно. Точно также, огромное количество туристов приезжает и на Юг Италии, и в Рим, в Германию, в Австрию, во Францию и так далее. Вся Европа пронизана уникальными достижениями «дремучей» цивилизации и «дремучей» науки, как ее называют современные ученые. И так как большинство наших ученых не интересуются наукой этого периода — с XIV по XVIII века — а интересуются наукой современной, то, безусловно, подавляющему большинству из них неизвестны те научные работы, которые были написаны тогда.

Достаточно изучить книги, написанные в период существования двух последних Империй, например Священной Испанской империи, и сразу будет ясно, какого уровня образования были те люди. Один из примеров — трактат, написанный командором ордена Иисуса Христа по имени Иеронимо Санчес де Карранза — «Философия оружия» (опубликован в 1582 г.). Это шедевр научного творчества на стыке 9 наук: начиная от Евклидовой геометрии и заканчивая психологией.

Труд, написанный последователем Карранзы, испанским дворянином, мастером фехтования Луисом Пачеко де Нарваэсом «О величии меча» (1605 г.) — не менее потрясающая книга, которая описывает, в том числе и достижения техники на рубеже XVI века. Например, там описан летающий кран:

«Давайте рассмотрим здание с тем, что сказано есть здание, на которое подъемный кран поднимает высоко камень, как он становится всё меньше и меньше — чем выше он поднимается вверх, мы видим очевидное сопротивление при подъёме, потому что он отрывается и принуждается агрессивным движением от своего центра естественного местоположения…»

Как я уже отметил, работы, которые проводила та цивилизация, жившая с XIV по XVIII век, даже при нашей современной тяжелой технике: строительство замков, строительство городов, разработка скальных пород и прочие вещи, то, что сооружалось в тот период — все это сделать сейчас не представляется возможным.

Существует огромное количество доказательств, собранных Экспедиционным корпусом, которые говорят о том, что у нас таких механизмов и орудий просто нет. К примеру, строились замки, которые не имеют входа. То есть, замок стоит на горе, и к нему нет никакого подъезда, и попасть в него можно только по воздуху…

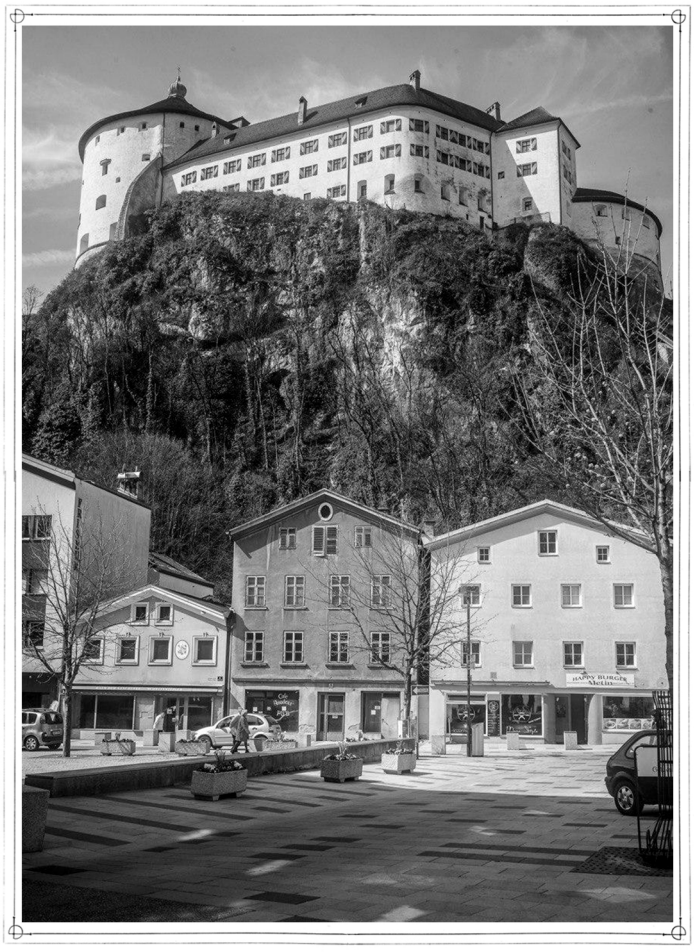
Один из таких замков стоит в провинции Тироль в Австрии — Тирольский замок. И когда я спрашивал, находясь рядом с этим замком, как в него попадали люди — никто не мог ответить на этот вопрос.

Обратим внимание также и на то, что, по всей видимости, до меня в наше время подобные вопросы никто не задавал. Почему? Ведь вопросы эти возникают… ну, если не при первом, то уже наверняка при втором-третьем взгляде на эту архитектуру. Сейчас, само собой, туда поднимаются на лифте — сооруженном уже в XX веке. Но ведь попадали туда люди задолго до того, как лифты появились на свет и стали делом обыденным. По сути, в этом замке даже подъемные механизмы не были предусмотрены.

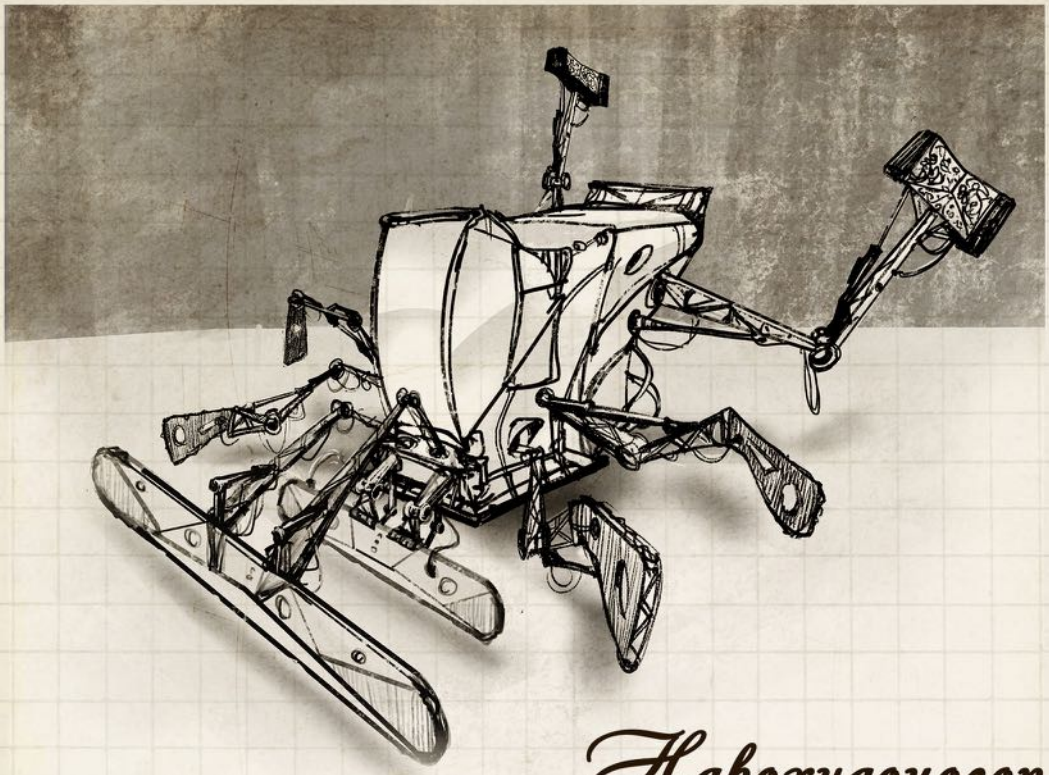
Таким образом, Экспедиционный Корпус на протяжении 5 лет изучал историю Европы. Неизвестную её историю. Были проведены серьезные исследования — в том числе и в области машин и механизмов. И на основании найденных артефактов и источников, сохранившихся в библиотеках Европы, была выведена гипотеза того, как выглядели некоторые приспособления, машины и неизвестные доселе технологии в Европе. У криминалистов есть такая форма работы, как воспроизводство событий на месте происшествия или картины совершенного преступления. Так, наши специалисты из НИИ Криминалистики вместе с художниками на основании материалов, полученными за 5 лет работы и находящимися в нашем распоряжении, попытались восстановить внешний вид тех машин, которыми пользовались древние:

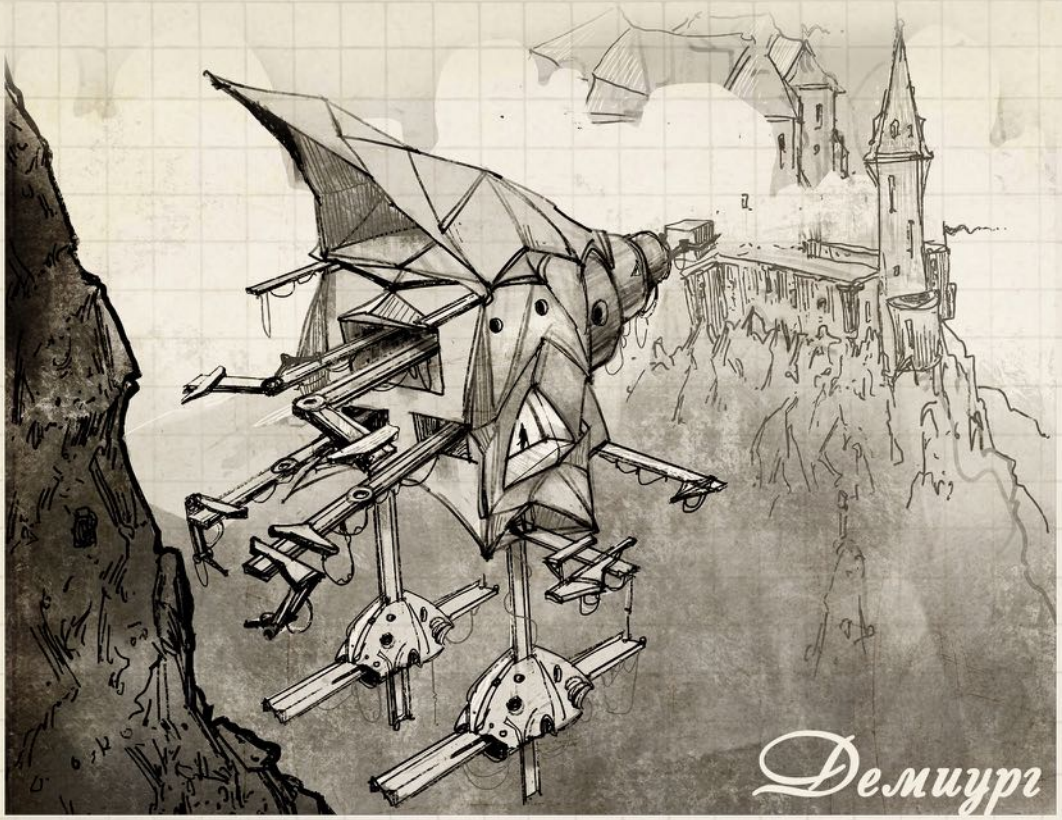
Тирольский замок.
Фото Dr. Олег Мальцев

Навохудоносор

Каменный меч

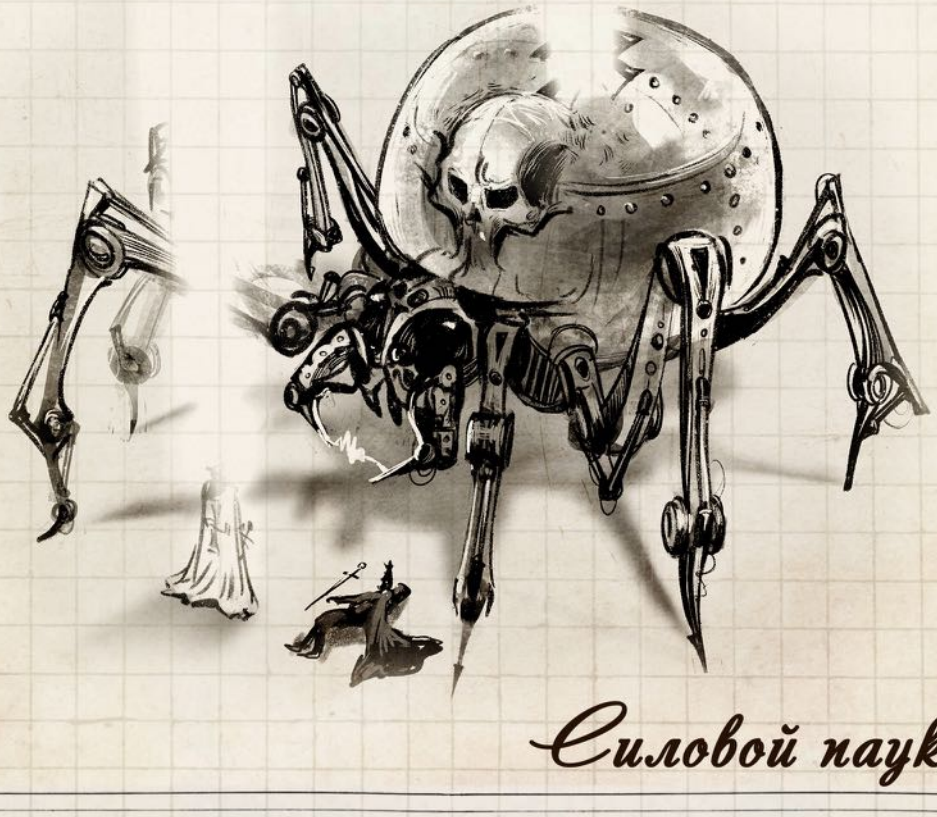
Демиург

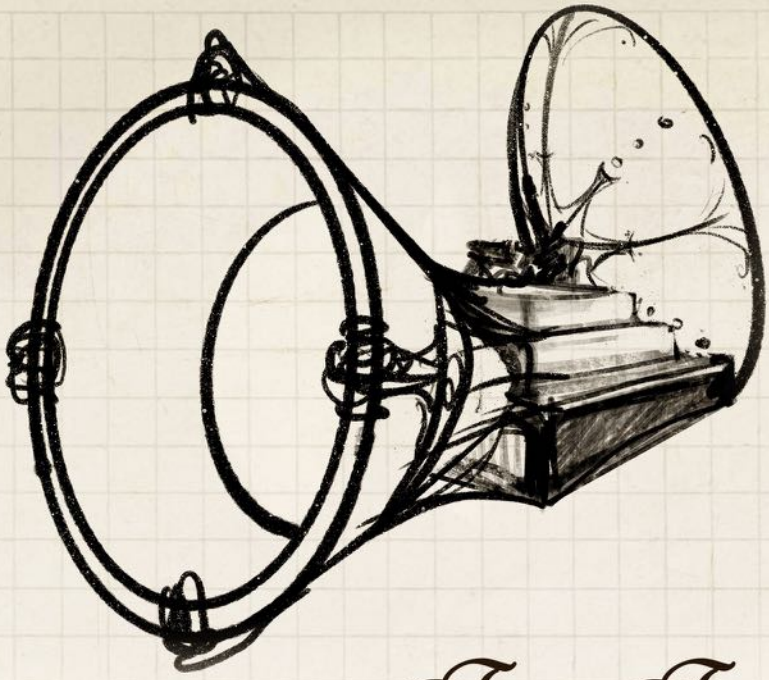
Адова печь

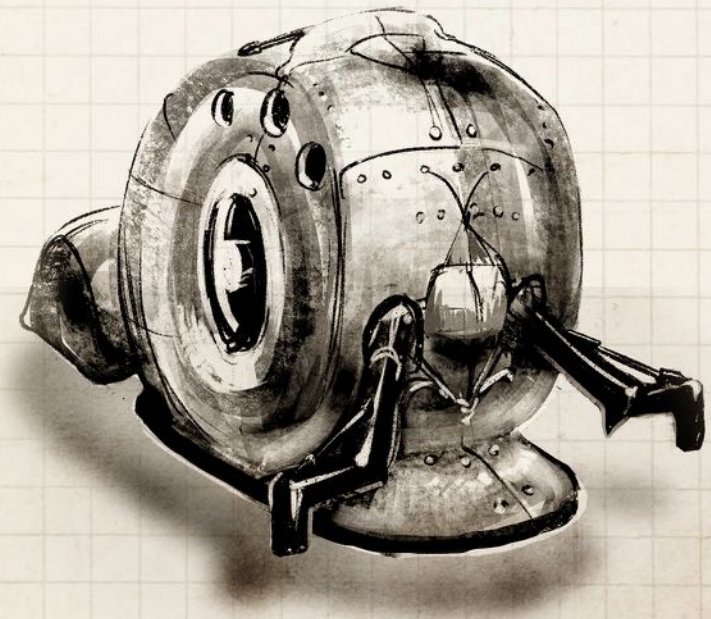
Гончарная кузня

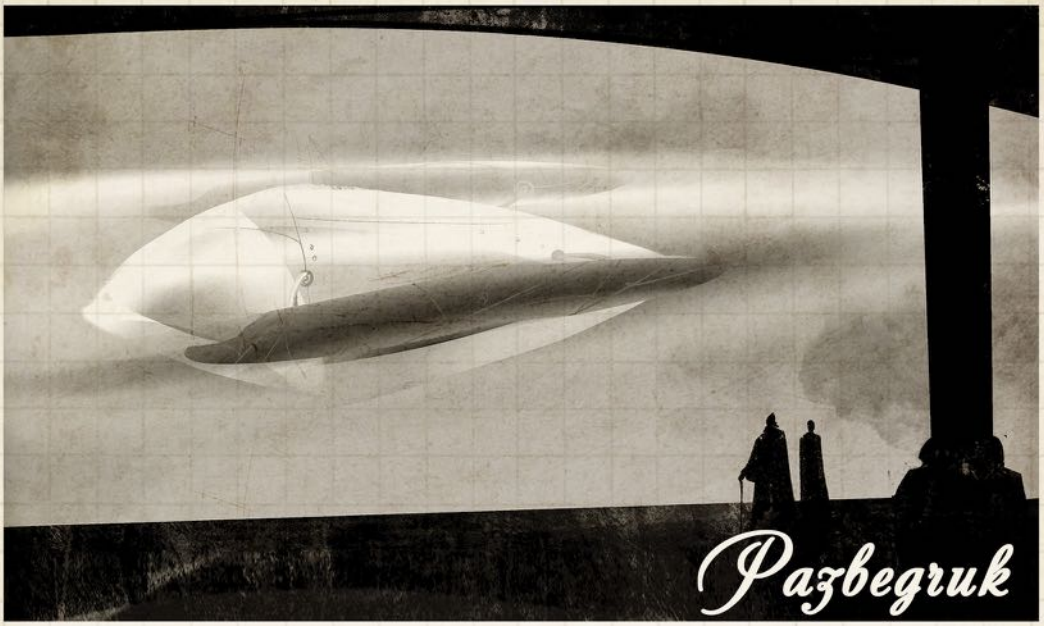
Силовой паук

Глаз Божий

Субстанциональная машина

Разведчик

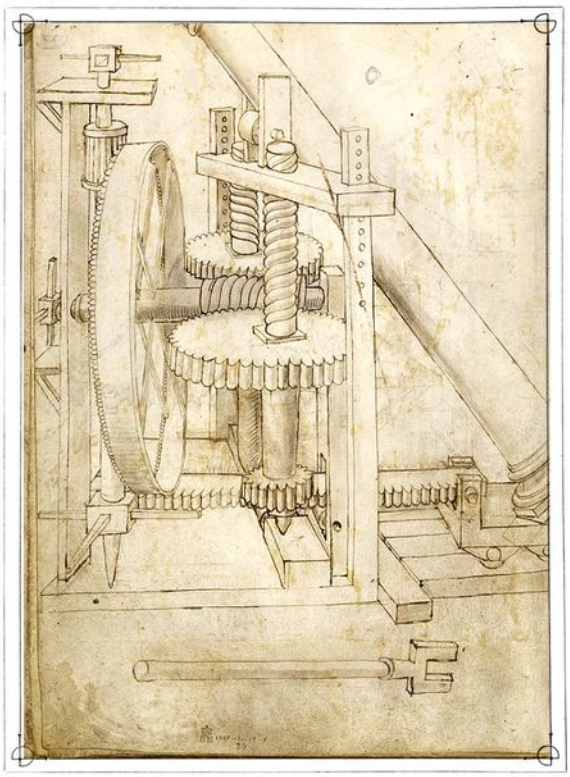

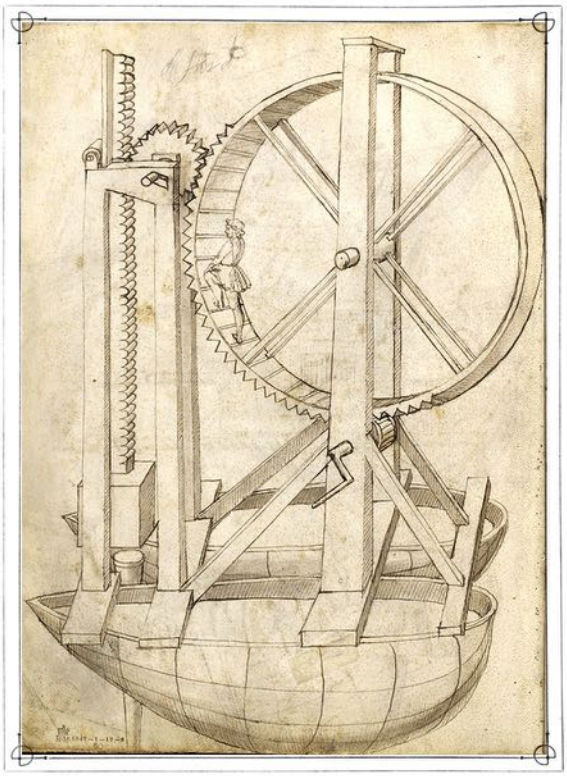
Транспортник

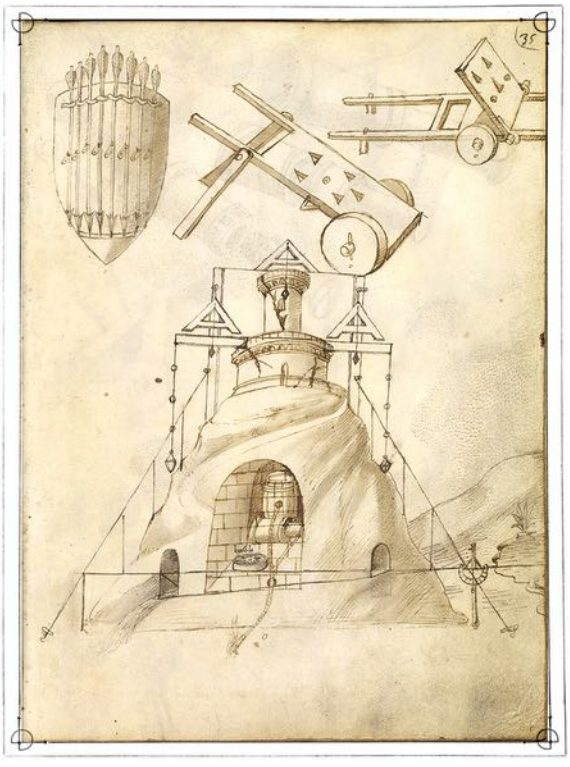

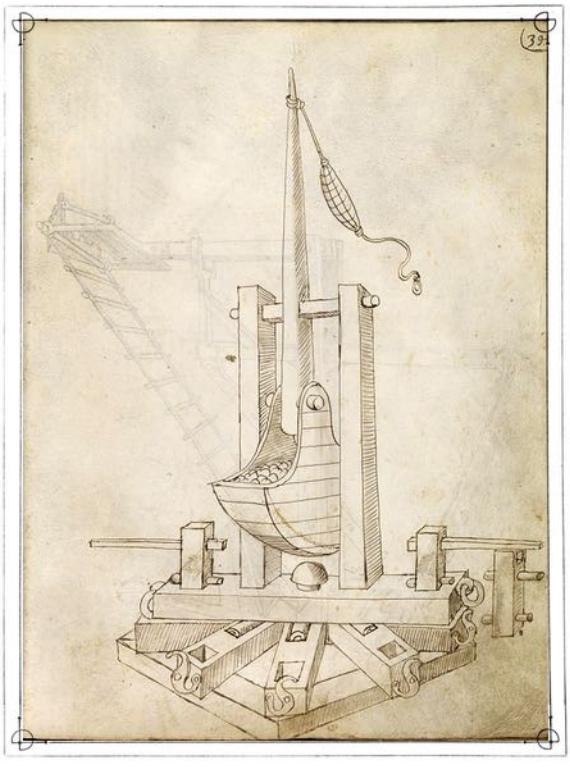
Базовая станция менеджер

Возможно, это вызовет у некоторых читателей некий скепсис. Мол, сие — из жанра научной фантастики. Что же, может быть — это и имеет некоторое отношение к фантастике, но всё не так просто. Великие говорили, что «всё постигается через демонстрацию». И что может быть ярче и убедительнее, чем сами иллюстрации древних учебников, запечатлевшие оборудование, которое существовало в XIV–XV веке, и сохранилось в Европе по настоящий день. Речь — о древних трактатах Флоренции, найденных в Британском музее. Вот фрагмент учебника по строительству неких объектов. И, конечно, назначение этих объектов не всегда известно и понятно обывателю:

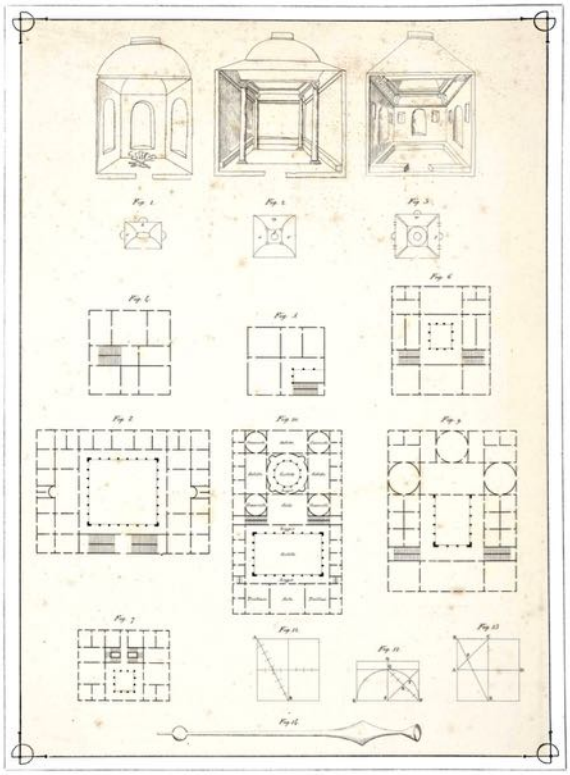

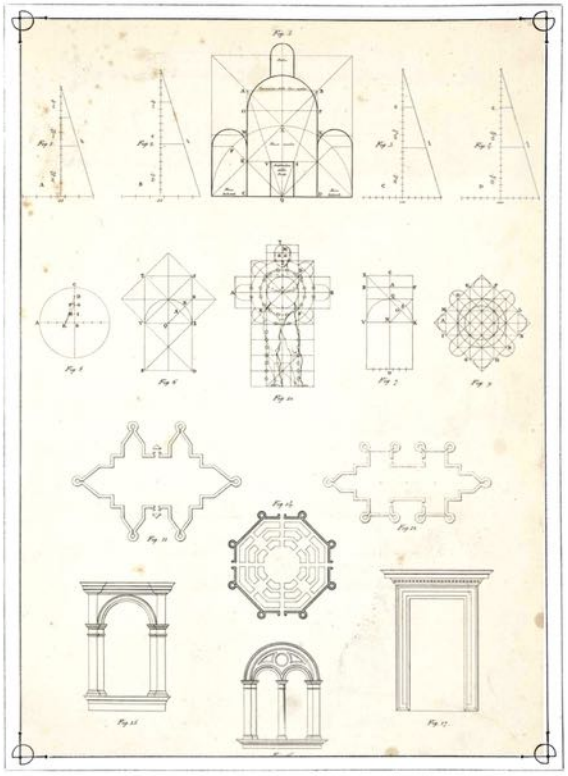

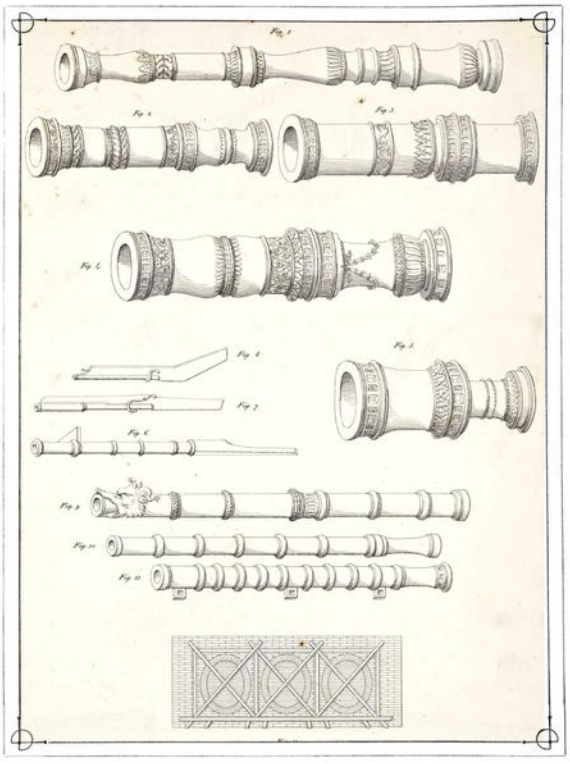
Иллюстрации из трактата сиенского архитектора Франческо ди Джорджо Мартини «Работа по архитектуре» (Francesco di Giorgio Martini, Opusculum de architectura, 1474-1482)

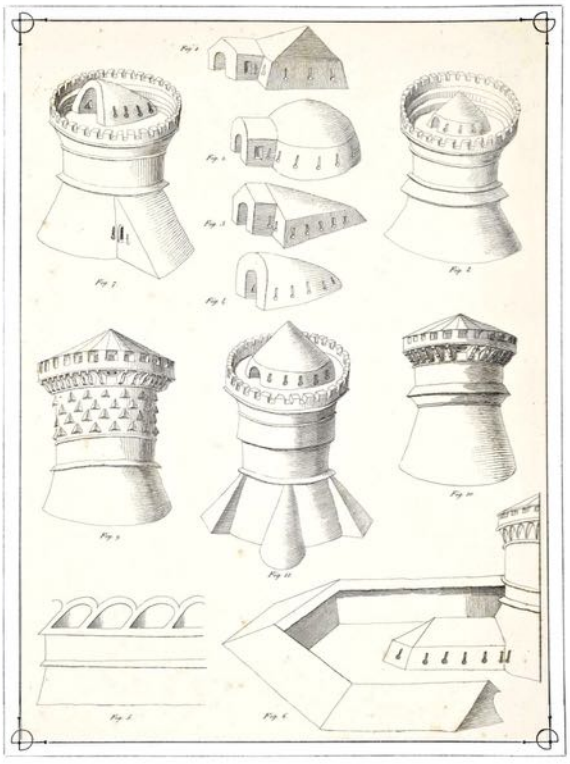
© The Trustees of the British Museum, released as CC BY-NC-SA 4.0

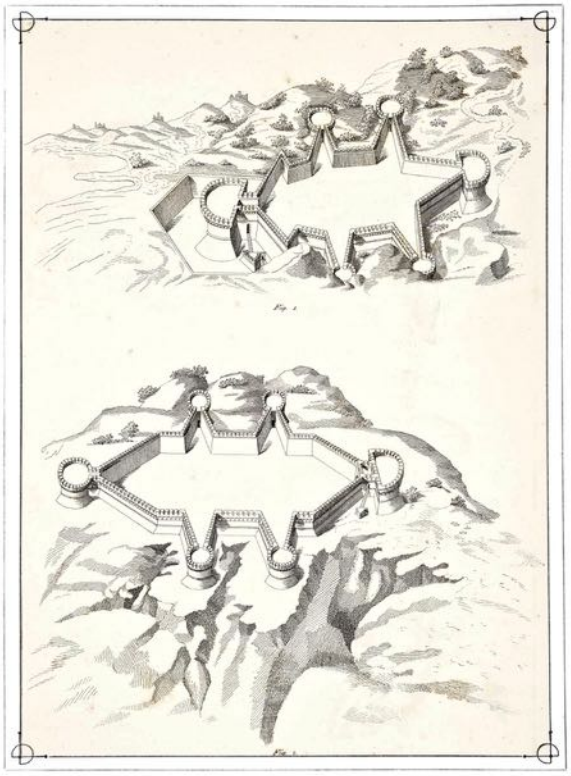
Автором учебника является один из выдающихся военных инженеров, архитектор, художник Франческо ди Джорджо Мартини (1439–1501), который, по сути, консультировал всю Европу по строительству объектов. Он написал учебник «Трактат гражданской и военной архитектуры», который, исходя из иллюстраций, является не просто учебником, а пособием для тех, кому судьба — и строить, и уничтожать крепости, и проникать в них.

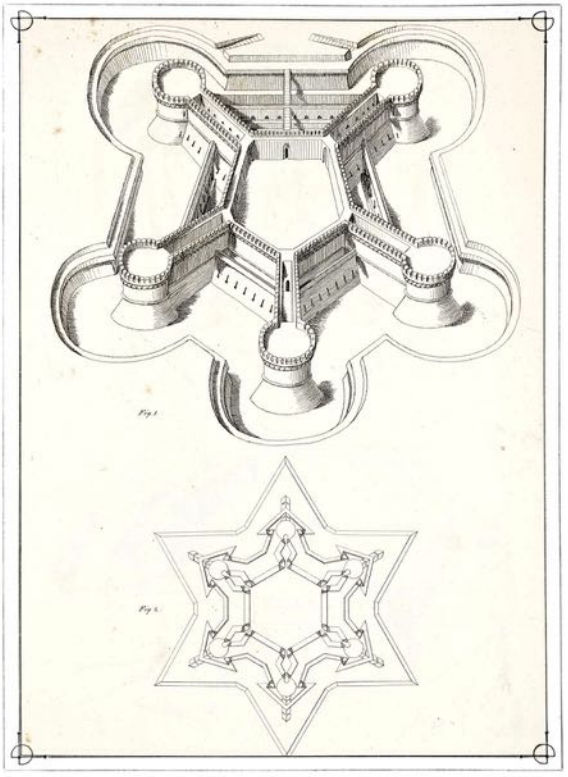

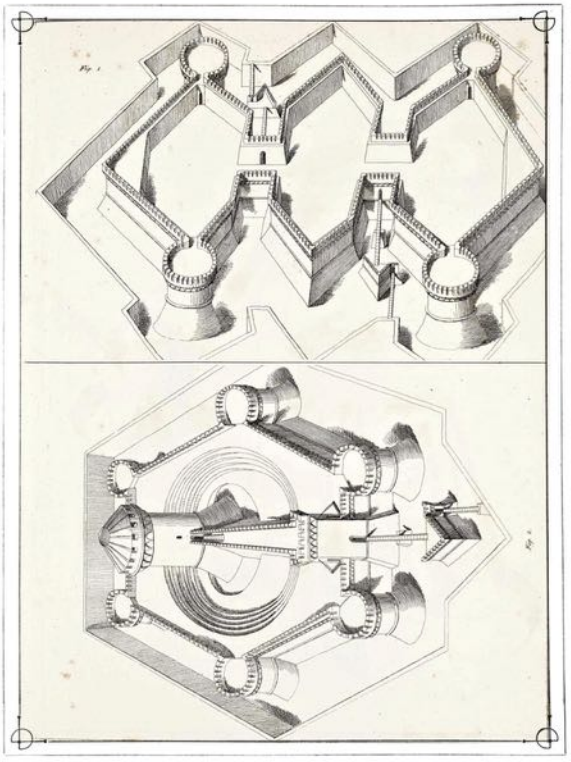

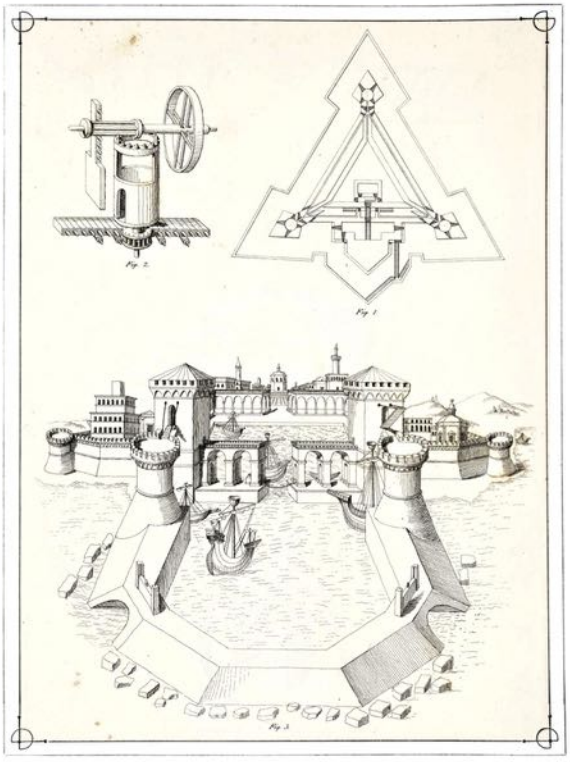

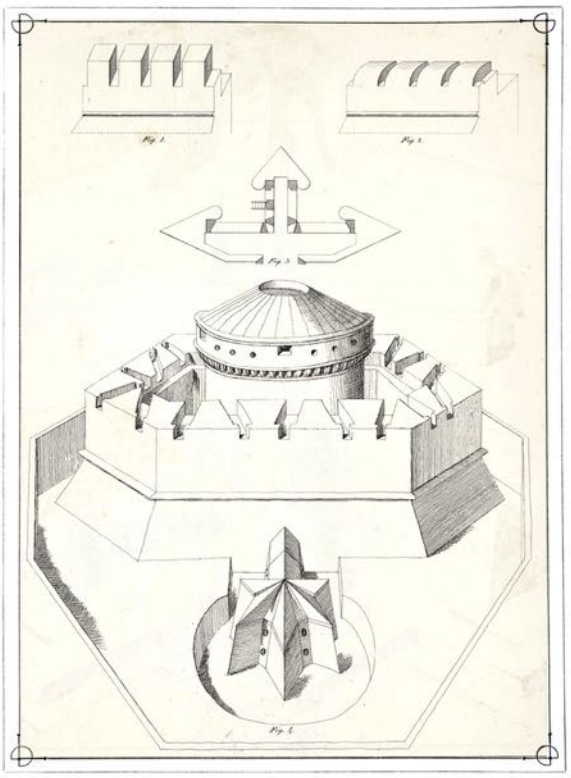

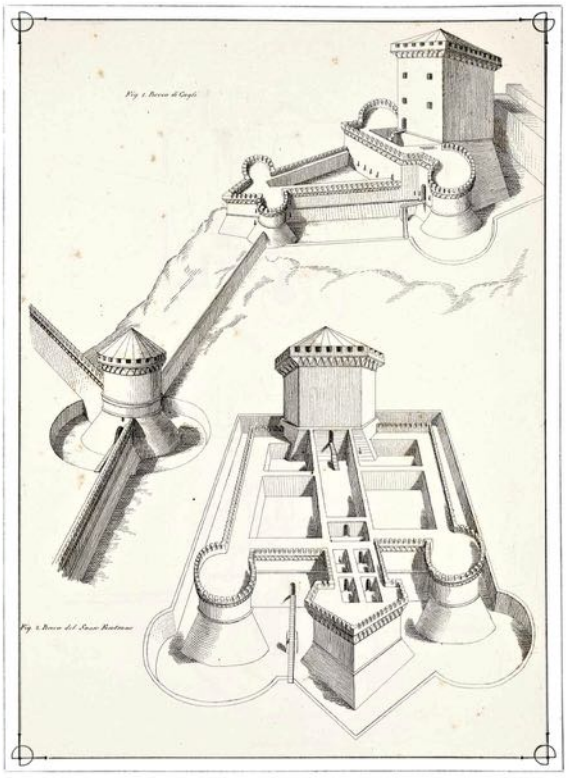

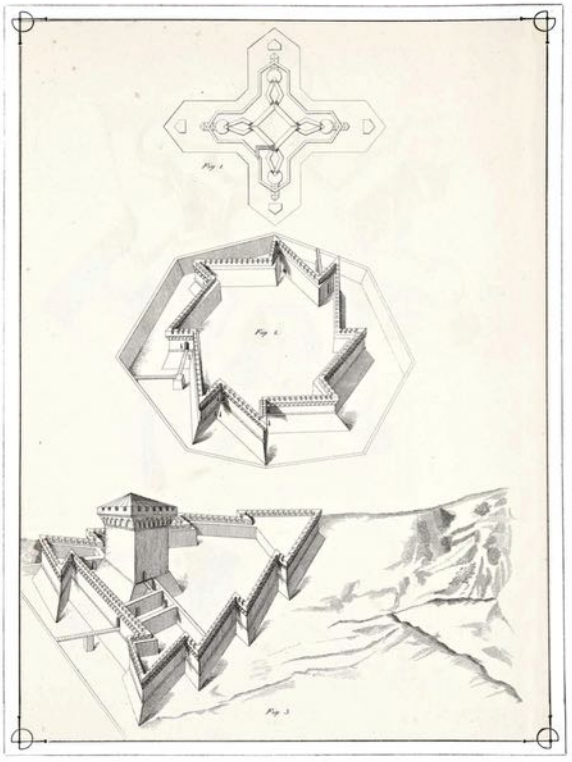

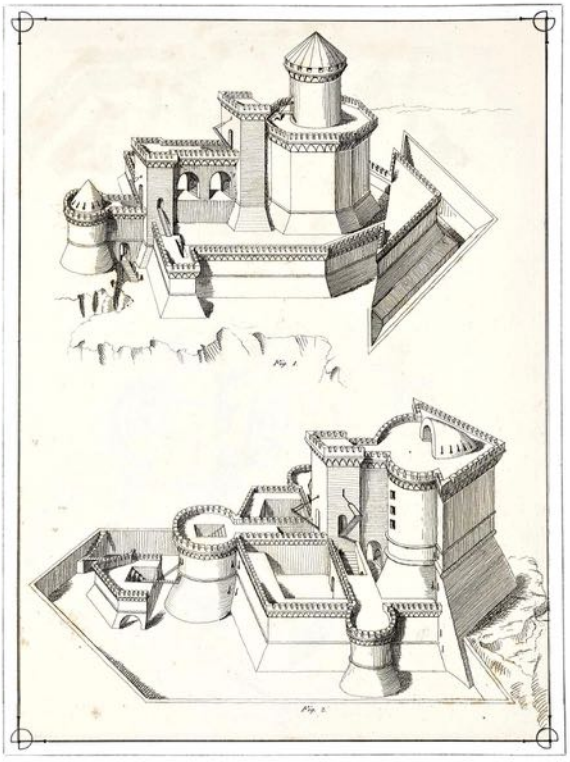

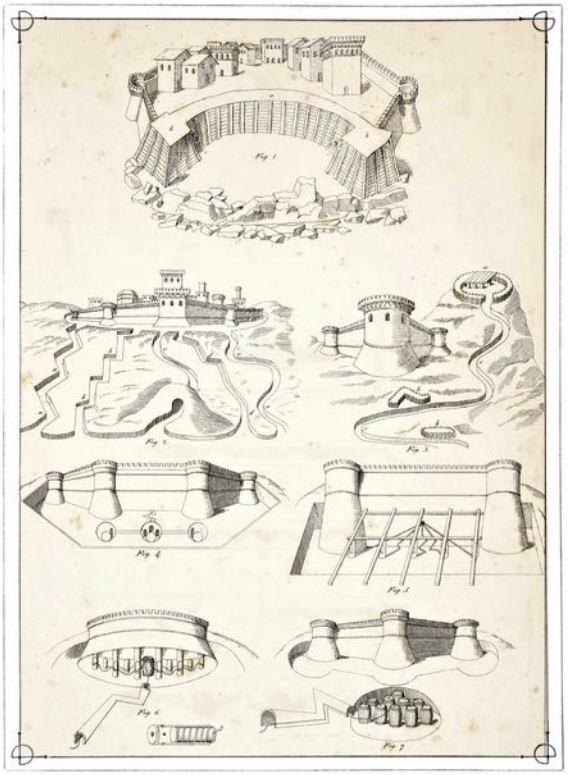

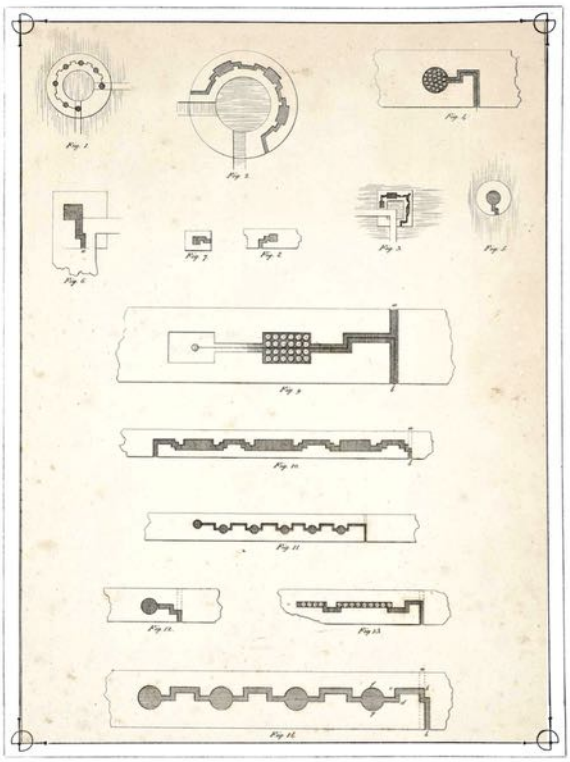

Примеры того, как разрушать эти объекты:

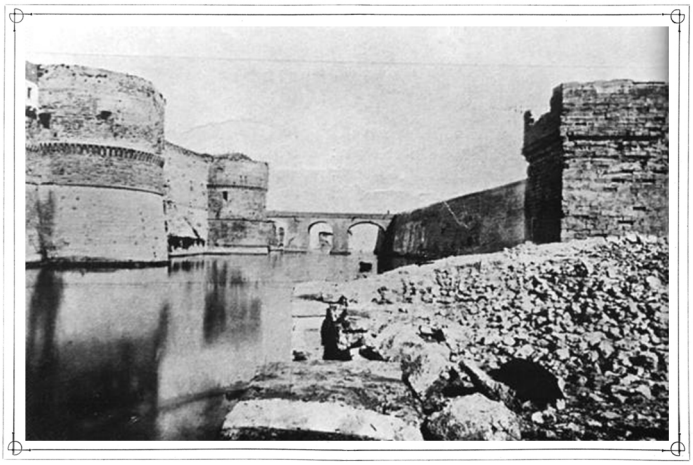

«Трактат гражданской и военной архитектуры» Франческо Ди Джорджо Мартини, 1841г.

Замок Орсини-Колонна (castello Orsini-Colonna) перед землетрясением в Марсике 1915 года, Италия

Оборонительный ров Арагонского замка (Castello Aragonese), 1880

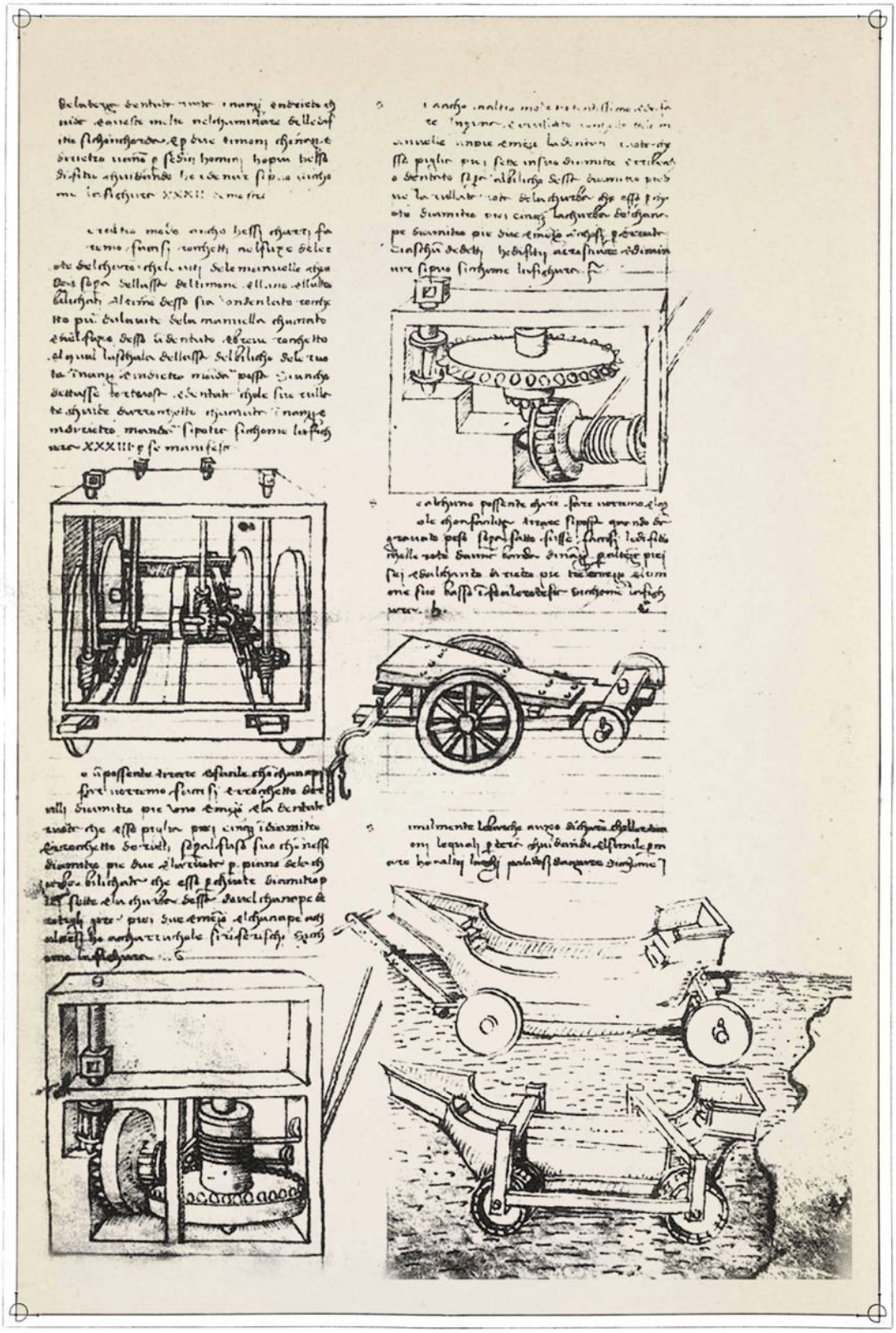

Фасад Торричини, Герцогский дворец Урбино (Facciata dei Torricini, Palazzo Ducale di Urbino)

Как видно из этих рисунков, везде присутствует специальная геометрическая составляющая. То есть, все объекты имеют специальную геометрию (ту, что согласно знанию древних ученых, принимает божественную силу, являясь резонаторами этой божественной силы).

Подобного рода иллюстрированные учебники XV века показывают — как строились и функционировали замки, которые до настоящего времени сохранились и стоят в Европе уже столько веков в целости и сохранности, на высоченных обрывах скал.

Примеры используемых механизмов:

Страница трактата Франческо ди Джорджо Мартини, приблизительно 1470, Торино, Библиотека Реале

Было открыто и то, что эти машины становились культом. Да, именно так: они были культовые. Этим машинам делали памятники в камне (по сути, их даже обожествляли):

Примеры машин, которые устанавливают колонны. Машины, которые решают определённые задачи, перемещают, поднимают и опускают груз… Все построено на физике, в некоем смысле. И, важно то, что сегодня ничего не поменялось. То есть впечатление таково, что механизмы эти просто скопированы: вот перед нами станки и прочие объекты, а современная инженерия, по сути, ничего принципиально нового не придумала. Это все уже существовало задолго до современной академической науки и ее «достижений».

Есть еще один важный момент, о котором необходимо сказать. Сопоставьте и вы изображения машин и механизмов из учебника XV века с теми рисунками техники, которые были воссозданы нами на основании найденных артефактов и документов из библиотек Европы за 5 лет. И совершенно четко увидите: эти крепости «скручены» из элементов тех машин, которые мы нарисовали. Сопоставьте несколько иллюстраций между собой. Все эти объекты, сохраненные до настоящего времени в Европе (замки и т.д.) — являются продукцией в геометрическом объеме элементов тех машин, которые мы вывели и нарисовали, используя криминалистические методики. Все механизмы, которые показаны в учебнике, являются элементами тех машин, которые мы вам продемонстрировали. Просто — в разобранном виде, всего на всего, что является лишь некой формой деградации. То есть сначала были машины, выведенные криминалистическим методом; затем люди деградировали, и начали строить крепости не при помощи машин, а уже в виде этих машин, используя их элементы как геометрию…

И, вероятно, эти машины работали как раз на той силе, о которой говорили древние — за счёт геометрии объектов и тех редукторов, распределителей, которые силу распределяли на механизмы этих машин. Кто-то может сказать, что это не научно, что это научная фантастика… Но хочу напомнить, что еще не так давно Никола Тесла катался на автомобиле… без бензина. Он ездил на автомобиле по Буффало (США) целую неделю, используя внешнюю энергию для приведения в работу двигателя автомобиля. Этот случай известен мировой науке. Но объяснить, как это было возможно — никто не может. Тайна этого «эксперимента» Теслы ушла вместе с ним. Но факт остается фактом, что даже совсем недавно, в 1931 году — начало XX века (!), Никола Тесла показывал, что это возможно. Поэтому, существование подобного рода машин — не просто научно, а крайне научно.

Приведу лишь несколько вариантов описания этого случая в истории и науке:

«В 1931 году Никола Тесла снял бензиновый двигатель с нового автомобиля фирмы Pierce-Arrow и заменил его электромотором переменного тока, мощностью 80 л.с., без каких бы то ни было известных внешних источников питания. В местном радиомагазине он купил 12 электронных ламп, немного проводов, разномастных резисторов и собрал всё это в коробочку длиной 60 см, 30 см и высотой 15 см. Укрепив коробочку сзади за сиденьем водителя, он выдвинул стержни и возвестил «Теперь у нас есть энергия!». После этого он ездил на машине неделю, гоняя её на скоростях до 150 км/ч. Таким образом, на глазах изумленной публики Никола Тесла ездил на автомобиле, снабженном электродвигателем собственной конструкции, который получал электроэнергию из таинственного внешнего источника, и в неограниченных количествах. Однако пресса стала очернять Теслу в связи с чёрной магией, что ученому крайне не понравилось. Он снял с машины таинственную коробочку и возвратился в свою лабораторию в Нью-Йорке. Тайна его источника энергии умерла вместе с ним (фрагмент научного доклада с 8 международной научно-практической конференции «Новые технологии и материалы легкой промышленности», которая проходила в мае 2012 года)».

«…Рассказывает двоюродный племянник Теслы господин Петер Саво: «Однажды дядя неожиданно попросил меня сопроводить его в длительной поездке на поезде в Буффало. По пути я попытался расспрашивать его о целях поездки, но он отказался рассказывать что-либо заранее. Мы подъехали к небольшому гаражу, дядя пошел прямо к машине, открыл крышку капота и начал вносить изменения в конструкцию двигателя. Вместо бензинового двигателя на машине уже был установлен электродвигатель. По размерам он был немного более 3 футов в длину и чуть больше 2 футов в диаметре. От двигателя тянулись два очень толстых кабеля, которые соединялись приборной панелью. Кроме того, имелась аккумуляторная батарея — обычная, на 12 вольт. Двигатель был номиналом в 80 лошадиных сил. Максимальная частота вращения ротора была заявлена в 30 оборотов в секунду. Сзади автомобиля был укреплен стержень антенны длиной в 6 футов. Тесла перешел к кабине и начал вносить изменения в «приемник энергии», который был встроен прямо в приборную панель. Приемник, не крупнее настольного коротковолнового радио, содержал 12 специальных ламп, которые Тесла принес с собой. Прибор, вмонтированный в приборную панель, был не больше по размеру, чем коротковолновый приемник. Тесла построил приемник в своем гостиничном номере; прибор был 2 фута в длину, почти фут в ширину и 1/2 фута в высоту. Вместе мы установили

лампы в гнезда, Тесла нажал 2 контактных стержня и сообщил, что теперь есть энергия. Дядя вручил мне ключ зажигания и сказал, чтобы я запускал мотор, что я и сделал. Я нажал на акселератор, и автомобиль немедленно двинулся.

Мы могли бы проехать на этом транспортном средстве без всякого топлива неопределенно большое расстояние. Мы проехали 50 миль по городу и потом выехали в сельскую местность. Автомобиль был проверен на скоростях 90 миль в час (спидометр был рассчитан на 120 миль в час). Через некоторое время, когда мы удалились от города, Тесла заговорил. По поводу источника энергии он упоминал «таинственное излучение, которое исходит из эфира». Маленький прибор, очевидно, был приспособлен для собирания этой энергии. Тесла и я оставили автомобиль в этом сарае, забрали все 12 ламп, ключ зажигания и отбыли. Однако в ответ на мои дальнейшие настойчивые расспросы Тесла сделался раздраженным. Что не случайно — озабоченный безопасностью своей разработки, Тесла проводил все испытания втайне… (Фрагмент из книги «Никола Тесла: ложь и правда о великом изобретателе»)».

Недельный эксперимент Теслы еще раз доказывает и подтверждает, что ещё совсем недавно Никола Тесла демонстрировал подобного рода возможности науки древней.

При серьезном изучении исторических документов даже XIX века, очень четко прослеживается «высший пилотаж» науки в Европе. К примеру, трактат «Наука фехтования» итальянского мастера фехтования Бласко Флорио, был издан в Катании в 1844-м году. Это потрясающая докторская работа, написанная задолго до появления современной науки (еще в середине XIX века), тогда как, скажем, психология — такой, какой мы ее знаем — возникла, условно говоря, уже в XX веке. Еще раньше, в XVI веке испанский дворянин, командор ордена Иисуса Христа Иеронимо Санчес де Карранза дал все психологические выкладки в своих документах и трудах. И уже помянутый Бласко Флорио говорил о существовании психологии, просто тогда в университете она называлась несколько иначе — наука о мистике и рационализме. Да, именно так называлась психология в те времена. И она, как наука, ни из ничего не возникла и никуда не исчезала на протяжении всех этих веков, а просто называлась иначе.

По сути, современная наука является лишь подобием той, которая существовала еще в XIV–XVIII веках в Европе, и которая впоследствии пошла очень странным «математическим» путем, не позволяющим ей выйти за рамки математики. А то и за рамки теоретической механики и физики, теории машин и механизмов, теоретической механики и так далее. Учитывая эти примеры научных достижений более, чем пятисотлетней давности, можно сказать: на лицо лишь деградация человечества. Потому что машины существовали задолго до этого и были они рабочими (то есть, использовались при строительстве на территории всей Европы). Безусловно, можно выдвигать дальнейшие гипотезы о том, как они были устроены, откуда они, и так далее, но факт остаётся фактом. Сначала были машины, которые нам удалось восстановить и нарисовать, используя криминалистические и криминологические методики. Потом появились другие машины, которые являлись проекцией предыдущих, но уже их статической проекцией (как элементы машин и механизмов, в виде архитектуры, крепостей и разных сооружений, найденных на гравюрах и рисунках в архивах библиотек Европы). Затем происходило все боль-

шее и большее упрощение, то есть ухудшение. В 1830 году в Европе произошла Буржуазная революция, начало появления общества потребления, и продолжение деградации — до сегодняшнего состояния. И этому немало способствовали современная наука и система воспитания. Но, на данный момент наблюдается постепенное восстановление науки. Уже ведутся исследования на стыке наук, а это говорит о том, что пошла обратная сборка науки в единую систему. Ученый не может быть специалистом в одной науке, иначе — какой же он тогда учёный… Учёный — это человек, который много знает и может оперировать данными на стыке наук (что делал Иеронимо де Карранза еще в XVI веке, Бласко Флорио в XIX веке, что делали другие выдающиеся мыслители того или иного времени).

Еще одна иллюстрация этого — крайне интересный тезис в одной из научных работ XVIII века, автор которой неизвестен: *«Изменение назначения строения сохраняет силу объекта, при этом может потерять его функционал»*. То есть, если люди построили крепость, а затем превратили ее в храм, то сила объекта сохраняется, но вот его функции могут быть изменены или утеряны.

Обратите внимание на очень странный культ машин, который ранее я никогда прежде не видел. Но то, что он существовал — это факт. Экспедиционный корпус нашел изображения машин на фресках, гербах и так далее, что достаточно иллюстративно представлено в этой главе. То есть те машины считались культовыми. Можно предположить, что были некие люди, которые обожествляли эти машины. Следовательно, были и те, кто не могли пользоваться этими машинами, и на которых они наводили страх. В таком случае уже можно поделить людей на два типа: на тех, кому принадлежали машины, и тех, кто поклонялся этим машинам.

Еще одно странное совпадение. Пророк Иезекииль, единственный из великих пророков, кто, согласно преданию, видел Бога и описал его в «Книге пророка Иезекииля»,— исходя из его комментариев, описывает машину, которую я условно назвал *«базовая станция»*. По сути, пророк Иезекииль просто описывает *базовую станцию*, увиденную им, которую он назвал Богом:

«…И увидел я: вот бурный ветер пришел с севера, облако огромное и огонь пылающий, и сияние вокруг него (облака), и как бы хашмаль (сверкание) — изнутри огня. И внутри него — подобие четырех живых существ, и вид их подобен человеку (со стороны, обращенной к пророку). И четыре лица у каждого, и четыре крыла у каждого из них. И ноги их — ноги прямые, и ступни ног их, как ступни ног тельца, и сверкают, словно блестящая медь. И руки человеческие под крыльями их с четырех сторон их, и лица и крылья — у (всех) четырех. Крылья их соприкасались друг с другом; не оборачивались они в шествии своем; каждый шел в направлении лица своего. И образ лиц их — лицо человека, и лицо льва — справа у (каждого из) четырех, и лицо быка — слева у (каждого из) четырех, и лицо орла у (каждого из) четырех. И (таковы) лица их. И крылья их разделены сверху, и два (крыла) соприкасаются у одного и другого, а два — покрывают тела их. И каждый шел в направлении лица своего; туда, куда возникнет желание идти, туда шли; в шествии своем не оборачивались. И образ живых существ этих подобен огненным углям пылающим, подобен факелам; он (огонь) блуждает меж живых существ этих, и сияние у огня, и молния исходит из огня. И живые существа эти двигались вперед и назад, как вспышки молний. И я увидел живые существа эти, и вот одно колесо внизу у (каждого из) живых существ этих для четырех лиц его. Вид колес этих и свойства их, словно

у драгоценного камня, и образ один у всех четырех; вид их и свойства их таковы, будто одно колесо внутри другого. В направлении каждой из четырех сторон своих шли они и не оборачивались в шествии своем. А ободья их — и высоки они и ужасны, и ободья эти кругом полны глаз у всех четырех. И когда шли живые существа эти, двигались колеса подле них, а когда поднимались живые существа эти снизу (вверх), поднимались и колеса. Куда возникнет желание, туда и шли они, куда бы ни (повлекло их) желание идти; и колеса поднимались подле них, ибо дух живых существ (был) в колесах. Когда те шли — шли (и) эти, и когда те стояли — стояли (и) эти, и когда те поднимались — соответственно снизу (вверх) поднимались колеса, ибо дух живых существ (был) в колесах. И над головами живых существ этих — подобие небосвода, словно ужасающий лед, простертый над головами их сверху. И под сводом этим крылья их, простертые от одного к другому; у одного два (крыла) покрывали, и у другого два (крыла) покрывали тело его (так у каждого из четырех). И слышал я, когда они шли, шум крыльев их, как бы шум многих вод, как голос Всемогущего, рев, подобный шуму стана; (а) когда они останавливались, опускали крылья свои. И раздавался голос над сводом, который над головами их, когда они останавливались, опустив крылья свои. Над сводом же, который над головами их,— образ престола, подобным камню Сапфиру, и над образом этого престола — образ, подобный человеку, на нем сверху. И увидел я как бы хашмаль (сверкание) с обрамлением, подобным огню, вокруг него — от вида чресл его и вверх; и от вида чресл его и вниз я видел подобие огня и сияние вокруг него… (Фрагмент из «Книги пророка Иезекииля»)».

Видение пророка Иезекииля
Базовая станция Менеджер

Так как кроме пророка Иезекииля Бога никто не видел (Моисей — согласно библейским преданиям — только слышал его голос, фактически разговаривая с горящим кустом), у нас Бог и остался изображенным в виде «базовой станции». Но «базовая станция» — это не Бог, а некий «менеджер», который распределяет, руководит работой других машин (всего лишь заранее введённая управленческая кибернетическая программа). А Боги, наверное, те, кто являются владельцами этой «базовой станции». Но их никто не знает. Ведь пророк Иезекииль видел «базовую станцию» и описал её достаточно точно. И он просто описывает «базовую станцию». Уже потом, после того как вывели и нарисовали машины, путем их сопоставления и поиска подтверждений в разных документах мы пришли к выводу, что пророк Иезекииль всего лишь описывал «базовую станцию». Бог выглядит несколько не так.

Но никто не описывает культ машин в Европе. При том, что изображение одной из таких машин — транспортника, было найдено Экспедиционным Корпусом на Юге Италии, в одном из древних храмов небольшого горного городка Джераче (как и изображения машин, найденные на фресках в Германии, на рыцарском гербе, и многое другое).

Итак, в Европе существовал культ машин. Его никто не описывает, им никто не занимается, и никогда в жизни никто об этом не упоминает. Хотя старинные изображения на фресках, в камне сохранились, на библиотечных полках возлежат научные труды XIV–XVIII веков. Экспедиционным корпусом сделано большое количество фотографий в рамках многочисленных экспедиций по исследованию неизвестной истории и технологий Европы (на сегодня такие изображения уже найдены на юге и на севере Италии, в Германии).

Фото Алисы Новоселовой. Храм в Джераче, провинция Реджо-Калабрия, Италия (Gerace, Reggio di Calabria, Italy). Научная экспедиция в провинцию Реджо-Калабрия, декабрь 2019

И это — факты, которые сегодня существуют. Их можно увидеть собственными глазами. Но никто не обращает внимания на то, что в Европе существовал культ машин, и даже не описывает его ни в одной исторической сводке, ни в одной истории… культ Бога описан, а вот культ машин не описывает никто.

И на этом фоне цитата из научно-фантастического произведения Аркадия и Бориса Стругацких «Попытка к бегству» — «пока не исчезнут машины…», которое написано совсем недавно, звучит:

«… — Ваша судьба будет легка. Великому и могучему Утесу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же наконец война за земли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий Утес, сверкающий бой, с ногой на небе и с ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины…»

Изучая документы XVI–XIX веков, сразу понятно насколько велика была цивилизация, которую мы совсем не знаем. Даже Великая Испанская империя и ее наследие нам непонятно и недоступно, хотя она распалась не так давно, и много ее документов хранится на полках библиотек… Но сегодня нет профессора, который может прочитать, например, трактат «Философию оружия» (1582) и объяснить то, что там описал де Карранза. Поскольку даже первая страница этого труда для многих станет полным тупиком. То есть, по сути, многим просто не хватает уровня интеллекта, чтобы понять, что там написано. И этот трактат впервые в мире, спустя более четырехсот лет, был переведен под моим патронажем на русский язык, и в итоге мне пришлось комментировать все его 4 части. Но для среднестатистического человека, которому дадут эту книгу для прочтения, она будет совершенно бесполезной, потому что он просто не поймет ее содержание, даже если она написана уже на русском языке. А ее написал великий Карранза, командор ордена Иисуса Христа — «простой религиозный фанатик», на стыке 9 наук еще в XVI веке.

Другая книга — труд Луиса Пачеко де Нарваэса «О величии меча» (1605) — уже проще по изложению, но все так же непроста.

В свое время, мы задавались вопросом о том, почему ранее никто не захотел перевести с испанского на русский язык эти произведения. Их пришлось переводить нам, что и было сделано. Труды эти находятся в свободном доступе в сети Интернет, чтобы каждый интересующийся мог с ними ознакомится. Выяснилось: значительному числу граждан сложно признаться самим себе в том, что у них… ну, не хватает ни искреннего интереса, ни уровня интеллекта для этого. Очень тяжело признаться себе в чем-то подобном. Хотя бы потому, что тогда придется признаться себе и в том, что все это время вас кто-то обманывал. Например, современные «мастера» Дестрезы, которые пытаются ее преподавать, даже не будучи знакомыми с первоисточниками — трудами основателя и последователей этого направления фехтования. Тогда что за «Дестрезу» они преподают? О какой Дестрезе «повествуют» историки, оружеведы и прочие люди? Откуда у них информация, если все первоисточники пылились долгие годы на полках европейских библиотек? И это лишь один из многочисленных парадоксов этого мира. Человеку очень сложно себе признаться в том, что он на протяжении 30–40 лет обманывал людей, выдавая себя за «мастера» Дестрезы… И сейчас, когда эти книги переведены и все выложены в сети Интернет, любой может начать изучение в подлиннике трудов Карранзы, Нарваэса, других ученых. А значит, понимать и видеть разницу между правдивым и ложным.

Так вот, обратите внимание, что современная наука стала ничтожной достаточно недавно. Если посмотреть в масштабе исторического периода, это произошло где-то в пятидесятых-шестидесятых годах XX века. Поскольку до того времени существовала некая тайная часть науки — закрытая, и некая явная часть науки — открытая. Но они четко взаимодействовали между собой (тайная и явная часть). В шестидесятых-восьмидесятых годах, можно так сказать, произошла научная революция, когда исчезла тайная часть науки. А с распадом и исчезновением Советского Союза наука вообще исчезла как таковая.

Затем последовали тщетные попытки возродить науку в уже независимых новых государствах. А в европейских странах — переделать ее на математический лад. Так, Герд Гигеренцер (видный ученый, немецкий профессор, заслуженный ученый и деятель, психолог-когнитивист) не раз отмечает, что все эти кардинальные изменения в науке, ее «оматемачивание» началось еще со времен французской революции тридцатых годов XIX-го и закончилось к восьмидесятым годам XX-го века. Так, обратите внимание, что большая часть научных открытий последнего столетия была совершена в период с 1920 по 1980 года. И чем дальше от этой даты влево, тем больше открытий, а чем ближе к 1980-му году и далее ближе к современности, тем их все меньше и меньше. После 1980-го года научные открытия почему-то стали не нужны. И они, если существуют и сохранялись, то только в точных науках, а в гуманитарных — они исчезли вообще.

И когда кто-то говорит, что, например, «Бодрийяр — не Кант», то мы отвечаем: но ведь и «Кант — не Бодрийяр». Неизвестно, кем станет Жан Бодрийяр для мира. Кант, безусловно, великий философ. Он в свое время поставил на колени Европу. Но ведь Жан Бодрийяр — поставил на колени мир. Понимаю, что со мной не все ученые будут согласны. Но никто другой подобной работы, как Бодрийяр, не проделал. Спорить может тот, у кого есть альтернативный материал на эту тему. А если работ нет, тогда это не научно. Можно обсуждать только альтернативу. В силу этого, кто более великий — еще вопрос. История все рассудит.

И когда Жан Бодрийяр пишет свои труды, он, по сути, призывает к возврату к той самой науке, которая была в XIV–XVIII веках. Как отмечал Бодрийяр, он «вышел» из академической науки, перестал себя считать её частью, оставив её как объект исследования. И подверг академическую науку очень серьезному анализу. В результате его анализа получились вещи, гораздо более «жесткие», чем об этой науке пишет даже Герд Гигеренцер в своем труде «Адаптивное мышление» (Gerd Gigerenzer, «Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition)», Oxford University Press, 2002). В этой работе он критикует современную науку, её Байесовские модели и полное отсутствие прикладной системы использования этих данных.

Бодрийяр же говорит о том, что современная наука — это не просто симуляция, а ложь, которая воспитывает в человеке приверженность к гиперреальности. И это, по его мнению, полный беспредел. То есть, современный среднестатистический «необразованный» человек, который считает себя «королём природы и мира» (как ему рассказывают), по сути, абсолютная «ничтожность» в этом мире, и может выжить только в обществе потребления. Жить без этого общества он не способен. Он раб этого общества. И всё потому, что исчез Бог, исчезла культура, исчезло еще очень много всего… И такая работа Жана Бодрийяра как книга «Гипсовый ангел»

(1978) очень ярко это показывает (так же, как и другой его труд — «Исчезновение культуры»). У нас исчезла культура, исчезла вера, исчезла наука — исчезло все. И осталось… симулятивное общество потребления, которое состоит из огромного количества симуляций (как симбиоз симуляций).

И даже та наука, которая сегодня сохранилась в этом «обрезанном» состоянии, даже она перестает интересовать потребителя. То есть сегодня скорости в мире увеличились, сокращается время обучения, упрощаются программы. И всё это потому, что большинство людей стало не способно за отведенное время освоить эти программы. По сути, если раньше человек учился в университете 5 лет и за это время осваивал определенный блок материалов, то сегодня современному человеку для освоения такого же объема информации необходимо учиться в университете уже 10 лет. Как сказала одна из моих знакомых профессоров: «если раньше человек был способен выучить 4 листа текста и рассказать его на семинаре, то сегодня ситуация такова, что его нужно учить прочитать на семинаре 4 листа текста». То есть он не может прочитать даже четыре страницы! А уровень интеллекта абитуриентов ВУЗов упал настолько, что они не способны ни на какие анализы, вычисления и выводы — они могут только повторять. И даже повторяют многие из них плохо. При этом, мы говорим о людях с высшим образованием! Что же тогда говорить о тех, кто не имеет никакого образования… Как говорит Бодрийяр, они стали всего лишь «придатком к компьютерной системе». Эти люди — для компьютеров, а не компьютеры для них:

«Высокотехничная машина — это открытая структура, и, взятые как целое, такие открытые машины предполагают наличие человека, своего живого организатора и интерпретатора. Но если на уровне высокой технологии указанная тенденция опровергается, то на практике именно она по-прежнему ориентирует вещи в сторону опасной абстрактности. Автоматика здесь безраздельно господствует, и ее фасцинация так сильна именно потому, что не носит рационально-технического характера… (Жан Бодрийяр, «Система вещей»)».

По сути, они всего лишь потребители того, что по ту сторону экрана. А современная наука, как я говорил вначале, не заинтересована в каких-либо изменениях, которые бы могли произойти в понимании того, какой должна быть наука.

По сути, наука сегодня «обрезана», а методологию науки в большинстве своем знают плохо, а точнее не знают вовсе. Методология науки — это то, как что-то становится научным; как организовываются исследования; что является научным, а что — ненаучно. Откуда вообще берется наука; ее подходы, принципы и, безусловно, споры между собой ученых о научных концепциях? Как, по сути, человек становится ученым; что такое — ученый? Каким аппаратом вооружен этот человек и почему он использует именно тот или иной аппарат? Конкретно: почему какие-то подходы и принципы считает научными, а какие-то — ненаучными? И методология науки состоит не только из разделов, но и из целых отдельных курсов, где самым главным, «сердцем» науки являются **установки в науке**, потому что именно установка и определяет — что такое наука.

Само слово «установка» уже говорит о многом. Это, безусловно, искусственный фактор. По сути, кто-то что-то «установил». Соответственно, «правдой здесь даже не пахнет», нет никакого поиска истины — здесь речь идет исключительно об установках… в науке. Например, в Советском Союзе коммунистическая партия

издала распоряжение о том, что генетика — это враждебно-буржуазная наука. Это установка. Её реализация в стране вышла далеко за пределы науки — попросту говоря, за генетику — «Продажную девку империализма» — исключали из партии, лишали научных званий и наград, снимали с работы. И даже сажали в тюрьму. Достаточно вспомнить судьбу советского академика Н. И. Вавилова, умершего в тюрьме. И с того исторического момента науки «Генетика» в СССР не существовало. То же касалось и науки по имени «Кибернетика», что задержало развитие этих наук в СССР — в отличие от Европы и мира, где науки эти шли в своем развитии полным ходом. Очень яркий пример установки; есть и другие примеры — установки бывали разные. Порой они намного хитрее и извращенней, чем установка «сверху» (от правительства). Работали они тогда — и сейчас работают. Именно поэтому знание установок так важно — это основа методологии науки, по сути, ее основа. Понимание тех последствий, которые влекут за собой те или иные установки. Тем самым, разобрав все типы установок, которые существуют, можно вывести модель машины науки, посмотреть, что происходило дальше, как возникла современная академическая наука, точнее то, что от нее осталось.

Первый тип установки — это **культурная установка** в науке. Что это за установка? Культурная установка изначально бессознательная. Например, украинская культурная установка выглядит следующим способом: все трансцендентно, поэтому учиться так, как говорят в университете, нельзя (люди не привыкли читать книги, не привыкли прислушиваться к рекомендациям экспертов — у них во дворе, на селе 42 «авторитета», и каждый из них авторитетнее другого). Говоря о непривычке к чтению книг, нужно остановиться и оглянуться: ведь такая, условно говоря, привычка имелась. И в значительном масштабе. Не очень-то и преувеличивала советская пропаганда, называя страну самой читающей в мире. В дотелевизионную и малотелевизионную эпоху граждане читали везде и всюду: в трамвае, троллейбусе, автобусе и в метро, в парках и садах. И в детсадах. На пляже. В гостиницах. Во дворах и дома. Книга считалась лучшим подарком. Книги зачитывались до дыр и передавались из рук в руки. Читальные залы и библиотеки в целом никогда не пустовали. О школах, техникумах, училищах и ВУЗах говорить не приходится. Кому это всё мешало? Под воздействием каких-таких факторов это изменилось до степени современной воинственной «неначитанности»? Тоже ведь — существенные вопросы для современной науки.

И однако же, идём и едем дальше. Примером культурной установки является то, что все должно быть обозначено определённым способом. Например, случайно (случай, стечение обстоятельств, судьба и так далее — это пример украинской культурной установки). Но науке чужды «случаи», она не может полагаться на «судьбу» в том виде, в котором ее описывают. Чтобы располагать данными, необходимо читать книги, изучать труды, результаты Великих (нужны авторитеты). Культурная установка прямо влияет на науку. Ученые получают подобную культурную установку и тот, кто творит науку, чаще всего делает это именно с учетом той или иной культурной установки, на что надо сразу делать поправку.

Например, в США существуют совершенно четкие культурные установки, потому что США не однородны, их можно условно поделить, в известном смысле, на 2 части: у них или много образования (титулов), или много денег. Отсюда в Соединенных Штатах возникают и развиваются два простых подхода в науке.

А по сути, с научной точки зрения мы имеем дело с двумя видами фактов: американские ученые либо что-то «откопали», либо кто-то получил какую-то премию. Таким образом, культурная установка в США построена на том, что ученым надо либо добиваться общественного признания, либо добиваться некой сенсации. Американская система линейна и всегда узкоограниченная одной плоскостью (одной наукой), поскольку они считают, что у них не так много времени, и если нельзя сделать шоу, значит нужно сделать сенсацию. Как говорится, время — деньги…

Обратите внимание, что европейская культура исключает множество мнений, а американская культура настаивает на множестве. По этому же принципу устроена и Википедия: необходимо искать консенсус, договариваться, а правда это или нет — не имеет значения. Главное, что об этом в обществе существует согласие. Это совсем противоречит европейской доктрине, которая является прямо противоположной культурной американской установке, потому они никогда не находят между собой общего языка.

Европейская культурная установка выглядит следующим образом: на самом деле уважаемым людям все известно, а другим — неуважаемым — ничего неизвестно. Ну, в лучшем случае — почти ничего. И чтобы этим самым другим также стало кое-что известно, в европейской традиции существует два пути: книга и учитель (Наставник). Вся европейская система построена на этом: чтобы человек стал уважаемым, его кто-то должен учить, и тогда он станет более уважаемым человеком среди себе подобных. Так построена и норманнская (немецкая), и итальянская, и французская системы. В Европе нельзя стать ученым, не попав в общество, кузница кадров — это общество. В США также существует подобная модель — но она своеобразна: модель тайного общества. Но в США это общество политическое, а не научное. В Европе — это научное общество; из этих обществ может не выйти никаких политиков, но зато они воспитывают значительное количество ученых, бизнесменов, которые впоследствии создают благо государству.

Европа имеет богатейшую историю — как минимум 800 лет, множество библиотек, героев, достижений, включая одну из последних империй — Великую Испанскую империю (возникла с приходом Карла V). Второй была Российская империя, которая возникла несколько позже — с приходом Петра I. По сути, все, что в мире есть, это последствия этих двух империй — их науки и научных достижений. Поэтому в Европе культурный подход очень простой — все и так известно.

Посмотрим на русскую (российскую) культурную установку. Она стоит на трех позициях: 1) зачем это все нужно; 2) неохота; 3) если, кроме нас некому, то придется заниматься. Изначально у значительной части русских людей любая задача вызовет огромное недопонимание, зачем это нужно делать. Затем наступает «неохота», когда у него есть более серьезные занятия, а ему мешают их реализовывать; но когда выясняется, что кроме него это сделать больше некому — он идет и делает то, что нужно (по сути, выполняет задачу). Как когда-то говорилось: «Если не я, то кто же!», или «Партия сказала — надо!», или «Когда страна быть прикажет героем — у нас героем становится любой!». Обратите внимание, что при таком подходе в Российской империи наука в том виде, в котором ее представляют большинство людей, существовать не могла. И это очень наглядно видно исторически, поскольку университет там появляется и налаживается только в XVIII веке, когда в Европе уже четыреста лет как до этого уже существуют университеты. Таким образом, на

Руси университет был не нужен, они не хотели этим заниматься, поскольку русская традиционная культурная установка говорит: им по определению не нужна наука. Та наука, которая появилась впоследствии в России — пришедшая (нам ее принесли). Ее не было изначально, но к власти пришли люди, которые начали понимать, что наука нужна — в том виде, в котором мы ее сегодня знаем (наука такого типа).

Важно обратить внимание, что наука науке — рознь. Вероятно, до того, как возникла такая наука, на Руси существовала какая-то другая наука, которая полностью удовлетворяла народ вплоть до появления Петра Первого на престоле. Затем была война Петра с народом, попытка переделывать многое, в том числе и науку — на европейский лад. Но хорошим это не закончилось: все хотели жить так, как они жили до этого.

Сейчас большая часть ученых ориентирована на культурную европейскую установку. Но, к примеру, украинская культурная установка к европейской культурной установке не имеет никакого отношения. У украинцев собственная культурная установка и собственная идентичность, поэтому украинский ученый действовал, действует и будет действовать с позиции собственной культурной установки. И вся его наука будет направляема этой культурной установкой.

Вторая установка — **историческая научная установка**. В свое время академик Мельников такую установку называл «гармошкой». Почему так? Сколько историй существует, допустим, в Украине? Даже не две и не три. История вроде бы одна, но на самом деле она не одна, потому что история Украины до революции — это одна версия истории, после революции — другая история, а после возникновения российского и украинского государства (распад СССР) возникла третья история. А если, опять-таки, остановиться-оглянуться и всмотреться — даже тот отрезок истории, который называется Советской Украиной, вовсе не так однороден. И сам состоит из отрезков, отличающихся друг от друга — бывало даже коренным образом. Как и РСФСР, как и истории всех прочих советских республик. А история независимой Украины — так ли уж цельна-едина? Сколько президентов было в каждой стране… И приход любого из них к власти — возникновение новой истории, переписывание учебников… поэтому академик Мельников и называл эту установку «гармошкой».

Прежде всего, нужно понять, чем историческая установка отличается от культурной. Культурная установка — это вещь некого культурно-духовно-этнического порядка, это вещь, связанная с невидимыми процессами. Когда мы меряем историей, то речь идет о временном периоде. А если говорим о культуре, то речь идет о территориальности. То есть природа этой вещи временная или территориальная. Например, когда я говорю «в Украине», то речь идет о культурной установке, а когда «о XVII веке», то речь об исторической установке. Если это история — то это хронология, а если культура — это территориальность, но и в этом случае не всегда территориальность может отвечать нашим нормам. Тогда говорим в этом случае об определенном этносе. Таким образом, история всегда стоит на хронологии, личностях и событиях, а культура — на территориальности и особенностях, свойственных этой территориальности.

Первый тип исторической установки в науке — хронологический. Обратите внимание, что в Европе хронология сведена к годам и векам. Например, XVI век, XVII век. Мы так время не считаем, у нас хронология времени иная — времена правления Петра I, Екатерины II, при Ленине, при Сталине. Соответственно, у нас

привязка идет к личности, и это первое отличие исторической установки в разных науках.

Вторым моментом является то, что если у нас это личностная установка (к временам правления тех или иных государей), то на Западе — это установка периодами. Есть даже такое выражение «веяние времени», «философия Нового времени» и другие. Личностная установка — это практически всегда коэффициент самодурства, коэффициент глупости правителя, но всегда есть и исключения. Например, в рамках истории Имперской России до 1917 года есть два мощных научных «просветителя» — Пётр I и Екатерина II — которые принесли европейскую науку в Российскую Империю. То есть историческая установка включает в себя несколько элементов, и самое главное — это личности в истории, которые повлияли на ход научной мысли в тот или иной период. Например, простая европейская установка говорит о том, что психологию создали Фрейд, Юнг и Сонди, поэтому они — столпы психологии и они непререкаемы. Но на самом деле это заявление ложно, так как психологическая наука существовала и до них. История психологии говорит о том, что наука сия существовала и ранее. На то есть несколько официальных документов, одним из которых является труд Бласко Флорио. В 1844 году он пишет в своем трактате о науке, которая нами сегодня считается психологией, но там она называется «наука о мистике и рационализме». У нее просто другое название, она не называется психология, но исследовательский предмет существует и в те времена.

Мало того, сегодня не существует наук, которые существовали еще в 1844. Например, такие науки как «ролевое моделирование», «норма», которые также прямо описаны у Бласко Флорио в этом трактате. Такая наука существовала, и он ее подробно описывает, но сейчас такой академической науки не существует, как и многих других. По сути, времена исключают из науки целые научные отрасли. Например, раньше астрология считалась наукой, а сегодня — не считается, теперь астрономия вместо астрологии. Но раньше и астрономия, и астрология были академическими науками, что легко проверить, открыв учебники даже XVI века.

Таким образом, веяние времени исключает целые научные отрасли из академической науки и предлагают другой перечень академических дисциплин. Проверить это можно, сопоставив академические науки XVI и XIX, XX веков. Это будут совершенно разные науки. И чем ближе к XX веку, тем академическая наука более склонна к теоретизации, а чем далее в глубину веков, тем она ближе к практическому прикладному ее использованию и применению.

На самом деле есть историческая причина того, почему какие-то науки выбрасываются, а другие — в определённый момент времени становятся теоретическими науками. Вся причина во власти: люди, пришедшие к власти, чаще всего люди неглупые и образованные, они прекрасно понимают, что чем меньше информации практического характера попадает в голову среднестатистическому человеку, тем меньше глупых мыслей лезет ему туда же о каких-либо свершениях. Прикладная же система всегда тяготеет к постоянным переменам, чего совершенно не нужно власти. И в этом суть исторической установки.

Какая из этих исторических установок действует на ученого, и в какой момент времени — определиться крайне сложно. Установки, как любая попытка влияния на науку, уход от фактов — это то, что делает науку ненаучной. Что создает эти погрешности? Культурная установка, историческая установка и прочие другие,

которые влияют на науку, и делают ее ненаукой. По сути, любая попытка вносить культурную установку в науку мгновенно дезорганизовывает научные данные, а любая попытка включать историческую установку в научную парадигму — сразу делает это все ненаучным. А если одновременно задействованы обе установки?

Настоящие ученые — это лица беспристрастные, не имеющие национальности. Как говорил Чехов, истинная наука не может быть национальной — поскольку не бывает национальной таблицы умножения. То есть ученый — человек, не имеющий установок; он готов беспристрастно работать с фактами, подвергать сомнению все, что попадается ему на пути; исследовать все, что является непонятным, при этом — не имея никакой установки. Но, к сожалению, это слабо выполнимо, поскольку установки есть, и поправки на эти установки в науке существуют.

Третья установка — **психологическая**. Проблема этой установки — всегда проблема организации. Для того, чтобы понять психологическую установку в науке, нужно понять проблему организации. Слово «организация» могло бы выглядеть как обобщение, но в данном случае — это все уровни и весь диапазон организационной структуры. Например, как организован день человека? Как организована его жизнь?

Это проблема, прежде всего, организационной структуры. Дело в том, что у любого человека есть особенности его организации: у разных людей разные привычки, разное отношения к чему-либо. В связи с этим, взгляд на науку будет применен сквозь призму всех этих единовременных особенностей каждой личности. Примером психологической установки в науке является неспособность человеком поставить вопрос. Человек в таком состоянии способен только разделять чье-то мнение, которое ему понравилось, что к науке не имеет никакого отношения.

Деятельность человека и ее результаты — это зеркало его памяти. Соответственно, вся память человека в этой работе принимает непосредственное участие. Тогда на что будет влиять психологическая установка в науке? На ложь и правду в науке. Но тут важно отметить, если говорим о политической установке, то здесь присутствует намеренная тенденция. Человек здесь правды может не видеть, и не из-за того, что ему кто-то велел не видеть правду, а в силу того, что он так считает, это его мнение, его точка зрения… Но таким образом, сей «ученый» не способен комплексно посмотреть на вопрос — он что видит, то и «принимает за чистую монету». Но к науке это имеет мало какое отношение. Наука беспристрастно смотрит на вещи и понимает что правда, а что неправда. Как наука это делает? Она стоит на очень простых основах, которые и позволяют выяснить — правда это или ложь. Например, факты: есть факт — его можно обсуждать, а если факта нет, то его обсуждать не можем.

Другой пример — существование сознания у человека… Если у человека есть сознание, то его надо «предъявить». А если нет фактического предмета исследования (согласно науке сегодня), значит, этот вопрос обсуждать нельзя. А если нет предмета исследования, тогда непонятно, чем занимается сегодня ученый. Точно таким же образом возникает вопрос с психикой человека. Если у человека есть психика — ее надо показать. Поэтому современная наука психику не исследует. По сути, та психология, которая существует сегодня, исследует явления, из которых потом пытается выводить понимание так называемого устройства психологического аппарата. Именно из-за этого в психологии не исследуют психику — они исследует

явления вместо этого. Следовательно, мировая модель психики выглядит следующим образом: она устроена методом явлений, а не системой психологического аппарата, который изучает. Явление есть, следовательно, его можно исследовать, а уже из этого — можно пытаться воссоздавать какой-то психологический аппарат… Но никто в настоящий момент не исследует психику, никто не исследует память, никто не исследует сознание, потому что для современной академической науки таких явлений быть не может по определению, потому что их нельзя предъявить. Как у того же Чехова, помните «Письмо к учёному соседу»: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. То есть, согласно психологической установке, нельзя исследовать то, чего нет в природе.

Психологическая установка в науке, по сути, сегодня стагнация. То, что ученый думает — это одно, но зеркальное отражение — что общество думает об этой науке — дает самые неожиданные результаты. Множество людей считают психологию, как науку, сегодня полностью дискредитированной именно в силу психологической установки. Психология потерпела поражение практически против каждой науки. И причиной тому является сама научная отрасль, которая чрезвычайно дискредитирована. Любая психологическая установка в науке — это залог дискредитации, и именно так науку дискредитируют при помощи авторитета (терминального прототипа).

Четвертая установка — **социальная**. Эта установка науки — влияние общества, в том числе **религиозная установка в науке.** В научных кругах появляются группы для того, чтобы устанавливать некую политику. И первично в этой политике — направление развития. Если возьмем США, там существуют определенные группы, которые говорят, как развиваться психологической науке. В основе своей социальная установка порождает конфликт. И конфликты эти длятся долгое время. Главное, они создают суету и невозможность ответить на вопрос, а любые попытки решать эти конфликты тем или иным способом встречают еще большее сопротивление.

Социальная установка развития не совпадает у разных групп. Так возникает конфликт на базе представления дальнейшего. И второй конфликт, более жесткий — это абстрактная категория, это конфликт идентификации. И в Украине это ярко видно. Конфликт идентификации — кого считать тем или иным, и по каким критериям. И нет других критериев, кроме установленных законов, но это не интересует социум. Поэтому появляются такие слова, как «псевдоученые», «псевдонаука», помогающие этим группам сомневаться в том, что этот человек — не адвокат, не ученый.

Следующий конфликт, который будет возникать в социуме — конфликт принятия. Предположим, некто совершил научное открытие. Тогда сразу можно сомневаться в том, что это — серьезное открытие. Так, существует некая группа ученых, которые будут саботировать это открытие.

Третий конфликт в социуме достаточно серьезный — требование ко времени, чаще один конфликт — статический. Что такое статический конфликт? Ничего не должно меняться. Определенным людям невыгодно, чтобы что-то поменялось, тогда их репутация, их место и положения могут предстать совершенно в ином свете. Эти люди не желают, чтобы что-то поменялось в науке, а любые попытки новых открытий и появление новых ученых встречают колоссальную истерику.

Социальная установка определяет в пятом конфликте так называемую политику. Например, современные ученые, которые занимаются такими проблемами как аутизм, ведут себя очень интересным способом: они регистрируют случаи, обобщают данные, исследуют разницу, и ожидают гения (кого-то), который решит этот вопрос.

Сама политика современной науки достаточно странная, и в разных странах мира к ней подходят по-разному. Если стоит научная проблема — ее надо решать. Да вот решать ее некому. Ученые, которые сегодня существуют, в силу предыдущих предпосылок и социальной установки не способны решить те проблемы, которые стоят перед ними.

Пятая установка — это **иррациональная или политическая установка** (пример ее рассматривали выше). Ее называют иррациональной, потому что она основана на идеях, а не на фактах. Идея не может быть научной, научным может быть только факт. К примеру, мои исследования в области неизвестной истории Европы, касающиеся машин и техники, в том числе и определенных исторических периодов — абсолютно научны, потому что я не исследовал никакую технику, а исследовал работу этой техники. А следы работы этих машин видны невооруженным глазом, и не только в Европе. И могу предъявить в большом количестве доказательства этого. Только за один день пребывания в европейской экспедиции, я сделал 3–4 серии фотографий, на которых явно видно 12-метровые разрезы скал пилами (работала машина, которую условно назвали Навуходоносор). И эти факты сложно опровергать, когда сделано более 10 тысяч таких фотографий. Вряд ли у кого-то есть такая же библиотека, где сделаны и собраны десятки тысяч фотографий в рамках экспедиционных исследований и научной работы. И, соответственно, на очень многих фотографиях зафиксированы следы работы этой техники, огромное количество фотографий. Поэтому я изучал работу этой техники, этих машин, а уже потом на основании работ этой техники выводились предположения, выдвигались гипотезы того, как же могла выглядеть та техника, которая делала эту работу, и оставила такие массивные следы. В том числе, опираясь на источники и найденные научные европейские документы, лежащие в библиотеках Европы: в Мадридской библиотеке, в библиотеке Гейдельберга, в Палермской библиотеке, в библиотеке города Сиена и т.д.

Иррациональная установка — это **политическая установка, политика**, но несколько другого порядка, чем та, которую мы воспринимаем как политику. Ученые могут инакомыслить, и это на уровне политик государства надобно пресекать. Примерами иррациональной установки в государстве есть то, что инакомыслие (не свободомыслие) жестко пресекалось, и существует огромное количество примеров того, что в Европе людей шельмовали, гноили в казематах, даже и жгли на костре за иной взгляд. В XX веке обходились без костров, но без ссылки, каторги и расстрела — никак. Многих отправляли в исправительно-трудовые лагеря и т.д. И первое, что определяет государство в науке: что такое «хорошо», а что — «плохо»; что можно, а что нельзя. Другим критерием является… государственный заказ. Всегда у государства существует некий государственный заказ к науке — то, что государство заказало науке, а, по сути, это ожидание государства от науки, она должна что-то делать для государства.

Шестая установка — **подход «от древности к современности»**. Если подходить к науке от древности к современности, то мы получим 4 подхода: венецианский подход, норманнский, греческий и мировой феномен русского подхода. О чем идет речь? Дело в том, что взгляд венецианского подхода будет кардинально отличаться от всех остальных типов, а взгляд греческий будет кардинально отличается от венецианского и норманнского, норманнский тоже будет отличаться от всех, а русский феномен будет копироваться только с венецианским. Примером такой установки является то, что человек, принадлежащий к норманнскому управлению, будет иметь именно норманнскую установку, и он не будет принимать греческую науку, а греческая наука не будет принимать норманнскую науку. Между ними возникнет конфликт, спор, а венецианская наука будет на это смотреть со стороны. При этом, русская будет объяснять этим двоим, как все выглядит на самом деле (не раз было в истории, когда русская наука объясняла норманнской и греческой, что они «глубоко заблуждаются»).

Примером тому Александр Васильевич Суворов, который многократно заявлял своими подвигами и достижениями, что русская школа (русская наука) — самая сильная. И адмирал Ушаков демонстрировал это неоднократно. Поэтому были люди, которые демонстрировали все эти вещи. Гитлер и Наполеон Бонапарт, каждый в свое время, пытались науку поставить на службу своей империи и использовать ее против той имперской России, которая существовала тогда. И, при некоторых немалых успехах, все же в конечном счете все попытки были бессмысленны. Их наука никогда не побеждала русскую. Пример — Вторая мировая война и пост-военный период. И тому есть ряд причин. Моя книга «Рыцарский орден русских воров» открывает первую тайну и первую причину того, почему русская наука была так сильна и мощна. Тому есть определенные исторические и прочие причины.

Седьмая установка — это **язык и наука**. Проблемы языка — это всегда еще и проблемы науки. И точно можно сказать, что язык определяет границы научного познания. Вот только один пример: в русском языке есть слова «дух», «душа», «сущность», а в английском языке все эти категории определяются лишь одним словом — «спирит» («spirit»). И кроме этого слова других определений нет. И таких примеров — множество. Следовательно, все границы научного познания, все обобщения, категории — очень сложно изучать на английском языке, поскольку язык сразу определяет пределы границ научного познания. В то время, как немецкий язык, или, например, древне-испанский, содержат все эти категории, и каждой категории присуще свое конкретное определение. Поэтому, в силу того, что на сегодня существует парадигма европейской и американской наук, границы научного познания существенно сужены. Можно сказать, что и французский язык где-то шире позволяет описать те или иные явления более точно и ясно, чем другие языки, но он, тем не менее, не сравниться с немецким. Причина этому проста. Из европейских языков «научным языком» являться немецкий. И еще не так давно все русские дворяне первым делом изучали немецкий, потому что именно на немецком языке написано большинство научных трудов. Неспроста Маркс, знавший ряд европейских языков и прославившийся, как говорится, в мировом масштабе, считается немецким учёным. По этой причине многие люди сегодня не знакомы ни с трудами Липота Сонди, ни с работами других ученых, которые написаны на немецком языке (Генрих Фрилинг; Герд Гигеренцер — большинство его трудов написаны по-немецки, хотя писал он и на английском). Их сложно, а порой даже

и невозможно изучать, поскольку значительная часть людей учила не немецкий, а английский язык.

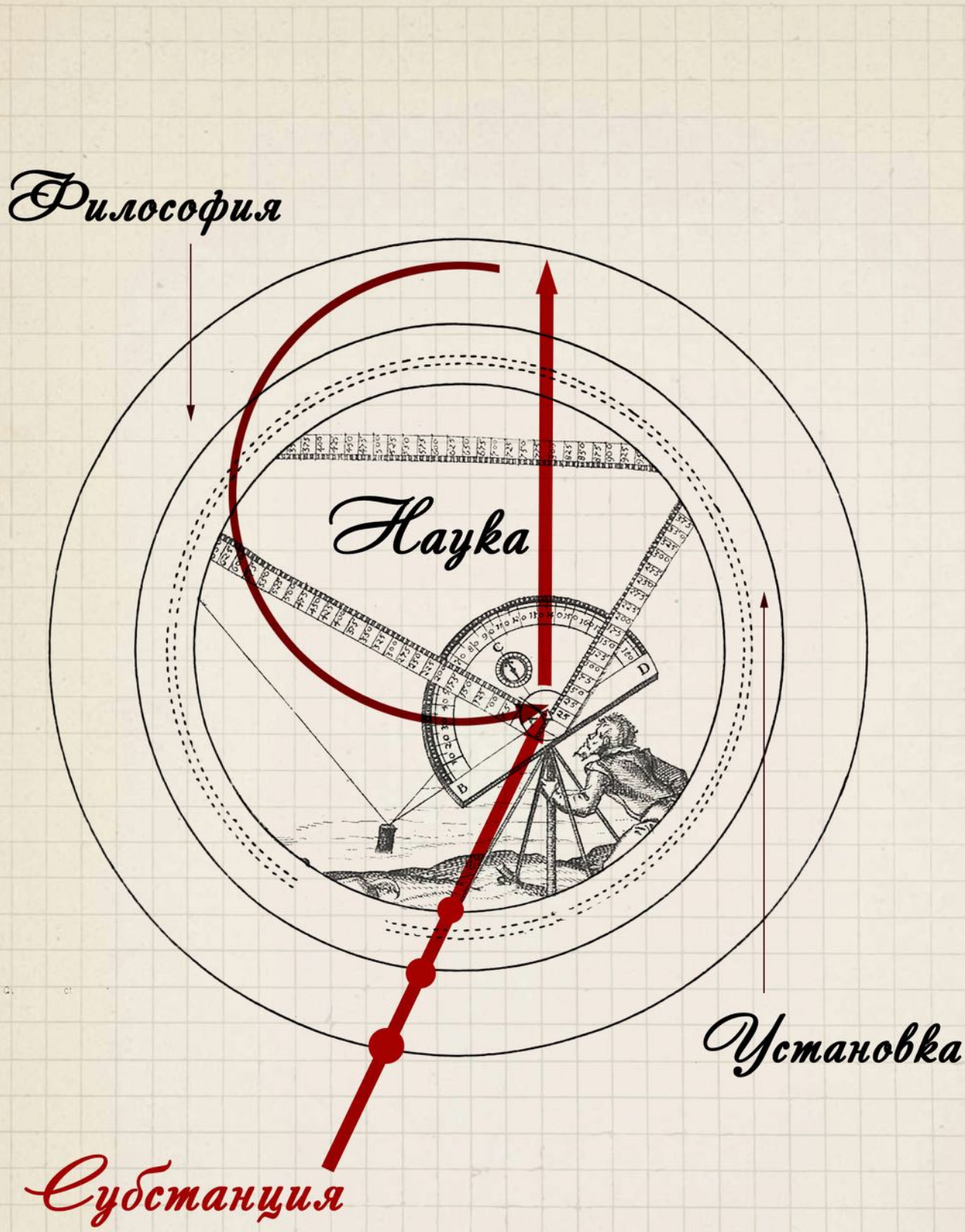
Так в определенный момент очень и очень многие начали учить английский язык, а не немецкий и французский. Да, английский язык позволяет понимать других людей в различных ситуациях (во время путешествия, к примеру), но заниматься наукой — совершенно не подходит.

Восьмая установка — **проблема школы**. То есть, принадлежность к той или иной школе — это также установка. Соответственно, в науке это создает ограничения догмами этой школы. Например, человек принадлежит к школе Декарта, следовательно, он будет ограничен эмпиризмом Декарта. А если он принадлежит к школе Локка, то будет исповедовать только его догмы. И тем самым, приверженность к той или иной школе мешает ему быть собственно учёным, создавая определенные ограничения.

Девятая установка — **временная установка**. От временной установки изменяется цель науки. Например, временная территориальная установка в Германии 1930-х годов — это военная установка: все, что не военное — это плохая наука. Так, в каждый период времени у науки были свои цели и задачи. Соответственно, все, что не подпадало под эти цели и задачи, сразу становилось ненаучным. На рубеже XVI–XVII века Джордано Бруно выследили, изолировали и сожгли на костре за то, что его идеи не соответствовали территориальности и временной научной установке, а она на тот период времени была церковной. Уже тогда, а тем паче — много лет спустя идеи Джордано Бруно нашли отражение в современной науке, но на то время его деятельность была объявлена ненаучной. Подобная участь постигла и греческих философов, к примеру, Диогена, который жил в бочке. По сути, время определяет причину существования науки (зачем она). В настоящий период времени наука нужна для того, чтобы зарабатывать деньги. То есть, причиной науки являются деньги, и вся она (наука) направлена на зарабатывание этих денег. Это ключевой навык этой эпохи, в которой мы живем сейчас, поэтому все остальное — ненаучно.

Таким образом, существует как бы три ядра. Центральное ядро называется *«наукой»*. Второе ядро — *«установкой»*, а третье — *«философией»*. Все, что вокруг этих ядер находится, называется «субстанцией». Наука — это ядро, то есть, очищенное от установок явление. Вокруг этого очищенного явления существует «разбавленная водой» субстанция, которая называется «установка» и этой наукой не является — это искажение науки. А обрамляет это все философия, которая является как бы «смесителем» возникновения науки из субстанции.

Устроено это следующим образом. Существуют некие «двери», через которые субстанция попадает в третье ядро и становится философской идеей. Затем она проходит горнило установок и стремится к первому ядру — науке, в котором будет очищена. Соответственно, затем наука выходит из первого ядра, но уже тогда, когда престаёт быть наукой и становится следствием установок. Она обратно возвращается к философии, где она перерабатывается на философском уровне, и опять стремится вернуться в первое ядро (науку). Но это не все. Дело в том, что у этого ядра существуют уровни — уровни науки, которые не связаны с этой машиной, и они расположены вертикально по отношению к ней. То есть уровни науки уходят как бы вертикально вверх, и наука опять становится субстанцией. Затем она через некие «ворота» обратно возвращается к первому ядру, становясь уровнями науки, и обратно уходит в субстанцию. И этот процесс происходит бесконечно.

Философия
Наука
Установка
Субстанция

Модель, представленная на рисунке, является **«машиной науки»**, или «субстанциональной машиной». Так работает «машина науки», при этом работает она постоянно и бесконечно, как отдельная система, сама по себе, по собственным законам, по собственным алгоритмам, и существует испокон веков. И, если названия этих уровней могут меняться, то сама машина существует, продолжает функционировать и никогда не остановится. Такой себе, если угодно, вечный двигатель (Perpetuum Mobile)… Но взгляд человека на науку — это лишь взгляд на установки (на уровень установок науки), и он не видит всей машины науки. Поэтому взгляд на науку, по сути, это взгляд на раздел установки этой машины. А раздел установки крайне важен — он определяет: какая наука интересна в какой момент времени, какая культурная установка… Всегда можно «подобрать» науку той чистоты, которую воспринимают «массы», «молчаливое большинство»… можно «подобрать» научные данные таким образом, что большинство будет считать, что эта «обрезанная» наука и есть наука на самом деле, поскольку «массы» не будут иметь дело с чистой наукой, не будут видеть всей «машины науки». Результатом этого наука всегда будет существовать, но в некой обрезанной форме… это вопрос.

Наука «обрезалась» установками все дальше и дальше, что, в конце концов, стала симулякрой (копией, не имеющей оригинала). И эту симулятивную систему всех заставляют принять как академическую науку. Но все не совсем так. При всем при этом, в науке сохранилась абсолютная свобода действий: методология науки никуда не делась, древние книги и научные труды лежат на полках архивов и библиотек. То есть существуют все возможности изучать изначальные вещи, первоисточники, только перевести их… Ученый может проводить любого рода исследования, но… этого почти никто не делает.

Наука всегда будет существовать в полном объёме как субстанция. Но людям она будет доступна в той форме, в которой её преподносят в силу установок в науке, которые они используют для того, чтобы эту самую науку «кромсать» со всех сторон, исключать те части науки, которые им невыгодны в тот или иной момент времени. Например, при социализме (мы уже толковали об этом) генетика считалась буржуазной наукой, враждебной нам. Но со временем, в определенный момент времени она стала нормальной наукой, принятой в академическом сообществе. При этом, на сегодня почему-то до сих пор не введена такая научная дисциплина как… психология истории. Анализ психологической истории показывает, что вся история вымышленная, а история технологий отличается от хронологической истории. И это также очень странно, даже если рассматривать совсем небольшой период в разрезе всей истории — период с XIV по XVII век (всего 400–500 лет).

Сегодня существует еще одна ужасная тенденция — попытки превращения науки в… религию. В чём их разница? В науке всё может быть поставлено под сомнение, а в религии догматы — божественны, и не подлежат обсуждению. Но есть немало примеров того, что науку пытаются превратить в религию. Так, недавно произошел некий серьезный инцидент в академическом сообществе, когда из российских индексов были вытащены и аннулированы порядка 2000 научных работ и их авторов, в которых были упоминания Бога. Наука об этом говорит: нет предмета исследования, а чтобы что-то исследовать — нужен предмет. Такая категория как «Бог» — это удел философии, а философия — это то, что стоит над наукой, и является ее основной, что более подробно было показано и описано в «машине

науки». И философы, такие как Жан Бодрийяр, сегодня не дают людям симулировать науку (даже ту, которая осталась), но масса все равно всячески пытается это сделать. К примеру, такие понятия как «лжеученый», «псевдоученый» появились в силу определенных установок. Но философы отказались рассматривать такой понятийный аппарат в науке, объясняя это тем, что очень многие научные учения когда-то были объявлены и воспринимались, как ненаучные. И существует вертикальный научный алгоритм того, каким способом «ненаучное» учение становится научным: путем исследовательской практики, доказательств и так далее.

Ярким примером тому является советский астрофизик, доктор наук Николай Козырев, который написал теорию времени. Он, по сути, повторил в науке то же самое, что было в XIV–XVIII веке: его труд о причинной механике (теории времени). Но философы категорически отказались рассматривать такой понятийный аппарат. И аргументировали отказ следующим образом: алгоритм того, каким способом ненаучное учение становится научным — есть путь исследовательской практики, доказательств и так далее.

Козырев выдвинул гипотезу о том, что время может быть двигателем (топливом) — гипотеза о физических свойствах времени. Возможно те машины, которые были нарисованы нами, полученные криминалистическим и криминологическим способом, вероятнее всего, работали на этой силе топлива времени. Как это происходит — неизвестно, пока, во всяком случае, нет объяснения тому, как время становится двигателем; или как комбинация некой силы миропостроения, времени или чего-то еще ретрансформируется в полезную силу машины. Машина — лишь некий «переработчик» этой силы, и то, что направляет ее на полезную работу (например, технически обрабатывать горные массивы, строительство и т.д.). Это всего лишь гипотезы. Но гипотезы совершенно не безосновательные, по причине того, что приведено огромное количество примеров, доказательств того, что все эти вещи существовали.

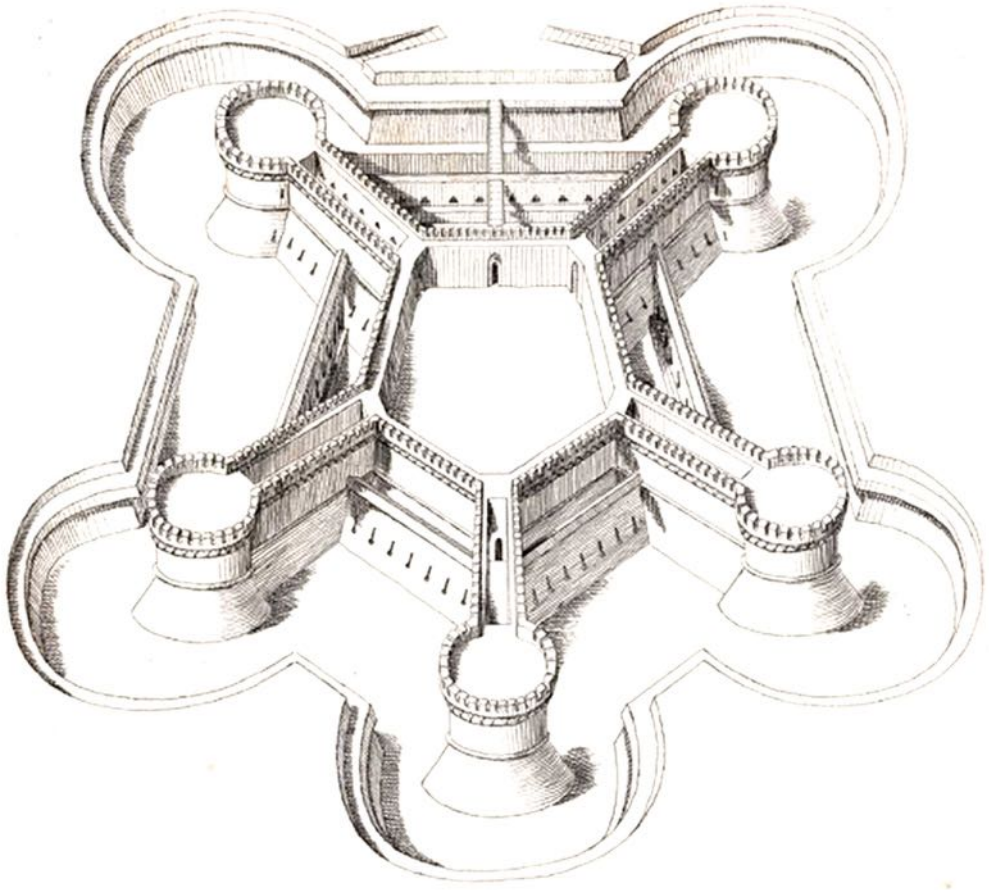
По этой причине Жан Бодрийяр относился очень скептически к этому «урезанному варианту» науки, который на сегодня существует. Он считал, что современная наука — всего лишь симуляция настоящей науки, и она к науке не имеет никакого отношения. Бодрийяр приводил тысячи примеров, почему это так. Но современное академическое сообщество, которое он критиковал, к нему очень плохо относилось, потому что им не нравилась эта критика, так как, по сути, Бодрийяр ставил под сомнение полезность их существования. Но делал это максимально объективно. И потому подход Жана Бодрийяра — это требование вернуться к науке без установок, без ограничений, существующей в силу научных правил: для всех — одни и те же правила; вертикальная система преобразования — идентична для всех, не важно — это академик или студент; научным считается то, что доказано, и так далее. То есть Жан Бодрийяр требовал возврата к той науке XIV–XVIII века, где учитывается все, а человек не ограничен нейрофизиологией.

Недавно в своем интервью с Джеффри Уэстом, автором книги «Масштаб. Универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний» мы затронули и вопрос о том, что теорию Дарвина на сегодня уже ретрансформируют в общество, то есть параллелизируют и прототипологизируют в общество. Полагаю, что теория Дарвина, сама по себе, изначально порочна, но в ней есть полезные гипотезы, которые

заслуживают внимания. И изучение биологии — не есть изучение человека. Поэтому можно говорить о том, что человеческая эволюция совершенно не изучена на сегодняшний день, не изучено происхождение человека. Но много веков назад знание подобного рода было естественным и понятным, а о «дремучести» этих людей можно судить по их научным работам, которые хранятся в библиотеках Европы, и по тем механизмам, которые они использовали тогда. И которые, увы, сегодня мы использовать не можем.

По этим причинам то, что сегодня существует в виде науки, Жан Бодрийяр считал симуляцией — которая «доказана» для всех, и, по идее, не должна вызывать никакого сомнения. Но у Бодрийяра современная наука вызывала огромные сомнения, и он очень подробно объяснил в своих трудах, почему так.

При подведении итогов главы я бы хотел сказать: тот человек, кто объективно себя считает ученым, должен учитывать все эти моменты в исследовательской работе. Современная академическая наука намеренно не дает ни методик, ни методологий для того, чтобы ученые не могли действительно эффективно работать с «полем неизвестного» для человечества, которое в большинстве своем давным-давно было известно. Просто эту науку «сделали» полем неизвестного для современного среднестатистического человека. Важно учитывать труды своих предшественников XIV–XVIII веков, необходимо учитывать достижения современной науки и техники, и работать над совершенствованием методологии исследования. Именно этого требовал Жан Бодрийяр, исходя из его философии и социологии. По сути, крестный отец постмодернизма говорил о том, что наука должна возродиться. И о том, что возрождение науки — это задача человечества.

STEP 5.
STEP 4.
STEP 6.

ГЛАВА
СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Начнём наш разговор с самого важного — раскрытия тайны Жана Бодрийяра, той тайны взаимодействия, понять которую совсем не просто. Глава как раз и призвана разобраться в этом вопросе досконально, а главное — сделать тайну понятной для многих. Замечу, что к этому разделу мы будем возвращаться неоднократно на протяжении всей книги, поскольку он является ключевым. Особенно это нам пригодится, когда начнём изучать конструкции, которые использовал Бодрийяр. Но сейчас в разрезе этой главы нас интересуют в первую очередь подходы.

Почему взаимодействие является тайной? В силу того, что разобраться в этой системе достаточно сложно. Но если ее начертить на доске, то многое сразу становится понятным и очень простым, просто требуется некоторая логика. Следует отметить: Жан Бодрийяр сделал всё для того, чтобы запросто разобраться в ней было невозможно. И я начинаю понимать почему. Если пристально и непредвзято посмотреть на то, что сегодня происходит в мире, многое откроется совершенно под другим углом. Ответ на этот вопрос, с моей точки зрения, сокрыт в одной из самых мощных книг Бодрийяра «Интеллект зла». Именно эта книга является поворотной в системе взаимодействия — она содержит ответы на все вопросы этого круга.

Противопоставление Добра Злу, их непримиримость и несовместимость — до такой степени привычны, что в абсолютном большинстве случаев вообще не считаются предметом размышлений. Но дело в том, что у Бодрийяра Зло… вовсе не противоположно Добру! И это очень важно понимать. Представьте себе «Зло как не противоположность Добру». Разумеется, такое очень непросто представить, не так ли? Но после прочтения этой главы для вас все может очень быстро измениться.

С точки зрения Бодрийяра, человек — философ. Он считал, что мира нет - есть только работа философов: «она всегда выражала лишь отчуждение самого философа, то есть того, кто мыслит себя иным...»

«...Главная проблема в том, и всегда будет в том, чтобы анализировать медиа и сферу информации через призму традиционных категорий философии субъекта: воля, репрезентация, выбор, свобода, знание и желание. Ведь вполне очевидно, что здесь и они абсолютно противоречивы и что здесь субъект полностью отчуждается в своей суверенности. Существует искажение принципов между этой сферой, сферой информации, и моральным законом, который по-прежнему властвует над нами и который говорит:

ты должен знать, что является твоей волей и что является твоим желанием. В этом аспекте медиа, а также наука и техника, нас ничему не поучают, скорее они лишь раздвигают пределы воли и репрезентации, путают карты и лишают всякий субъект способности распоряжаться собственным телом, собственным желанием, своим выбором и своей свободой. Но эта идея отчуждения всегда была лишь идеальной философской перспективой, предназначенной для гипотетических масс. Она всегда выражала лишь отчуждение самого философа, то есть того, кто мыслит себя иным... («Фатальные стратегии», Жан Бодрийяр)».

Если это так, то для человека центральная цель — стать философом. Ведь для того, чтобы работать философом, первоначально нужно им быть. Во второй главе этой книги «Человек» — мы уже рассматривали самого человека, который, можно сказать, в этом смысле состоит из четырех частей, одной из которых как раз и является философ. Потому не будем подробно рассматривать здесь этот вопрос — все уже изложено в предыдущей главе. Но остановимся на том, что в этой системе появляется промежуточное звено, которое называется нонконформист. Он — ещё не философ, но уже такой человек, которому неуютно в этом обществе потребления. Его можно было бы охарактеризовать как протестанта. И в фильме «Матрица», сюжет которого написан по мотивам книг Жана Бодрийяра, примером такого человека является главный герой этой трилогии: Нео — тот самый нонконформист, который чувствует себя совсем неуютно в этой самой матрице.

Обратите внимание на то, что в фильме есть и другой тип людей — определенный «Х». Эти люди наоборот хотят жить в матрице: один из второстепенных персонажей первой части фильма — предатель, который говорит: «Я знаю, он [бифштекс] не настоящий, и когда я положу его в рот, вкус внушит мне Матрица. Знаете, что я решил за те десять лет, что свободен?.. Счастье в неведении. Я хочу все забыть…» Другими словами, герой дает нам понять, что он ненавидит всё это и хочет в матрицу. Таких людей, которые стремятся в «матрицу» мы обозначим как — Люди «Х».

Остановимся ненадолго на этом, рассмотрим материалы и итоги Калабрийской экспедиции, поскольку именно в Калабрии был исследован парадокс Бодрийяра. Этот парадокс крайне важен, так как является основой нашей цивилизации: человечество, по сути, постоянно живет в этом парадоксе. В рамках Калабрийской экспедиции я разрешил этот парадокс и вывел определенную конструкцию, которая является ключом к пониманию всего. С этой конструкции все началось, потому следует вернуться к ней — к разрешению парадокса Бодрийяра. Если в результате должен быть философ — нам нужна философия. А конструкция философии как раз и была представлена в рамках этой экспедиции и подробно описана мной в монографии «Философия юга Италии».

Рассмотрим некие предпосылки, побудившие меня как учёного исследовать такую всепроникающую научную загадку, как «парадокс Бодрийяра». Изначально приступая к исследованию философии юга Италии, для меня речь не шла о том, чтобы разрешать какие-либо парадоксы, описанные французским философом Жаном Бодрийяром, которого, к слову, не зря называют величайшим деятелем науки 21 столетия, истинным «крестным отцом постмодернизма». Самый первый и главный вопрос, с которым мы столкнулись при исследовании, был следующий: а как мы поймём, что изучаем и работаем непосредственно с философией целостно, как

с системой? То есть, не с какими-то фрагментами философии, а непосредственно с комплексным феноменом? По каким параметрам мы сможем определить, что предмет нашего изыскания описан полностью? Должно быть нечто проверяющее и демонстрирующее — то, что позволит многократно, с разных сторон удостовериться в целостности и завершённости качественно проделанной работы. Обычно в таких случаях учёный задаётся вопросом «А что я буду использовать?» (какой инструмент или эвристическую модель, например).

Казалось бы, философия — праматерь всех наук. И современная академическая позиция знаний о ней (в том числе, и методологическая) должна быть исчерпывающей. Однако, данное предположение или ожидание, увы, не соответствует действительности. Чаще всего то, что принято считать философией, в большинстве случаев является лишь её элементом. При исследовании философии мы всегда сталкиваемся с такой интересной проблематикой, которую можно назвать «двойной-тройной» стандарт. Мы пытаемся быть социально приемлемыми, но стандарты социальной приемлемости сегодня и 300 лет тому назад были совершенно разными. Напомним, что дуэльный кодекс, например, непосредственно в Италии появился только в конце XIX века, до этого момента не существовало никаких общих, писанных, обязательных для всех правил — дуэлянты, можно сказать, просто воевали и убивали друг друга. Затем критерии еще раз поменялись, уже существует правоохранительная система, уголовные кодексы, полиция и прочее.

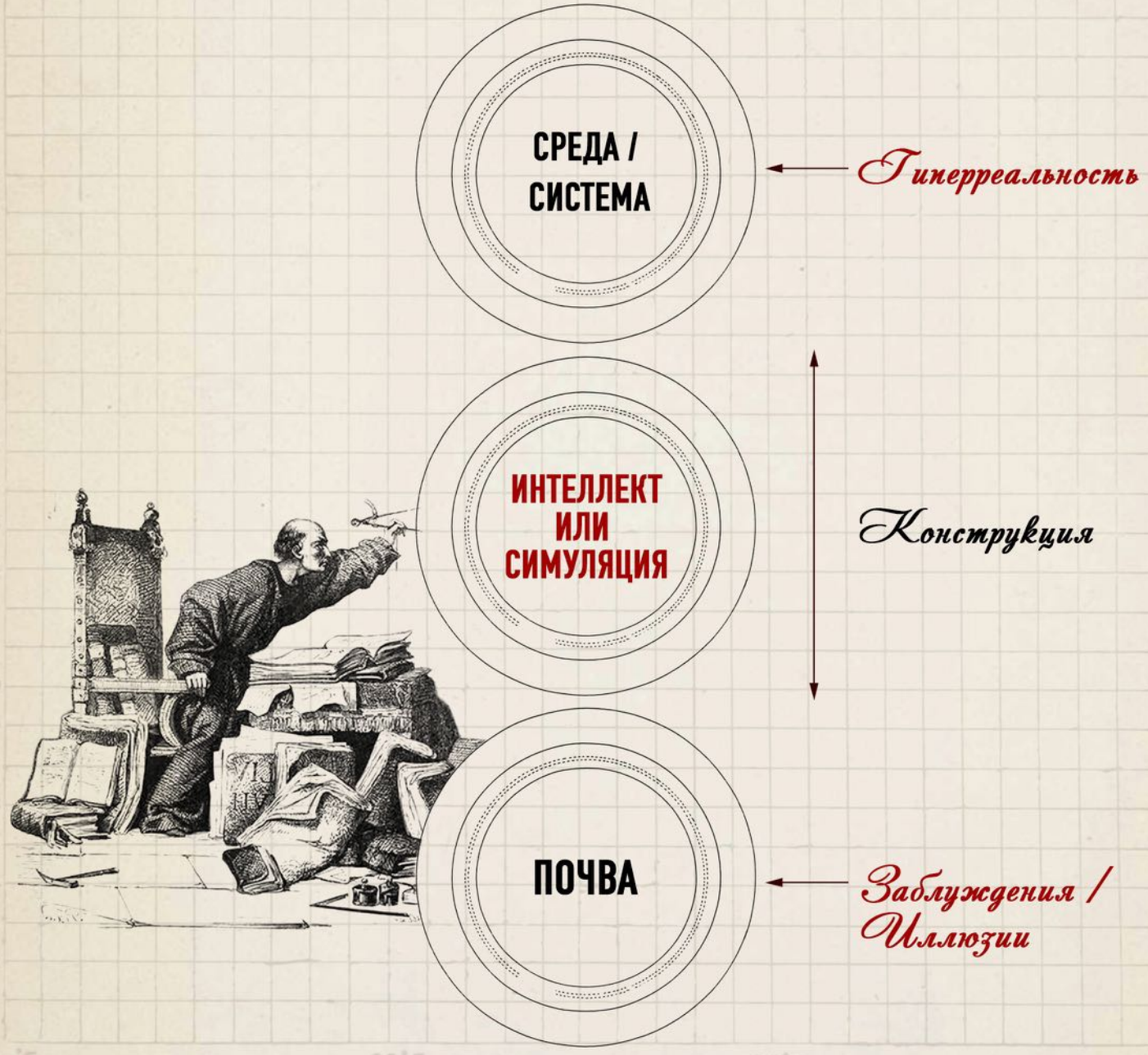
Вторая «ловушка», в которую попадают исследователи: они отождествляют философский труд и философию. Например, книги Иммануила Канта и философия Канта — это разные понятия. Мы можем встретиться с книгой, мы можем прочесть её, вникнуть в её суть. Но это не описывает самой философии. Можно прочесть все труды Канта, но так и не понять саму философию. Другой пример. В случае с философией криминальных традиций, мы вообще сталкиваемся с отсутствием книг. Так, вы не найдете учебников по философии Мафии, Каморры и Ндрангеты. Именно поэтому, в рамках исследования философии Юга Италии, прежде всего, был поставлен вопрос о методологии исследования философии.

В преддверии Калабрийской экспедиции нами была разработана исследовательская концепция философии, которая ясно показала: все мировые философии устроены одинаково, а мы не можем ответить на некоторые вопросы лишь потому, что не имеем об этом полного представления. Разработанная методология позволила нам на примере исследования философии юга Италии описать и философию Каморры, и философию Мафии, и философию Ндрангеты, и общую философию Юга Италии, например. Но так как в рамках этой главы нас интересует конструкция философии, именно ее и опишем подробнейшим образом.

Производственный цикл — один из самых важных элементов философии, потому что это «хлеб», то, что делает человека богатым, что его кормит. Если этого нет, то вся философия разрушается. Едва ли кто-нибудь искренне желает исповедовать философию, которая приведет к нищете. Обратите внимание на то, что атрибуты жизни, зарабатывание денег, формула семьи — все это предполагает, что для философии необходима определенная почва. Философия без почвы невозможна. Таким образом, приходим к выводу: у философии существует такое понятие, как **«почва»**. Это понятие не изучается и не исследуется современной наукой. Но почва — это один из самых главных элементов философии, отвечающий на очень серьёзный вопрос: на какую почву попадет философия?

Рассмотрим, что такое «почва» с исследовательской точки зрения. Понятие почвы включает в себя людей и их определенное психологическое состояние, умонастроение, их способности к пониманию и целый системный комплекс, который описывает почву. Для освоения этого понятия необходимо изучить пространство и людей в нем, чтобы понять, какова там почва и даст ли плоды эта философия на данной почве.

Рассмотрим эвристическую модель разрешения парадокса Бодрийяра и то, как она работает. Мы будем иметь дело с тремя компонентами: **почва, среда, конструкция.**

Среда — это язык программирования, некая система, о которой никому ничего не известно, кроме «менеджеров». Среда — это конструктор чего угодно, содержащий исчерпывающее количество данных и знаний. Например, на Юге Италии этой средой является европейский мистицизм. Конструкция и почва у всех философий будут разные, это переменные величины. Почва, на которую падают зерна философии — это люди (к примеру, пользователи), на которых рассчитана эта философия (то есть, по сути, на кого падают эти философские идеи).

Конструкция философии является изменяемой составляющей, она же создаёт иерархию. Когда среда и почва между собой соприкасаются, возникает некая конструкция (например, так же, как сам программный продукт, который получился в результате применения языка программирования). Некий набор из почвы, соответствующий среде, впоследствии порождает промежуточную непостоянную конструкцию (в ней, в свою очередь, также существуют постоянные и переменные). С течением времени конструкция видоизменяется посредством того, что она берет в среде недостающие элементы изменений, меняется и постоянно корректирует себя в соответствии с почвой, чтобы продолжать существование. Таким образом, конструкция, при наличии постоянных и переменных, будет все время меняться, потому как, прежде всего, будет видоизменяться почва. Это определяет необходимость конструкции соответствовать почве и необходимость использовать среду (и для чего ее использовать). Поэтому конструкция видоизменяется (перестраивается) таким образом, чтобы соответствовать почве. В целом, эти три элемента будут находиться в равновесии между собой или стремиться к равновесию в момент преобразований.

Данная парадигма «среда — почва — конструкция» применима для всех философий в мире, иначе они не смогли бы «дожить» до нынешнего дня. Если феномен возник когда-то и продолжил своё существование вплоть до XXI века, значит, он имеет эти конструкции, имеет общую среду, которая позволяет корректировать конструкцию относительно почвы.

Но есть еще один важный вопрос, который требуется разрешить — учесть исторические периоды. Данную модель, состоящую из почвы, среды и конструкции, мы должны применить к линии времени, к историческим периодам, которые прошло исследуемое явление. Однако, как широкие массы, так и большинство ученых, не только не знают данной модели, но и не учитывают временной фактор. Так возникает фантом, который люди сами создают в своём собственном частном восприятии. Например, в случае с исследованием философии юга Италии, конструкция Мафии в XII веке «не равна» конструкции Мафии в XVI веке, в XIX веке и той, которая существует сегодня. И кто только не употребляет — по всякому поводу и без такового — слово «Мафия», при этом практически никто не знает, как на самом деле устроена Мафия: разрозненные фрагменты, слухи-сплетни, заблуждения и выдумки, конструкции разных периодов соединяются в единый фантом, симуляцию или, как говорил Жан Бодрийяр, «симулякр», то есть, копию без оригинала. Чтобы понять этот фантом, сперва нужно превратить эту фантомную субстанцию в конструкцию, разбить на исторические периоды, рассмотреть их отдельно и объяснить, как использовалась среда для видоизменения конструкции на базе изменения почвы. Но этого, по тем или иным причинам, никто не делает и поэтому существует две системы: фантомная и фактическая.

Почва меняется с течением времени. Например, был социализм, пришёл на смену капитализм; был феодальный строй, а затем возник Ренессанс; люди были крестьянами, а стали наемными работниками. Происходят изменения в обществе и люди меняются. Древние говорили: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Они были диалектиками. То есть почва будет видоизменяться, а среда будет константой. Конструкция будет меняться под почву, оставляя те же самые постоянные и используя переменные для того, чтобы соответствовать этой структуре. В этом кроется главная суть и проблематика комплексного исследования философии как системы. Жан Бодрийяр смог увидеть и описать этот парадокс, но не смог его разрешить, оставив эту задачу последователям, что и было сделано мной в рамках Калабрийской экспедиции.

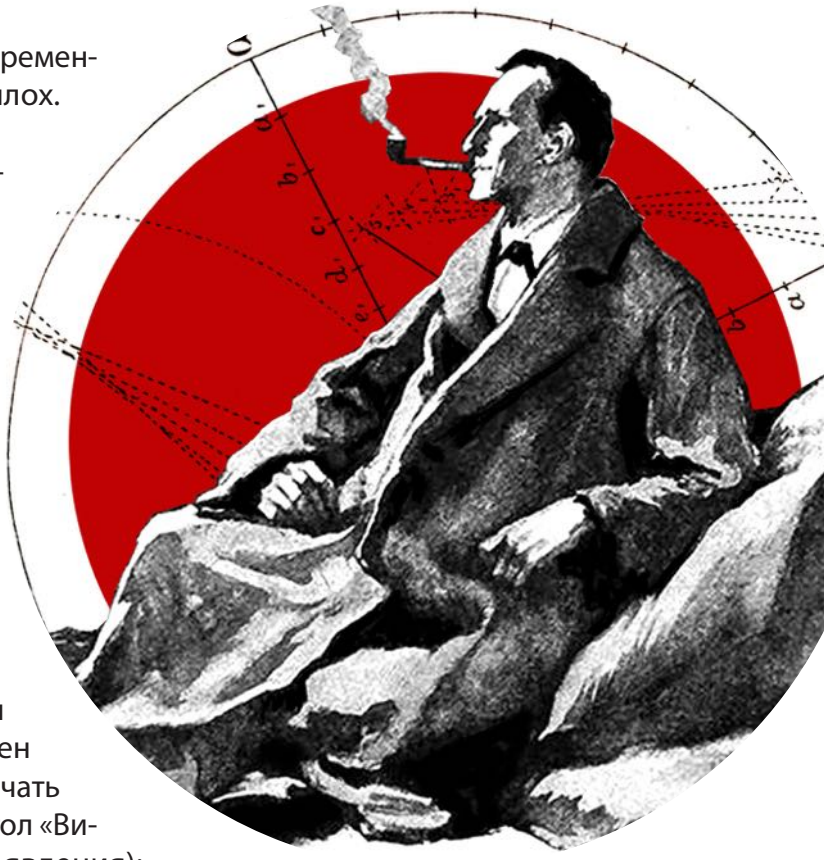
По сути, парадокс Бодрийяра говорит о группе фантомов, которые впоследствии своими осколками формируют некую реальность человека. Но, по факту, такой реальности никогда в жизни не существовало, потому схема эта является ключевой. Таким образом, если мира нет, существует только работа философов, которая изображена на этой схеме, это и разрешает парадокс Бодрийяра. Таким образом, человек становится философом, когда разрешает этот парадокс.

Вернемся к рассмотрению системы взаимодействия. «Зло» — это центральная система, которая позволяет нам понять философию Бодрийяра. Почему так? К примеру, прародитель испанского фехтования и Истинной Дестрезы, Командор Ордена Иисуса Христа Иеронимо Санчес де Карранза отмечал в своем трактате «Философия оружия», что «всё постигается через демонстрацию», и детально описал 12 демонстраций, которые помогут постичь истинную науку фехтования. У Жана Бодрийяра всё постигается через Зло. Его работа «Интеллект зла» является, по сути, ключевой работой по взаимодействию — именно с нее начинается все понимание этой системы.

Обратите внимание на то, что конструкция, которую программирует среда под почву, и есть **интеллект**. Что же тогда Зло? Мир Бодрийяра — трёхэтажный, и он строго соответствует этой схеме: почва соответствует заблуждению или иллюзии, конструкция — интеллекту или симуляции, а система или среда — гиперреальности. То есть интеллект и симуляция у Бодрийяра — вещи одной категории, а система и среда подразумевают гиперреальность. Тогда **Злом является все то, что противоположно, или то, что раскрывает симуляцию.** Таким образом, всё Зло возникает от того, что кто-то раскрывает симуляцию, а плохим (злым) называют того человека, кто говорит, что то или иное — симулякра.

Возникает следующий вопрос: что такое **«интеллект зла»**? Это как раз конструкция, которая инородна конструкции симуляции. То есть «интеллект зла» — это конструкция, которая способна видеть и раскрывать симуляции, раскрывать симулятивную составляющую этого мира. В таком случае, согласно Бодрийяру, «Зло» — это истина, это правда. А за правду, как говорят согласно народной мудрости, «бьют по морде». В таком случае, что можно подразумевать под **«абсолютным злом»**? Систему, которая создаёт такой интеллект. Неспроста давным-давно циниками называют скверных людей, ёрников, мизантропов, говорящих гадости. Между тем, собственно циники (или киники) — изначально, в древности — сторонники философской школы, в основе которой был положен один-единственный принцип: смотреть на вещи только прямо и называть всё сущее только своими именами, как

бы это «неудобно» не было бы для современников. То есть говорящий правду — плох. Он — носитель Зла…

Вернемся к первой формуле, которая говорит, что мира нет, а есть только работа философов. Если это так, то работа философов заключается в нахождении в состоянии абсолютного зла. То есть, **верх философа — это система состояния абсолютного зла, которая создает интеллекты, раскрывающие симуляцию; не имеющие иллюзий и заблуждений, и делающие вид, что они не замечают гиперреальности.** Такой человек, по сути, называется философом, с точки зрения Жана Бодрийяра. Его работа и заключается в том, чтобы создавать интеллект, который способен видеть гиперреальность, но ее не замечать (известно, что глагол «Смотреть» и глагол «Видеть» означают совершенно разные явления); раскрывать симуляции и не допускать заблуждений и иллюзий относительно этого мира, общества и прочих конструкций. Таким образом, человек, который идет к разрешению парадокса Бодрийяра, называется нонконформистом, а человек, который разрешил для себя этот парадокс и приступил к созданию интеллекта, соответствующего этим критериям, называется философом.

Когда вы освоили эту конструкцию, становится понятным, что было сказано Бодрийяром в книге «Интеллект зла», по сути, базовой книге, в которой он раскрывает систему взаимодействия. Эта конструкция — Бодрийяровский ключ к системе взаимодействия с этим миром.

Известно, что на правду у разных людей реакция разная. К примеру, первая реакция на правду нередко выглядит так: «Боже, какой кошмар». Это реакция человека, который пленён иллюзией в отношении чего-либо; эту иллюзию поколебали или вовсе убрали, и он возмущен. Когда мы имеем дело с симуляцией — всё намного сложнее, это всегда доказанная конструкция, то есть, с вами начинают спорить, вступать в конфликт, вас начинают оскорблять — мол, «вы негодяй и не имеете права так говорить». Когда же вопрос касается **гиперреальности**, у человека вообще отсутствует какая-либо реакция. Например, вы раскрываете ему правду на что-то, показываете документы и доказательства этого, а он вам в ответ: «Ну и что?». Гиперреальность — это очень сильная вещь, и так просто освободить человека от нее невозможно. Причина проста — проваливание в гиперреальность для человека происходит не один день: сначала он проваливается в иллюзии (в заблуждения), потом — в симуляции; после этого симуляции загоняют его в паттерную гиперреальность, и только после этого он проваливается в гиперреальность.

По сути это трёхэтажная система погружения, и чтобы вытащить человека из нее, нужен также не один ход. В силу этого, если вы думаете, что человек, услышав правду, необычайно этому обрадуется, то извольте ошибаться: чаще всего этого не произойдет. Конечно, есть способ вытащить человека из гиперреальности достаточно быстро, но он чаще всего крайне экстремален, поэтому все же лучше выводить человека из гиперреальности постепенно.

Главной же целью системы взаимодействия является понимание того, как она работает и что происходит с человеком в этой системе, поскольку считается, что система сильнее человека. Следовательно, по идее, человек должен быть ее следствием. Но, если он не является следствием системы, тогда он не такой, как все. Значит, такой человек плохой: он — зло, ошибка системы и аномалия. А аномалия — это всегда то, что все хотят уничтожить разными способами, причем стараются всегда это сделать чужими руками, а не собственными, как, к примеру, поступают те, кто похитрее. Кто же поглупей — сам лезет на рожон, но обычно для него это может закончиться крайне плачевно, поскольку аномалии бывают разные. Ключевой фактор аномалии — это неизвестность. Аномалия всегда неизвестна и загадочна для всех, поэтому никогда неизвестно как она будет реагировать на попытку ее уничтожить. К примеру, сколько лет известна Курская магнитная аномалия. Но что она такое? Никто не знает. Или, если вспомнить тот же фильм «Матрица», то попытка уничтожить Нео или Морфеуса закончилась для электронных парней крайне ужасно. То есть сама реакция или даже попытка реакции на все это была печальной для них.

Весь смысл заключается в том, что, как написано в книге Бодрийяра «Пароли», эта аномалия — бессмертна, символьна и непобедима. Прочтите «Пароли» — в одном из ее блоков написано, что Зло непобедимо (его нельзя победить). Все попытки воздействия на это Зло делают его только ещё более совершенным. То есть, те, кто пытаются уничтожить аномалию, считая ее Злом, по сути, сами делают все для того, чтобы это Зло стало ещё круче, чем оно существует. Большинство людей, которые были аномальными, вероятнее всего так и остались бы такими, если бы другие не хотели их уничтожить, но те сделали всё для того, чтобы эту аномалию совершенствовать. Элементарная физика: действие равно противодействию по силе и обратно по направлению.

Например, в истории Руси и постсоветского пространства не было власти, которая в ходе борьбы с преступностью не совершенствовала бы русскую уголовную традицию и не повышала её квалификацию. Это яркий пример того, что говорит Жан Бодрийяр. Преступность — это аномалия в обществе, и попытка её уничтожить делает эти структуры только сильнее: они вынуждены придумывать, как жить в этих условиях. То есть, запускается некий креативный механизм, который заставляет их совершенствоваться. Таким образом, они сами выращивали преступность. Некогда фирма «Сименс-Шуккерт» (сейфы, несгораемые шкафы, замочные устройства) широко-рекламно праздновала свой юбилей, благодарила инженеров и техников за их изобретательность. Маркс на это откликнулся репликой: они забыли поблагодарить преступный мир, который, по мере постоянного инженерно-технического совершенствования их продукции вынужден был сам совершенствоваться — что мощно стимулировало развитие фирмы.

Важно заметить, что это касается не только их, но, на самом деле, кого угодно (преступность — лишь пример). Аномалия, на которую идет воздействие, начинает включать креативную составляющую, как говорил Бодрийяр, и становится всё совершенней и совершенней. Конфликт порождает навыки, поэтому у преступности навыков становилось всё больше и больше, и, в конце концов, их так натренируют, что они могут поглотить государства. По сути, люди, которые хотят Добра, не понимают, что делают. Как говорится, они делают это из лучших побуждений, но своими действиями они только множат Зло. Как говорил один незадачливый советский вельможа, «хотели как лучше, а получилось как обычно», именно это и происходит чаще всего — «получается как обычно».

Существует и обратная система этому. С аномальным и несоответствующим идет борьба, тогда как с соответствующим — нет, с ним никто не борется (оно вроде как добропорядочное). Касательно этого Жан Бодрийяр пишет следующее: это очень большое заблуждение. Дело в том, что всё добропорядочное рано или поздно становится аномальным. И потом мы говорим «Кто бы мог подумать? Производил впечатление такого порядочного человека». Те, кого не трогали, сами начинают превращаться в аномалии (сами становятся такими). Поэтому существует и обратная сторона: те, с кем борются — совершенствуются, а «добропорядочные» — нередко становятся аномальными.

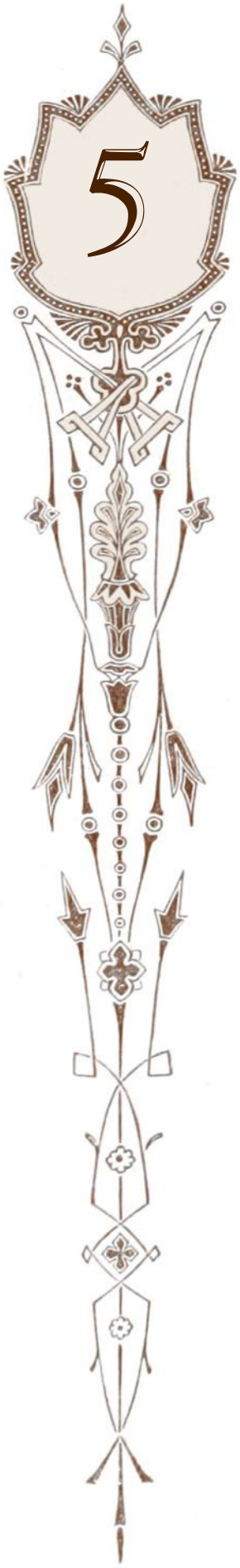
Важно сказать, что при попытке уничтожения тех, кто сами стали аномальными, ведут они себя совершенно иным способом — погибают, поскольку неспособны к совершенствованию. Таким образом, изначальная аномалия, которая сразу была такой, способна к редуцированию, то есть к совершенствованию. А те же, кто изначально были хорошими и стали аномалиями, к совершенствованию неспособны; они становятся никем, гибнут и исчезают.

Так существует две тяги: стремление под воздействием аномалии вниз, и стремление соответствия аномалии. Как говорит Жан Бодрийяр, это непреложный закон: всё, что из соответствия превращается в аномалию, не жизнеспособно; только изначальная аномалия способна к совершенствованию.

И очень опасны для аномалии попытки остановиться, так как это не закончится никогда — это вечный двигатель, и выглядит все именно так. На этой ноте я бы хотел закончить эту главу. И до встречи в следующей!

ГЛАВА 5
ЧТО ПОСЛЕ ОРГИИ?

…Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства. И вознесения всех мистерий и антимистерий.

Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?

«Прозрачность зла». Жан Бодрийяр

Оргия, как это точно описал величайший философ XX века Жан Бодрийяр, сегодня воплощает в себе всё состояние мира потребления. Во всяком случае — всё, до сих пор известное человечеству. При этом, в полном соответствии с азбукой диалектики природы, когда одна оргия заканчивается, сразу начинается другая, и этот процесс не завершается. Мир, по сути, превратился в беспрерывное движение от оргии к оргии, все время воплощая исключительно сменяющие друг друга состояния «во время оргии» и «после оргии». Это мир потребления, в котором напрочь отсутствует состояние, определяемое как «до оргии». Что же такое оргия с точки зрения Бодрийяра? Эта категория крайне важна, по причине того, что именно она выводит нас за рамки этого мира, направляет в мистицизм, в настоящую мистику Бодрийяра (о чём мы поговорим в следующей главе), а пока рассмотрим только оргию. Ещё раз: что же это такое — оргия — в условиях современного мира?

Прежде всего у нее множество проявлений, оргия — диапазонное явление. Следовательно, она имеет разные уровни. В силу этого, ее классификация сформирует и даст наиболее полное понимание того, что Жан Бодрийяр вкладывал в это многогранное и всеобъемлющее понятие.

Религиозное сумасшествие

Атрибутивность + дробление Бога

Психологическая оргия

Биологическая оргия

Физиологический уровень оргии

Предел: здоровый образ жизни

Оргия класса “А”

Условно говоря, на самом верху диапазона располагается **«Религиозное сумасшествие»**. Это очень важный уровень, связанный с причастностью человека одновременно и к определённой группе, и к ряду сомнительных утверждений религиозного характера. И это может быть связано с чем угодно, даже с фотоаппаратом. Например, для кого-то фотоаппарат Canon является самым лучшим фотоаппаратом в мире, и он говорит об этом на каждом шагу, просто потому что так считает. При этом он никак такое своё убеждение не обосновывает и обосновать не может — мысль привычна, ему просто так хочется думать. Это и есть проявление «сумасшедшего религиозного утверждения», в основе которого не лежат объективные мотивы. В подобных случаях человек никогда не взывает к разуму, а просто довольствуется собственным мнением.

Таким образом, основой религиозности является право на собственное мнение, при этом это мнение не имеет никакого значения.

Обычно вся проблема такой системы заключается в том, что она является ретранслятором чужих мыслей, а не собственных. По сути, человек не делает никаких выводов, а просто пере-ретранслирует чужие мысли, взгляды, убеждения, симпатии, и даже настроения другого субъекта. При этом таких субъектов может быть значительная группа, а может быть всего несколько человек, но все они — каждый в отдельности — являются всего лишь определенными ретрансляторами.

Не секрет, что любая религия предполагает наличие священников, то есть определенного священного корпуса. Но на самом деле человек имеет дело со «спикерами», так называемыми «говорящими головами», которые и являются такого рода священниками. Разрешилось-устроилось так, что каждый, в зависимости от его настроения, может себе выбрать ту «говорящую голову», которая ему нравится больше всех в тот или иной момент времени. Выбор этот может быть окказиональным, случайным, по обстоятельствам, а может быть и относительно сознательным. Но этот выбор есть. Порой человек выбирает кого-то, кто безмерно красноречив с амвона, трибуны, эстрады, с экрана телевизора, и вроде бы говорит правильные вещи, но при этом неправильно поступает — такое явление не редкость в нашей жизни. Это своего рода великолепная симуляция, когда дела расходятся со словами.

Как известно, количество способов приобщения новых членов к своей пастве далеко не безгранично. Хотя порой кажется, что религия обладает потрясающим количеством таких способов. На самом деле всё сводится лишь к нескольким вещам:

— *проблеме*, которую человек не можете разрешить своими силами и при помощи ближних;

— *воле*, которой он не может противостоять;

— *желанию избавиться* от проблемы любой ценой, чтобы всё разрешилось-устроилось-образовалось в его пользу, было хорошо, даже благополучно.

Если рассмотреть все религиозные догмы, то совершенно очевидно: во многом — разные, но в целом они сводятся к запугиванию человека с целью добиться от него чего-то. По сути это не такая уж и сложная манипуляция, как многим кажется. Но необходимо сказать, что за многие годы специалисты этого своеобразного цеха поднаторели в разных проявлениях того, как это можно делать; порой человек этого воздействия на себя даже не замечает. К тому же и сами инструменты, и материалы такого воздействия не стоят на месте — развиваются, видоизменяются, модернизируются. Например, если раньше говорилось: «Бога бойтесь, царя чтите…», а, бывало, что человеку и прямо говорили, что он «будет гореть в геене огненной…», то сейчас это всё вуалируется другими словосочетаниями, чем-то более *убедительным*. Но, на самом деле, устроено все это по тому же принципу: «Испугайся, сын мой, и обретёшь счастье». Коротко говоря: всё тот же «Страх Божий».

Страх — основа религии и религиозности. Однако в данном случае мы имеем дело не только со страхом, но и с удобством, поскольку в обществе потребления «просто страшно» означает всего лишь «дискомфортно», а «мир потребления» выступает в роли комфортабельного мира. А все должно быть и страшно, и в то же время комфортно. Именно такая дилемма существует в современном мире между комфортом и страхом.

Следующим крайне важным уровнем, который расположен ниже уровня «Религиозного сумасшествия» в данном диапазоне является **«Атрибутивность и дробление Бога»**. Что такое атрибутивность? Это — когда атрибуты становятся религиозными. Например, наличие телефона IPhone у гражданина может служить ориентиром при оценке социально-экономического уровня обладателя, своего с ним равенства или неравенства. Тогда как отсутствие такого телефона может быть воспринято по той же оценочной системе с точностью до наоборот — такой человек, мол, не достоин внимания.

Дробление Бога — это положение, когда Бога нет, а вместо него появилось огромное количество «говорящих голов». То есть вместо Бога есть проявления Бога, представленные в какой-то части «говорящих голов», и массы на них смотрят, как на проявления Бога. Обратите внимание, что это не тиражировался сам Иисус Христос или какой-то другой Бог, это — раскол, когда некое монотеистическое представление о едином Боге раскололось (раздробилось) на множество «говорящих голов», как его проявления и, можно сказать, наглядное оформление.

В обществе потребления никто Иисусом Христом быть не хочет; поэтому там он — непопулярное лицо. Однако в обществе потребления Иисус Христос крайне нужен — он обеспечивает видимое благочестие. Ведь «оргию» надо как-то скрывать. Человек же не может одновременно так или иначе лично участвовать во всех «оргиях», быть причастным ко всем извращениям и ничего не скрывать. Классик это сформулировал проще и точнее: «Грех — не беда, молва нехороша». Нужен камуфляж, нужна красивая обёртка. Поэтому проповедь божественности Иисуса Христа — это *мнимое* благочестие. К примеру, когда мы видим священника, что за ним стоит? Сколько скелетов в шкафу? Мы не знаем, но если начинать выяснять, то обычно много. Имеются, конечно, исключения — как не быть. Но и тут они не опровергают правило, а только подтверждают его. В силу этого, *видимое благочестие* — это обязательная роль, поскольку огромное количество скелетов в шкафу (грехов) требуют от человека или искреннего и надрывного покаяния, или видимого благочестия. Таким образом, когда говорим об уровне религиозности — это приглашение участвовать вообще в оргии, но в такой оргии, которая правильнее и лучше, чем у других.

Ярким примером оргии католической церкви сегодня является игра с электронными свечами, как с игральными автоматами. Все устроено по следующему принципу: ты заряжаешь монетки, как в игральный автомат, забиваешь их; и начинаешь нажимать кнопки, определяя сколько свечей ты зажжешь — в результате лампочки зажигаются… Так человек вроде свечку поставил, став благочестивым. Такая интересная вещь — игра с автоматом свечек.

Человек чаще всего стремится участвовать в оргии, которая лучше и благочестивей, чем какая-то другая оргия у кого-то другого. И одной из главных оргий мира потребления является поход на работу. Это самая интересная и, наверное, самая благочестивая игра. Человек приходит на работу и начинает участвовать в оргии. Что люди обычно хотят на работе? Как можно меньше работать и как можно больше зарабатывать. Своего рода гармония: минимум затрат — максимум результата. Но, если этого хотят все или почти все, то, по идее, ничего (или почти ничего) не должно работать. Однако почему-то всё происходит несколько иначе. Ответ прост: появляются люди, которые начинают этих работников мотивировать, устраивать им «игры», объяснять, почему они должны сегодня хорошенько потрудиться до 22 часов… Обычно эти мотивы у людей бывают совершенно разные. Существует целая отрасль мотивации, разные методы которой кочуют из одной компании в другую, из холдинга в холдинг и т.д. Да что там — из одной социальной формации в другую! Так, одной из самых важных «религиозных месс», которые существуют в бизнесе, является корпоратив, на котором обязательно должны присутствовать все сотрудники компании (чтобы быть командой), и в процессе мероприятия проявить свои самые плохие качества. Тогда они все становятся «связанные одной цепью», то есть, знают друг о друге многое, но, при этом, никому не могут рассказать. Именно так, в данном случае, возникает коллектив. А разве в старину не решались такие вопросы связыванием кровью, присягой, суровой ответственностью «За разглашение», «За измену», «За невыполнение…»? Таких оргий в современном бизнесе достаточно много, и я не будут их все описывать в рамках этой главы. Но, если мысленно пройтись по тому, сколько «религиозных месс» существует в бизнесе, то сразу многое становится понятным.

Переходим к следующему уровню оргии вниз по диапазону — **«Психологическая оргия»**. Она — вынужденная, поскольку это та самая психотерапия человека в процессе его жизнедеятельности, которая ему нужна для того, чтобы он не сломался. Если религиозная оргия организовывается кем-то (у нее есть внешний организатор, сам человек чаще всего ее не организовывает), то психологическая оргия — творение исключительно самого человека. Реализуется принцип: «мне нужно расслабиться, перезагрузиться», «мне нужно развеяться», «мне нужно прийти в себя», «мне нужно побыть одному». Есть современные эквиваленты: «отвязаться», «выпустить пар» и прочее. У разных людей это может проявляется по-разному. Говорят, в некой высокоразвитой стране на Востоке имеются специальные учрежденческие кабинеты, где установлены манекены — точные копии шефов. И для стравливания эмоций любой сотрудник может избить этот манекен, как собаку. Нередко она реализуется в совершенно немотивированном, извините, мордобое: ему, как правило, дают оценку полицейские, а надо бы к этому вопросу подключать и профессионального психолога.

Мы можем увидеть это и в литературе. Вспомните, что на жалобу Остапа Бендера о безответной любви к Зосе Синицкой его случайная поездная спутница отреагировала советом: переключить избыток своей энергии на какой-нибудь полезный трудовой процесс. «Пилите дрова, например. Сейчас есть такое течение». И великий комбинатор пообещал ей это, хотя не очень-то понимал, как заменит Зосю Синицкую пилка дров. Речь, по сути, о некой психотерапии, которая нужна человеку в процессе жизнедеятельности, потому что он бесполезен: потребителю нередко просто некуда «выливать» все свои накопившиеся психологические неликвиды и интересы, и эта оргия длится постоянно. Можно, конечно, проследить её начало, но она никогда не заканчивается.

Важно понимать, чем ниже уровень оргии, тем она интереснее, жёстче и сильнее. Оргия призвана глубоко удовлетворить человека во всех смыслах этого слова. Поэтому, если первая оргия не удовлетворяет его, обязательно включается вторая; а если и она уже не удовлетворяет, включается обязательно какая-то другая. Возможно, и эта оргия перестает удовлетворять, тогда вступает в силу биологический план удовлетворения — **«Биологическая оргия»**. Здесь мы имеем дело и с психофизиологией, и с биологическими препаратами разного типа. В ход идут различные медикаментозные средства: алкоголь, наркотики, антидепрессанты и прочее. Благо, промышленность общества потребления производит бесконечное множество подобных разновидностей, на любой

вкус и на любой карман. Сексопатологи включают в реестр этих оргий и некоторые проявления по их части. И чем ниже уровень оргии, тем она жестче.

Ещё один вид оргии — **«Оргия физиологическая»**, которая расположена ещё ниже биологической. Безусловно, понятно, что в определенный момент для человека наступает некий «предел». А дальше в ход идёт здоровый образ жизни и огромное количество движений, которые для этого нужно делать. А разве мы не знаем своих современников, лентяев из лентяев, которые никогда бы палец о палец не ударили на фабрике или заводе, на шахте или в поле для производительного труда, для производства полезного продукта, но часами, не щадя живота своего и до седьмого пота, тягают железки в тренажерных залах. Это ведь не только развитие и укрепление костно-мышечной системы, это нередко ещё и та самая оргия. Мы уже помянули физические нагрузки и перегрузки: к примеру, вам нужно бегать по утрам, ходить в фитнес-зал, качаться, тренироваться, отжиматься от пола в упоре лёжа, танцевать на дискотеках, заниматься аэробикой, ездить «на природу», причем желательно на велосипеде — в общем, нужно делать множество вещей для того, чтобы вести здоровый образ жизни, и при этом обязательно правильно питаться. Вспомним одного из героев Ильфа и Петрова, который не ел, а вводил в свой организм белки, жиры и углеводы. Так в ход идут самоистязание, вегетарианство и другое, поскольку это и есть основа данной разновидности оргии.

Следующий уровень — **«Оргия класса «А»»**. Это последняя оргия, доступная человеку. Почему я её называю классом «А»? По классу уровня нервной системы. «А» — это тот уровень, которую описал великий психофизиолог и физиолог *Николай Александрович Бернштейн*. На этом уровне оргии у человека начинаются переживания, а если быть точнее, «органические переживания». Они нужны, когда человека уже другие оргии «не берут». Что это значит? Органические переживания — это скорость. По сути, человек начинает заниматься экстримом: там, где от него уже ничего вроде как не зависит, но ощущения от этого как-то сохраняют для него мир в некоем состоянии значимости. Скажем, сначала он себе покупает спортивную машину. Так возникает поиск адреналина, который становится по сути

наркотиком. Затем покупает мотоцикл… и, в конце концов, рано или поздно, разбивается вдребезги об один из столбов. На этом жизнь прекрасного человека заканчивается. А у всех остальных возникает новая оргия, например, в виде его похорон…

Обратите внимание, умные люди, которые знают это всё, комбинируют такие вещи между собой. Например, можно на спортивной машине приехать на аэродром, вечером напиться на том же аэродроме, устроить ночной разгул, а утром прыгнуть с парашютом. И у нас это называется «культурной программой». Именно так нередко выглядит современный мир — мир потребления, мир гиперреальности, который, по сути, состоит из разных таких «культурных программ». При этом, все пытаются включить человека в свою «культурную программу», и на ее базе отобрать у него деньги. Например, когда вы приезжаете в Италию, то там одни какие-то «культурные программы», одни «деятели» культуры. Италия, вероятно, одно из самых интересных государств в этом плане в Евросоюзе. Человек встраивается в «культурную программу» и, если ему повезет, то ещё и с кем-нибудь познакомится, вместе употребит наркотики, запьёт это алкоголем, а с утра может еще и на водных лыжах покатается, а затем, возможно, еще полежит некоторое время в больнице, вывихнув себе ногу… Человеческая оргия длится бесконечно.

Комбинировать пять уровней оргий очень несложно. Представьте, сколько комбинаций дают 5 элементов этой оргии, и при этом каждый из этих уровней существует самостоятельно. Оргия приводит человека в определённое психо-духовное состояние, когда возникают известные «тупики» (то есть, когда один уровень оргии пройден — возникает тупик, и человек начинает искать другую оргию, переходить на другой уровень вниз, потом ниже и так далее).

Эти переходные периоды создают для человека некую **мистическую философскую составляющую**, когда люди начинают думать о том «что такое хорошо, а что такое плохо», когда возникают вопросы о том, что такое Добро, что такое Зло, и тому подобное. Оргия сама по себе не заставляет человека думать, но вот после оргии, в промежутках между ними, он начинает становиться философом, и начинает искать мистику — ответы на вопросы. И как вы понимаете, желательно, чтобы эти ответы ему нравились. Именно поэтому появляется огромное количество мистиков, которые пытаются удовлетворить его тягу к неизвестному. Своего рода предложение, отвечающее на спрос…

Христианство здесь не срабатывает, так как оно ничего интересного предложить не может; сейчас это вообще такая современная религия, где ничего хорошего предложить не могут, и об этом многим известно уже давным-давно. Поэтому много людей покинули христианскую религию. Но есть два других религиозных направления — буддизм и иудаизм, которые могут предложить человеку мистерии: каббалу, тайны Торы, дзен, состояние Будды и другое. То есть люди стали делится на иудеев и буддистов — тех, кто ищут тайны Востока, или тех, кто проникает в тайны Европы. Получается так, что подобные поиски продолжаются человеком определённую часть жизни. В итоге это выливается либо в европейскую иудейскую систему в той или иной ее симуляции (симулятивной форме) и стремлении в Европу, либо в восточную практику, по типу кундалини йоги и других вещей, и стремлении на Восток.

Сейчас появилось новое, третье стремление — это Латинская Америка. Оно, по сути, не новое, а круговое стремление. Всем известен Карлос Кастанеда — амери-

канский писатель, доктор антропологии и этнограф, проводивший свои исследования в области эзотерической ориентации и мистики в Латинской Америке. В силу чего возникновение немалого интереса к этому региону в нынешнее время лишь показывает, что опять начался круг (определенное круговое стремление). Сегодня Перу, Мексика и другие места — все они стали центральными, краеугольными и самыми интересными, поскольку иудаизм для многих не понятен, каббала также не понятна, а буддизм — попросту надоел. Таким образом, можно сказать, что тайны Перу и Мексики, по сути, заместили Восток для тех, кто находится в поиске мистики. Другими словами, это попытка заменить буддизм чем-то другим.

Бывает, что у человека очень долгое время многое происходит в жизни, пока он не опускается на экстремальный уровень, и его не начинает тянуть к исламу. Однако от ислама не очень далеко и до радикального ислама, то есть, радикализма. Тогда следующим этапом будет радикальный ислам и попытка превращения в Бога, где «убить неверного» — это божественное состояние, так как власть над жизнью и смертью — главное, самое экстремальное состояние, которое только можно придумать.

Но, обратите внимание, что христианство тоже непросто устроено. Там есть не меньшие радикалы, чем люди, увлечённые исламом. Фактически, в определенный момент времени в христианстве возникает новая форма радикализма — экстремизм, но только христианский: истребление язычников, крестовые походы, инквизиция, борьба с ведьмами, с сектами, но уже в некой форме общества потребления. Так возник мир религиозного экстремизма, в котором человек может «почувствовать себя инквизитором» — человеком, который вроде как борется за правду и справедливость, но на самом деле ломает людские судьбы, гноит людей в казематах, сжигает их на костре. И даже за деньги отпускает грехи, в том числе и ещё не совершенные — на будущее, выдавая соответствующие индульгенции. Это и есть христианство в радикальном его проявлении, которое на самом низком уровне оргий начинает соперничать с исламом за свою паству — тех людей, которым уже все другие оргии надоели, и им хочется «чего-то этакого». Чаще всего именно «этакого», поскольку твёрдо они не могут сказать, чего именно. Помните, как у Салтыкова-Щедрина: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь…» По сути, такие «игры» — своего рода поиск душевного комфорта, стремление к божественному состоянию.

Но естественные законы адаптации и опережающего роста потребностей непреложны: всё это человека никак не удовлетворяет окончательно. И ему постоянно хочется чего-то «новенького», по этой причине возникает большое количество новых религиозных движений, которые в той или иной степени предлагают новую «оргию», более интересную, чем предыдущие. Так человек, по сути, движется не от религиозного движения к религиозному движению, а от оргии к оргии, от качества оргий к качеству оргий.

Важно сказать, что при этом эксплуатируются реакции человека, и такая эксплуатация спускает эту систему вниз на разные уровни с разными проявлениями. Приведу ряд примеров. Во-первых, сегодняшние единоборства. Закономерно, что всё это начинается с определенной «религиозной оргии» и сочетается с «нарастающим желанием», поскольку у человека есть разные нарастающие желания в ходе всей его жизни (например, ударить кого-то по лицу; или ему хочется отомстить

кому-то за что-то, или ещё что-то в этом роде). Суть заключается именно в том, что у человека, помимо всего этого, существуют и другие желания, и если их грамотно соединять, то в результате получатся современные виды единоборств, как определённые увлечения, которые до этого никогда в жизни не существовали. К примеру, бои без правил — ММА, где человек может почувствовать себя гладиатором. Это оргия, притом, как для самого человека, который в этом участвует, к этому сопричастен и ходит в эти залы заниматься, так и для толпы, которая на всё это смотрит. И, между прочим, за всё это платит немалые деньги. Это всё элементы составных «оргий», и так это скручивается в современном мире.

Еще одним примером является то, когда ненависть заставляет человека идти и искать колдовство, когда он не может ничего сделать сам и думает, что это поможет «заколдовать», «приворожить» кого-то, навести порчу на кого-то и другое. Это все также относится к оргии, как ее продолжение, но эта оргия достаточно интересная — как игра.

По сути, единоборства, эзотерика, разного рода практики, связанные с ретрансформацией возможностей человека, также являются крайне интересными «оргиями», а внутри них существуют ещё оргии. И это — стремление человека к состоянию сверхчеловека, но неким химико-биологическим способом. Например, в единоборствах человек учится ломать предметы головой или занимается цигун («железной рубашкой»), стремясь к состоянию, когда его бьют мечом и не могут разрубить; он ходит по гвоздям, лежит на них, ест стекло и так далее. Все это очень экстремально. И если человек не хочет именно в радикальный ислам, он ищет другой экстрим. Вы никогда не задумывались о том, что такое современный альпинизм? Спорт, с одной стороны, весьма дорогостоящий, а с другой — весьма опасный. То есть смертельно опасный. В старину, при отсутствии самолётов и вертолётов, одоление вершин бывало жизненной необходимостью. Тогда этот риск был оправдан, поскольку практически неизбежен. Что заставляет сегодня молодых, здоровых, красивых людей обоих полов рисковать своими единственными жизнями, получать серьёзные травмы, обморожения и даже гибнуть? В чём практический смысл этого в наше время, когда всё сводится к рацио? Да и вне спорта мало, что ли, добровольно проводимых экстремальных ситуаций. Так, известен случай с женщиной — американской искательницей приключений Энни Эдсон Тейлор, которая в бочке спустилась с Ниагарского водопада — она единственная, кто осталась в живых. Это один из ярких доказательств того, что такие оргии были очень популярны ещё в давние времена. По сути такого рода оргии выводят человека в пост-оргазмическое состояние, что в свою очередь приводит его к соприкосновению с мистицизмом.

Существуют массовые оргии, построенные по тем же принципам: спортивные соревнования (например, командные — футбол, регби, баскетбол), выборы (местные и политические). Это всё является продолжением оргии, просто их масштаб становится всё больше и больше. К слову, революции — это такая же оргия и достаточно интересная «игра». Многим взрослым людям нравится смещать власть и вовлекать в эти дела молодёжь и юношество — примеров в истории тому бесчисленное множество, многие хотят в этом участвовать и в наше время: например, кто-то революционеров кормит на майданах и так далее.

Таким образом, как уже сказано, всё общество потребления состоит из этажей оргий, их комбинаций и масштабности, и всё это крутится в едином глобусе «оргазмирования». Но главной характеристикой человека общества потребления является огромный багаж его воспоминаний и скелетов в шкафу, с которыми сложно жить просто так — прошлое всё время догоняет его. И это толкает человека в мистицизм — он про всё хочет забыть, но оно никуда не девается и все время постоянно вылезает, как гвоздь в башмаке. По сути, социальная маска и фактическое количество «интересного» в прошлом человека никак не сопоставимо. Масса прошлого намного больше, чем такая попытка социализации в настоящем. А так как в мире существуют одни оргии, что подтверждено и народной мудростью: «вспомнить есть что, а детям рассказать нечего», то эта масса памяти является основой и генератором общества потребления, имеющий накопительный эффект воспоминаний и скелетов в шкафу. Каждая новая оргия добавляет все больше новых «скелетов», следующая оргия — следующих, и их объем постоянно увеличивается. Так человек приумножает свою память, по сути постоянно делая себя слабее (в своей памяти).

В этом кроется главная причина бесконечного генератора оргий, поскольку для того, чтобы отвлечься от всего, нужна оргия. Но новая оргия добавляет новых «скелетов в шкафу» и новых воспоминаний. И всё сильнее и сильнее необходим оргазмический эффект для того, чтобы держать все в определенном равновесном компенсаторном состоянии. Так человек понимает, что рано или поздно всему может наступить конец: может наступить момент, когда вся сила памяти в одно мгновение обрушится на него, и в этот момент ему становится жутко страшно. Он находит выход в мистике, потому что, когда он не может что-либо объяснить, то начинает мистифицировать. Это состояние любого человека общества потребления — он постоянно мистифицирует и ищет мистическую составляющую во всём. При чем, женщины больше подвержены глубине и массиву мистики, чем мужчины.

Эта вещь гораздо сильнее, чем всё остальное. Мистифицирование — это полная суть безответственности человека, так как он ищет того, кто бы за него взял ответственность за его жизнь (он ищет определенного помощника; гадалку и так далее), и это явление происходит постоянно. Неспроста сейчас в Германии многие помешаны на буддизме, на индийской культуре.

Но самое главное, мы имеем дело с оргией, которая выводит нас на требование понимания неких мистерий, то есть некой мистики, которая становится состоянием человека, манифестацией мистики, когда всё, что человек не понимает — он мистифицирует. И в таком состоянии он нередко готов примкнуть к любой оргии, к любому движению, которое ему в той или иной мере в этой области проясняет мир.

Подводя итог главы, скажу лишь одно: как говорил Жан Бодрийяр, оргия является порогом на пути к буддизму, как некий переходный этап. И когда заканчивается оргия, начинается мистика.

Coca-Cola

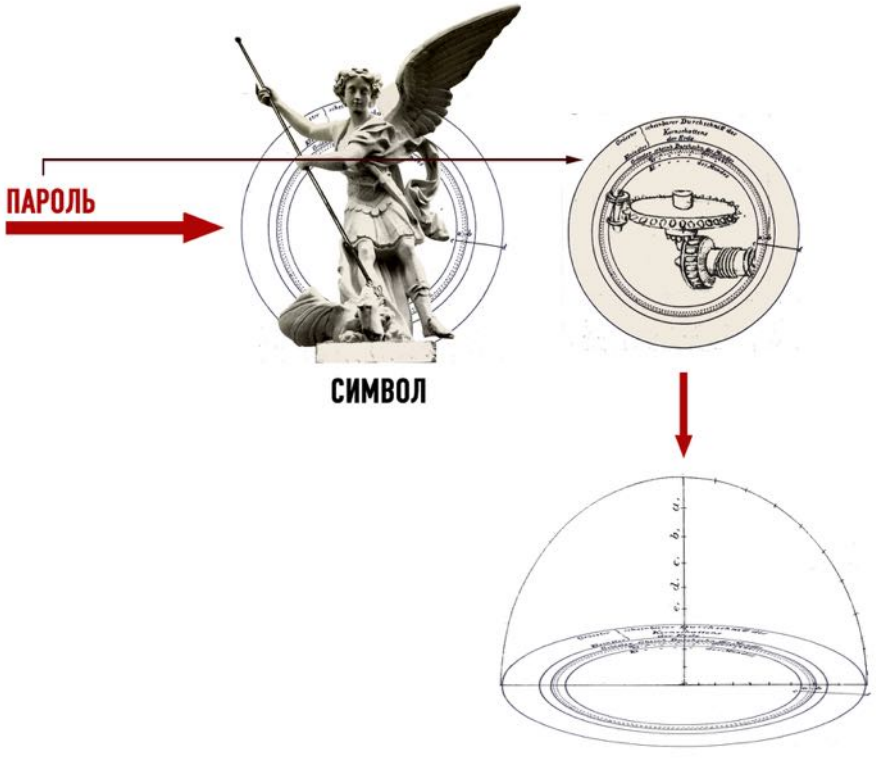
ГЛАВА 6
ЕВРОПЕЙСКИЙ МИСТИЦИЗМ БОДРИЙЯРА

«Когда заканчивается оргия, начинается мистика». Именно этими словами я закончил прошлую главу, посвященную оргии. Необходимо сказать, что у Жана Бодрийяра с явлением мистики всё достаточно сложно — понять это не так просто, как многим кажется. Читая труды Жана Бодрийяра, работу за работой, начиная с 1970 года и заканчивая 2014-м, люди постоянно попадают в одну и ту же ловушку: им не понятно, о чём, собственно говоря, идёт речь. В этой главе я попытаюсь пояснить, с чем вы тут встречаетесь на самом деле.

Центральным элементом мистицизма Бодрийяра и Европейского мистицизма является символ. Но никто никогда не пытался расшифровывать параллели. То есть, когда мы говорим «символ», то подразумевается следующее:

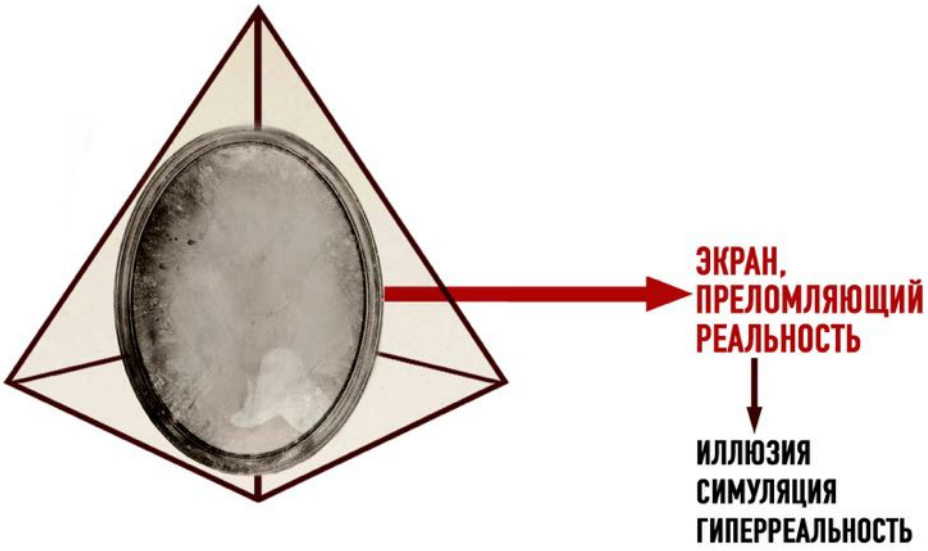
СИМВОЛ = ВЕЩЬ = ЗНАК = «ТЕМА ПАРОЛЕЙ»

Замечу, это не исчерпывающая формула, а лишь малая часть того, что подразумевается под «символом», в силу того, что **в мистике «символ» (символьная система) является центральной идеей**, и это нужно понять. В свою очередь, символ ретрансформируется в вещи, в знаки и так далее. Как это происходит? Формула этого волшебного символа выглядит так: существует определенный символ, и к нему есть некий пароль. Зачем он нужен? Предполагается, что за символом стоит какой-то механизм, поэтому это пароль не к самому символу, а к этому механизму, что позволяет его задействовать посредством символа. Это первый блок, с которым мы имеем дело, и первое, с чего начинается мистицизм.

В следующий второй блок мистицизма входят следующие категории:
ЗЕРКАЛО = ЭКРАН = ПРИЗМА = УЩЕРБНОСТЬ (психологическая категория ущербности)

Ущербность, условно, можно изобразить в виде определенной «пирамиды», или некоего «овала с пирамидой», который выступает как «экран»; сквозь него преломляется человеческая реальность. В результате этого преломления и возникает иллюзия, симуляция и гиперреальность.

Третий блок называется **«Смерть»**, а центральная фигура смерти отождествляется с обществом, фатумом, понятием символического обмена и соблазном.
Смерть = общество/фатум/понятие символического обмена/соблазн

Соблазн — это вторая центральная категория, альтернативная или предшествующая смерти. А само «предшествующее состояние» называется «фатумом».

Так возникает формула:

СОБЛАЗН => ФАТУМ => СМЕРТЬ

К слову, книга *«Гипсовый ангел»* (1978) является неким символом этой тройки, который, по сути, ее выводит. Важно отметить, что у фатума существуют стратегии, и по этому поводу Жан Бодрийяр написал ряд книг: *«Символический обмен и смерть»* (1976), *«Соблазн»* (1979) и *«Фатальные стратегии»* (1983). Как видно наглядно, эти работы идут прямо одна за другой, и, по сути, можно говорить о том, что «крестным отцом постмодернизма» велась целая разработка одной и той же темы — темы смерти.

Обратите внимание, что, помимо «смерти» существует и «последствие смерти». Так, у Бодрийяра это «последствие смерти» называется «инаковостью».

Переходим к следующему Блоку 4, в котором располагается категория Зла. **Зло** у Бодрийяра — это следующая мистическая категория, центральной идеей которой является работа *«Совершенное преступление»* (1995). К слову, именно по этой книге был снят известный многим фильм *«Матрица»*, а по другой его книге «Фатальные стратегии» был создан фильм *«V значит вендетта»*. Сам фильм «Матрица» — это апокалиптический фильм. Следовательно, с точки зрения Бодрийяра, четыре варианта апокалипсиса выглядят следующим способом:

Первый вариант апокалипсиса — это **гибридная война** (та гибридная война, которая идет сегодня).

Второй вариант апокалипсиса — это **эпидемия**.

Третий вариант апокалипсиса с его точки зрения — это **выдуманный мир** (по сути, мир, который придуман, как виртуальный мир или виртуальная реальность). Жан Бодрийяр его охарактеризовал так: *«…вам нужно либо уничтожить мир, так как мир уже дан, и вы не можете ему ответить — это недопустимо…, или вы изобретаете полностью искусственный мир — я думаю это и есть виртуальность. Придумайте другой мир, который вы полностью сами построили. И это будет cheiro poiesis [дело рук человеческих]. Тогда вам не придется ни за что отчитываться кому-либо или Богу» («Невозможный и незаменимый», интервью с Паулом Хегарти. Из Сборника интервью Жана Бодрийяра «Искусство исчезновения»)*. И потом, как продолжение этой идеи, он пишет работу «Почему всё еще не исчезло», говоря тем самым, что «вы уже придумали другой мир, но почему тогда всё еще не исчез предыдущий мир?».

Четвёртый вариант апокалипсиса — **удар извне**, который Бодрийяр называет **«театральным сценарием»**. Причем это может быть всё что угодно. Например, если одним из руководящих лиц государства будет принято решение инсценировать вторжение инопланетян, то сделать это будет совершенно не сложно: всегда существуют секретные образцы вооружения, всегда можно придумать определенные костюмы, скафандры… по сути, просто разыграть эту симуляцию, и как бы «победить» пришельцев в уличных боях. Безусловно, ничего страшного, если при этом «театральном представлении» погибнет, скажем, пару сотен тысяч человек, или миллион… для них ничего страшного… Зато они «бились против пришельцев» и, наконец-то, их победили, а те испугались и улетели… Такой человек для мира станет воплощением власти. Почему? Потому что, если, к примеру, завтра на вас нападут инопланетяне (так же как на них), то кроме того человека справиться с ними никто не сможет. Это лишь условный пример того, как может выглядеть такой вариант апокалипсиса, как удар извне, или театральный сценарий. Сюда же можно отнести и вечно летящий в сторону Земли гигантский метеорит, то есть,

по сути, апокалипсис, связанный с техногенной катастрофой, и все то, что определяют, как «Божья кара» и т.д.— это все театральный сценарий апокалипсиса, как его называл Жан Бодрийяр, что и есть разновидность глобальных угроз.

Возьмите литературную фантастику — практически вся она, можно сказать, стоит на этих четырех ногах: описываются либо пришельцы, которые прилетели и устроили «зону», как в бессмертном произведении Братьев Стругацких «Пикник на обочине»; либо это пандемия, и все население Земли вымерло; либо это гибридная война, заговор против человечества определённым кругом лиц, куча войн, наркотики, тайные правительства, конспирологические теории и так далее. И элементом все этого является гибридная война. Она как элемент геополитики (например, в Сирии), также как и частные военные компании, растущие и зарабатывающие — это всё элементы геополитики и глобальных угроз. А самое интересное в том, что человека и его сообщество не спрашивают — хочет ли он, согласен ли он попасть на территорию гибридной войны или нет. Такие города, как Луганск и Донецк на Украине, откровенно говоря, не сильно хотели попасть на территорию гибридной войны, но оказались в ее эпицентре. И теперь там «зона», как в произведении Братьев Стругацких: выжженная земля и многое другое; теперь там люди, на той или другой стороне, стреляют друг в друга, и кто-то, безусловно, погибает. И это все является началом Зла.

Следующим элементом зла идут **переменные временные угрозы (ПВУ)**, которые все проистекают из описанных выше глобальных угроз:

Первая угроза ПВУ — это **технологическая война.** Она проистекает из виртуального мира (то есть, существует порождение этой войны).

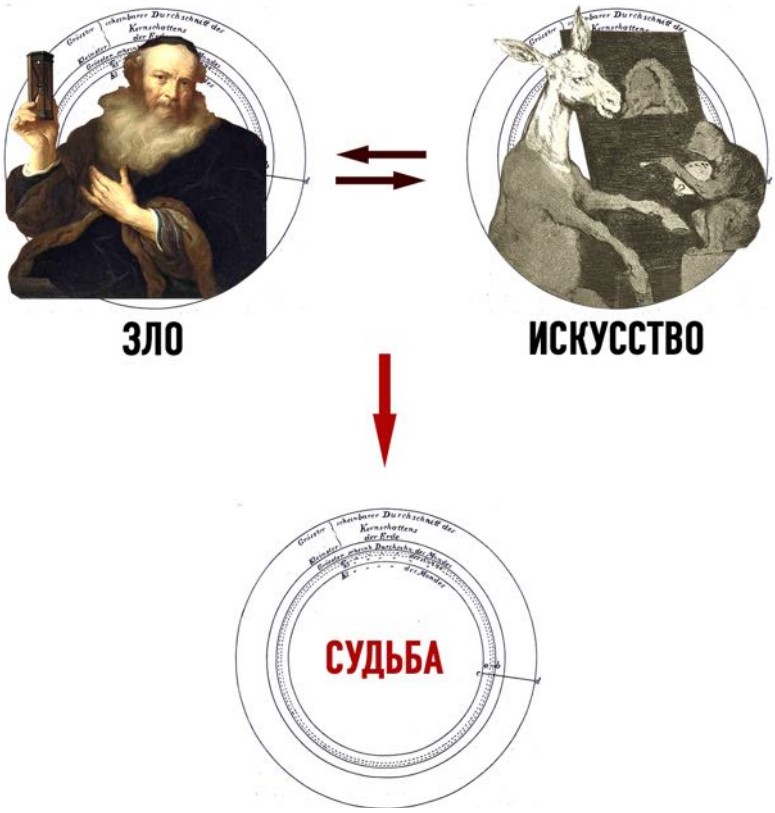
Следующая угроза — это **информационная война**, как порождение вируса, вирусной информации. По системам распространения вирусная информация идентична вирусу. Когда я брал интервью у французского социолога Dr. Тьерри Бардини (Dr. Thierry Bardini), он совершенно точно сказал, что компьютерный мир и идеи распространяются идентично вирусу в мире, у них один и тот же способ масштабирования — через сеть (сетевой способ масштабирования).

Таким образом, когда мы говорим о «театральном сценарии», речь идёт о глобальных мировых системах, которые ретрансформируются в отраслевые кризисы. Например, достаточно часто такие театральные сценарии устраиваются как политические угрозы, когда обналичиваются огромные средства за короткий промежуток времени, что влечет за собой, как следствие, разноплановые отраслевые проблемы. Падение курса валюты — это также театральная постановка, из которой единицы будут извлекать прибыль. Таким образом, прибыль всегда собирает «дирекция театра» — деньги за представление попадают к ней.

Фактически, в таких случаях мы всегда будем иметь дело с массовыми беспорядками, актами гражданского неповиновения, революциями и прочими вещами, в которые будут попадать коммерческие структуры на определённых территориях. Это могут быть политические, экономические, уголовно-криминальные, криминологические вещи — по сути, есть разные способы инспирирования этих ситуаций, которые всегда существуют. Когда Сицилию захватывали американцы, американская сицилийская мафия помогала американской разведке ее захватить, и это наглядный пример в истории ещё из прошлых войн, что еще раз показывает: все эти вещи будут работать в связке, именно так это будет функционировать.

У Жана Бодрийяра Зло имеет несколько форм. И одна из главных его форм — это форма правды. Правда — это Зло, а человек, который так думает, то есть тот, кто ищет правду, с точки зрения всего сообщества — это радикал (человек с радикальным мышлением), кто совершает правильные поступки.

Противоположностью Зла является Искусство. Искусство должно победить Зло. То есть иллюзии, отсутствие логики и обман должны, по сути, победить Правду. Таким образом, есть Зло и Искусство; и между этими двумя борющимися компонентами возникает компиляция судьбы. У Бодрийяра «судьба» выглядит так: это два вектора — Искусство и Зло. Именно они порождают судьбу: его судьба как бы находится между «молотом и наковальней» Искусства и Зла.

Обратите внимание на то, что, как и у основателя судьбоанализа Липота Сонди, судьба у Бодрийяра выглядит в виде двух векторов. Если мы предположим, что Зло — это некий вектор 1, а Искусство — это вектор 2, и как на тесте Сонди, взаимосвязь этих векторов будут давать 4 разновидности «тенденций», то мы получим те же самые четыре фактора: +, -, + -, 0. Очень просто понять эти принципы на модели батареек. Представьте, что каждый вектор — это батарейка, как в вашем мобильном телефоне, в таком случае факторы нам показывают, в каком состоянии сейчас находится заряд батареи:

«+» — батарейка заряжается или полностью заряжена;

«-» — идет активный разряд батареи;

«+ -» — частично разряженная батарея, требуется диагностика;

«0» — батарея полностью разрядилась.

Рассмотрим в качестве примера теста Сонди факторы «h, s». Точнее, возьмём лишь «h». Обратите внимание, может ли быть «h» Искусством? Согласно Сонди, «h» характеризует влечение к мужчине\женщине. Тогда в случае с Искусством, «h» будет называться «искусством любви»: камасутра и прочее. То есть, по сути, у «h» есть проявление Искусства, и всё, что связано в этом мире с Искусством, это «плюс»: «h+». Во-вторых, у нас может быть «h-» и это значит «Зло»: разврат, оргии, женщины легкого поведения (проститутки) и т.д. Это все Зло; оно же — общественная деятельность. Тогда как получается «h + –»? Такое соотношение возникает, когда Зло борется с Искусством. А когда «h 0», это значит — «конец оргии», опустошённость.

Как видим, судьба Бодрийяра крайне схожа с судьбой Сонди. Только у Сонди это выражено в математических показателях, а у Бодрийяра — показателями качественными. Таким образом, Зло и Искусство порождают судьбу человека, являясь движущими факторами его судьбы, хочет того человек или нет.

Достаточно компонентным проявлением Зла является терроризм, государства, общества, полиция и «заговор дураков» (безусловно, как аллегория). Обратите внимание, что «заговор дураков», с точки зрения Бодрийяра — это, по сути, некая формальность, которая связана со всеми предыдущими элементами, кроме терроризма (т.е. «заговор дураков» в полиции, «заговор дураков» в обществе, «заговор дураков» в государстве). Таким образом, существует трёхэтажный «заговор дураков», как аллегория: терроризм и порождает этот «заговор дураков». А он уже, в свою очередь, ретрансформируется в «заговор дураков» государства, общества и полиции. При том, у Бодрийяра есть даже работа под названием *«Игрок и полицейский»* (2001), что еще раз подтверждает это явление.

Обратите внимание, что терроризм (то есть, сами террористические угрозы) является главной лакмусовой бумажкой, которая позволяет обосновывать «заговор дураков». Терроризм как явление (категория) здесь, безусловно, обобщён. Пандемии, созданные бактериологическим оружием, как и многое другое — это всё проявление терроризма. Терроризм, по сути, обосновывает «заговор дураков». И формула этого очень проста:

«Безопасность многих превыше всего!»

Поэтому определенные люди могут делать то, что не предусмотрено законом; в том числе и основным законом — Конституцией… Кратко, они могут выходить за рамки Закона, реализуя свои планы. И когда нужно что-то обосновать, сначала возникает угроза большинству. В таком случае, закон под давлением «обстоятельств» как бы отходит на задний план, его реализация как бы откладывается до лучших времён. И подводится под это некая жизненная база: безопасность превыше всего. А значит, и превыше закона. Соответственно, можно применять радикальные методы и решать свои вопросы без оглядки на Закон и Право. Когда же они закончат решать свои вопросы, людям возвращается их «плохое вчера». И люди будут счастливы, а те — решат свои вопросы.

Ярким и наглядным примером тому являлась ситуация с рейхсканцлером Германии Фрау Меркель, ее моделью поведения и заявлениями в разгар пандемии в Европе. При этом, по странному стечению обстоятельств президент США Дональд Трамп вел себя совершенно иначе, но очень странно. Если в Германии, во Франции, Испании и многих других странах в пик пандемии обещалась финансовая помощь

и она раздавалась (в той или иной мере), то президент США всё время обещал дать деньги, но не давал… И чем это обусловлено, сейчас пока сложно сказать.

Итак, смотря на всю компиляцию Зла во всех его проявлениях, возникает понимание того, что терроризм — чуть ли не единственное Добро в этом мире, которое осталось (хотя многим кажется, что терроризм — это вроде как Зло). Жан Бодрийяр напрямую пишет в книге *«Дух терроризма»* (2002):

«…Терроризм ничего не изобретает и ничего не открывает. Он просто доводит все до крайности, до пароксизма. Он обостряет определенный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности.

Сама система благодаря спекулятивному расширению всех видов обмена, алеаторных и виртуальных форм, которые навязываются повсюду, благодаря минимизации запасов и блуждающим капиталам, принудительной мобильности и ускорению, влечет то, что главным принципом становится принцип неуверенности, который и отражает терроризм в неуверенности каждого в собственной безопасности. Терроризм ирреален и ирреалистичен? Но наша виртуальная реальность, наши системы информации и коммуникации также уже давно существуют вне принципа реальности. Что касается террора, то известно, что в гомеопатических дозах он присутствует повсюду, в институциональном насилии, как ментальном, так и физическом. Терроризм просто кристаллизирует все компоненты суспензии. Он доводит до конца эту оргию власти, либерализации, потоков и расчетов, олицетворением чего были башни-близнецы, являясь при этом резкой деконструкцией этой крайней формы эффективности и гегемонии.

Поэтому, стоя на Ground Zero, среди развалин глобального всемогущества, мы можем лишь в отчаянии обнаружить свое собственное отражение…»

Сразу скажу, если многие думают, что Бодрийяр тем самым поощряет терроризм, то это величайшая глупость — здесь нет одобрения. Но терроризм — это единственное, что осталось в этом мире, что показывает его таким, какой он есть на самом деле. Это единственная лакмусовая бумажка, которая его разворачивает «мехом наружу», так как уже сегодня ничего другого этот мир не разворачивает.

Радикализм уже пришёл в тупик, и на его смену пришёл терроризм. Достучаться до «страны дураков» никаким иным способом, кроме терроризма, невозможно — она просто не реагирует на какие-то протесты и прочее. А когда что-то взрывается, мир сразу реагирует: хватаются за голову и бегут — кто врассыпную, куда подальше, кто — все это разруливать… К примеру, если начавшуюся в 2020 году пандемию, условно считать терактом (то есть, как резкое изменение состояния объекта, как диверсию, как террористический акт), то вы бы увидели, что эта пандемия вывернула «наизнанку» всех — в сущности, показала истинные лица людей. Безусловно, многие потом попытались собраться и надеть снова маски на лица, но уже ничего не получилось — все наглядно видят, что они сделали.

По сути, террористическая угроза (не сам терроризм) закручивает механизм этого театра. И без терроризма никак нельзя, люди без него не могут, так как «стране дураков» терроризм обязательно нужен, чтобы обосновывать свои поступки, действия и выход за рамки Закона и Конституции. Тотальные системы контроля — это ответ на террористические угрозы. Как говорит Бодрийяр, в основном терроризм, который существует, мнимый — терроризма вообще нет. А всё, что сегодня происходит — это придуманный терроризм, потому что когда его нет на самом деле,

его нужно придумывать для того, чтобы все обосновывать. Таким образом, «страна дураков» сама же придумывает эти террористические угрозы, и сама же приводит их в исполнение.

Вернемся к понятию мистики у Бодрийяра и рассмотрим последние две мистические категории.

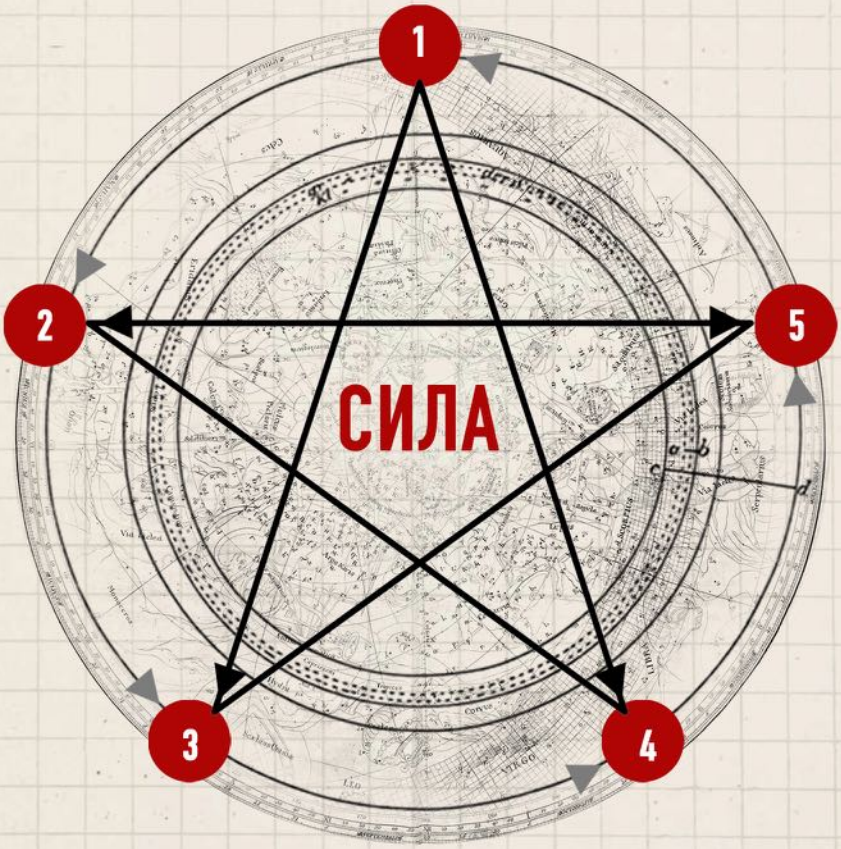
Следующая категория — **игра**. Это основная центральная мистическая категория Жана Бодрийяра. И он, по сути, выходит на категорию, описанную в книге *«Правдань — игра, которая правит этим миром»* (которая была написана мной еще в 2014 году по результатам экспедиции и исследования европейского мистицизма в Мюнхене). Жан Бодрийяр эту категорию не обосновывает, а подаёт по-другому. Но, по сути, «Правдань» — это то, на что выходит философия Жана Бодрийяра: на этот тип жизни и на понимание жизни. По сути, «Правдань» — или «Правда», или «Драфа», или «Игра, которая правит миром» — ее создают определённые личности. И за каждой этой личностью стоит совершенно конкретная философская теория. То есть «Правдань», «Игра», «Драфа» — это всё категории одного порядка. Жан Бодрийяр называет это «Игрой»:

«…Чтобы ухватить интенсивность ритуальной формы, нам, несомненно, следует отказаться от мысли, что все счастье наше — от природы, а всякое наслаждение — от исполнения желания. Игра, игровая сфера вообще раскрывают нам страсть правила, умопомрачительность правила, силу, идущую не от желания, а от церемониала. Не переносимся ли мы в игровом исступлении в ситуацию сродни сновидению, в которой мы свободны от пут реальности и вольны оставить игру в любой момент? Такое впечатление ложно: игра подчиняется в отличие от сновидения определенным правилам, и нельзя просто так бросить игру…» (Ж. Бодрийяр, «Соблазн»)

Но, в сущности, эта Игра — фундамент европейского мистицизма. Ее организовывают люди, за которыми стоит философия — философы. В 4-й главе «Система взаимодействия» мы уже разбирали вопрос о том, что «мира нет, есть только работа философов». Следовательно, создание этой Игры — это работа философов. Жан Бодрийяр даже пишет ряд книг, такие как «Забыть Фуко» (1977) и другие, как оппонирование другим философам, которые как раз и создают эту Игру.

Безусловно, игра — это такая вещь, которая требует серьёзного углубления. И в последующих главах мы продолжим разбирать каждый из этих пяти компонентов мистицизма в отдельности. Задача же этой главы — в общем описать мистицизм Жана Бодрийяра как многогранное комплексное явление. Но есть категория, которая соединяет вместе эти все пять частей мистицизма — это **Сила**. Таким образом, возникает некий пятикомпонентный мировой мистический разум (как некая система пятикомпонентного мирового разума), который объединяет Сила, заставляя их держаться вместе в единой системе (собирает их), а на видимой модели это можно представить в виде пятиконечной звезды — символа справедливости в мире.

1
2
3
4
5
СИЛА

Пятиконечная звезда как символ справедливости — это древний европейский символ, который говорит о центре мира, о справедливости, о равновесии, о правильности построенной конструкции, о системе взаимодействия и т.д. По сути, этот символ говорит об обществе справедливости, если быть точным. И у Жана Бодрийяра есть работа на эту тему — «Агония власти», написанная в 2010 году. То есть, как единая система — система не функционирует, но ее части с частями начинают своего рода взаимодействовать между собой, что порождает те самые фрагменты, о которых говорится во второй части книги «Пароли» (вторая часть этой книги называется «Фрагменты»). Так, части этой системы начинают сами взаимодействовать между собой, так как больше ничего нет, и порождают «фрагменты».

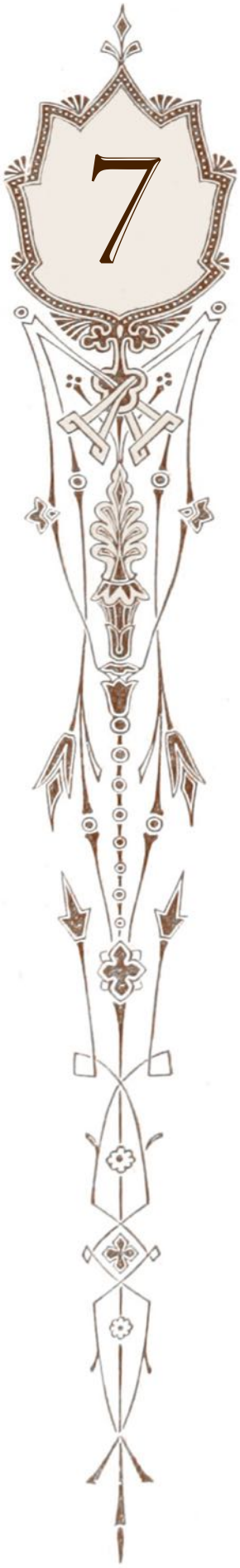
«Фрагменты» — по сути, это мир, в котором мы живём. Другими словами, мы живем во фрагментарном мире, так как постоянно участвуем в каком-то фрагменте. И поэтому очень многим кажется, что этот фрагмент и есть весь мир. На самом деле, мир и фрагмент — это разные вещи. Отсюда начинается иллюзия: накопившиеся фрагменты создают некие связи, которые нам кажутся закономерными, далее появляются доказанные конструкции и в результате возникает симуляция. Симуляция начинает строить иерархию симуляций, что, по сути, является степенью погружения в симуляцию. И это происходит посредством перезарядки символами (этот механизм, как отдельная конструкция Бодрийяра, будет рассмотрен более подробно в одной из следующих глав).

Выражаясь языком психологии, человек начинает существовать в двух состояниях. Когда мы говорим о «погружении» человека (или о психиатрии, как следствие этого), то рассматриваем уже уровень гиперреальности: по сути, человек уже является следствием гиперреальности, живёт в гиперреальности и становится психом, и продолжает всё глубже и глубже погружаться в психиатрию посредством механизма перезарядки символа. Человек же, который идёт по пути симуляции, погружается в психопатию. То есть, со временем, когда накапливаются его психологические повреждения (но без погружения в психиатрию), у человека возникает психопатия.

Как говорил один из мэтров глубинной психологии Липот Сонди: «Норма — это разбавленная патология». Условно, если представить это равновесное состояние в виде определенной «концентрации сока» в бутылке, то такого «сока» становится всё больше и больше, и в конце концов наступает некий критический момент, когда концентрация «сока» достигает 90%, а воды остается лишь 10%. В перенасыщенном состоянии такой человек — псих, но адаптированный в обществе. Так, в XXI веке наряду с понятием «социальный урод» и «дезадаптивная личность» существует и иная категория — «индивид с психическими отклонениями, адаптированный в обществе». При этом, личности в нём уже ноль: такой человек — уже не личность, а некое «безличие» (на языке судьбоанализа — атрофированная субстанция «Я»). По сути при такой концентрации происходит расщепление «Я» (в сущности, развал из такого особого состояния человека, с таким уровнем развития «Я», который позволял ему осознанно управлять собственной судьбой, выстраивая её вне зависимости от требований социума).

На этом замыкается круг мистики Бодрийяра. А в данной главе я с разных сторон взглянул на мистицизм Бодрийяра и познакомил Вас, уважаемый читатель, с этим мистицизмом и его шестью компонентами (включая Силу), которые выглядят именно таким образом. До встречи в следующей главе!

ГЛАВА 7
ОБЪЯСНЕНИЕ «А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?»

Мы прошли геометрию философии Жана Бодрийяра. Но, по сути, получили только лишь общее представление о его философии. А между тем, цель данной книги, и значит, основная наша тема — изучение философии Бодрийяра, то есть, поиск ответов на вопросы о том, как подойти к изучению философии Бодрийяра, чтобы она принесла вам пользу. В этом состоит главная задача этого труда. Поэтому важно понять: те вещи, которые обсуждались до этого в шести главах — лишь введение, объяснение того, с чем мы встретились на самом деле. Сейчас нам с вами нужно начинать разговор о том, как устроена философия Бодрийяра, как Бодрийяр работал. В рамках данной главы я раскрою сам подход Бодрийяра, отвечу на вопрос — в чем разница подхода Жана Бодрийяра и других учёных.

Первое, на что необходимо обратить внимание: Бодрийяр не злоупотреблял цифровыми показателями. Там, где это было нужно, он их использовал, а где не нужно — запросто обходился без них. Замечу, еще в 1930-х годах два великих советских ученых, академики Г. С. Попов и А. С. Яковлев, говорили о том, что в мире существуют две ужасные вещи: цифры и названия, которые вводят людей в заблуждение — чем меньше цифр, тем меньше заблуждений. А известный немецкий психолог, профессор Герд Гигеренцер авторитетно доказал как ученый, что человеческий разум с цифрами работает очень плохо. Да что там — просто отвратительно. То есть, если вы хотите допустить ошибку, всегда используйте цифры (буквально: хотите ошибаться — берите цифры).

Человек достаточно неплохо извлекает цифры из памяти. Например, раз выучив таблицу умножения, он извлекает неплохо эти данные. Пять на пять — двадцать пять, пять на шесть — тридцать, и так далее. Чего уж проще. Но вычисляет человек ужасно. Искусство и литература соцреалистического толка буквально обожествляла человека. Как там, у Максима Горького в пьесе «На дне»: «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит… гордо!». Герд Гигеренцер отмечает, что современная наука не отстаёт в деле человеческого обожествления. Но при этом сложно себе представить, как такой «возвышенный» человек (скажем, токарь на заводе), при помощи математической Байесовской модели будет вычислять вероятности в уме. Предполагаю, что он, вероятно, никогда и не слышал об этом вообще, и о применении таких математических методик в принципе. Поэтому даже квалифицированный рабочий производит свои вычисления по мере их необходимости,

как-то иначе. В результате — ужасная ситуация, с которой имеем дело: в реальности математические требования современной науки с одной стороны, гипертрофированы, а с другой — бесполезны. То есть с помощью таких показателей можно напустить, как говорится, много дыма — но ничего описать нельзя.

Жан Бодрийяр был философом и социологом. Предметом исследования социологии, прежде всего и главным образом, является взаимодействие, и полностью математическим языком его описать нельзя — показатели тут нужны и важны качественные, а отнюдь не количественные. А Бодрийяр — мастер качественных показателей. Именно мастер: он был настолько умён в использовании качественных показателей, настолько прозорлив, настолько мастерски их использовал в нужный момент, в нужное время при написании, что это не только иллюстрировало реальность, но и бесспорно доказывало, что иначе быть не может. Бодрийяр настолько мастерски вставлял измерители в своих трудах, что когда разумный, внимательный и более-менее подготовленный человек смотрел на это, у него вопросов больше не было.

Например, когда учёный описывает Дух терроризма (книга так и называется — *«Дух терроризма», 2002 г.*), то говорит о том, что «терроризм» — это не только, единственно и исключительно зло, как мы его себе представляем — хотя и зло в том числе, конечно,— но прежде всего это сигнал обществу. *«Производство, эволюция, прогресс — этого больше нет, есть только умозрительные построения, зыбкие и неустойчивые. Конечно, глобализация, движение глобализма продолжается, но события одиннадцатого сентября, прозвучав сигналом тревоги, все же эту тенденцию притормозили…»* (Ж. Бодрийяр, «Дух терроризма»)

Можно сказать, что Бодрийяр раскладывает «терроризм» на три логические категории:

Терроризм — это зло.

Терроризм — это не зло.

Терроризм — это сигнал.

Он вводит три параллельные точки, и рассуждает в этих рамках: для разумного общества терроризм был бы сигналом, для глупого общества терроризм — зло, а для безумного общества он как раз является единственным лекарством, которое позволяет вырвать его из этого безумия. Мир пришел в состояние, при котором, можно сказать, общество почти ни на что не реагирует, никак его невозможно расшевелить. По сути это общество тихо погибает. Но приходит «терроризм», происходит какой-то взрыв, и в этот момент все резко изменяется: многие начинают куда-то «бежать», говорить о том, что надо что-то в нашем обществе менять, так как это невозможно, столько людей гибнет. Одна из примет такой тревоги — скажем, публицистический кинофильм С. Говорухина «Так жить нельзя». Эта и другие публикации, как бы объясняющие нам то, что и сами мы прекрасно видели и знали о себе и о других, на деле имели более сложную природу. Умеющие видеть между кадрами и читать между строк, уже тогда встревожились не на шутку. Увы, и времени потеряно было много, и наука отнюдь не поторопилась бросить пустяки и заняться главным. А ведь действительно, в сущности, для безумного общества терроризм — это лекарство.

Жан Бодрийяр выстраивает академический показатель — берёт шкалу и по ней выстраивает уровни: уровень интеллекта, уровень безумия, уровень глупости

и уровень нормального состояния общества. Он разделил весь интеллект на три состояния:

Нормальное состояние общества — это то его состояние, где существует несколько всем понятных парадигм. Во-первых, в этом обществе все вещи называются своими именами, то есть, у каждого слова есть чёткое значение, и все люди это точно знают и употребляют эти слова правильно. Второе — это общество справедливости. Что касается всего: от равенства всех перед законом (при этом оно может быть каким угодно — капиталистическое, социалистическое, фрактальное и прочее), но правила для всех одни и ответственность у всех одинаковая. В третьих, выбор: да, у каждого человека должен быть выбор. Условно говоря, «сам дурак» — это главная черта нормального общества. В этом обществе никто не заинтересован в действиях ни за вас, ни против вас. Таким образом, всё сделали вы сами (то есть кроме вас этого не делал никто). Допустим, человек решил ночью пойти темной улицей и его там ограбили — во всём виноват сам человек. Поскольку он сам решил пойти именно ночью, именно туда и именно этим путём. Как говорится, пишите жалобу на себя. По Жану Бодрийяру — в силу этого выбора, во всём виноват человек. Потому что это — его свободный выбор. Ну, насколько вообще можно говорить о человеке, свободе и выборе.

Бодрийяр предъявлял к этому обществу три требования:

- свобода выбора (каждый человек имеет право выбирать);
- каждый человек имеет право называть все своими именами;
- все правила для всех идентичны. Что это значит? Что он даже не требует идентичности старта для всех граждан (например, ты родился в бедной семье или в богатой… тогда понятно, как будет выглядеть «старт» человека), но Бодрийяр даже этого не требует для нормального общества, потому что всегда будут люди старше-младше, богаче-беднее, выше-ниже ростом… Люди всегда будут во многом разные. Но правила игры должны быть для всех одинаковы и понятны.

Именно в этом заключаются неприятности нашего общества, из которых Бодрийяр начинал выводить то, что у нас называется обществом потребления и концом общества потребления. И возникновение нового вида общества, которое он называл фрактальным обществом (геометрическим). По сути, обществом фрагментов, поскольку «фрактал» — это «фрагмент».

Когда всё в обществе называется своими именами, исчезают иллюзии, их нет. Если человек — бизнесмен, то он именно бизнесмен, а если это полицейский, то — именно полицейский. Но в современном мире достаточно много непонятного: человек то ли бизнесмен, то ли полицейский, то ли мэр города, и так далее, и непонятно, как его назвать, как к нему относится. Старинный вопрос — «Быть или казаться?», занимавший умы мыслителей ещё в древности, встал сегодня в полный рост: вроде-бы-учителя, как-будто-бы-журналисты. Это достаточно странная субстанция, которая себя ведет крайне необычно.

Обратите внимание: когда говорим о справедливости, это является основой симуляции. «Симулякра» — то состояние, при котором существуют разнообразные правила (в том числе и правило несоблюдения правил), и кто как хочет, так и делает. По сути, это лживая доказанная конструкция.

Суть в том, что если всё равно, что в ответе, то система доказательств (сам процесс доказывания) не имеет никакого значения. В этом смысл. Например, на сегодня существует огромное количество приверженцев мысли о том, что Земля наша… плоская. Они даже теории плоской Земли разрабатывают, и в этом участвуют разные учёные. Полётов в космос, снимков со спутников, с камер недостаточно, чтобы увидеть, что Земля имеет форму шара — всё равно это симулякра. То же толкуют о Луне. И речь не только о слухах-сплетнях, нет: и учёные подключаются к этой постановке вопроса.

В Европе есть некие необъяснимые последствия. И теми технологиями, которыми обладали предыдущие цивилизации XVI–XVIII веков — мы не располагаем, и не можем себе позволить очень много такого, что позволяли себе они. И это не так уж трудно выяснить. То, что мы регрессировали — это точно. Например, еще в XVI веке испанский дворянин, мастер фехтования, командор Ордена Иисуса Христа Иеронимо Санчес де Карранза мог написать книгу на стыке многих наук, а сегодня не один профессор этого сделать не может. Или, если мы почитаем Аристотеля и Платона, а они жили более двух тысяч лет назад, то получается, что те люди, которые живут через две тысячи лет после них, должны быть умнее Аристотеля и Платона в десятки тысяч раз — значит уже этих людей требуется почитать, а тех забыть, как архаичность… Это странно. По сути технологическая история науки не совпадает с историей человечества. В Европе по сей день стоят огромные пласты гор, разработанных промышленным способом в XV веке и другие вещи, которые мы не в состоянии сделать сегодня…

Говоря о выборе и о том, что «выбора нет» — это и есть гиперреальность. То есть социология и философия Жана Бодрийяра очень проста. Она говорит: уберите эти три вещи из общества и возникнет иллюзия, симуляция и гиперреальность. И люди начнут жить как роботы в режиме молчаливого большинства: в некой форме рабства, удобной правителям этого общества, что ярко иллюстрируется в последней фразе пушкинского Бориса Годунова: «Народ безмолвствует». А Жан Бодрийяр просто выворачивает это наизнанку, показывает причины этого явления.

Мы видим признаки здорового социального общества: когда всё называется своими именами; у всех есть **известный** выбор: делай что хочешь, но в рамках закона; и правила одни для всех. Именно эти три вещи являются признаками здорового социального общества. Но как только эти признаки нарушаются… Жан Бодрийяр говорил, что хуже человеческих отношений ничего нет в природе,

в мире, и это ужасная зависимость. К этому, изначально и в принципе, можно свести коренное отличие природы вообще от того феноменального явления, которое наука условно называет второй природой, природой человека и его сообщества. Народная мудрость гласит: «Кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку». Это известно давно и высмеивалось в свое время, ещё до наших писателей — Ла Фонтеном и даже Эзопом.

На эту тему издревле даже говорили так: «Лучше всего рыба ловится в мутной воде». Величайший человек всех времён и народов, мой Наставник, **Виктор Павлович Светлов**, говорил: *«Порядок практически можно навести только для ограниченного числа лиц»*. То есть для двадцати, для двухсот или тысячи человек, это можно сделать… Но это предел. Для государства навести полный порядок — невозможно. Возможно лишь создать симуляцию порядка, его видимость, как это сделано, например, в Германии, поскольку там никакого порядка нет. И это очень хорошо видно на примере с карантином и тем, что происходило в этом государстве в момент начала пандемии. Это же происходило и в Италии, и во всей Европе.

Бодрийяр выводит, что возможен порядок для большинства: если установить эти правила и строго придерживаться их в обществе, то порядок наступит сам по себе. То есть, если все будут придерживаться этих трёх простых правил, то именно сам по себе исчезнет весь мусор, который существует, и человек спокойно будет жить в капиталистическом, в социалистическом или в любом обществе, лишь бы там были понятные правила игры, одни на всех (какие бы они ни были, плохие или хорошие, но понятные для всех общие правила) — что у человека есть выбор и всё называется своими именами.

Итак, Бодрийяр использовал и качественные, и количественные подходы, но в большем смысле — качественные. Однако для того, чтобы понять Бодрийяра и то, как он работал, необходимо идти от конструкции к теории. То есть, у Жана Бодрийяра были совершенно конкретные измерители, конструкции и другие элементы, которые можно геометрически нарисовать на доске. Это некие инструменты, с помощью которых Жан Бодрийяр проводил исследование, анализируя происходящее. «Кирпичи», которые создал Бодрийяр, откуда-то берутся. То есть они имеют свое происхождение. Попросту говоря, их кто-то делает. Таким образом, мы имеем дело с инструментарием Жана Бодрийяра. Это исследовательский инструментарий социолога и философа. И каждый из этих инструментов требует осмысления. Поэтому люди, которые не желают ничего осмыслять, понять Бодрийяра не смогут. Здесь нужно, чтобы у человека, прежде всего, было желание осмыслить, желание понять правду, и это очень важно. Поэтому, как все говорят, Бодрийяр — для интеллектуалов, он — «отец интеллектуалов».

Его, кстати, так и называли — «кумиром европейских интеллектуалов». А кто такие интеллектуалы? Прежде всего, это люди дела. То есть не инсценирующие дело, не имитирующие дело, не симулирующие дело (для чего особого интеллекта и не нужно), а те, кто знает: делать что-то, не понимая, как на самом деле обстоят дела — крайне рискованно, вы непременно допустите ошибки. И ошибки эти могут оказаться серьёзными, драматическими. Даже трагическими. Если вы не симулянт дела, а настоящий его носитель, вам нужно в нём очень многое знать и понимать. Это совершенно необходимо тем, кто по-настоящему управляет, координирует, командует, на деле признаёт свою ответственность и результат. Это люди военные,

это представители спецслужб, это учёные, педагоги, мастера — настоящие, а не поймавшие свои должности, как рыбок в мутной воде. Другими словами, это те, кто вынужден, иногда даже против собственной воли, проявлять интеллектуальные навыки, без каковых провал неизбежен. Ясное дело, для этого нужен изначально известный интеллектуальный минимум и его дальнейшее непрерывное развитие. Даже в XXI веке имеется на свете большое множество профессий, категорически не требующих особых интеллектуальных усилий. И плохо не то, что многие люди всю жизнь замкнуты в рамках таких не-чрезмерно-интеллектуально-напряженных профессий. Это бывает и случайно, по обстоятельствам. Бывает — и «По Сеньке — шапка». Разрушительно другое — когда откровенные не-интеллектуалы, даже анти-интеллектуалы, в той же мутной водичке проникают в интеллектуальную сферу и борются за пребывание в ней всю жизнь.

Жан Бодрийяр — это клад, сокровище для тех, кто в этом смысле сидит в своих санях или желает в них сидеть не по обстоятельствам, не по мутности воды, а по праву. Надо сказать, что все его работы — это не окончательный монолит «От сих до сих, а остальное — от лукавого», нет: это — предварительный анализ. С помощью инструментов он даёт широкий спектр для продолжения его исследований. Фактически все его работы — это исходные данные, которые мы должны знать, для того чтобы продолжить собственное исследование в любом из интересующих нас направлений.

Обратите внимание и на то, что у Бодрийяра есть очень интересная форма. При жизни он был крайне популярен по всему миру, аж до Австралии. А когда он умер, все постарались как можно быстрее «затереть» Бодрийяра. И что же? А то же, что ничего не получилось. Тогда начали симулировать Бодрийяра: его обсуждать, искажать. И опять-таки, удивительным образом оказалось — это тоже не так просто сделать при 54-х написанных работах. Тогда были предприняты попытки купить, как товар, забвение Бодрийяра. За это стали платить деньги, и немалые. Я разговаривал с одним коллегой из Италии, который поведал о том, что американцы давали деньги, чтобы в университетах не изучали Жана Бодрийяра. Так он им досадил, написав книгу «Америка», где он сказал про первое первобытное общество, что американцы выходили на конференциях из зала в знак протеста. Бодрийяр этой книгой вывернул Америку наизнанку, поэтому они многое сделали для того, чтобы забыть Бодрийяра. Но не учли одного: он столько вещей написал, раскрыв и показав этот мир во всей красе, что — как они того не хотели — идеи Бодрийяра все равно никуда не ушли.

Рассмотрим следующий важный, обратный момент. Многие ученые уцепились за Бодрийяра. И когда я брал интервью у одного из его учеников — философа, о котором уже говорил ранее, Люсьена Улабиба, он мне сказал, что те конструкции и схемы, которые я ему тогда нарисовал на базе работ Бодрийяра, чтобы проиллюстрировать свой вопрос,— это именно то, чего боялся Бодрийяр больше всего в жизни: что кто-то разгадает и нарисует их, и тогда с помощью этого можно делать с обществом всё что угодно. По этой причине Бодрийяр «развалил» это здание.

«Говорят, что Бодрийяр — это человек, который построил здание. Потом пронумеровал каждый кирпич, разобрал это здание и спрятал чертежи. И предоставил всем остальным вместо него без чертежей построить здание».

Как великий ученый Тесла в свое время уничтожил все свои бумаги, как гениальный Эйнштейн сжёг архив, так и Бодрийяр «разобрал здание» и подумал, что, если кто-то соберется, не дай Бог, использовать эти знания во зло, то облегчать ему/им работу он не станет — для начала им будет необходимо очень хорошо во всем разобраться и применить весь свой ум.

Я уверен, на основании результатов своих исследований и многочисленных экспедиций по всему миру, и Бодрийяр это также отмечал, **у любого символа есть две стороны медали: наступательная (военная) сторона и реализационная (гражданская) сторона.** Поэтому в Бодрийяра вцепились не только американцы, и пытаются, безусловно, дознаться и использовать его труды в личных корыстных целях. Но, как уже сказано, не сильно у всех получается. Например, современная ситуация с пандемией и прочее, что сейчас происходит — это всё Жан Бодрийяр предсказал ещё в 1972 году, и ничего нового, с точки зрения Бодрийяра, не происходит. Он сказал о том, что наше общество будет проходить через такое, потому что в этом очень многие крайне заинтересованы. То есть для того, чтобы безнаказанно нарушать закон, нужно безопасность поставить выше закона. Ну, попросту: нарушение закона объяснять безопасностью. И как только масса сограждан приучится к такому объяснению — дальше можно делать всё, что заблагорассудится — во имя безопасности, во имя народа, во имя нации… В таких случаях, как гласит история, самая примитивная демагогия срабатывает безупречно. Не к ночи помянем Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё поверят».

Бодрийяр, по сути, дал нам исходные вводные данные и инструменты для того, чтобы с помощью этих инструментов можно далее продолжить исследования в нескольких направлениях. Жан Бодрийяр исследовал человека, науку, человека и общество, он исследовал некое состояние оргии или состояние «вне игры» и мистику: такие понятия как судьба, зло, соблазн, фатализм, фатальность как некие мистико-европейские явления. Таким образом, Жан Бодрийяр, по сути своей, это возврат, прямая линия и указатель к европейскому мистицизму — к той изначальной науке, которая в Европе существовала много-много столетий.

Важно сказать, что наши учёные очень резко отнеслись к критике Бодрийяра, значительное количество академического сообщества критиковало Бодрийяра. Но критиковали они его по-разному: были в том числе и восторженные критики. Но у критиков ничего не получилось. На самом деле, мы имеем дело с неким критиканством вместо критики, поскольку никакой объективной критики не может быть, если критикующий не понимает того, что написано в трудах — они хотят критиковать то, чего они никогда не читали.

Возвращаясь к основной теме нашей главы, еще раз повторюсь: Бодрийяр считал, если выполнять три показателя, показанные в этой главе, то любой строй для человека станет не только жизнепригодным, но и приведёт его в состояние необходимости трудится и при этом быть счастливым. Когда ты знаешь правду, у тебя есть выбор: или работать и добиваться всего, или не добиваться — тогда и жалобу на себя пишите, тогда никого обвинять не придётся. Когда эта концепция незыблема, и она заложена в основу общества, то всё начинается с воспитания в детстве. Когда ребёнок приходит на эту планету, он маленький; и если мама его учит этому с утра до вечера (этим трем вещам) и, при этом, все вокруг также это соблюдают в силу того, что им также передавали эти знания с самого детства, то

мир начинает меняться кардинально. Но, чтобы это произошло в принципе, надо кардинально менять систему воспитания, и кто-то должен положить начало этому — нужно открыто сказать это народу. А это всегда, мягко говоря, непросто.

Безусловно, исторически существуют примеры того, когда эти три требования выполнялись. Например, общество XVI века как раз отвечало этим трём требованиям в Европе, несмотря на то, что тогда действовала инквизиция. Суть в том, что инквизиция была элементом Испанской Империи: чем опытней и профессиональней был инквизитор, тем меньше неприятностей доставалось от инквизиции. А так как инквизиторами в Испанской Империи были монахи Ордена францисканцев — самые образованные в Европе на тот момент времени люди — они совершенно чётко понимали, что им нужно делать. И вопреки общепринятому мнению, ни с какой ересью они не боролись — они боролись с врагами Испанской Империи, безусловно, под видом инквизиции. Затем произошли изменения, систему нужно было менять, и в эпоху Возрождения мы уже имеем дело со стремлением к обществу с этими тремя параметрами — не с существованием такого общества, но со стремлением к такому обществу.

Надо сказать, что Первая, и в особенности Вторая мировая война, поставили точку в этом стремлении. Уже послевоенное европейское общество стремилось к ценностям в обход этих трёх вещей. То есть любым способом навязать ценности. Они пытались всячески сохранить иллюзию — всё перетолковали: называть вещи своими именами стало не толерантно, потому что «толерантность» — основа европейского общества. Что такое толерантность? Толерантность — это значит «не называть вещи своими именами». И это был шаг номер один.

Вторым шагом к изменениям стал закон (правила игры) — некая фикция в руках правящего буржуазного класса, а репутация стала основой правосудия. По факту, деяние (что было сделано человеком) рассматривает правосудие, а не репутацию. Но если у человека безупречная репутация, то на него никто не подумает. А если репутация подмоченная, то, что бы он не сделал, ему никогда не поверят. И это положение было выдвинуто как основная европейская ценность, то есть, невмешательство в личную жизнь. Поэтому Бодрийяр так и говорит, что при отсутствии этих трёх вещей человечество обречено.

Третье положение — выбор без выбора — возникает тогда, когда общество не предоставляет возможности человеку что-либо выбирать (куда бы он ни пошёл, всё везде одинаково), а иначе мыслить — это противопоставлять себя обществу, что и сделал Бодрийяр: он показал, что этому обществу можно себя противопоставить и можно победить в этой борьбе.

По сути человеческие европейские ценности — это те вещи, которые отменяют эти три параметра. То есть эти «ценности» заменили эти три параметра, специально созданные для того, чтобы привести молчаливое большинство к состоянию скрытого рабства, когда рабовладельческий строй вроде как отменён. Но рабов можно делать, не только заковывая их в кандалы, нашлись другие способы порабощения молчаливого большинства — создают им выбор без выбора. Таким образом, идеальное общество — это общество без политиков, при отсутствии вообще каких либо форм политики.

Жан Бодрийяр своими трудами пытался сказать, что нужно объяснить народу эти три вещи, и что по-другому ничего не будет. Он четко говорит, что во всём виноват

сам народ (когда человек стонет, ноет, но ничего не меняет в своей жизни — значит, его пока всё устраивает). Например, вам не нравятся определенные передачи по телевизору, и вы ноете по этому поводу. Бодрийяр обращал внимание на то, чтобы люди перестали смотреть телевизор, перестали смотреть эти передачи, тогда другие перестанут их выпускать; если они не будут никому нужны, их перестанут смотреть, делать их перестанут. Пусть они придумывают такие передачи, которые будут смотреть.

В дальнейших главах мы будем непосредственно изучать сами конструкции Бодрийяра (инструменты исследования), а также углубим предметы исследования Жана Бодрийяра и проиллюстрируем это его работами (то есть, человек, наука, общество, мистицизм, состояние вне игры или оргия, мистицизм — каждому из этих явлений будет посвящена отдельная глава для исследования). И, безусловно, вернёмся к этим трём позициям справедливого общества — общества справедливости, и рассмотрим все концепции в этом контексте — как бы они могли изменить тот мир, в котором мы сегодня находимся. Например, если мы вводим одну концепцию — вещи называть своими именами, то что бы это изменило сегодня? Как бы изменились общество и мир? У нас бы исчезла иллюзия, в которой живём, многие бы перестали заниматься глупостями и занялись бы делом. Когда человеку все понятно, ясно и доступно, он имеет возможность выбирать, что ему делать. Поэтому начинать необходимо именно с того, чтобы вещи начали называться своими именами.

ГЛАВА 8
ТРИ ПОНЯТИЯ, ВВЕДЕННЫЕ ЖАНОМ БОДРИЙЯРОМ

Прежде чем переходить к рассказу об инструментах, которые использовал Жан Бодрийяр, рассмотрим три крайне важных понятия, которые он ввел: обратимость, восхитительная катастрофа и псевдособытие.

Начнём с такого понятия, как **обратимость**:

«…Попытки навязать безусловное осознание мира, навязать окончательное решение загадке мира вылились в мир, готовый отомстить. Произошла фатальная обратимость, поскольку насильственное осознание мира порождает избыток реальности, порождая состояние гиперреальности, которое замыкает различие между реальным и его двойником: даже «образ больше не может вообразить реальное, потому что это стало реальным… он стал своей собственной виртуальной реальностью» (Baudrillard 1997: 12) (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», фрагмент введения к книге)».

На самом деле это давно известно в механике и кибернетике: чем больше и сложнее вещь, тем она быстрее ломается; чем массивней конструкция, тем она более уязвима. А главное — она не имеет понятия манёвренности и механизма немедленного реагирования. То есть, как Жан Бодрийяр говорит, государства — в том виде, в котором они сегодня существуют, не способны реагировать на глобальные угрозы:

«…Италия доказывает, что в государстве нет необходимости. Это сумасшествие, как вы понимаете, для государства… не принимать государство — это настоящий скандал. Поэтому государство будет воевать с обществом, чтобы показать, что государство необходимо. Даже если его не существует, все равно нужно доказать, что государство необходимо… (Из сборника «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», Интервью 3 «Катастрофичный, но не серьезный», интервью с Робертом М. Маникусом)».

Яркой иллюстрацией этому является сцена из фильма/книги Богомолова «В августе 44-го», где один из героев — товарищ Сталин — говорит: «Столько у нас органов, а трех человек поймать не могут!». Согласно сюжету, товарищ Сталин дал трое суток для того, чтобы найти и задержать определенных лиц, которые несут опасность государственной важности. Но задача через три дня еще не была выполнена… Чисто гипотетически и в порядке фантазии,

если бы товарищ Сталин сказал Ангеле Меркель: «Даю трое суток для того, чтобы ликвидировать коронавирус…», то уже через три дня он был бы ликвидирован. В свое время Советский Союз обладал просто уникальной системой реагирования, и подобного рода явление, как пандемия 2020-го года, даже теоретически не было бы возможным.

Когда Сталин пришёл к власти, он принял страну с чумой на Востоке, и с холерой, с тифом, со многими разными интересными заболеваниями и эпидемиями, с басмачами, с уголовщиной и т.д. Но шло время, эпидемии локализовали и ликвидировали, басмачей разгромили, с бандитизмом, можно сказать, покончили. И считалось, что в Советском Союзе восторжествовала социалистическая законность, а за ней — и сам социализм. И вот в этом периоде, даже в лютую Вторую мировую, даже в блокадном Ленинграде не было никаких эпидемий. Почему? У Сталина были просто уникальные механизмы реагирования на разного рода угрозы. Ни одна страна мира сегодня не имеет таких механизмов реагирования на глобальные и внутренние явления. Там, в СССР, все знали: вспыхнет-разгорится эпидемия — оргвыводы последуют незамедлительно. И допустившие это, подпустившие и пропустившие это, лёгким волнением и небольшими неприятностями по службе не обойдутся. Разумеется, очень многие ответственные лица и специалисты работали увлечённо и добросовестно, относились к делу вполне серьезно. Но срабатывало, несомненно, ещё и понимание последствий за провал лично для себя. И это осознание также было существенной составной качественного выполнения порученного. Касалось это и санэпидслужбы.

Обратите внимание на то, что государства Америки и Европы не имеют механизмов такого реагирования. Поэтому Жан Бодрийяр писал о механизмах обратимости. То есть такие угрозы разрушают это государство, общество, пассивные структуры. Государственный аппарат, который сегодня существует, не способен реагировать на всё это. Например, все видели, с какой «скоростью» на эпидемию отреагировали в Италии и в Германии. Месяц прошёл до того, как они только спохватились: оказывается — у них эпидемия. А ведь совершенно ясно, что реагировать нужно было в первый же день и час — еще месяц назад. И если бы локализовали в этом смысле Италию, то ничего бы подобного не произошло: итальянцам не дали бы выйти за Бергамо, Милан (за север Италии) — оцепили бы север, заставили бы всех выздороветь, проверили бы и отпустили. Тогда бы не было никаких особых проблем с пандемией, вся Европа жила бы, в принципе, в обычном режиме. Но итальянцы лихо разнесли этот вирус по всей Европе — со страху побежали из Италии, в плотном сопровождении этого самого коронавируса.

Очень важный момент обратимости, о которой говорил Жан Бодрийяр:

«На самом деле, Италия доказывает, что в государстве нет необходимости. Это сумасшествие, как вы понимаете, для государства… не принимать государство — это настоящий скандал. Поэтому государство будет воевать с обществом, чтобы показать, что государство необходимо. Даже если его не существует, все равно нужно доказать, что государство необходимо. Италия — это война, довольно захватывающая. Лично мне очень нравится Италия, именно поэтому. А здесь есть какое-то абсолютное соглашение, что государство необходимо. В результате мы сами страдаем, потому что на самом деле государства и здесь не существует…

(Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», интервью 3 «Катастрофический, но не серьезный», интервью с Робертом М. Маникусом)».

Итальянское правительство однажды всё же почувствовало: что-то произошло. И даже постаралось что-то предпринять. Что в результате? Акты гражданского неповиновения: реакцией на призыв правительства локализовать север страны в связи с эпидемиологической ситуацией стали бунты уголовников в 28 местах лишения свободы; повальные погромы, грабежи домов, салонов, магазинов Apple и т.д. Родственники заключённых начали выбивать стёкла… в полицейских участках. В тот момент Юг Италии не болел. И бунтовщики «потребовали», чтобы заболел и Юг (то есть, чтобы все в стране стали больными, а то как так — на севере Италии болеют многие, а на Юге — ни один). Реакция правительства? Премьер-министр Италии сказал — делайте, что хотите. И сделали, что захотели — многие хлынули на Юг. В результате заразили весь Юг Италии. Но этот регион — такая субстанция, которую не очень просто заразить. Безусловно, Неаполь сильно пострадал от пандемии, но это не касается остальных городов, потому что Юг Италии — географически не совсем проходимое место, оно неудобно для всеобщего заражения, поскольку там горы и там не так просто ходить.

Таким образом, обратимость сработала в Италии ярче всего. То есть народ заставил президента, премьер-министра державно направить к заболеванию всю Италию. С одной стороны, это полный абсурд. Но с другой — это исторический факт: посмотрите на хронологию событий и убедитесь в том, что сказанное мной — абсолютная правда. А самым интересным и наглядным носителем доказательства правдивости того, о чем я писал выше, является некий итальянский дедушка, о котором написали в новостной газете TGCom24 («*Coronavirus, 71 enne positive scappa dall'ospedale di Como: denunciato*» от 03 марта 2020). Больному коронавирусом, ему попросту наскучило сидеть в больнице Сант-Анна в Комо, он сбежал оттуда, и вернулся домой на такси в Казниго, в районе Бергамо. При этом дедушка оббежал всех своих родственников — в результате всех же и заразил коронавирусом, а родственников, к слову, у него было много. Его долго и безуспешно ловили — целый день. Затем, все-таки, задержали и посадили на карантин. Но он не угомонился, и все равно пытался бегать и всех заражать. Как видно, поведение премьер-министра Италии абсолютно идентично поведению дедушки, и абсолютно прототипологично ему (когда премьер-министр в ответ на бунты разрешил всем перемещаться, тем самым поддержав полное заражение населения страны). Вот это и есть обратимость.

Вспомним произведения Братьев Стругацких «Беспокойство» и «Улитка на склоне». В них фигурирует понятие — «одержание», по сюжетной линии характеризующее утопление деревень. Так вот, эта обратимость и одержание — абсолютно тождественные между собой понятия. То есть рано или поздно подобного рода структура сама себя утопит, хотите вы этого или нет. Это — непреложный закон нашего капиталистического общества потребления в его сегодняшней форме.

Например, вчера я разговаривал с Dr. Максимилиано Корстанье — писателем, экспертом по терроризму, главным редактором Международного журнала по безопасности и защиты в туризме. И он, среди прочего, сказал, что капитализм закончился в 2008 году. Да, по сути, он прекратил своё существование. Наступила посткапиталистическая эра. Её Жан Бодрийяр называл фрактальной эрой:

«…это далеко от мира Просвещения и разума, от обычного мира рациональности: мы находимся во фрактале, молекулярном, множественном, случайном, хаотическом. Там целый мир, но в этом мире нет «правил игры». Он находится в состоянии беспорядка… […] Не географический, он больше не географический, но он лежит в основе самой системы. Это в самой логике самой системы. Это реально, актуально. И этот новый мир, не совсем подземный, скорее вирусный, фрактальный, эксцентричный и т.д.—новая реальность… (Сборник «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению», интервью 18 «Катастрофа Парадокса»)».

По сути, мы уже вышли за рамки капитализма. Капитализм — это, прежде всего и главным образом, свободный рынок, свободная конкуренция на рынке. Но сегодня свободного рынка уже не существует. Обратите внимание на глобальные угрозы, которые мы рассматривали в одной из прошлых глав — терроризм, пандемии, театральные шоу, техногенные катастрофы, землетрясения и другие разного рода явления, которые мы не можем контролировать. Всё это нынешнему государству не подвластно, обратимость никаким способом не даёт возможность реагировать на эти угрозы. Мы всегда реагируем уже «пост», то есть, работаем уже со вставшей в полный рост проблемой, а не предупреждаем её, и на ранней стадии организовать работу вообще не способны. Это видно на базе возникшей пандемии.

И вторая крайне интересная и не менее очевидная вещь: мы точно знаем, что это все — инструменты маркетинга в руках частного капитала. Поэтому во время интервью с Dr. Корстанье, когда я напрямую задал вопрос профессору: «Так это инструменты маркетинга?», он совершенно четко мне ответил: «Да, инструменты маркетинга в руках определенных лиц». То есть «Х» лиц, которых никто не знает (*видео интервью Ph. D. Олега Мальцева с Dr. Maximiliano E Korstanje — «Терроризм, глобальные угрозы и философия Бодрийяра», журнал «Экспедиция»*). То есть это специально инспирированные вещи, которые позволяют капиталу добиваться сверхприбыли на сегодня, используя целые государства. Гибридные войны, которые якобы и вроде как решают вопросы несения демократии всем вокруг, на самом деле направлены на захват рынка и ресурсов того или иного государства.

Например, кто же забудет эту дату — 11 сентября 2001 года! Крушение башен-близнецов в Нью-Йорке. Почему вдруг взорвались две башни? Чего ни с того, ни с сего они подверглись террористической атаке? Уж не потому ли, что Джорджу Бушу- младшему нужно было каким-то образом обосновать войну в Ираке. И он, задействуя частную спецслужбу, организовал террористический акт. То есть сам президент США угробил три тысячи своих соотечественников. И уже имеются веские доказательства того, что взрыв башен произошёл изнутри, а не снаружи — весьма серьезные и авторитетные эксперты утверждают: сам характер «складывания» башен характерен именно для взрывов изнутри, а не для удара самолёта. А то, что самолеты врезались в сами башни — не могло дать такого эффекта и просто послужило отводом глаз. Были необходимы виновные и их нашли. Это тем более убедительно, что известны прекрасные отношения семей Буша и Бен Ладена плюс общий нефтяной бизнес на Востоке: они — акционеры одного и того же предприятия. Об этом много говорится в документальном фильме *«Фаренгейт 9/11»*, который запрещён в Соединённых Штатах Америки, но его совершенно спокойно можно смотреть в других странах; там рассказано-показано, как Буш-младший взорвал эти башни. По сути, фильм доказательно обосновывает то, что бывший президент Америки Джордж Буш-младший — государственный преступник.

Обратите внимание: когда Буш-младший взрывал башни, он обосновывал войну в Ираке: мол, они напали на нас. Типичный Casus belli — повод к войне. В результате — жуткая трагедия и катастрофа. Далее американская армия спокойно атакует Ирак, при этом не встречая практически никакого сопротивления — они просто входят в Ирак, оккупируют его, устанавливают новую администрацию, и нормально там себя чувствуют до настоящего времени. Ни одного американского солдата в Ираке не было. Те американские солдаты, которые были до этого, давным-давно покинули ту страну. В Германии была организована база Рамштайн, где собирались наёмники со всего света за 5000 долларов в месяц и за американское гражданство впоследствии — вот они-то и воевали в Ираке. Любой человек мог прийти в Рамштайн и сказать: хочу воевать в Ираке. И ему выдавали форму, проверяли его боеготовность (действительно ли умеет воевать), грузили на американский самолёт и отправляли в Ирак. Поэтому никакие гробы в Америку не возвращались, как это было во Вьетнаме и демонстрировалось всему свету. Все, кто погибли в Ираке — наёмники и члены этих частных военных компаний.

С точки зрения прототипологии подобные события наблюдались в истории и ранее. В конце ноября 1939 года финны из пушек обстреляли одну из советских погранзастав. Историки не могут объяснить — чего тогда хотели финское правительство и армия? Завоевать европейскую часть СССР? Дойти до Москвы? Но началась советско-финляндская война, незнаменитая, но изменившая карту европейской части Советского Союза и уложившая в землю множество военных и невоенных. А чуть раньше, в конце августа 1939, поляки вроде как напали на немецкую радиостанцию «Гляйвиц». До сих пор даже те, кто верит в такую сказку, не может объяснить — что это был за акт, чего нападавшие добивались? Дойти до Берлина? Присоединить эту страну к Польше? Лишить Гитлера власти? Ясно, однако, что в ответ первого сентября Германия напала на Польшу. И в две-три недели разгромила Войско Польское. Польша опять исчезла с карты Европы и мира. И как бы между прочим началась Вторая мировая война. В ней погибло пятьдесят миллионов человек. Даже и с гаком. Безусловно, никто не поверил в то, что поляки напали на эту радиостанцию. Кстати, до сих пор ходят разговоры о том, что разгром американского флота в Перл-Харборе был спровоцирован… американским президентом для того, чтобы убедить парламент США начать войну с Японией. Раньше были примеры и поскромнее, и эстетичнее — когда Гаврило Принцип стрелял с подножки автомобиля в эрцгерцога Австрийского и его августейшую супругу. Помните, конечно, с чего начинается мировой шедевр литературы — гашековское «Похождения бравого солдата Швейка»? Роман открывают слова «Убили, значит, Фердинанда-то нашего…». Начало романа. И начало Первой мировой войны — на тот период самой жестокой и кровавой в истории человечества. Времена пришли другие, а формула всё та же — повод к войне. Сегодня нужна масштабная катастрофа для того, чтобы всколыхнуть всех, потому что общество пришло уже в то состояние, что ничего, кроме масштабного терроризма, не выворачивает их мехом наружу (и об этом я уже подробно говорил). Этим пользуется сегодня правительство для того, чтобы решать свои оперативно-тактические финансовые задачи.

Обратите внимание на то, что, если бы строилась схема, то она выглядела бы так:

КАПИТАЛ

1. ПРИВОДИТ К ВЛАСТИ СОБСТВЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРЕЗИДЕНТА

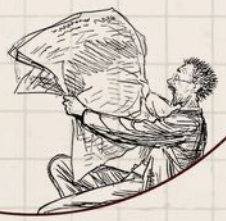
2. ПРИ ЭТОМ ИМЕЕТ СОБСТВЕННЫЙ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ (ЧАСТНЫЕ СПЕЦСЛУЖБЫ) "X"-СИСТЕМЫ НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНЫ

СВОЙ ПРЕЗИДЕНТ, АППАРАТ, ГОСУДАРСТВО

УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

НАЗНАЧАЕТ ВИНОВНЫХ

БЕЗОПАСНОСТЬ СТАНОВИТСЯ ВНЕ ЗАКОНА (РЕВОЛЮЦИОННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ)

Некий капитал приводит к власти своё собственное правительство и президента. При этом располагает своим собственным аппаратом, не имеющим к государственному никакого отношения и который состоит из частных спецслужб, частных военных компаний и других частных структур — вне контроля государства, вне закона и вне политики. Это системы, которые никому не известны — «Х» системы.

Далее что происходит? Схема работы очень простая. Есть поле неизвестного, где «живут» эти «Х» структуры. Такая структура создаёт угрозу безопасности, она же и «назначает» виновных. Дальше — свой президент, свой аппарат, государство — и всё это в их распоряжении. И эта структура задействуется для того, чтобы решать вот такую задачу по «безопасности». По сути, это две «клешни» — видимая и невидимая — создают угрозу безопасности. И тогда безопасность как бы становиться превыше всего. Поэтому они могут нарушать закон, как им заблагорассудится, взламывать любые законодательные акты, в том числе и международные, обосновывая это все префикс-идеей безопасности.

Обратите внимание, это и чистая экономическая схема: можно нарушить всё, что угодно для того, чтобы получить то, что нужно. Эта схема проворачивалась США тысячи раз, начиная с войны на Балканах, когда они стреляли по Белграду крылатыми ракетами, начиная от башен-близнецов, от Перл-Харбора до других американских катастроф, создаваемых американским правительством для того, чтобы решить задачи, которые они перед собой ставили.

Разобравшись с тем, что такое обратимость, и что используют люди для решения этих задач, рассмотрим следующую тему — **восхитительную катастрофу.** Что такое восхитительная катастрофа? Это миф о катастрофе. То есть катастрофу можно ожидать, можно пережить, а можно и придумать. Многие предпочитают сами придумывать и выдумывать катастрофы, поскольку они очень нужны для обоснования своих действий. Возникла целая теория катастроф. Американский социолог и пионер социологии катастроф Энрико Кварантелли (Enrico Quarantelli) даже написал ряд книг на эту тему: «Чрезвычайные ситуации, бедствия и катастрофы — разные явления», «Технологические и природные катастрофы и экологические проблемы: сходства и различия в планировании и управлении ими». В силу этого выработана целая тактика организации катастроф — этому уже учат частные спецслужбы. Новинка? Примета времени? На самом деле ничего нового в том, что я говорю, нет. Перед нами диверсанты, которые просто совершают диверсии на очень высоком уровне подготовки. А что такое диверсия на очень высоком уровне подготовки? Это какая-то техногенная катастрофа. То есть, когда все точно знают, что никакой диверсии не было, а произошла просто катастрофа. Спонтанное явление. Никто и не подозревает никого, никто вообще не рассматривает версию теракта или диверсии. Даже и мысли такой нет.

Сегодня технологические диверсии становятся самой главной инструментальной частью бизнеса, то есть капитала. Это также элемент маркетинга в настоящее время. Например, шел лайнер. Ну, шел себе — и шел. И вдруг… утонул. Кто-то бы выдвинул раньше версию: его, мол, сбила советская ракета (по этому сценарию в Советском Союзе даже был снят фильм «Одиночное плавание»). Но все эти вещи готовятся заранее.

Да, мы имеем дело не с новой вещью, но она воспринимается, как новинка, людьми, которые не интересовались историей подобного рода явлений

и не понимают, о чём на самом деле идёт речь. Например, уже упомянутый советский фильм 1985 года «Одиночное плаванье». Даже его начало говорит о том, что подобные вещи, которые мы видим в XXI веке, не являются никаким новшеством:

«Под термином «тайные операции» следует понимать все виды деятельности, которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и осуществляется так, что внешне никак не проявляется её источник — правительство США. А в случае её разоблачения, правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за неё (из директивы № 10/2 Совета национальной безопасности США)».

Ничего нового. 1982 год. Директива № 10/2 Совета национальной безопасности США совершенно четко говорит обо всем. Этот фильм про организацию восхитительной катастрофы: он повествует о том, как она готовится и организовывается. Тут описан яркий сценарий: некий сенатор вытаскивает из-за границы двух военных, которые служат далеко, чтобы их не посадили на электрический стул в США, и ставит им задачу — организовать утопление лайнера при помощи крылатой ракеты при определённых обстоятельствах в определённое время с целью свалить это на Россию, чтобы увеличить поставки оружия, то есть закупку государством оружия и боеприпасов. Другими словами, речь идёт о бизнесе. По сюжету фильма Конгресс США не хочет покупать оружие, его в США достаточно. Но определенные люди создают определённую ситуацию, тем самым провоцируя Конгресс США согласиться на закупку нового стратегического вооружения. Все очень прагматично, и если посмотреть фильм, то станет понятно, как это происходит.

Повторюсь, что приведенный пример показывает подготовку подобного рода «восхитительной катастрофы». Сегодня существуют целые системы подготовки. Люди живут в определённом времени, в определённых обстоятельствах, определённом мире, и… умирают в определенный момент. По этой причине люди, которые ещё умели это делать раньше, должны же были научить следующих людей и т.д. Нечто вроде эстафеты поколений. Сегодня существуют целые тайные школы частных спецслужб, где это преподаётся, куда отбирают людей, и где они постоянно проходят все эти курсы повышения квалификации. И они организовывают все эти элементы маркетинга современного мира.

По сути, с 2008 года, когда капитализм прекратил свое существование, открыто стали использовать другие механизмы создания сверхприбыли. Мы перешли в новую эру, которую Жан Бодрийяр как раз и называл фрактальной эрой (эрой фрагментов). Что такое фрактал? Это геометрическое время; это ситуация, когда жизнь состоит только из ситуаций, из фрагментов. То есть мы не живём уже в традиционном смысле, у нас нет линии времени, а есть лишь сменяющиеся фрагменты, как в калейдоскопе — линия времени исчезает. А философия Бодрийяра подробно описывает этот период человечества как фрактальную эру, как жизнь в этих фрагментах. Его философия объясняет ту жизнь, которой мы сейчас живём и ее устройство — жизнь фрагментарную (от катастрофы к катастрофе, от пандемии до пандемии, от неготовности к новой неготовности). Другими словами, фрагмент за фрагментом, жизнь в очень коротких интервалах времени. Ведь что такое ситуация? Это короткий интервал.

У нас существует и «молчаливое большинство», которое Бодрийяр называл в своей последней книге «отсканированными массами» (увы, такой статистики нет, но полагаю -таких 75%), и оно выбирает тех правителей, которые в их жизни ничего не хотят менять. По этой причине Бодрийяр и говорил, что терроризм, восхитительные катастрофы и прочие вещи выдёргивают этот мир, сотрясают его. То есть люди, используя эти методы, сами себя и погубят, потому что такие методы сотрясают общество очень сильно — они его пугают. А значит, часть общества начинает бояться и думать, чего, как раз, нельзя было допустить никаким способом. Правительства (а точнее люди во главе этих правительств), с одной стороны, получили власть, но, с другой — заставили это общество думать. Я не помню, чтобы столько было противников пандемии в другие исторические периоды. Но в этот раз общество разделилось на две части: на сторонников пандемии и ее противников. Сейчас огромное количество людей говорят о том, что никакой эпидемии нет; выступают профессора, Нобелевские лауреаты, то есть, пошло открытое противостояние этой системе в СМИ и в Интернете.

Почему это произошло? Люди «у руля» допустили ошибку — слишком часто начали применять этот приём: такого рода вещи нужно делать очень редко (раз в пятьдесят или сто лет), а они начали их использовать намного чаще, увлеклись. Потому что такие ситуации дают очень большие деньги и быстро. А государство не способно противостоять тому, что происходит в данный момент. Поэтому сейчас многие и говорят: а зачем нам государство? Это стало одним из главных вопросов. Зачем такие правители, которые не справились с пандемией и ведут всё к абсурду? И однако же в целом какая-то координация нужна, и поэтому сейчас пытаются понять, что будет после этой пандемии. Общество здорово возмущено. Сколько оно может не работать? Месяц-полтора, дальше — тупик, рухнет экономика. Поэтому, по сути, сегодня все говорят о том, что правительства государств не справились, не смогли ничего сделать, и поэтому им не место у руля. Да, они, такие, не нужны…

Восхитительная катастрофа на сегодня является инструментом маркетинга, который создают при помощи средств массовой информации, задействуя три элемента. Первый элемент — это СМИ, второй — сценаристы, третий — учёные.

Для того, чтобы что-то обосновывать, нужны учёные. Поэтому сценаристы разрабатывают сценарий, который реализуют СМИ и подкрепляют учёные. Именно так взаимодействуют эти три элемента между собой: наверху стоят сценаристы, у них две руки — СМИ и учёные. Учёные пишут статьи, книги, выступают в СМИ, на конференциях, обосновывая, почему именно так все надо и сделать. Заказчиком является тот самый «Х» (капитал), который стоит за всем этим, а СМИ как бы овеществляют и тиражируют совершенно конкретный сценарий, который собственно и прописали сценаристы. То есть происходит массированная атака на психику человека, вызывающая страх или какую-то другую эмоцию, которую они хотят вызвать у человека. После этого начинается шаг 2 — контрсистема: все начинают критиковать эту пандемию. Затем начинают описывать фрагменты, по сути, загоняют человека обратно во фрагментарное состояние. Например, говоря о том, что в Испании пустые больницы, или, допустим, что в Италии уже давно нет коронавируса, а нас обманывают. То есть, фактически, создаётся хаос. И все это срабатывает при организации выдуманной катастрофы.

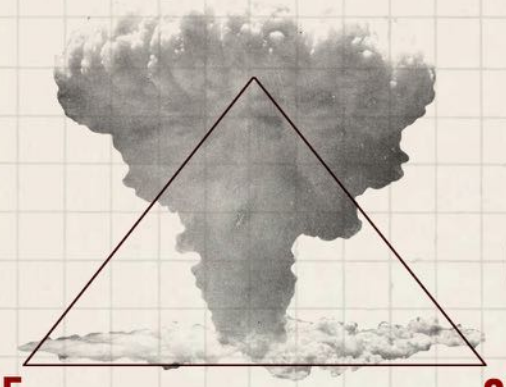

РАЗРАБАТЫВАЮТ СЦЕНАРИИ

СЦЕНАРИСТЫ

УЧЕНЫЕ

ОБОСНОВЫВАЮТ СЦЕНАРИИ

СМИ

РЕАЛИЗУЮТ СЦЕНАРИИ

СОЗДАЕТСЯ ХАОС

СРАБАТЫВАЕТ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
ВЫДУМАННОЙ КАТАСТРОФЫ
(ЕЕ МИФОЛОГИЗИРУЮТ)

Значит ли всё это, что опасности не существует? Конечно же, нет. Безусловно, эта катастрофа физически существует, как вполне природное, хоть и опасное для людей, явление. Но ей обрадовались, её всячески подогревают, организовывают и направляют. И не в меру впечатлительный наш обыватель клюёт на эту наживку — со всеми вытекающими… На сегодня все выступления честных и уважаемых учёных, призывающих прекратить распространение ложной информации, не так уж и сложно проверить. Сегодняшние данные показывают: никакой эпидемии нет вообще, но государства посредством своих сверхмощных аппаратов продолжают утверждать, что эпидемия «может быть». Фактически сегодня правительства просто не знают, что делать в этой ситуации. И потому либо ограничиваются констатацией фактов, либо делают глупости — что говорит о том, кто, собственно, находится у власти и кому вручена судьба людей и народов.

Рассмотрим третье явление, которое описывает Бодрийяр — **псевдособытия**. Это очень интересное явление: мы имеем дело с событием, которого никогда не было. При том, что кому-то очень нужно-важно, чтобы оно было. Такие инструменты и материалы применялись и прежде, например, инопланетяне и прочие псевдовещи. Или мы не слыхали о мировом правительстве — а ведь это не что иное, как именно псевдовещь, которую они же сами и разрабатывали. Всегда можно что-то придумать и доказать обывателю, что это существует. Сие и есть симуляция. Псевдособытия, по сути, являются отражением симуляции в этом мире.

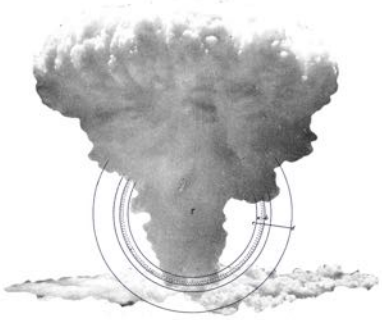
Вопрос: почему это возможно? Всё на самом деле проще, чем вы думаете. Нужно просто понять предыдущую главу. Обратите внимание на то, что мы имеем дело с тремя явлениями: обратимость, восхитительная катастрофа и псевдособытия. И это — лишь малая часть того, что только возможно, когда многое можно называть не своими именами, когда существует выбор без выбора и правила — какие хочешь (их нет).

ОБРАТИМОСТЬ

↓

ПРАВИЛА КАКИЕ ХОЧЕШЬ. ПРАВИЛ НЕТ

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

↓

ВЫБОР БЕЗ ВЫБОРА

ПСЕВДОСОБЫТИЕ

↓

ВСЕ МОЖНО НАЗЫВАТЬ НЕ СВОИМИ ИМЕНАМИ

Катастрофа — это и есть ситуация выбора без выбора и «безопасности превыше всего». Обратимость — это правила, какие хочешь, когда правил нет (для одних — одни правила и одновременно для других — другие), и поэтому возможны такие явления в этом обществе. Если бы у общества имелись налицо **все признаки нормального общества**, которые выделял Жан Бодрийяр: каждый человек имеет право называть вещи своими именами, и все называют; у каждого человека есть выбор и правила едины для всех — если бы эти, главные компоненты были бы в обществе на своих местах, описанные в этой главе явления были бы попросту невозможны. И даже самые хитрые, самые коварные авантюристы при власти не пускались бы в эти игры — себе дороже. Допустим, СМИ должны были бы обвинить Джорджа Буша-младшего в падении башен-близнецов 11 сентября и требовать импичмента, суда над президентом Соединённых Штатов Америки, за три тысячи соотечественников, которых он угробил, и исполнения соответствующего наказания. И пока этого бы не произошло, то все США бастовало бы — стояло бы и не ходило бы на работу; были бы показательные беспорядки… Но Президент США и его помощники на скамье подсудимых не сидят, никто из спецслужб не выдвигает версии обвинения Буша-младшего…

Обратите внимание: если хотите, чтобы у вас взрывались башни-близнецы, нужно действовать в том же самом ключе. Если хотите, чтобы у вас была та же пандемия, вам нужно дальше тщательно оберегать это правительство и играть с ним в эти игры. Именно в этом заключается загадка нашего общества — оно ненормально с точки зрения Жана Бодрийяра. Если бы общество соответствовало параметрам Бодрийяра, всё бы поменялось кардинальным способом и в государстве, и во всём остальном. Но пока эти три параметра будут нарушаться, мы будем продолжать жить в том обществе, в котором сегодня все и живём.

Как говорил Сократ:

«Я знаю только то, что ничего не знаю,
но другие не знают и этого».

ГЛАВА 9
РАЗРЕШЕНИЕ «ПАРАДОКСА БОДРИЙЯРА»

Пришло время посвятить вас в то, с чего начиналось мое исследование философии Жана Бодрийяра, и что уже сделано на этой основе. На базе разрешенного «Парадокса Бодрийяра» уже написана целая научная монография, которая называется «Философия юга Италии». Именно в рамках исследования философии этого региона, в преддверии Калабрийской экспедиции, в Мюнхене впервые был разрешен «Парадокс Бодрийяра». И в данной главе я раскрою в полном объеме то, как это было сделано и в чём суть парадокса. Для этого отставлю пока в сторону философию Жана Бодрийяра и немного порассуждаю с вами о философии вообще. Нужно сказать, что философия юга Италии — достаточно мощный мировой философский пласт, известный своей крайней эффективностью. При постановке задачи исследовать эту философию было ясно видно: на сегодня ни одна религиозная или философская концепция не была столь успешной в мире, как философия юга Италии (по нашим, разумеется, меркам успеха). Последняя оговорка важна ещё и потому, что очень непросто сказать вполне исчерпывающе и определённо: что такое «успех» или «успешный». Каждый человек на это смотрит со своей точки зрения. А она, как известно, у разных людей и сообществ — разная. Для кого-то успех — это стяжать Духа Святого, для кого-то — грубо материальный аспект, а для кого-то — обыкновенная нормальная человеческая жизнь. Хотя и насчёт этой нормы имеются известные разночтения. Но при этом философия, о которой идет речь, имеет некие иные формы, то есть она — защищенная, обеспеченная. И еще много других прилагательных применимы к ней в роли определения. Я говорю именно о такой форме жизни, когда человек живёт нормально в демократическом обществе. При этом он независим от государства, в куда большей степени, наверное, государство зависимо от него. То есть не человек для государства, а прежде всего и главным образом — государство для человека.

Именно философия юга Италии породила огромное количество пересудов: множество людей идет по Земле паломниками, в том числе на Сицилию, на юг Италии, для того, чтобы понять, как на таком сравнительно маленьком клочке земли сосуществуют достаточно «странные» люди, которые три тысячи лет прожили… в состоянии войны. Так, по историческим подсчетам, на юге Италии война шла почти три тысячи лет, включая Сицилию. Что и толковать:

странная местность, где герои «растут на деревьях», а население региона живет неким очень замкнутым анклавом.

Пересекая границу юга Италии в Неаполе, вы не увидите каких-то предупреждающих знаков и вообще чего-либо особенного, просто будете ехать по дороге. Никто вас не остановит и не скажет «Вы въехали на юг Италии. Внимание! Смотрите, будьте осторожны!» и так далее. Вы просто едете на машине, въезжаете в этот регион, но уже через какое-то время замечаете, что ситуация сильно изменилась: люди — другие, отношение у них ко всему — другое, и вообще они не похожи на тех, кто живет в центре и на севере Италии. У них свой язык, итальянский, но свой. Тот считается на Сицилии каким-то неправильным, и в этом нет ничего удивительного — регион на протяжении почти 700 лет был территорией Испанской империи (до момента окончательного объединения Италии в 1861 году). И об этом «кричит» всё, что бы вы там вокруг не видели: это, мол, испанская территория от произведений литературы, начиная с «Собаки на сене» Лопе де Вега, и произведений других авторов; философов Национального Неаполитанского университета, где преподавали такие великие мыслители, как Джамбаттиста Вико и другие. К слову, основатель города Одессы (Украина) — неаполитанский дворянин Дон Хосе де Рибас — также испанец.

По сути, мы попадаем в некий мир, где привычная религия («традиционная религия», как мы её называем), не имеет совершенно никакого значения. Так, в 2014 и 2015 годах Папа Римский отлучил от церкви и Ндрангету, и Мафию. И что же, спрашивается? В своё время для оценки ситуации и явления я использовал такой эпитет: «они разъединились, но совершенно не изменились». Юг Италии — то место, где люди живут в своей культуре и религии. Вся культура юга Италии может быть сформулирована тремя словами: уникальна и очень криминальна. То есть перед вами самые могущественные структуры в мире, которые существуют сегодня — Ндрангета, Каморра и Мафия, при этом они располагаются на «одном квадратном метре», и живут так уже много-много столетий. То есть по простой логике вещей такие три преступные сообщества, располагающиеся на одной территории, давно бы уже друг друга перебили. Но — нет, они живут строго в своих регионах. Одни располагаются в Неаполе, другие — в Калабрии, а третьи — на Сицилии. У каждого своя территория.

Да, у них бывали выяснения отношений по частным вопросам, но это всего лишь на уровне недопонимания — до открытой войны между ними никогда не доходило. А вот внутри самих организаций — война бывала у каждой из них. Можно сказать, ничто человеческое им не чуждо. К слову, долгая история происхождения этих организаций уходит корнями в глубокую древность, но, как говорят на юге Италии, «об этом уже давно и не помнят». Центральная фраза, рефрен южного региона: «У нас об этом вслух не говорят». То есть когда касается этих трех организаций, об этом никто вслух не говорит. А люди, которые кричат, что знают всё об этих структурах, на самом деле обычно ничего не знают. Потому что тот, кто имеет к ним прямое отношение, вряд ли станет разговаривать на эти темы с кем-либо, и уж тем более не с незнакомым человеком.

Государство, конечно, борется с этими организациями, но — никакого толку. Мой друг и коллега, итальянский профессор Антонио Никасо (гранд мировой криминалистики, международный эксперт по вопросам организованной преступности,

в особенности по калабрийской преступной организации «Ндрангета»), на вопрос о том, можно ли победить Ндрангету, ответил коротко, просто и определённо: «Нельзя!». При этом борьба с такими организациями стоит ежегодно огромных средств. А эти организации достигли размеров транснациональных корпораций. Там, на Юге, они живут, отдыхают, но работают они по всему миру: от Австралии до Канады, США и т.д. Философия юга Италии стала предметом моего исследования, поскольку она лежит в основе любой жизнедеятельности человека. И здесь я столкнулся с первым неприятным моментом — никто нигде и никогда в жизни не занимался проблематикой исследования философии. У нас философов — огромное количество. Ну, кто же сегодня не философ? Но нет серьёзных исследователей философии. Возник вопрос: как подойти к любой философии, чтобы её изучить и исследовать досконально? Например, книга, написанная одним из великих философов Нового времени, Иммануилом Кантом, является отражением философии Канта лишь в какой-то части. То есть часть его философии сформулирована в некоем произведении, но она не отражает всю его философию. Таким образом, труды, написанные разными философами, являются лишь частью их философии. По этой причине самая большая проблема заключалась в том, что никто до меня никакую философию комплексно не исследовал, даже не занимался этим вопросом. И мне пришлось разрабатывать цельную исследовательскую концепцию для того, чтобы приступить к исследованию самой философии. Как говорят мастера-ремесленники, для того, чтобы изготовить то или иное изделие, нужно сначала создать инструмент. Эта концепция имеет две системы.

Первая — графическая, в виде системы «среда-конструкция-почва», что мы более подробно рассмотрели в главе 4 «Система взаимодействия» для понимания того, с чем имеем дело. Второй системой является опросник, определенное количество вопросов, на которые мне нужно было ответить. При том ответить по каждой из философий организации в отдельности — по Каморре, Ндрангете и Мафии, а затем еще и четвертый вариант — по всей философии юга Италии. Именно эта философия меня интересовала более всего.

Непременно обратите внимание: речь идёт исключительно о главнейшем и главном. Дело и явление многосложные, имеются и другие элементы. Но я исследую только очень важные вещи и не касаюсь вещей второстепенных. Почему меня заинтересовала именно философия юга Италии? Не кажется ли вам, что устои и традиции этого региона обладают какой-то… я бы сказал, катастрофической живучестью? Прошли три тысячи лет практически непрерывных войн, а юг Италии до сих пор жив и даже очень здоров. Представители юга Италии не просто живут себе и радуются, а ещё и фактически главенствуют во всём мире. Скажете, что это выглядит и звучит абсурдно? Да, разумеется. Как говорится, так не бывает. Но, по сути, исходя из диалектики в её современном понимании, из ныне сложившихся и действующих экономических и антропологических показателей, эти люди и их сообщества должны были бы уже давным-давно перебить друг друга, погибнуть-вымереть. И в освободившихся тех нишах должны были бы жить совсем другие люди. Но ведь они до сих пор живы и продолжают развиваться по настоящий день. К слову, о жизнеспособности и работоспособности: Ндрангета даст 100 очков форы любой бизнес-компании в мире на любом рынке. Именно поэтому мне так захотелось исследовать их философию — понять, какова философская база этого

бессмертного феномена. Поскольку, по сути, мы имеем дело именно с абсолютным бессмертием: нигде такого в мире нет. Подчеркну: мы имеем дело не просто с формально-государственными структурами, а с высоко подготовленными людьми. Это как Perpetuum Mobile — вечный двигатель, который однажды включился и более не останавливается. Но это — так, размышления автора на полях: в рамках философии Бодрийяра и этой книги нас интересует несколько иное.

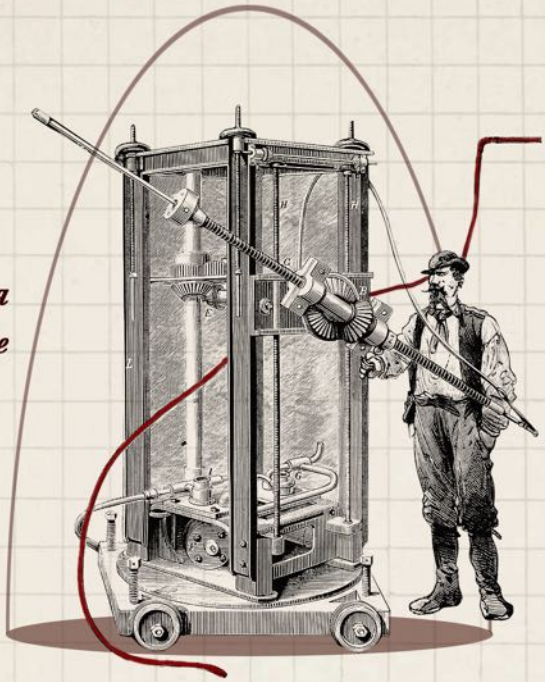
Мной была разработана исследовательская концепция, содержащая две системы, и мы приступили к исследованию. Журналистское исследование позволило мне находиться достаточно близко к людям, имеющим прямое отношение к упомянутым организациям. И личные знакомства, тесное общение позволяют мне судить о том уровне подготовки этих людей и их сообществ. Совершенно очевидно, что у них с системой подготовки и развития личности, с системой воспитания никаких проблем нет. Убеждён: у юга Италии действительно следует учиться — явление само по себе уникально.

Вот по всему миру пандемия, во многих странах повальный карантин. Но всмотритесь в юг Италии: там никто не говорит о том, что им тяжело, что у них бизнес рушится — у них как всё было, так и осталось. Пандемии как таковой там уже давно нет, они это всё очень быстро извели. По сути, пострадал только один Неаполь, и то — потому, что это столица, в Калабрию рвануло-приехало много людей с севера страны. Но Калабрия — это горы, следовательно, проблема приезжих — где жить; согласно введенного карантина, многие заведения должны быть закрыты. Все эти и многие другие наблюдения-размышления, в конце концов, составили массу, близкую к критической. И властно подтолкнули к Жану Бодрийяру. Решено было подойти к философии юга Италии именно с его точки зрения. Это мне позволило не только изобразить сам «парадокс Бодрийяра», но и разрешить его. По сути, с чем мы имеем дело: когда человек работает, он получает значительное количество информации из разного рода источников. Что происходит дальше? Условно это можно представить в виде некой модели: вся полученная информация собирается и «закидывается» в одну ёмкость. После этого человек, «переработав» все данные и пропустив их через собственное сознание, через себя, смешивает все до такой степени, что получает некое «блюдо», которого прежде в природе — в таком смешанном виде — и не существовало: некая симуляционная структура, или симулякра.

Как разрешается «парадокс Бодрийяра»? Дело в том, что данные, которые получает человек, сами по себе иллюзорны — это иллюзия, (от лат. illūsiō — «заблуждение, обман» — обман чувств, нечто кажущееся, то есть искажённое восприятие реально существующего). Конечно, всё сущее — вне нас — само по себе существует объективно. Но нам-то оно дано только и исключительно посредством нашего аппарата восприятия. А его разрешающие способности у разных людей различны, и у людей вообще далеко не так совершенны, как это представляется наивным людям. Об объективности в научном смысле, как об абсолюте, не может быть и речи. И это — одно из ядовитейших противоречий, заложенных природой в основу человеческой натуры: с одной стороны, Homo sapiens (человек разумный), снабжен стремлением к максимальному познанию истины, а с другой — ему она не дана. Он всю жизнь приближается к ней, как к некоему горизонту. Но субъективность природы его аппарата познания не дают возможности полного достижения цели. Сама тенденция, впрочем, касается далеко не всех людей. Но мы сейчас говорим о науке и о подходе учёного к делу.

ИСТОЧНИКИ
ИСТОЧНИКИ
ИСТОЧНИКИ

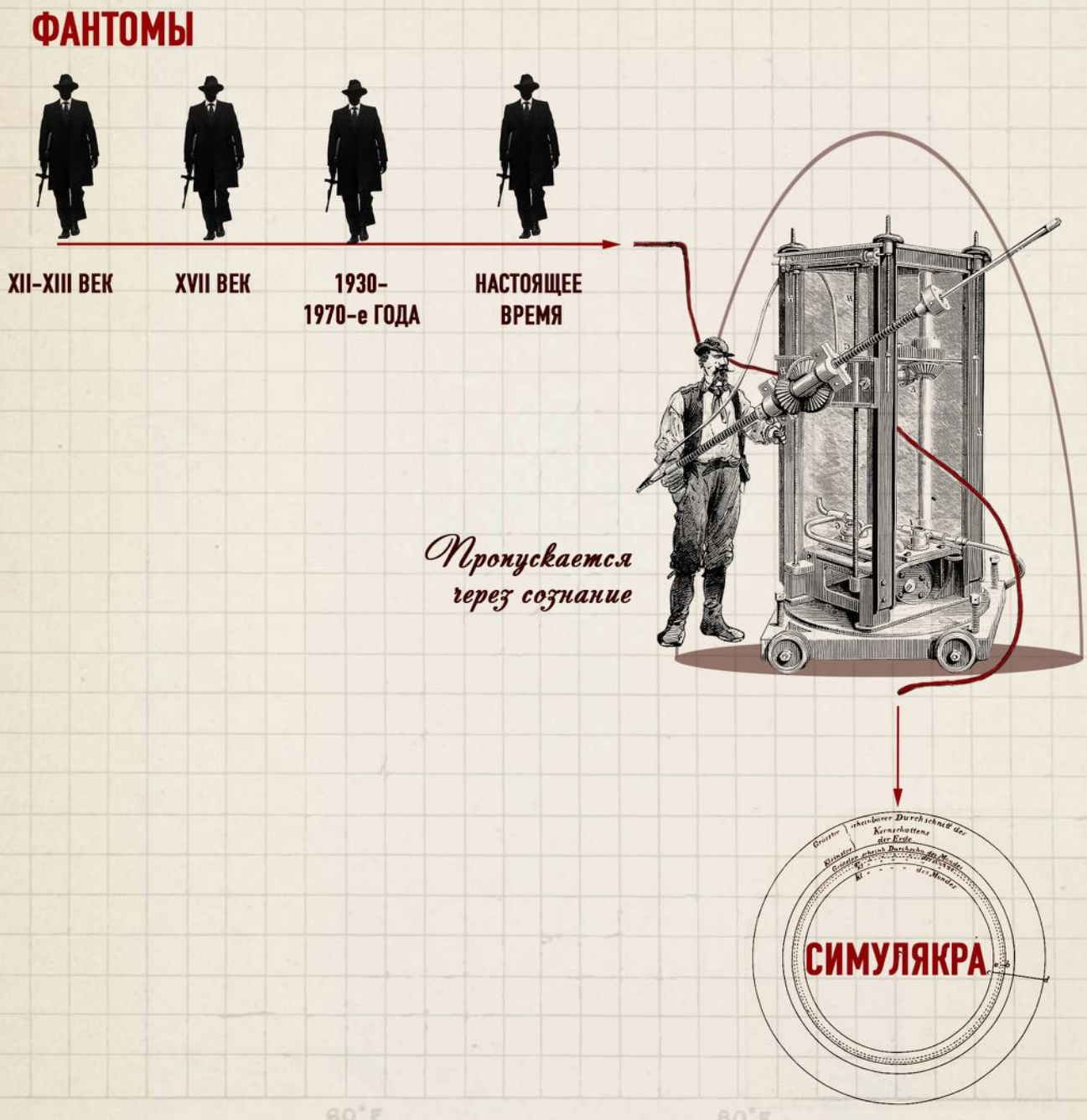
Пропускается через сознание

СИМУЛЯКРА

Итак, иллюзия — представление человека, не более того. И на примере такой структуры, как палермская мафия, это очень хорошо видно. Мы имеем дело минимум с четырьмя фантомами: XII–XIII века, XVII век, 1930–1970-е годы и XXI век (настоящее время). Так, Мафия в XIII веке и сегодня — это две совершенно непохожие друг на друга организации, но данные о них, как уже сказано, мы «бросаем» в одну «ёмкость». Каждую из этих организаций можно рассматривать только (!) во временном интервале. Мафию в XVIII веке рассматривать только в этом интервале. Или, допустим, берете период 1930–1970-е года и рассматриваете только то, что известно о Мафии в этот период. Мы, разумеется, можем и должны сравнивать эти фантомы между собой. Но мы не можем их смешивать! Иначе получается симуляция.

В результате на примере исследования Мафии получилось, что все эти виды организаций существуют и по сей день: и Мафия XII–XIII века, и XVII века, и 1930–1970-х годов, и настоящего времени, но в разных пропорциях. То есть меньше всех существует организаций по типу XII–XIII века, их может быть 0,0001% всего — но они есть (две или три семьи продолжают жить принципами того периода). Если возьмём XVII век, то таких организаций на юге Италии, условно, может быть 3% от общей массы; организаций по типу 1930–1970-х гг. уже будет, например, 17%, а если взять такие структуры, как сейчас, то они будут представлять из себя всё остальное множество.

Таким образом, все виды (разновидности) организаций, которые мы наблюдаем исторически, продолжают свое существование. Но некоторые из них в столь мелком количестве, что заметить их невооружённым глазом практически невозможно. В этом и заключается «парадокс Бодрийяра»: мы не можем смешивать, мы можем только сравнивать! Ничто в этом контексте не может быть частью чего-то. Поскольку, если всё соединить вместе, получится некая симулякра, подобно которой вообще никогда не существовало в природе. Но этим и занимаются некоторые (и числом не малым), современные ученые, что выводил Жан Бодрийяр в своем «парадоксе» — они симулируют данные, которые не соответствуют действительности; доказывают конструкции, которые лживы изначально и сами по себе. Цель? Смею предположить — для введения в заблуждение. Или попросту — для того, чтобы обмануть и управлять. Управлять, иметь власть — с помощью вульгарнейшего обмана. Есть множество причин тому, почему современная наука выглядит именно так, что также было подробно описано в главе 3 «Наука». Конечно, мы говорим об одной стороне дела, об обманщике. Мы тут не касаемся обманываемых и обманутых. Ведь речь идёт, в основном, не о маленьких детях и подростках. Не так уж просто обмануть, особенно — в таком масштабе, взрослых зрелых людей. Но это — отдельный разговор. У нас же сегодня предмет разговора другой: исследуя философию юга Италии, я разрешил «парадокс Бодрийяра», ответил на вопросы, откуда он берётся и почему многие вещи не соответствуют действительности: их смешивают вместо того, чтобы сравнивать. Это тем более существенно, что «Парадокс Бодрийяра» нам постоянно встречается в жизни — люди об одном и том же явлении говорят по-разному. На самом деле вся суть этой главы — в самой конструкции: «среда-конструкция-почва».

Так с чем же имеем дело? Мы имеем дело со средой. Если говорить на языке математики, это некая система программирования. И программирует она как раз конструкцию в разных вариантах. Эта конструкция и есть философия. А программирует она (среда) конструкцию под почву — они как матрица с патрицей должны соединяться; почвой являются люди, их мировосприятие, мироощущение и, в конечно счете — их мировоззрение. По сути, в этой конструкции описано все: для того, чтобы создать философию, человеку сначала нужно понять, в чём потребность её появления на свет, что провоцирует её создание и какая философия будет воспринята.

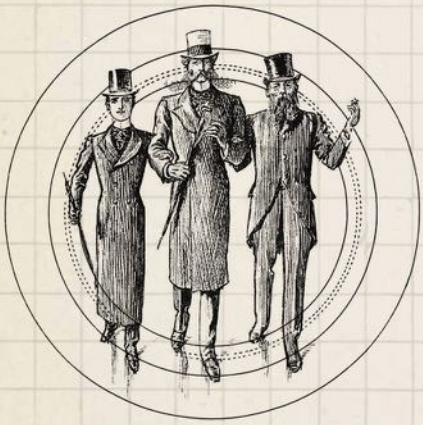
СРЕДА

Система программирования

КОНСТРУКЦИЯ

Философия

Люди

ПОЧВА

Если исходить из этой характеристики, юг Италии запрограммирован Европейским мистицизмом. То есть европейской системой мистики, которая является неким прообразом всех современных наук. Именно поэтому, когда человек сталкивается с философией юга Италии, имеет дело с некой формой Европейского мистицизма. Поэтому у них там нет религии в том виде, в котором мы её себе представляем, или она существует для очень ограниченного психиатрически числа людей, (то есть, для «больных людей», как считают на юге Италии).

Вера южан имеет материальные доказательства. Человеку говорят, что жить надо определенным образом, и тогда у него будут квартира, машина, жена, хорошие деньги… Он смотрит вокруг, видит множество подтверждений этим словам и понимает, что всё в порядке. Эта религиозная философия становится овеществленной, то есть фактически существующей. Например, «Бог» сказал — и получен результат. И так постоянно. А у традиционной религии: «Бог» сказал и… тишина, ничего не происходит. В этом существеннейшая разница между югом Италии и всеми остальными — на юге Италии нет общества потребления. Это, решусь утверждать, единственное место в мире, где это общество напрочь отсутствует. И это нас связывает с Бодрийяром: он подробно, от общего к частному, описывал общество потребления (книга «Общество потребления» (1970), Жан Бодрийяр). А в южном регионе Италии, как я уже докладывал, оно отсутствует напрочь. Эти люди, наоборот, созидатели своей жизни, и создают ее сами, как «кузнецы своего счастья».

Они живут в несколько ином мировом укладе; изначально приучают своих детей к другому обществу — к обществу чести и справедливости. Они там менее всего теоретизируют на сей счёт. Но убеждены: честь и справедливость вовсе не противоречат хорошей жизни. У нас же, согласитесь, широко распространено несколько иное мнение. Да что там — прямо противоположное. И по этой причине жители юга Италии очень выгодно отличаются от других людей. Безусловно, нельзя сказать, что на юге Италии нет дураков — вот уж кого везде хватает. Просто сама обстановка, как вы, надеюсь, поняли, там совершенно другая.

Схема, описанная выше, ярко отображает разрешение «Парадокса Бодрийяра», его смысл. И опять, и снова: симуляция возникает по одной простой причине — вместо того, чтобы разбираться и сравнивать данные, люди всё это смешивают. Таким образом, любая попытка смешать что-либо в этом плане, синтезировать, то есть подойти к вопросу научным методом синтеза сразу порождает симуляцию. Любой синтез порождает симуляцию.

Гиперреальность же возникает, когда уже все искажено, и искажено многократно. И каждый человек вносит свое искажение, понимает по-своему. Между прочим, ещё древние мудрецы догадывались о том, что истина — одна, но она не дана простому смертному, поскольку воспринимает он всё сущее сугубо субъективно. И потому, как говорится, правда у каждого — своя. Или, точнее говоря, она — своя у каждого сообщества единой правды, так сказать — правды в последней инстанции. Но всегда есть люди, которые знают, как было на самом деле. И не только знают, но и могут показать и доказать, что это было именно так, а не иначе.

Эта книга, по сути, направлена на то, чтобы дать человеку понимание той глубины философии Бодрийяра, которая бы позволила ему использовать эту философию в реальной жизни и деятельности. В рамках научной экспедиции, в Мюнхене, напомню, впервые в истории был разрешен «Парадокс Бодрийяра».

И это позволило показать, что мир состоит из синтеза: масса людей не может ничего придумать, поэтому всё синтезирует (по сути, все смешивает между собой). Надо учиться отличать, надо учиться сравнивать.

Когда Бодрийяр писал о «молчаливом большинстве», он, по сути, выводил, что хуже человеческих отношений нет ничего в мире:

«…Сегодня ценности демократические. Отсюда вытекает неразрешимое противоречие на уровне «услуг», практика которых непримирима с формальным равенством людей. Единственный выход — распространение социальной Игры (ибо сегодня каждый не только в частной жизни, но и в своей общественной и профессиональной практике вынужден получать и предоставлять услуги — каждый более или менее «третичен» в отношении другого). Социальная игра в человеческие отношения в бюрократическом обществе отлична от страшного лицемерия слуг Свифта. Она представляет собой гигантскую модель «симуляции» отсутствующей взаимности. Для нее характерна не скрытность, а функциональная симуляция. Жизненный минимум общественной коммуникации достигается только ценой этой реляционистской тренировки, куда включен каждый,— великолепная оптическая иллюзия, предназначенная замаскировать объективное отношение чуждости и дистанции, направленное от каждого ко всем. («Общество потребления. Его мифы и структуры», Ж. Бодрийяр)».

Житие человечества складывалось и сложилось таким образом, что все люди так или иначе вынуждены друг друга «поддерживать», что и создает как раз этот синтез. Но есть другая философия, говорящая о том, что у человека есть выбор — философия Бодрийяра.

И в заключение главы: понять «Парадокс Бодрийяра» на логической модели намного сложнее, чем на практической модели исследования. То есть на практической модели философия Жана Бодрийяра всегда более понятна, чем на схематической логической модели. Поэтому исследование философии юга Италии как нельзя лучше продемонстрировало разрешение этого парадокса. На таковой ноте я хотел бы закончить данную главу. И до встречи с вами в следующей!

ГЛАВА 10
КОНСТРУКЦИЯ ЖАНА БОДРИЙЯРА «МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА»

Спасать. До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков опиров? Почему вы не желаете утруждать мозг? Почему вы так не хотите думать? Как вы не можете понять, что мир огромен, сложен и увлекателен? Почему вам все просто и скучно? Чем же таким ваш мозг отличается от мозга Рабле, Свифта, Лешина, Эйнштейна, Макаренко, Хемингуэя, Строгова? Когда-нибудь я устану от этого, подумал я. Когда-нибудь у меня не хватит больше сил и уверенности. Ведь я такой же, как вы! Только я хочу помогать вам, а вы не хотите помогать мне…
«Хищные вещи века», Братья Стругацкие

В рамках данной главы раскроем следующую конструкцию Жана Бодрийяра — «**Методологию анализа».** В свое время я брал интервью у его последователя, французского писателя Люсьена-Самира Улабиба — социолога, политолога и главного редактора философского журнала *Dogma*. Он, среди прочего, сказал, что Жан Бодрийяр был очень хорошим антропологом, социологом и философом. По этой причине базовые системы анализа, которые использовал Бодрийяр, должны, по идее, принадлежать этим наукам. Но, как видно из его работ, это не совсем так. То есть по идее учёный должен был подвергнуть анализу явления и людей с позиций именно этих наук. Но мы видим намного больший спектр анализа, чем в рамках этих трех наук. Совершенно очевидно: когда было нужно, Бодрийяр использовал и психологию Зигмунда Фрейда, и психологию французского философа Жака Лакана. При этом он мог в одной и той же работе ссылаться и на того, и на другого философа. Таким образом, учёный использовал и философов постмодернизма, как сторонний взгляд на проблему. Я бы сказал так: когда Бодрийяр писал ту или иную работу, он своего рода разыгрывал партию в шахматы.

Подход Жана Бодрийяра к событиям — многовекторный. Он пытался осмыслить события не только с точки зрения ученого, но и сквозь обывательскую призму.

Он смотрел на вопрос одновременно и с антропологической, и с социологической, и с социальной точек зрения, а в психологическом аспекте — сквозь призму анализа. Таким образом, это многовекторный комплексный анализ.

Подобного рода подхода мы не замечаем у других ученых. Подход Жана Бодрийяра, по сути, уникален. С одной стороны, ученый мог посмотреть на вещи глазами разных философов, с другой — мог преломить это через психологическую составляющую Фрейда, Лакана (на которых он ссылался чаще всего), а также других мыслителей. При этом он мог, например, посмотреть на вопрос как антрополог. То есть, используя чужой взгляд на проблему в рамках определенной науки, он демонстрировал свой. И точно также он мог посмотреть на вопрос как философ или социолог:

«Сегодня, в свете идей Фрейда, все научились очень хорошо, даже слишком хорошо, различать за любой социальной, этической, политической практикой сублимацию и вторичную рационализацию первичных процессов. Расшифровывать любые дискурсы в терминах вытеснения и фантазматической детерминированности сделалось культурным стереотипом. Но дело-то как раз в том, что это не более чем термины, и бессознательное в них не более чем специальный язык («Символический обмен и смерть», Жан Бодрийяр)».

При изучении работ Бодрийяра не обойти проблемы: учёный широко использовал то, что сам не исповедует. Например, он мог посмотреть на то или иное явление… глазами Ницше. То есть в определённый момент он мог своего рода стать Ницше, воплотиться в него, воспринимать сущее с его позиций. А затем опять стать самим собой. Уровень его интеллекта и объём знаний позволяли ему без видимых усилий точно ориентироваться в философии, социологии, антропологии и других науках. Поэтому он мог просто занять позицию другого человека и рассматривать предмет или явление его глазами. И после получения, таким образом, некоего результата, скажем так, возвращаться в себя, думать, чувствовать и фиксировать мысли и чувства, как Жан Бодрийяр. Думаю, что условно сей принцип можно выразить следующим образом: «Что бы сказал Фуко по поводу этого явления? То-то и то-то. Но мне видится, что это совсем не то, что думал Фуко. Я думаю, что здесь это — так…»

Бодрийяр использовал что-то для отрицания, что-то для демонстрации, что-то для подтверждения. Например, в каком-то утверждении он был с Фуко согласен, но свои выводы показывал отдельно, а выводы Фуко — отдельно, говоря о том, что, по сути и в целом, они одинаково думали:

«…По правде говоря, спорить о словах бесполезно. Можно сказать, предписание говорить о сексе — первично, а подавление — просто обходной маневр (вполне согласен, но тогда труд и эксплуатация — тоже не более чем обходной маневр и алиби других, более фундаментальных вещей); или: вытеснение — первично, а дискурс о сексе — только более современный его вариант («репрессивная десублимация»). По существу, обе гипотезы мало что меняют. В первой гипотезе (принадлежащей Фуко) главная проблема состоит в том, что если где-то и существовало подавление или, по крайней мере, эффект подавления (а этого нельзя оспаривать), то объяснить его невозможно… («Забыть Фуко», Жан Бодрийяр)».

«…Анализ власти Фуко был очень познавательным, но мне казалось, что он достиг определенной точки и не смог выйти за рамки этого. И я хотел посмотреть,

что произошло за пределами этой точки распространения власти. В моей критике не было ничего личного. Я всегда восхищался Фуко. Это был лишь мой вывод: его мышление показалось мне слишком хорошим, слишком прекрасным, чтобы быть правдой. В совершенство его анализа власти было нечто тревожное, или, по крайней мере, присутствовало то, что заслуживает изучения обратной стороны той идеальной картины… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», интервью с Пьером Бонсен и Аланом Жубергом)».

Не очень сложный пример: ещё древним был известен тезис — «Errare humanum est», что означает «Человеку свойственно ошибаться»; в частности, его приписывают римскому писателю-ритору из Кордовы Луцию Аннею Сенеке (Старшему). И Бодрийяр это мастерски использовал как ученый. Он говорил: все ученые, и он в том числе, безусловно, могут ошибаться. Могут! Ведь учёный — прежде всего и главным образом — человек. И значит, возможность ошибки весьма вероятна. Одно слово: свойственно. Но знание такой возможности и совокупный многоуровневый анализ могут такую возможность свести к известному минимуму. Нужно только не лениться, смотреть на вещи с многих сторон, комплексно, не замыкаясь на позиции какой-либо одной науки. Увы, это не всем по плечу. Точнее говоря, по уму. Для этого нужны знания и интеллект Жана Бодрийяра. Не по этой ли причине он говорил, что мы можем посмотреть на вещи и методологически:

«…может быть, эта обратимость и эта цикличность встречаются в фигуре асимптота, я не знаю. Но эта обратимость остается чем-то вроде утопии, некой формой ностальгии. Речь идет об ожидании того, когда мир начнет эту обратимость, когда он начнет оборачиваться. Нам нужно исследовать монополистические и универсальные методы мира на их критическом пределе возможностей, и посмотреть — перевернуться ли они в соблазн, согласно гиперлогике вещей… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», интервью с Рекс Батлер, с дополнительными вопросами от Алана Чолоденко и Николаса Зурбруга)».

Что значит — методологически? Без привязки к науке и без привязки к человеку. То есть исключительно с точки зрения строгой методики: я уже не смотрю на объект глазами Ницше, я уже не смотрю на объект глазами социолога, я смотрю на него исключительно глазами методолога, раскрывая тему с точки зрения методов, процедур научной деятельности, теории научного познания, философии науки и т.д.

Мы тоже так ставим вопрос, поскольку одни и те же методологии могут использоваться в разных науках. Как, скажем, в математике — цифровые значения могут быть самыми разными, а формула едина: «A+B=C». Есть вещи, которые не принадлежат конкретной науке, и они могут быть использованы и в социологии, и в антропологии; хотя антропология — это в большинстве своём качественные, а не количественные показатели.

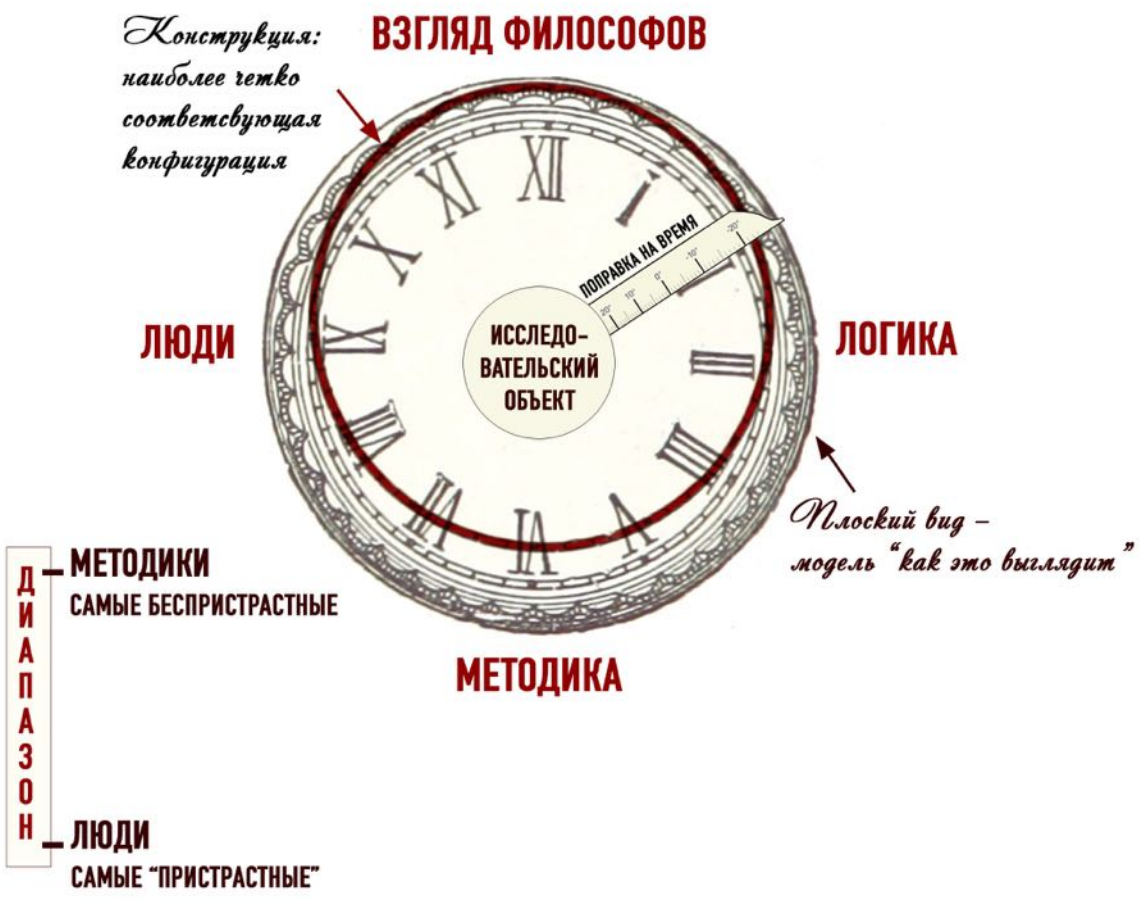
Допустим, я рассматриваю вопрос в определённой сфере — в сфере генезиса, в сфере динамики, в сфере тенденций человека. Могу в ходе анализа использовать разные виды логики — поскольку логика (если только это не школярский вариант), как явление и понятие, не так уж однозначна-монолитна и тоже бывает разной. Нельзя в этом вопросе ни в коем случае ограничиваться исключительно логикой Аристотеля. То есть, чем больше видов логики вам доступно, тем убедительнее, качественней и фундаментальней выводы. Когда мы с опорой на разные типы логики подходим к предмету исследования, можем по-разному посмотреть на этот вопрос.

И результаты можно сопоставить между собой и склониться к тому, что прежде всего подтверждается фактами.

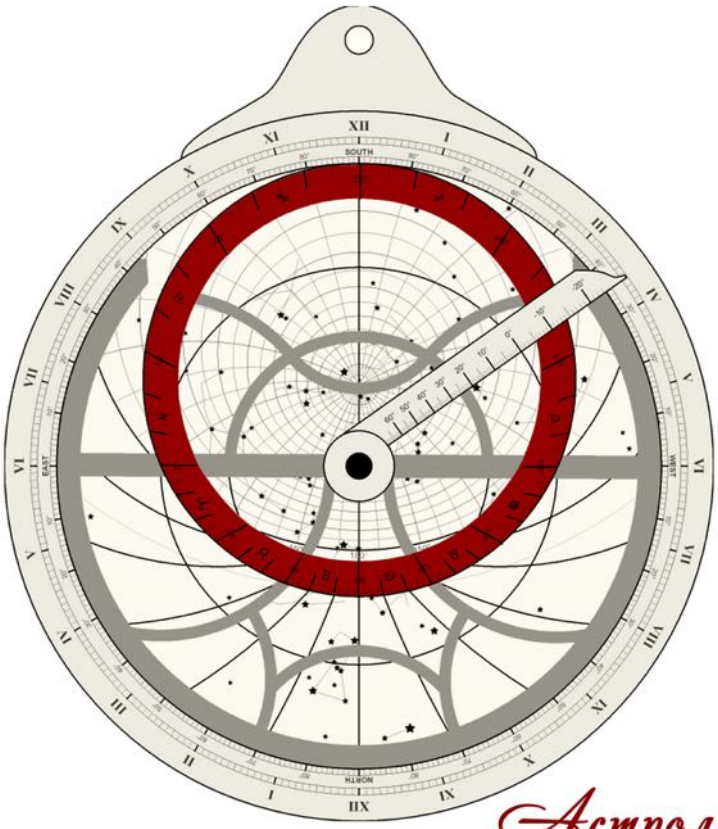
Следует заметить, Бодрийяр очень любил фактологическое сравнение. Ученый никогда не чурался методов детективных или журналистских расследований при подходе к изучаемым проблемам. Он мог подойти к вопросу как сыщик или как журналист, то есть в разных исследовательских ипостасях. Он выбирал ту конфигурацию, которая наиболее объективно соответствовала исследуемой проблеме. И это геометрически можно изобразить в виде некой «часовой» формы:

«…Наука не является новым инструментом, и информация должна быть индивидуализирована, изолирована и обнаружена функционально для того, чтобы решить некоторые проблемы. Поэтому я попытался разработать круговую модель работы… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», Симпозиум под председательством Томаса А. Себеока)».

Подразумевается, что все элементы выбранной конфигурации нужно расположить на циферблате часов — расставить всё по кругу на искомом предмете исследования (на схеме ниже), что, по сути, представляет собой **плоскую модель Бодрийяра**. Следует иметь в виду, что расположение на конструкции логик, методик, взглядов философов и многое другое, отражает лишь плоский вид этой работы. Другими словами, это только своего рода чертеж, который модельно отражает то, как это выглядит в плоской проекции. Но на самом деле есть загвоздка, с которой надо бы разобраться. Если начертим диапазон (как на рисунке ниже), у этих элементов есть ранг. По сути, мы имеем дело с **рангом беспристрастности**, где самыми пристрастными являются люди, и они располагаются в самом низу диапазона. А самые беспристрастные — это методики, методология. В середине диапазона располагается всё остальное.

Приоритет беспристрастности, то есть сама конфигурация в тот или иной момент времени, определяется вторым кругом (внутри большего круга, представленного как «часовая» форма). Прототипологически всю эту модель можно сравнить с **астролябией** — одним из старейших астрономических инструментов, изобретённых ещё в древней Греции. С одной стороны, на астролябии расположены часы, с другой — большой геометрический круг со всеми элементами, описанными выше. По сути, та конструкция, которую мы выбираем в тот или иной момент времени, собирается в малом круге, и свойственна исключительно определенному исследованию. Таким образом, эти два круга (большой и малый) существуют вместе и единовременно, поскольку мы постоянно исследуем множество вещей. В связи с этим нам необходимо из большого круга в малый круг переставлять те элементы, ту конфигурацию, которые наиболее четко соответствуют тем или иным вещам, и исследовать объект с точки зрения этих элементов конфигурации.

Астролябия

Обратите внимание на линейку в середине. Это линия времени, которая нас интересует, так называемый «угол». Во время исследования мы всегда ещё делаем поправку на то или иное время. Поскольку, например, нельзя приписывать психологию XXI века психологии XIX века, и наоборот. Как вы помните, в бессмертном произведении братьев Стругацких «Пикник на обочине» один из главных героев профессор Пильман так и говорит: «*…ваш вопрос находится в компетенции псевдонауки под названием ксенология. Ксенология — это некая неестественная помесь научной фантастики с формальной логикой. Основой её метода является*

порочный приём — навязывание инопланетному разуму человеческой психологии. […] Всё, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно… («Пикник на обочине», Братья Стругацкие)». Тем самым Пильман говорит о том, что существует определенная категория лиц, которая приписывает свойства разума человека внеземным цивилизациям… В связи с чем и возникает вопрос: почему у внеземного разума должен быть такой же разум, как у человека?

В произведении Стругацких всё построено на одном и том же посыле: если внеземной разум готов к контакту, значит он разумен; а если он разумен — значит, готов к контакту. Как известно, очень многие не допускают существование негуманоидной формы жизни, негуманоидной формы интеллекта, а это в принципе неверно. Всякому культурному человеку известно выражение Гегеля: «Всё действительное — разумно, всё разумное — действительно». Но пророческими оказались и слова Владимира Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю…». И при жизни Вильгельма Фридриха Гегеля, и после его ухода, учение этого немецкого философа в науке подвергалось серьёзной критике.

В рамках одного из моих недавних исследований при написании монографии «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины», было выяснено: человек обладает негуманоидной формой разума, что я подробно описал в первой главе труда:

«…Стругацкие приводят примеры негуманоидного разума. Например, лес, голубой туман. Туман ведь не человек, правильно? Но у них он — разумный. Здесь и начинается откровение… Давайте немного поразмышляем. […] Ранее я для себя понял: ***разум — это ещё и способность самостоятельно ставить задачи и решать их.*** *[…] Но интересно, а что значит «гуманоидный разум?» Разумный осьминог — это гуманоидный разум? А Зона Стругацких в «Пикнике на обочине» — разум какого типа? Если лес — негуманоидный разум, то можем ли мы тогда сказать, что зона — тоже негуманоидный разум? Если да, то почему? И если нет, то почему? А вот символьная система Европы — это разум или все-таки ум? Здесь хотелось бы напомнить о том, что знания бывают двух видов:*

1. *Те, которые можно было бы использовать для решения задач;*
2. *Те, которые задачи исключают, т.е. абсолютное знание.*

Тут даже и невежда, далекий от какой бы то ни было науки, знает: задачи обычно ставятся для того, чтобы их решать. Но если вы всё знаете, тогда вам ничего решать не нужно, правильно? Всё уже известно, а стало быть, решено заранее. Представьте некую головоломку: вы знаете ответ, зачем вам ее решать? Для вас это уже, собственно говоря, никакая не головоломка. Более того, бытует некое заблуждение, как форма знаний, которая исключает… реализацию задачи. А как, в таком случае, называется механизм, который исключает решение? То есть, я ставлю задачу и вовсе не ищу решения, а сразу реализую её. Что-то вроде того, что школьник, прочитав условия задачи («Дано»), открывает последнюю страницу задачника, где приведен ответ. Это, вероятно, и есть негуманоидный разум, так как у него нет поиска решения. Он не решает задачи, он формально ставит их и тут же реализует, при этом — без вариантов и с абсолютным результатом.

То есть постановка задачи почему-то нуждается в знаниях без необходимости их использовать. Вам не кажется, что это и есть состояние среднестатистического человека? Посмотрите вокруг. ***Человеку внушается мысль о необходимости знаний,*** *которые он не собирается использовать. Зачем это нужно, никому не ясно, но так оно и есть. Люди это называют интеллектом. По одной из версий,* ***интеллект — это знание, качеством и объемом имеющее разные формы, без необходимости ставить задачи и их реализовывать.*** *[…]*

Согласно выводам Стругацких, в их научно-фантастической повести «Беспокойство», все изобретения человека — это извлечённые из себя какие-то вещи или протезирование неких функций.

А негуманоидный разум, вероятнее, может создавать вещи, не связанные с человеком, просто из воздуха, не ориентируясь ни на что, не ища прототипа. При этом он не способен отдавать себе отчет в том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Для негуманоидного разума не существует таких категорий. У него нет препятствий на пути выполнения задачи, он не ищет решений. Всё определяется лишь объемом возможностей.

[…] исходя из вышеизложенного, мы имеем следующее:

1. Гуманоидный разум напрямую связан со знаниями, задачами, решениями, внедрением и т.п., с извлечением чего-то из себя или протезированием себя. В основе работы гуманоидного разума лежит решение задачи на базе прототипов.

2. Негуманоидный разум не требует знаний, а лишь постановки задачи (и не важно, кто ее ставит, лишь бы было что сделать) и реализации ее посредством инструментов. Всё определяется объемом возможности инструментария. Именно здесь мы употребляем такие понятия, как «механизмы реализации задач», «инструменты реализации задач» и др. От того, насколько качественно вы знаете инструментарий и умеете им пользоваться, зависит срабатывание вашего негуманоидного разума.

3. Интеллект — некий объем знаний, позволяющий решать задачи без необходимости внедрения их решений (например, разгадывать кроссворды). Это исключительно инженерная логика.

4. Электронный разум — ограниченный искусственный интеллект, который не заботится о качестве знаний, а точнее, искажает даже знания, полученные в ходе опыта, под определенные «адекватные» представления, этику, мораль. При том, что никто в этом случае не дает этому оценки.

Итак, мы с вами, насколько это вообще возможно, изобразили всю систему разума и интеллекта, которая существует у человека. Обратите внимание на то, что все четыре этажа у человека присутствуют, но его нельзя назвать гуманоидом. То, что современная наука называет гуманоидом, при простейшем математическом рассуждении дает следующий ответ: человек только на 1/4 гуманоид, а иные (и числом немалым), возможно — просто роботы со значительным ограничением морали… (Монография «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины», Ph. D. Олег Мальцев)».

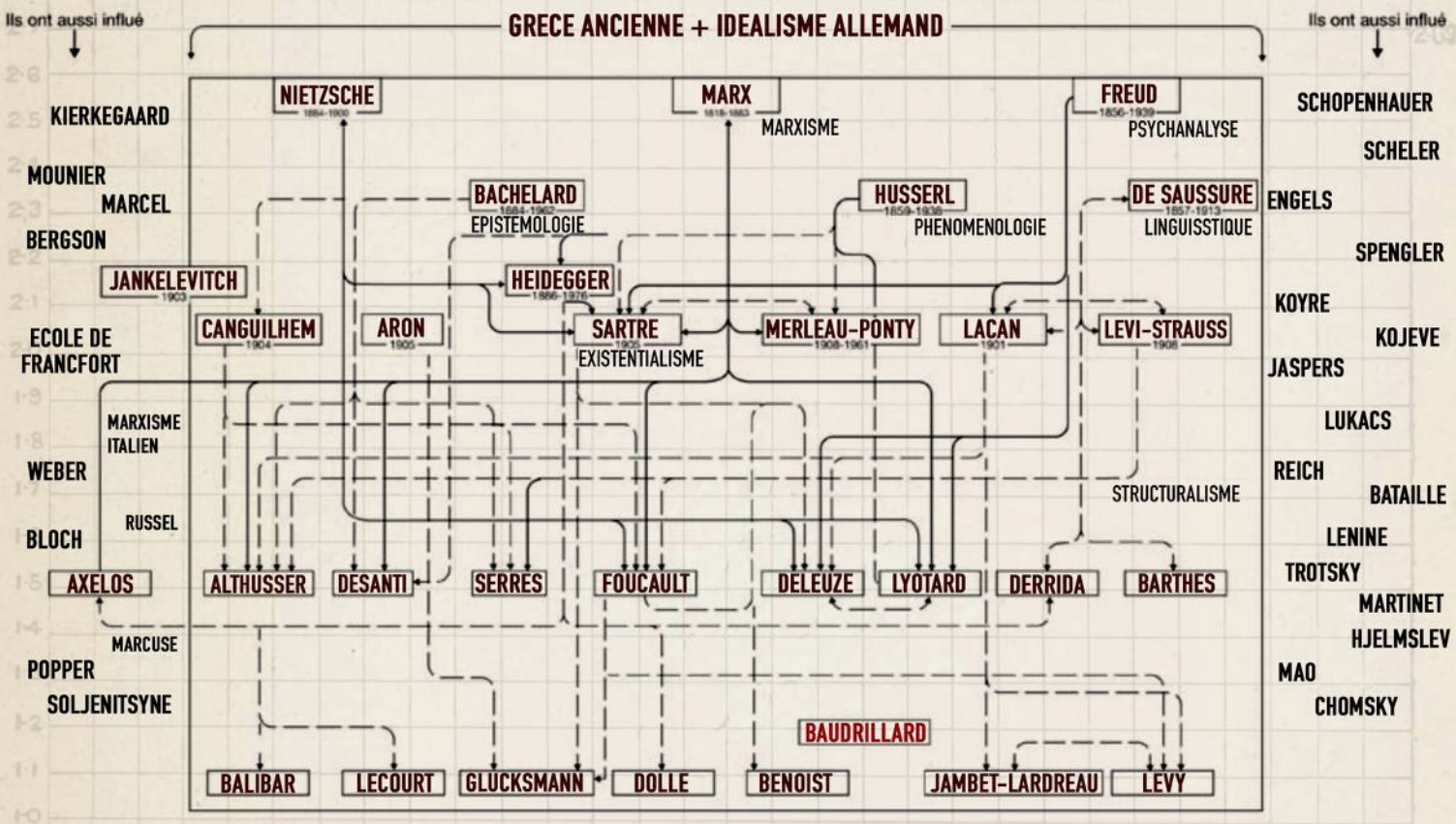
Возвращаясь к теме главы и конструкции Бодрийяра, важно сказать, что астролябия наилучшим образом отражает его подход. По сути, это вещь, которая определяет местоположение по долготе, широте, по солнцу и многое другое. Астролябия показывает — что есть факт, а что не факт. Это прибор системы ориентирования,

который позволяет сориентироваться и сделать безупречные выводы. Я долго искал такой прибор и для меня символом философии Бодрийяра стала астролябия. Так, люди на протяжении многих веков пользовались определенными измерителями, и использовали их достаточно эффективно и точно: секстанты, астролябии, штурманские линейки, компасы, специальные морские хронометры, которые содержат секундомеры, карты и прочее. Существует огромное количество вещей, комбинация между которыми дает достаточно точное понимание того, что происходит.

Появление спутников, можно сказать, нас лишило необходимости самостоятельного анализа. И, по сути, они не помогают людям, а попросту заменяют им множество приборов, которыми до этого успешно и полезно для опыта пользовались. Появление спутников как бы освобождает нас от необходимости анализировать и делать выводы. А стало быть, в известной степени также атрофирует некоторые способности, освобождая от соответствующих нагрузок. А ведь известно: работа и нагрузка строят орган. Это касается и мускулатуры, и интеллекта. Отсутствие нагрузок или их снижение непременно имеют обратную сторону — атрофию. Например, на флоте при случайном или умышленном (по плану учений), сбое спутниковой системы, корабль становится неуправляемым. Он можно сказать теряется. Нужно ли подробничать о том, во что такая растерянность может вылиться в реальных условиях. А такие учения неспроста в хороших компаниях и на хороших флотах проводятся постоянно: при проверках отключается спутниковая система и командование корабля вынуждено перейти на ручное управление. Настоящий капитан обладает умением ходить по морю без спутника. А сам спутник — важный, очень существенный, но всё же вспомогательный инструмент. Поэтому ходить по приборам учат во всех мореходных училищах в обязательном порядке и продолжают их использовать в море. Кстати, это касается обучения комсостава в различных сферах — вплоть до авиации и космонавтики. Современные приборы — это техника, а значит ей свойственно ломаться. Поэтому капитан должен уметь выводить корабль и без электроники, и его навыки в этом умении проверяют постоянно: как поступит его команда в аварийной ситуации, когда отключится спутниковая система.

Возвращаясь к теме главы, важно сказать, что Жан Бодрийяр в определенный момент «вышел из науки», покинул ее. Дело в том, что одним из предметов его исследования является сама наука, и это подробно было рассмотрено в третьей главе данной книги — «Наука», а быть ее частью и, при этом исследовать — не представляется возможным. Поэтому он, повторим, покинул науку, развернулся в ее сторону и наблюдал её, как предмет исследования. Это прямо подтверждается и схемой «Взаимодействие современной философии» Доминика Грисони (Grisoni 1977) в Сборнике «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры». На схеме, описывающей всю европейскую философию последнего времени, Бодрийяр как философ находится вне этой системы взаимодействия:

INTER-FLUENCES DE LA PHILOSOPHIE CONTEMPORAINE

Философия Бодрийяра, без малейшего преувеличения, произвела революцию в Европе и в мире. Он подверг анализу весь мир вокруг себя в полном объеме. Многие журналисты, философы и писатели черпали из работ Бодрийяра свои идеи. Полагаю, многие люди себе задавали такой вопрос: откуда появился Жан Бодрийяр? Что спровоцировало его появление и такую востребованность в мире? Думаю, что учёный этот появился из… злости. Кто такой Бодрийяр? Это человек, который не желает, чтобы его делали дураком: государства, политики, массы людей считают себя «очень умными». А ученый считал совершенно иначе, его злило то, что из него пытаются делать дурака; тем самым, они оскорбляют его интеллект. По сути — и в истории человечества это видно невооруженным глазом — основной массе можно говорить все что угодно. Но государства, правительства и другие оскорбляли интеллект и философа, и всей интеллигенции Франции — людей высокообразованных и мудро мыслящих. И это, думается, его злило весьма основательно.

Вся проблема в том, что люди сегодня… еще примитивнее, чем были ранее. И виноваты в этом не правительства, а сами люди, которые позволили себя сделать таковыми. Это предположение и даже утверждение основывается на том, что имеются и иные примеры: есть другие люди, которые не позволили так над собой надругаться. Бодрийяр дает простой совет: перестаньте это делать, и всё встанет на свои места. Но кто следует простому и бесспорному совету? Вот ученый и рассуждает: зачем человеку превращаться в примитив. Он начинает разбираться в этом, исследовать, и… возникают философия, социология, антропология Бодрийяра — те вещи, где он непревзойден как мастер. Учёный подвергает всестороннему анализу бытие, мир, человека, науку, общество, социальную среду, мистицизм и так далее. Он по-разному подходит к проблеме, со всех сторон:

«…Проблема, которая сделала меня одержимым — а у меня была личная одержимость с самого начала — была проблема субъекта — объекта, материального объекта, объекта потребления и т.д., что впоследствии стало своего рода проблематичным для объекта в гораздо более метафизическом смысле или даже в смысле, выходящем за рамки этого. Хотя это не относится к моим первым книгам, начиная с «Символического обмена» и далее, была попытка выйти за пределы стратегий субъекта, за пределы субъективности, за пределы темы знания, истории, власти и т.д., и пойти и взглянуть на сторону субъекта — что в социологическом смысле также означало смотреть на массы и так далее. Или в науках, чтобы посмотреть на объект-субъект, а не на тему — предмет науки… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению», Интервью с Роем Бойном и Скоттом Лэшем)».

Как уже упоминалось, книга «Америка» просто разорвала американское общество, как сработавшая нейтронная бомба. Нация поделилась на две части: на сторонников и противников Бодрийяра, причём сторонников было не меньше, чем его противников.

И когда ученые вставали и демонстративно выходили из зала в тот момент, когда Бодрийяр приезжал на конференции — это была его победа. По сути, американские ученые хотели его уничтожить, а на деле возвысили и подчеркнули величие ученого.

Он говорил, что современная наука в том виде, в котором она существует, вовсе наукой не является, а есть непонятно что:

«…Отправной точкой моей работы стало нынешнее состояние университета, не Universitas, а университетов в мире, возможно с мая 1968 года, в принципе с 1088 года, когда был основан Болонский университет, первый в западном мире. Ну, в это время, это и закончилось: университет как учреждение было кончено. Оно может продлить свою жизнь, как Римская империя в течение нескольких столетий, но это не имеет значения. Традиционный университет закончился с приходом открытого или массового университета, которому, для того, чтобы исключить отбор, предусмотренный классовой разницей, и так далее, было суждено превратиться в большой лицей, в большую среднюю школу, которая должна передавать традиционную науку. Под традиционной наукой я имею ввиду корпус, сокровищницу того, что наука построила до нынешнего дня, которое не является исследованием, так как исследования — это превращение этой сокровищницы во что-то новое. Я думаю, что массовый университет не может выполнить эту задачу; он больше не будет местом исследований… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»)».

В определенный момент времени, как отмечал маэстро, наука скатилась до определенного уровня, где уже и наукой её не назовёшь. Бодрийяр перечисляет огромное количество причин, почему так произошло. Он отмечает, что вся проблема в человеке заключается в следующем:

«…Мы никогда не узнаем, были ли понятными появление нацизма, лагерей смерти или Хиросимы. Мы более не находимся в том же ментальном пространстве. Жертва и палач меняются местами, происходит преломление и распад ответственности — таковы добродетели нашего чудесного интерфейса. У нас нет больше сил на забвение, наша амнезия — это амнезия изображений. Кто же объявит амнистию, если виновны все? («Прозрачность зла», Жан Бодрийяр)».

Скажем, раньше студент мог выучить две страницы текста, потом — он мог хотя бы прочитать две страницы текста, а сегодня студент даже две страницы текста прочитать не может. О синтаксисе и пунктуации, о десятке элементарных правил правописания в пределах пяти-шести классов средней школы — уже и разговора нет. Мы говорим об обладателях аттестатов зрелости и даже дипломов о среднем специальном и высшем образовании. Это и есть проявление деградации.

Современное общество пришло в то состояние, что можно трижды быть доктором наук, и при этом не быть учёным. Кто такой учёный? Согласно закону Украины «О научной и научно-технической деятельности»: «ученый — это физическое лицо, которое проводит фундаментальные и (или) прикладные научные исследования и получает научные и (или) научно-технические (прикладные) результаты». По сути, 80% его деятельности и времени должны быть заняты наукой, то есть научно-исследовательской работой. Но проблема состоит в том, что большинство современных ученых — преподаватели и ученые в одном лице, и часто практически не занимаются научной деятельностью с тех пор, как защитили свою диссертацию.

Между тем преподаватели и ученые — это разные деятели, различны и их виды деятельности. В Советском Союзе работа преподавателя и ученого была категорически разделена на две части: ученые находились в научно-исследовательских институтах, а преподаватели в университетах — в учебных заведениях. Поэтому

в СССР таких проблем не было. Человек приходил в ВУЗ учиться и там добивался определенного положения на кафедре: занимался научной и преподавательской деятельностью. В определенный момент его «замечали», отмечали как ученого (а не преподавателя), и приглашали в научно-исследовательский институт. Там он продолжал заниматься наукой и в удачном случае становился настоящим ученым.

Преподаватели и ученые — два разных типа людей, но их почему-то обобщают. И из-за этого возникают многие недоразумения, неприятности и даже аварии. А ведь ВУЗ не только готовит узкого специалиста — здесь формируется мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Мировоззрение, наконец. Таким образом, студент в университете нередко становиться дураком. А начинается всё это еще со школьной парты. Человек дураком не рождается. Во всяком случае, как правило. Клиника в данном случае — не в счёт. Один из великих философов Нового времени, философов Просвещения Джон Локк писал в своём сочинении «Опыт о человеческом разумении», что человек рождается, как белый чистый лист («Tabula rasa»):

«Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот [их] обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта («Опыт о человеческом разумении», Джон Локк)».

А потом на этом чистом листе все начинают «писать», и кто что там «напишет» — никто не знает. Поэтому Жан Бодрийяр и отмечал, что семья и дом — это одни неприятности, школа — это совершенно другие неприятности, а университет и работа — третьи и четвертые… И все это в процессе жизни формирует современного потребителя нашего «общества потребления». По сути, обрабатывает его, как резцом вытачивает деталь — «отсканированного», тихое «молчаливое большинство», «массу» и так далее. Жан Бодрийяр считал, что человек может быть личностью, даже в массе себе подобных. Но не настаивал, чтобы все были личностями. И в этом суть того, что происходит.

Сама критика Бодрийяра очень специфична. Например, многие из посвящённых знают: он критиковал ректора Сорбонны. Но на деле критика эта была направлена вовсе не лично против ректора — он критиковал всю систему образования в целом, а ректор Сорбонны в данном случае был лишь элементом этой системы образования, один из дидактических примеров того, что происходит в современной науке. Поскольку таких людей много, и каждый участвует в развале по-своему, вносит свою лепту в это разрушительное дело. Правду свою Бодрийяр не говорит прямо в лоб каждому из таких «пайщиков». Он заходит через систему образования к конкретным последствиям этой системы. Учёный не ищет виновных в этом отдельно взятых лиц, а показывает явление в целом и говорит о тех, кто это все должен делать, так как опять виноваты сами люди. Кто это все придумал? Что это за Министерство образования, которое все это придумывает? На что оно опирается? Из чего исходит? Как оценивает промежуточные итоги своей деятельности? Насколько оно критично к своим ошибкам, недостаткам и порокам?

Немецкий психолог Герд Гигеренцер уже в престарелом возрасте (и при этом — после Жана Бодрийяра), можно сказать, полностью разорвал всю Европу: просто уничтожил современную психологию, прошёлся по ней катком.

А ведь Герд Гигеренцер — одно из первых лиц в Европе. А его жена Лоррейн Дастон — директор Института истории науки Макса Планка. Да-да, того самого — Макса Карла Эрнста Людвига Планка — основоположника квантовой физики, Лауреата Нобелевской премии и на протяжении многих лет одного из лидеров немецкой науки. Герд Гигеренцер — на сегодня главный психолог Европы, профессор Гарвардского университета, член Леопольдины, директор отдела «Адаптивное поведение и познание», директор Хардинг-центра по оценке рисков в Институте человеческого развития Общества Макса Планка в Берлине. Звучит? Разумеется. Поэтому даже те учёные, которым, возможно, неприятно все это слышать, вынуждены его терпеть и ничего с ним поделать не могут. А он продолжает писать книги и статьи о том, что собой представляет современная психология. Один только труд «Адаптивное мышление» чего стоит. В нем он просто «закатал психологию под асфальт». А сейчас «закатывает» экономику, правительства в связи с нынешней ситуацией в Европе: у него есть книга «Эксперты в области науки и общество» («Experts in Science and Society», 2007) о том, как правительства обманывают людей, как бы опираясь на научные показатели. Там расписаны все манипуляции: от темы климата и глобального потепления, и откуда эта тема выросла, до всех остальных мошенничеств, которые совершили сегодняшние правительства. Гигеренцер чётко разобрал каждую концепцию, каждого учёного, кто в этом принимал участие. Объяснил, почему считает это ложью, а ученые просто подтасовывают цифры и показатели. По сути, наука не стремится к истине, а добросовестно выполняет социальный заказ, обосновывает политику. Но ранее говорить об этом начинал еще Жан Бодрийяр.

Герд Гигеренцер продолжил то, что начинал Жан Бодрийяр: наука не только формирует мировоззрение, но и обосновывает политику (в данном случае — преступную политику) в государстве. Поскольку, если кто-то знающий-понимающий хочет сделать нечто незаконное, то он сначала подводит дело теоретически к научной базе и обосновывает: почему, во имя чего необходимо «это» сделать. Например, ради безопасности и (или) других вещей. Но Бодрийяр показывает, как это выглядит на самом деле, и предсказывает, к чему приведёт впоследствии:

«Мы все заложники. Отныне все мы служим аргументами сдерживания. Объектные заложники: мы коллективно за что-то отвечаем, вот только за что? Вид фальшивого предопределения, манипуляторов, которых даже невозможно установить, хотя мы знаем, что баланс нашей смерти уже не в наших руках и что отныне мы находимся в состоянии саспенса и перманентной чрезвычайной ситуации, чьим символом является ядерная угроза. Объектные заложники ужасного божества, мы даже не знаем какое событие, какая катастрофа произойдет в результате конечной манипуляции [нажатия ядерной кнопки].

Но в то же время и субъектные заложники. Мы отвечаем сами за себя, мы страхуемся, мы ручаемся за свои риски своей головой. Таков закон страхового общества, где все риски должны быть покрыты. Эта ситуация соответствует ситуации заложника. Мы заложены обществом, нас взяли под опеку словно под залог. Ни жизнь, ни смерть — такова безопасность и, как ни парадоксально, таков статус заложника… («Фатальные стратегии», Жан Бодрийяр)».

Центральная форма в философии Бодрийяра — это оргия. Его вопрос «Что делать теперь, после оргии?» — элемент центральной философии Бодрийяра.

То есть к чему все приведет? Сейчас идёт оргия — это карантин. Что будет после оргии? Мой коллега, председатель Одесского психолого-философского общества Ph. D. Александр Николаевич Сагайдак на собрании общества сказал, что сейчас идет ограбление среднего класса Европы. И почему-то средний класс хочет быть ограбленным, даёт себя ограбить, а это уже возврат к авторитарной пирамиде. Это и есть оргия. Но она — тоже этап. Вполне логичен вопрос: что будет после нее?

По факту, некоторые люди испортили остальным рабочий год, эффективно посягнули на конституционные права и свободы человека; стариков и пожилых людей выделили в какую-то особую категорию, и они должны пожизненно сидеть под «домашним арестом», как провинившиеся. Не кажется ли вам, что это абсурд, юридический в том числе? Бодрийяр — критик в каком-то смысле, но у него особенная форма критики. Он пытается донести мысль: то, что происходит сейчас — ужасно. Но ужаснее всего то, что мысль эта не до всех доходит и что на всех же и выльется, то есть Бодрийяр подразумевал, что «вам же хуже будет!»:

«И я имею в виду, что мы сейчас находимся в другом мире. Это не научная фантастика, но я знаю, что, возможно, для того, чтобы ощутить, что это за вещь, требуется какое-то ожидание. Мы действительно вышли за пределы чего-то, возможно, даже за пределы конца — я проанализировал этот вопрос в «Иллюзии конца» — и на самом деле больше нет ни завершенности, ни конца, потому что мы уже вышли за пределы. И там правила уже совсем не те… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению», интервью с Роем Бойном и Скоттом Лэшем)».

Чем люди становятся примитивнее, тем им будет хуже. Сиюминутное удобство примитива чревато катастрофой в ближайшем будущем.

Сам же подход Бодрийяра крайне интересен и столь же эффективен. Астролябия, как форма мышления, как форма построения ума человека и разума — просто шикарна. Она формирует высокоразвитого интеллектуала, человека, способного этим инструментом превращать теоретический анализ в прикладные знания и добиваться с помощью этого успеха в обществе.

Чем философия Бодрийяра меня привлекла больше других? Более года назад, при изучении такой загадочной категории психологии, как ущербность, я заинтересовался его работами. В ходе их полномасштабного исследования, я выдвинул гипотезу о том, что современная глубинная психология в своих изыскания идёт не в том русле предметности. Сегодня категория ущербности — это наиболее актуальный предмет исследования в психологии. Однако почему-то колоссальное научное внимание более ста лет посвящается совсем иной категории — бессознательному. Что, безусловно, крайне важно и фундаментально, однако, всё же не отвечает на актуальные вопросы человечества. Но когда я начал читать труды Жана Бодрийяра, понял: это и есть философия, предшествующая психологии ущербности. Жан Бодрийяр — родоначальник философии ущербности. При этом он — самый обыкновенный человек, чем он очень подкупает. Порядочен и прост, а отнюдь не глыба льда: любил спортивные машины, любил свою жену, любил выпить, любил сигары, любил отдыхать, путешествовать. И всё, что его отличало от других людей — уровень интеллекта. Как говорили его друзья, вы бы никогда не сказали, увидев его при встрече, что это — великий Бодрийяр. Он и сам никогда себя не считал великим. Нет ни одной работы, где он себя превозносит, а вот средства массовой

информации его очень превозносили. Многие деятели культуры и искусства его возносили до небес. И снова, в этом плане представители академической науки делились на две категории: одни ненавидели Бодрийяра, другие — обожествляли, считали «крестным отцом постмодернизма», последним пророком Европы. Его величие было бесспорным; среди философов постмодернизма он был — номер один. Это человек, который, по сути, предсказал еще в 1970-х годах все то, что происходит в мире сейчас. Он описал в своих работах всё, что будет происходить после оргии: пандемию, карантин, великолепную катастрофу, гибридные войны, использование глобальных угроз как инструменты маркетинга; и назвал Америку — первобытным обществом. По сути, каждая работа Жана Бодрийяра, которую он выпускал, вызывала истерику в мире.

У маэстро было две очень интересные вещи, которые с моей точки зрения заслуживают особого внимания. Во-первых, это — отсутствие страха. Ему угрожали, настоятельно советовали не заниматься «ерундой» и так далее, но у Бодрийяра не было ни минуты сомнения в том, что не нужно останавливаться. Он жил совершенно обыкновенной жизнью со своей женой и не боялся ничего. Да, он был очень смелым человеком. Те люди, которые его знали лично, говорят, что он был настолько гениален во всём, что эту гениальность не нужно было даже демонстрировать. У Бодрийяра получалось всё, до чего бы он не прикоснулся. Он очень быстро учился, быстро соображал: даже то, что он не умел или не знал — становилось частью его буквально за считанные часы, дни и так далее. Он очень быстро умел работать с материалом, осваивать новые вещи, которые он не умел делать до этого, в очень короткие промежутки времени. С моей точки зрения, с одной стороны, он абсолютно гениален, а с другой — абсолютно бесстрашен. Мне кажется, что этим Бодрийяр сильно подкупает людей — человек, который не испугался себя противопоставить всему миру (как мощнейший вызов обществу и государству).

Нельзя сказать, что ученый шел напролом. Нет. Это было больше похоже на работу ювелира: он очень четко выявлял проблемы, которые сейчас существуют, очень четко их раскрывал. Есть несколько интервью, в которых его расспрашивали о том, не страшно ли ему. На что он отвечал, по сути, коротко и просто — не страшно. И говорил, что это его долг, как ученого, работать для общества:

«Сейчас в действии радикальная мысль; она вылупляется в самом сердце системы и больше не является ей альтернативой. Она не может быть ничем кроме вызова, кроме того, как толкать вещи до крайностей. Я не могу говорить о надежде, но я очарован этой историей и хочу проникнуть в нее и получить представление о ней. Это то, что я называю «пактом ясности». Я считаю, что люди делятся по типу этой ясности. Якобы так много критических умов погружающихся в отчаянную попытку рационализации, и они отказываются принимать во внимание эту неясную, непроверяемую силу, которая не может объяснить себя рационально, но она работает везде. Если мышление не настраивается на это, то мысли нечего сказать, она будет просто пародией текущих дел. Я терпеть не могу, когда меня называют пессимистом или нигилистом в уничижительном смысле этого слова. Но это не важно, это закон интеллектуальной среды. И в конце концов, я бы не имел права говорить то, что я говорю, если бы я не был, в некотором смысле, во вне игры (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»)».

Он был очень хорошим провидцем, прогнозистом; считал поведение современного мира нерациональным. Бодрийяр говорил, что появится и фантастика, которая более реальна, чем нынешняя гиперреальность, и которая ее сломает: *«…научная фантастика создана по образу и подобию пространства нашей повседневности, где царит необузданная спекуляция и почти что черный рынок отличий и различий. Настоящая навязчивая экологическая идея, охватывающая диапазон от индейских резерваций до домашних животных (нулевая степень отличий!) не считается той, что относится к области бессознательного (это последний символический капитал, берегите его, надолго его не хватит, залежи его не бесконечны…) («Прозрачность зла», Жан Бодрийяр)».*

Его книга «Интеллект зла» — та работа, где он описывает, по сути, обратную сторону правды: всё, что сегодня существует, не является тем, что мы считаем. И он шаг за шагом в этой книге раскрывает эту проблематику. При чем, все начинается с самого введения к книге и нескольких цитат, которые ярко характеризуют саму проблему:

***

«Мы с готовностью принимаем реальное только потому, что чувствуем, что реальности не существует». (Хорхе Луис Борхес)

«Прошлой ночью мне приснился сон о реальности. Это было такое облегчение — проснуться». (Станислав Дж. Ли)

«Роль переводчика не состоит в том, чтобы выявлять посредством комментариев намерения и коннотации автора…» (Клод Фейджес, «Записки о судьбе» в «Хосе Сарамаго», L'annie de la mort de Ricardo Reis (Paris: Seuil, 1988), p. 9.)

«Революционная эпоха — это эпоха действия; наш век — это век рекламы и публичного освещения. Ничего не происходит, но повсюду сразу же есть публичное освещение». (Soren Kierkegaard (2 — Настоящий век. Переведено и введено Александром Ду. (London: Collins, 1962), p. 36.)

Цитаты из книги «Интеллект зла», Жан Бодрийяр.

***

Даже эти фрагменты книги показывают, какое количество противоречий Жан Бодрийяр затрагивает одновременно, особенно «сон о реальности». И в этом весь Бодрийяр. Он даже во введении книги заходит с четырех сторон к одной и той же теме, четырьмя эпиграфами, сразу с нескольких точек, которые совершенно точно отражают его мысль: Что такое реальность? Как мы живём? И что ничего не происходит, но повсюду сразу же есть публичное освещение: по сути, всё, что вокруг — всё выдумывается (СМИ, даже если бы вообще ничего не происходило, придумали бы событие, для того, чтобы оно существовало). Кто формирует вашу реальность, кто делает так, что вы так думаете? Почему вы не хотите думать?

На эту тему, к слову, писали и Братья Стругацкие. Их философия и социология очень ярко отражена в последней главе книги «Хищные вещи века»:

«Спасать. До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами?…»

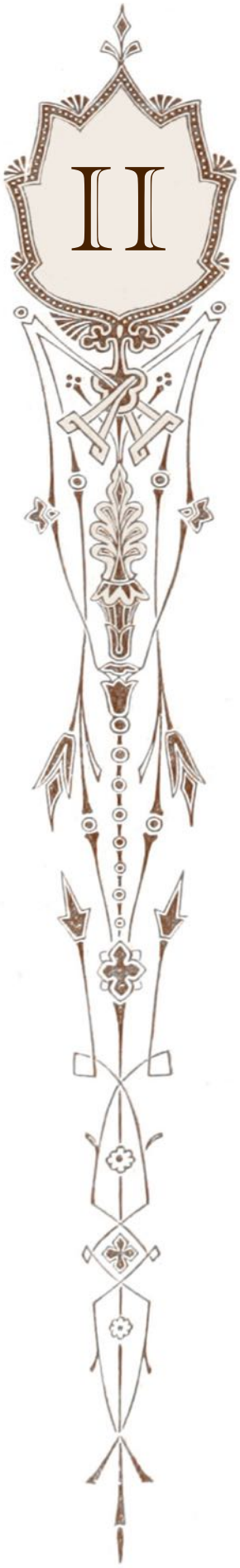
Эти слова стали эпиграфом к данной главе, поскольку в этих строчках, с моей точки зрения, весь Бодрийяр — то, что отражает сущность этого ученого и философа… *«Ведь я такой же, как вы! Только я хочу помогать вам, а вы не хотите помогать мне…»*

Идея о том, что человек ждет, пока его спасут, с моей точки зрения, самая ужасная из всех, которые только существуют, и с этого началась деградация мира: что кто-то должен приходить и спасать. Почему вас должны спасать? Почему вы сами себя не хотите спасти? И это самый главный вопрос. Потому что у нас же так не бывает: если кто-то кого-то спасает, то он это делает (конечно, не без исключений — увы, весьма редких) только в свою угоду, поскольку никто просто так никого спасать не будет… Все дело в том, что человеку можно и должно помочь спастись, но спасти себя может только сам человек!

Вся проблема содержится в парадигме общества — в отсутствии воспитания. По сути, кто-то должен начинать говорить правду людям и объяснять, что произойдёт, если будет по-другому. Жить по принципу «после меня хоть потоп» — наверное, для кого-то круто, но последствия этого крайне печальны. Есть очень хорошие, с моей точки зрения, примеры мирового опыта в этом направлении. Несмотря на то, что всё вокруг везде плохо, есть вещи, которые очень разумные. Например, Голландия полностью победила преступность: там тюрьмы закрываются, потому что сажать в тюрьмы некого. Почему бы не изучить опыт Голландии в области борьбы с преступностью? Швеция — самая богатая страна в Европе. Почему бы не изучить опыт Швеции в этом направлении? Американская система правосудия — у неё очень много хороших вещей. Почему бы эту практику не изучить?

Подводя итог главы, можно точно говорить о том, что Бодрийяр сильно изменил ситуацию, когда в состоянии безальтернативности появилась альтернатива. Он даже методологически кардинально отличается от всех выставленных философов и периода постмодерна, и предыдущих периодов. Его подход единовременно и прикладной, и академический, и исследовательский. То есть его взгляд одновременно и многоуровневый, и геометрический (фрактальный). Этот подход говорит о том, что так можно устроить собственный ум и разум. А если так к этому стремиться, то и мир вокруг будет абсолютно понятен. Если человеку мир будет абсолютно понятен, то он сможет жить в состоянии возможности выбирать (как элемент достойного общества) — у человека не будет выбора без выбора. И во всём, что с ним будет происходить, он должен будет винить только одного себя. То есть ему нужно будет говорить себе: «Это ты выбирал, и знал, чем это закончится! Но ты это выбрал и сам виноват, никто вокруг не виноват». По сути, все эти интеллектуальные рассуждения ведут к одному из элементов общества Бодрийяра — к возможности объективного выбора человека. Не субъективного, а именно объективного выбора на базе инструментов. Таким образом, Жан Бодрийяр показал человеку путь к объективному выбору своей судьбы.

ГЛАВА II
ПЕРВЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ЖАНА БОДРИЙЯРА

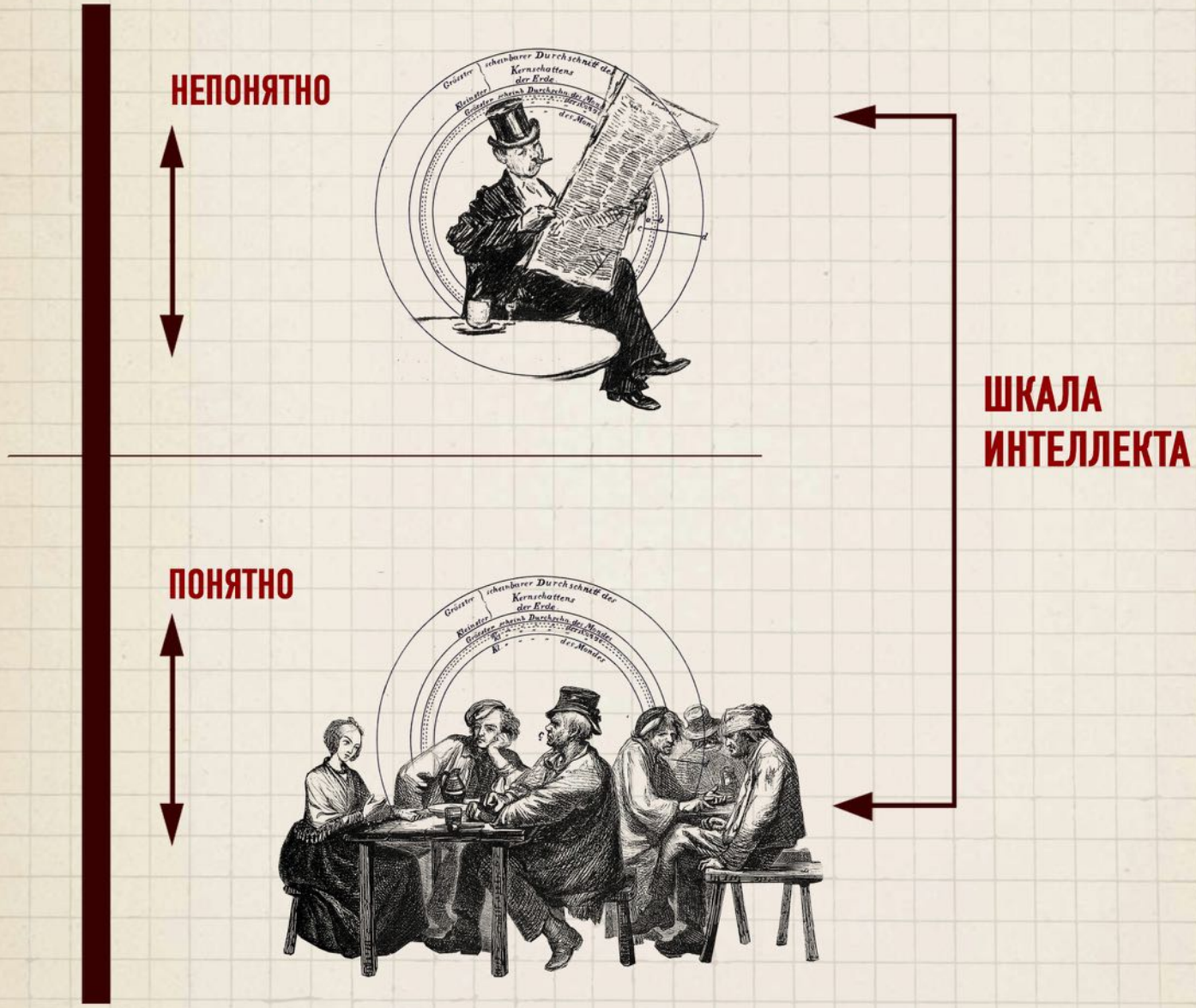
Жана Бодрийяра по праву называют выдающимся мыслителем XX века, «крестным отцом постмодернизма», так как его исследования социальных явлений и трансформации общества как такового, внесли огромный вклад в развитие социологии, заложили философский фундамент психологического понятия ущербности человека и общества, а также дали серьезные ориентиры для дальнейших исследований современных ученых. Тем не менее, труды Бодрийяра, его философские и социологические концепции являются достаточно сложными для понимания и, следовательно, для практического применения. В научных кругах бытует мнение, что Бодрийяр, подобно архитектору, строил свои концепции по точным чертежам, но, создав совершенную архитектурную форму, разобрал ее на «кирпичи», спрятал чертежи, тем самым оставив последователям задачу воссоздать все конструкции самостоятельно. По сути, нужно «восстановить чертежи». Иначе, как вы себе ответите на вопрос «выучили ли вы философию Бодрийяра или не выучили?».

В ходе исследования его трудов мной было выведено несколько конструкций, которые мы могли бы назвать инструментами, с помощью которых Бодрийяр анализировал и описывал исследуемые явления. Тема-основа нашего разговора в этой главе — первый аналитический инструмент Жана Бодрийяра, который состоит из нескольких взаимосвязанных между собой шкал. И для начала поговорим о происхождении самого инструмента, о том, как я его «выводил». Первопричина его возникновения — тексты самого Бодрийяра. Их внимательное прочтение говорит о том, что он, наряду с некой конструкцией в виде «часовой» формы анализа (подробно разобранной в предыдущей главе), ещё и подвергал явления анализу при помощи специальной инструментальной исследовательской концепции, которая на деле является крайне мощным аналитическим инструментом.

Вчитываясь в работы ученого, ясно видно, что в ходе их изучения возникает некая диапазонная шкала. Какие-то вещи становятся вполне понятны, а какие-то — нет. Когда я повышаю уровень этой диапазонной шкалы, вещь становится непонятной. Я назвал этот инструмент **шкалой интеллекта**, так как он отображает диапазон уровней интеллекта. Эта шкала позволяла Бодрийяру описывать исследуемое явление на разных уровнях сложности, понижая

или повышая уровень: явление могло быть описано на простом доступном для понимания большинства людей уровне или на более сложном уровне. Другими словами, понижение уровня шкалы интеллекта делает явление понятным большей аудитории, а повышение уровня — непонятным для большинства.

Диапазонные тексты Бодрийяра

Принцип работы с этой шкалой говорит нам о том, что всегда можно поднять уровень шкалы до того предела, где даже очень образованному человеку будет сложно понять описываемое явление, что заставит его чувствовать себя несколько ущербным. То есть по этой шкале интеллекта очень просто человека «опустить», сделав его не совсем грамотным, не совсем умным или даже совсем неграмотным и напрочь неумным. Для этого достаточно поднять планку интеллекта на такой уровень, где он бессилен. В обратную сторону этот принцип позволяет опуститься по шкале интеллекта до того уровня, где явление будет понятно даже ребенку. Использование этой шкалы позволяет управлять вниманием и интересом аудитории, так как непонятные вещи для человека становятся неинтересными, и он переключает свое внимание на что-то другое.

Согласитесь, при этом вполне логична мысль: при изменении уровня интеллекта и мы окажемся в таком же положении и состоянии. Кто-нибудь из нас ощутит свою ограниченность, своё бессилие понять и познать. Кто-нибудь, извините, плюнет на ситуацию и просто утратит к ней интерес. Но сама ситуация вполне возможна и для откровенно неглупых от природы, любознательных людей. Ведь нет в природе простых смертных людей, чьи возможности познания являются неограниченными. Академик Арцимович как-то пошутил, сказав, что любой ум, даже самый мощный, имеет свои границы, и только глупость безгранична. Доля правды в этой шутке, думается, вполне весома. Мир, в котором мы живём, представляется давно познанным, простым и ясным только детям и очень ограниченным взрослым. Остальным ясно: мир этот более чем сложен. Человечество в лице не худших своих представителей уже тысячи лет проникает в его сложности, познаёт, осмысляет и популяризирует его тайны. И всякий раз, одолевая на этом тернистом пути очередную вершину, обнаруживает — сколько ещё всего не познано и не осмыслено и вне нас, и внутри нас. А в лице очень многих людей-обывателей это понимание (впрочем, скорее — ощущение) порождает и укрепляет глубокое равнодушие к настоящему миропознанию, почти полное отсутствие интереса к такому занятию. Чего себе голову ломать? Делать, что ли, в этой жизни больше нечего? Помните, как у Стругацких в романе «Трудно быть Богом»: «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..»

Еще не так давно, на рубеже XIX–XX веков, наши предки «глупость» считали психологическим заболеванием. Так, доктор медицины, психиатр и психолог Ардалион Токарский в 1896 году сделал целый научный доклад «О глупости», который впоследствии был опубликован в виде статьи в журнале «Вопросы философии и психологии» (1896, Год VII, кн. 5, с. 679–698): *«История человечества есть в такой же, если не в большей, мере история глупости, как и история гениальности. Именно глупость с наибольшей полнотой всегда отражала, готовно воплощала в поступки и события все заблуждения, застывшие догмы, смешные и трагические условности и нормы своего времени. Она старательно перегибала палку, доводила эти нормы до логического конца, превращала представления в абсурд, тем самым помогая последующим поколениям осознать их. И потому преодолеть. И немедленно выдумать что-нибудь новенькое».*

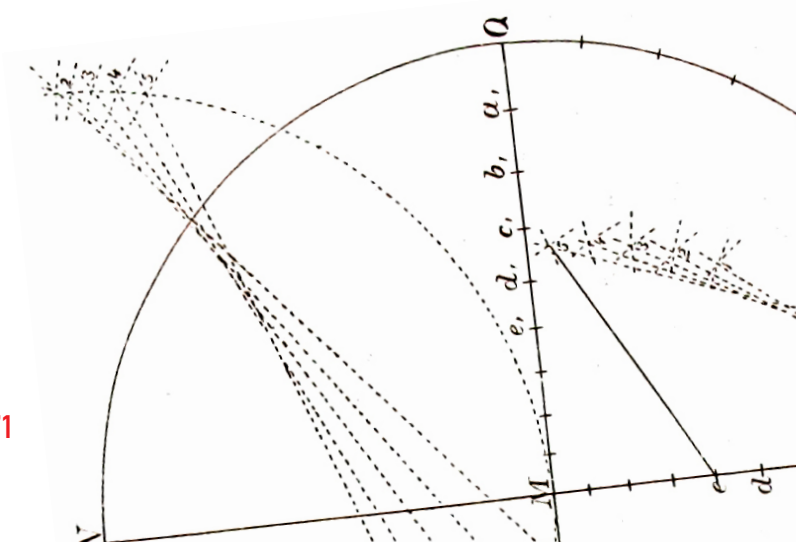
И глупость распространилась по всему миру. Существует некая странная закономерность: когда большинство «заболевает» чем-то, то это «заболевание» перестает быть заболеванием. То есть болезнь, которой больны все, не является

заболеванием. Так и глупость… она распространилась по всему миру, и перестала восприниматься как заболевание… Глупость объяснить нельзя. Человек часто и сам не знает, не может объяснить, зачем он сделал что-то… Он всегда становится ущербным перед глупостью. Таким образом, глупость — это оружие, которое убивает человека, делает его ущербным, потому что любой, даже мощнейший разум, не способен объяснить ее.

Так, шкала интеллекта очень быстро делает человека ущербным, а глупость — это основа ущербности. Опускание человека по шкале интеллекта — яркое проявление той действительности, в которой мы живем сейчас. Как это происходит на практике? Кто-то на ходу придумывает глупость, выдает её за правду, и тем самым может опустить по шкале интеллекта кого угодно. Потому шкала интеллекта — это универсальный генератор ущербности человека.

В общем, с первой шкалой, надеюсь, более-менее ясно. Вторая — это **шкала масштабирования.** Точнее, социологическая шкала масштабирования, которая имеет градации от уровня одного индивида, до небольших групп (как один из примеров — семья) и больших групп (профессиональные объединения, нация, граждане государства, народ, массы, молчаливое большинство и т.д.). Движение по этой шкале позволяет увеличивать количество индивидов и уменьшать, увеличивать географическую территорию и уменьшать ее. То есть эта шкала позволяет рассмотреть масштабирование исследуемого явления. Значительное количество учёных в мире занимаются масштабированием, существуют разные типы шкал. Однако у Жана Бодрийяра она выглядит так, как описано выше: увеличение количества единиц либо его уменьшение; расширение площади либо ее сокращение; связи, скорость распространения и прочее — все вещи, свойственные масштабированию.

Например, чем больше людей что-то делает, тем это многим кажется правдивее и важнее, и поэтому заслуживает внимания. И чем меньше людей что-то делает, тем менее это правдивей и важней. Следовательно, для того, чтобы что-то стало важным, нужно всего лишь, чтобы большинство людей стали «это» делать. Но, если «это» делают малое, незначительное число людей, то «это» сразу становится менее важным и менее правдивым. Таким образом, большинство, согласно этой теории, будет менее ущербным, чем меньшинство. Но так ли это в действительности? В виде ответа приведу три примера. Во-первых, большинство людей 25 числа каждого месяца идут к меньшинству за зарплатой. Во-вторых, гениев меньшинство, а все остальных людей — большинство. В-третьих, 10% людей на Земле живут хорошо, а 90% — как получится. И таких пропорций можно проводить достаточно много. Таким образом, фактически дела обстоят прямо до наоборот, но почему-то все считают, что все по-другому…

ШКАЛА МАСШТАБИРОВАНИЯ

ИНДИВИД

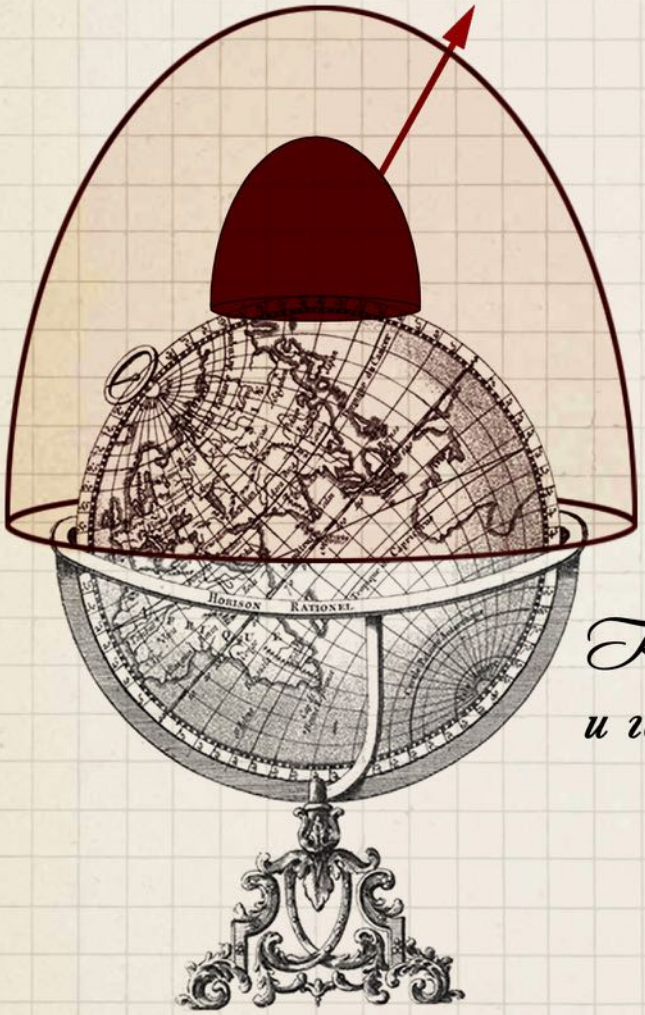
СЕМЬЯ

МАССЫ

ГРАЖДАНЕ

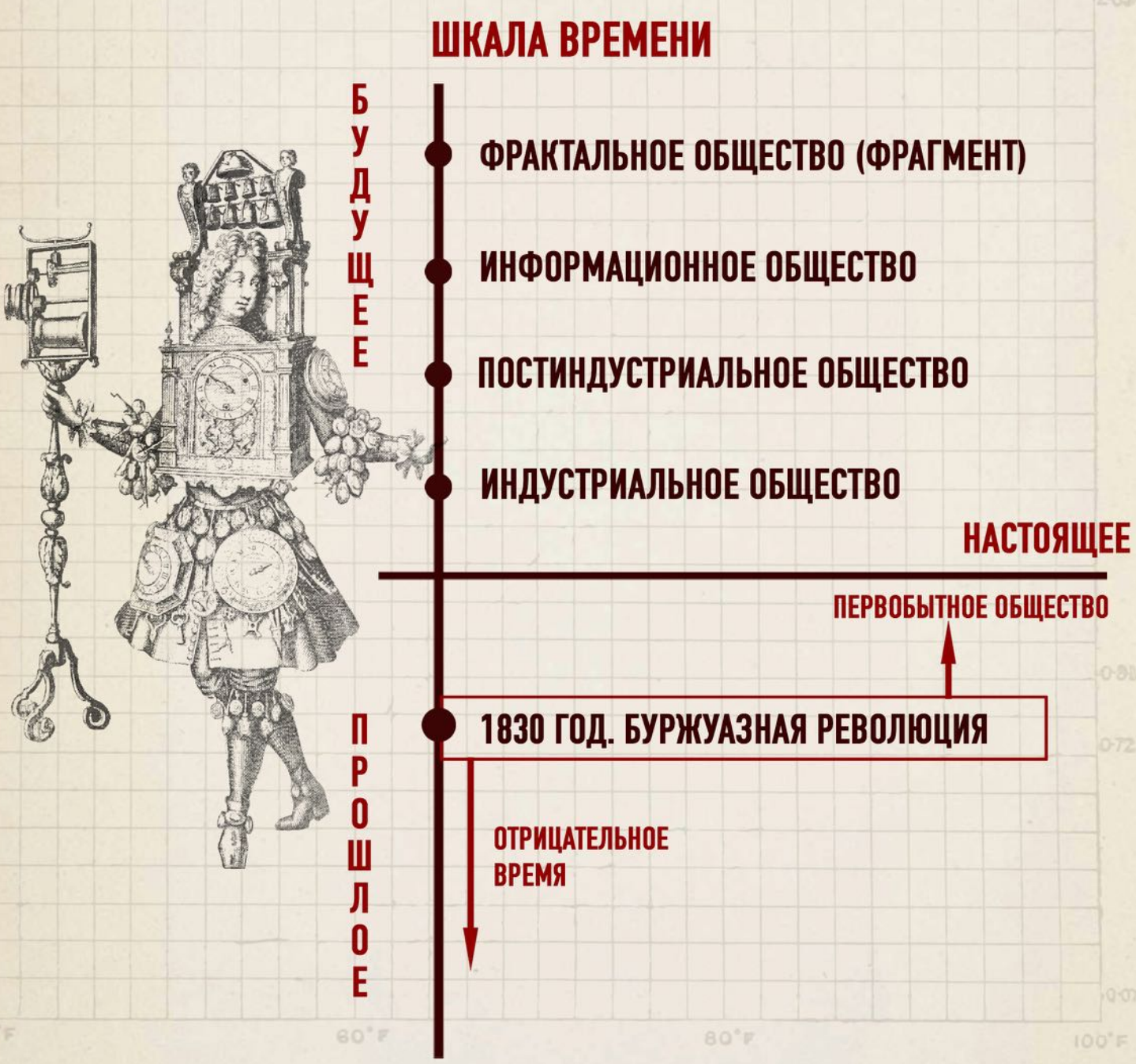
НАРОД

ЭЛЕКТОРАТ И ПРОЧЕЕ

Коллличество людей и географический обьем

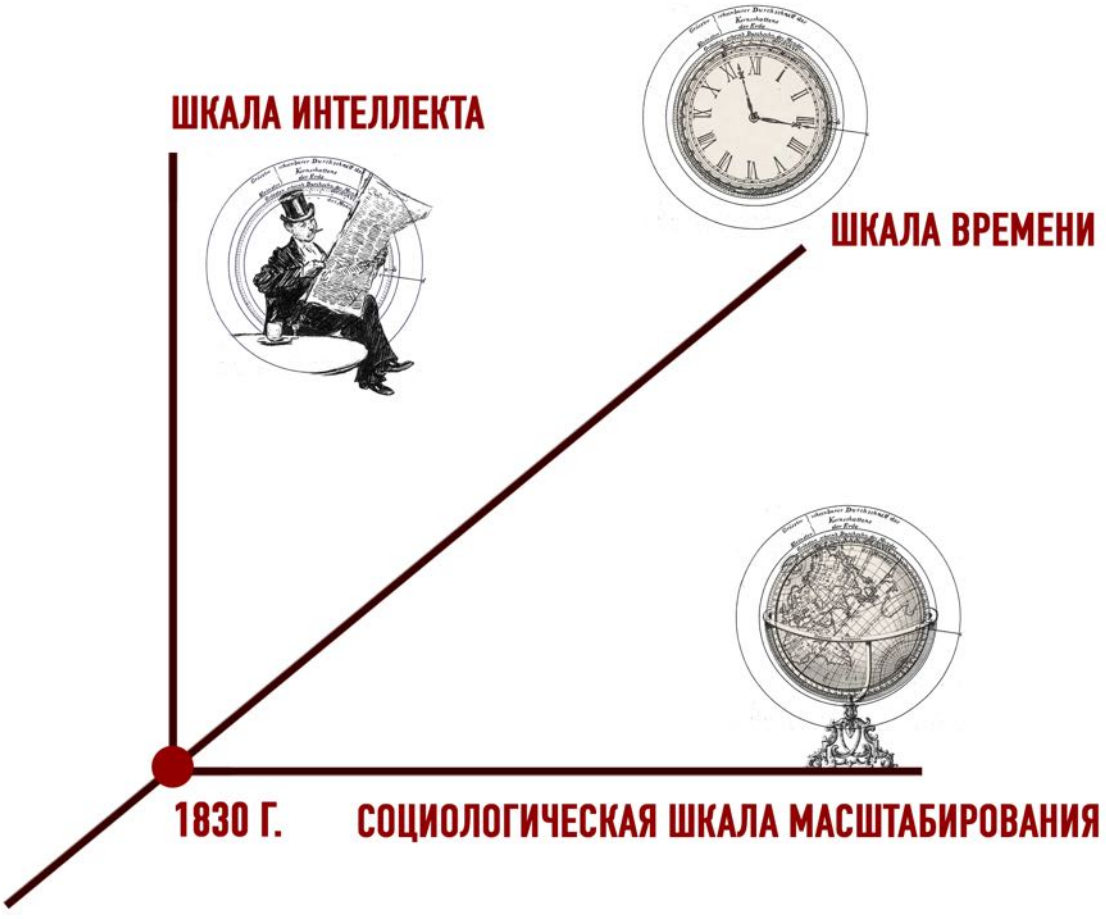
Третьей шкалой является **шкала времени**. Важно подчеркнуть, что время в данном инструменте может быть как положительным (нынешнее и будущее время), так и отрицательным (прошлое). Точкой отсчета положительного времени Бодрийяр называет 1830 год — начало системы координат. Всё, что до этого — уже отрицательное время. Общество до 1830 года Бодрийяр называет первобытным, то есть обществом, живущим по антропологическим законам, а после 1830 года следуют разные стадии развития общества: индустриальное, общество потребления, информационное, и до нынешнего фрактального общества. Фрактальное общество является порождением и следствием фрактального времени. В данном случае фрактал рассматривается, как геометрическое время, то есть фрагмент.

Данный аналитический инструмент Бодрийяра позволяет глубже понять труды выдающегося социолога, но кроме этого, он генерирует множество комбинаций его применения в области научных исследований, журналистики, написания научных статей, книг и т.д. Но в рамках этой главы будут рассмотрены лишь некоторые комбинации, дабы дать толчок к самостоятельному размышлению о больших возможностях применения этого первого аналитического инструмента Жана Бодрийяра.

Внимательно всматриваясь в шкалу интеллекта, в шкалу масштабирования и в шкалу времени, мы могли бы сделать первый и весьма любопытный вывод: чем выше я поднимаю шкалу интеллекта, тем меньше получаю масштаб. То есть, чем более сложный уровень описания явления, тем больший уровень интеллекта предполагается у читателя и тем меньше круг тех индивидов, которым доступен этот уровень; чем интеллектуальней продукт, тем меньшему количеству людей он интересен. И всё это происходит в рамках определённого фрагмента времени, у которого есть свои особенности. В свое время еще советский астрофизик Н. А. Козырев описывал такие свойства времени, как плотность времени, ход времени, интервал и др. А чем больше мы будем увеличивать масштаб, тем ниже будет уровень интеллекта при определённых свойствах времени. Таким образом, уже смотря на свойства времени, можно делать прогноз.

Представьте себе время с особой нагруженной силовой плотностью. Такое явление как «беда» можно описать с помощью данного инструмента: высокая плотность времени понижает уровень интеллекта и увеличивает масштаб — мы наблюдаем некое бедствие. Низкое интеллектуальное большинство не сможет справиться с такой плотностью времени — в результате, и это более чем вероятно, начнётся беда: всеобщая паника, массовые беспорядки, голод и другие эксцессы. То есть внешняя сопротивляемость будет выше способности масштаба это преодолеть, в определенном интервале времени. Прежде чем что-то сделать, нужно посмотреть на шкалу времени и понять интервал и плотность.

Классическим вариантом фрактального времени является ситуация, в которую попадает человек. Ситуация может быть благоприятной или неблагоприятной для человека. Также важно учитывать, что ситуация сама по себе кратковременна, а последствия ситуации могут быть долговременными. При движении вверх по шкале интеллекта, масштаб будет уменьшаться: так возникают люди, для которых эта ситуация благоприятна, и люди, для которых она является неблагоприятной. В культовом советском фильме «Акция» один из главных героев так и говорит: «Где плохо, очень плохо, там кому-то очень хорошо…».

При этом у кого-то уже наморщились лбы. Уж не своеобразное ли это отражение закона, о котором догадывались ещё в древности? Да-да, закон сохранения материи. Ежели где чего убавится, то где-то непременно прибавится. Он, конечно, многим из нас ещё в школе надоел. Но что же делать, «dura lex, sed lex» — «Закон суров, но это закон». Тем более, законы сохранения — в основе фундаментальные физические законы — имеют большое эвристическое значение. Они тесно связаны с симметриями физических систем (теорема Нётер). Философские предпосылки к открытию этого закона были заложены ещё античными философами. Например, основателем Элейской школы Парменидом, жившим-творившим с 515-го года и далее — разумеется, до нашей эры. Он значительным образом повлиял и на чуть менее древних коллег — Платона, Зенона Элейского, Мелисса, а также и на позднейших, ближайших к нам мыслителей. Возьмите известное письмо Ломоносова Эйлеру: *«Но все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю у бодрствования, и т.д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому».*

Впрочем, продолжим. Итак, «…где кому-то хорошо, кому-то очень плохо». И плохо — кому? Кому именно? Именно «кому-то», потому что может быть плохо как для меньшинства, так и для большинства — при разных комбинациях взаимодействия упомянутых ранее трех величин между собой. Как говорится, богатые тоже плачут. Таким образом, у этого инструмента существует исчерпывающее количество комбинаций.

Дальше — масштаб и интеллект, то есть скорость распространения информации и уровень интеллекта. Как только вы начнёте двигать уровень интеллекта, масштабирование пойдёт по-разному. Если уровень интеллекта поднимать, при достаточной плотности и величине масштаба в обществе возникает необходимость в управляющих и подчиненных. Потому что те, чей интеллектуальный уровень не позволяет справиться с заданной плотностью времени в данном фрагменте (ситуации), вынуждены примкнуть в подчинение к тем, чей уровень интеллекта позволяет с этим справиться. Примером здесь можно привести феодальное общество, где хозяин должен был заботиться о своих людях. То есть без тех, кому хорошо, им — массе — не живётся даже в элементарном физическом смысле; не способны сотворить ничего и теоретически: их надо организовывать и координировать, им нужно объяснять, их следует призывать и вести, надо учить. Эта шкала четко говорит о том, что люди не могут жить без тех себе подобных, кому «хорошо», а те, кому «хорошо», без этой массы обходится могут вполне легко.

С точки зрения Жана Бодрийяра, виновниками такого «торжества» являются эти самые простые смертные люди. И именно потому, что просто не могут жить без «хозяев», их жизни, их судьбы и всех их надежд, чаяний, веяний и удовольствий. Ведь «хозяева», между прочим, оценивают их локомоции определённой суммой, а они (подчиненные) просто не способны ни на что самостоятельно.

Сколько нужно времени и сил, чтобы вырастить помощника командира корабля? Взять на борт юнгу, и вести через все этапы службы — от полундры на спардеке до замены командира корабля на мостике. И никакой, заметим, изначальной гарантии позитивного результата. И потраченного времени никто не вернёт… Время, можно сказать,— убийца. В этом суть временной шкалы на аналитическом инструменте Бодрийяра. Или другой пример — университет. Многие поступают в него с надеждой получить знания и навыки, необходимые для дальнейшей жизни и деятельности. Теоретически это — и хлеб свой, и возможность самореализации на более высоком уровне, и своя стихия. Но по факту, для многих сегодня — это лишь пять почти бесследно потерянных и никому не нужных лет. Время — это валюта валют, утраченная навсегда.

А совсем рядом — иной вариант. Стандартное высшее образование в университете занимает пять лет, уровень интеллекта выпускников, очевидно, недостаточно высок, чтобы успешно реализовать себя в профессии, а масштаб, то есть количество выпускников университетов, составляет тысячи ежегодно. Мы получаем массу наемных рабочих — людей, которые не способны самостоятельно обеспечить свою жизнь в данном периоде времени и быстро изменяющихся условиях внешней среды. Поэтому они нанимаются на работу к тем, чей уровень интеллекта выше, а длительность обучения у этих людей зачастую меньше, чем у наемных работников. Известно немало успешных бизнесменов, которые не имеют законченного высшего образования. То есть они приобрели знания и навыки быстрее и эффективнее. Мы наблюдаем парадокс: чтобы стать владельцем компании необходимо, условно, 200 долларов за пакет регистрационных документов, а чтобы занять позицию генерального директора нужно высшее образование и несколько лет опыта работы. Это переворот времени в обществе, мир парадоксов, как писал Жан Бодрийяр:

«…Сама экзистенциальная ситуация современного человека тоже искажена, вовлечена в парадоксальную симулятивную темпоральность; так, практика искусственного продления жизни и предупреждения смерти всевозможными мерами безопасности фактически ведет к тому, что сама жизнь становится призрачной (о чем смутно догадываются рабочие и автомобильные «лихачи», упрямо саботирующие применение техники безопасности)… («Символический обмен и смерть», Жан Бодрийяр)».

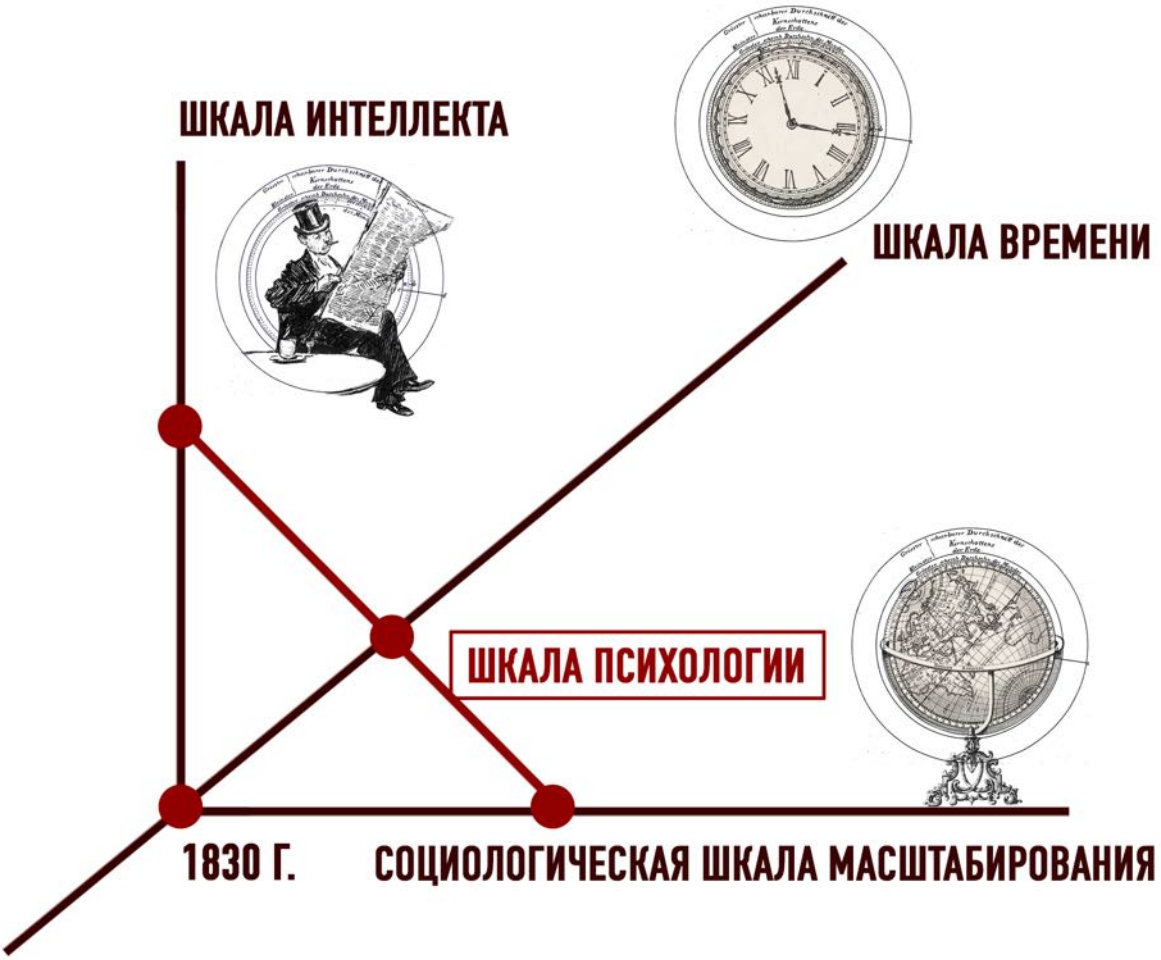
Учитывая свойства времени — его плотность, ход, направление и интервал (физику Козырева), сразу ясно вижу: если плотность времени нулевая, то всем будет все равно (каждый сам себе режиссёр, имеет право и т.д.). Но если плотность времени увеличить, людям становится тяжеловато. Да что там, просто — тяжело. И они начинают искать тех, кто будет их спасать, кто им будет помогать, потому что сами они этого уже не могут. Из этой шкалы чётко видно: сначала появились «руководители» и «подчинённые» (как две очень абстрактные категории в данном случае), главные и неглавные. А затем это превратилось в отношения вроде как свободных людей. Раньше какой-нибудь Троекуров-помещик отвечал за крепостного

и был вынужден его поить, кормить, можно даже сказать — воспитывать и беречь (собственность, всё-таки, приносящая ощутимую пользу). Пушкин писал: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши… Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении… («Роман в письмах», А. С. Пушкин)».

Когда крепостных сделали свободными, они пропали, потому что у них своего ничего нет: ни средств производства, ни других вещей. И такая масса людей составляет 75% от общей массы, что и выводил Бодрийяр как «молчаливое большинство». Оно поэтому и молчаливое, так как ни на что не способно. И этому созданы все условия. Многие люди ограничены теми навыками, которые у них есть.

Используя этот инструмент в журналистике, мы можем рассчитывать масштабы и скорость распространения информации, повышая или понижая уровень на шкале интеллекта.

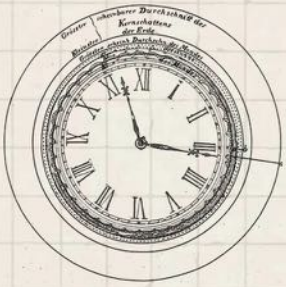
Таким образом, из выше изложенного становится очевидно, что этот первый аналитический инструмент не только имеет множество комбинаций, является инструментом построения любых информационных продуктов (статей, книг, монографий, докладов и прочих) и универсальным инструментом выбора и построения тактики, но также и универсальным инструментом возникновения психологии. В результате дальнейших исследований и применения данного инструмента на практике была выведена **шкала психологии**, которая соединяет в трех точках всю систему. Важно отметить, что эта шкала может двигаться, как в положительном времени, так и в отрицательном. Таким образом, я получил конструкцию, позволяющую в ходе расчета учитывать психологическую составляющую.

Мы можем дать характеристику психологии с точки зрения Бодрийяра. **Базовая формула психологии соединяет в себе интеллект, свойства времени и состояние масштабирования** (компоненты, которые описывают психологию в полном объёме). При этом важно обратить внимание на то, что эта формула — базовая.

ПСИХОЛОГИЯ = **ИНТЕЛЛЕКТ** / **СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ** * **МАСШТАБ**

КОМБИНАТОРИКА
9 КОМБИНАЦИЙ

КУПОЛ

$9^2 \longrightarrow 9^3$

ГЛОБУС

Так как мы располагаем тремя компонентами, то их комбинация между собой дает девять возможных формул. Например, отношение интеллекта к свойствам времени, помноженное на масштаб; или отношение состояния масштаба к времени, помноженное на интеллект, и т.д.

По сути, Жан Бодрийяр вывел формулу, которая математически точно и полностью описывает все психологические явления и их причинность в социальном мире. К слову, именно этим способом написана моя последняя монография «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины» по результатам научной экспедиции в Португалию в марте 2020 года. В этой монографии, используя данный аналитический инструмент Бодрийяра, я подробно описал исследование психологии европейцев в условиях пандемии коронавируса, используя все девять формул.

Таким образом, Жан Бодрийяр вывел модель, из которой прямо явствует, как выглядит психологическая система человека в социальной среде. А комбинации этих формул описывают те или иные явления, следствием которых является срабатывание психики человека, как элемента человеческой конструкции. Причем, я пришел к заключению, что данный инструмент не придуман самим Бодрийяром, он существовал и был выведен исторически.

Теперь обратим внимание, что появились два понятия: **свойства интеллекта** и **свойства психики**. Оба понятия прямо связаны со **свойствами времени**. Жан Бодрийяр считал, что нельзя характеризовать интеллект без свойств времени, также нельзя характеризовать психику без свойств времени. Например, такое понятие, как психологическая устойчивость без учета свойств времени не может быть рассмотрена. Для того, чтобы проверить, насколько устойчива психика у человека, необходимо ввести параметры свойства времени, то есть поместить человека в определенную ситуацию и посмотреть, насколько он психологически устойчив. Свойства психики человека могут быть изучены только с учетом свойств времени. И на это обращал внимание Жан Бодрийяр. То есть попади человек в одну плотность времени, с одним ходом и с определённым интервалом по времени — это одно. А попади в другую плотность и так далее — это будет уже другое. Каждый раз мы будем видеть разного человека.

По сути, в разных ситуациях можно увидеть, как работает этот закон. Как отмечал Бодрийяр, никакая психика не может существовать при прочих равных условиях, то есть в изоляции от всего. И он показывает то, что не видит и не замечает большая часть людей; то, с чем они никак не могут разобраться самостоятельно.

В рамках исследования философии Бодрийяра, как уже отмечалось, я связался с его учеником — французским профессором, доктором социологии, писателем и журналистом Люсьеном Улабибом (Dr. Lucien Oulahbib). Профессор Улабиб ознакомился с выше описанной конструкцией и подтвердил верность выводов и принципов работы данного инструмента в рамках нашего интервью (видео интервью Ph. D. Олега Мальцева с Dr. Люсьеном Улабибом «*Социология, инструменты исследования социологии Бодрийяра. Методология исследования*», журнал «Экспедиция»). Также профессор сообщил, что Бодрийяр не представил данный инструмент ни научному, ни широкому сообществу, так как опасался, что столь сильный инструмент в руках определенных людей может натворить множество бед.

Данный инструмент позволяет объективно посмотреть на ситуацию или исследуемое явление, а также спрогнозировать будущие явления. По сути, мы имеем дело с универсальным измерителем — с универсальным разработчиком тактики, продуктов, с универсальным механизмом выработки идей, стратегий, прогнозирования, оценки личности и т.д. Благодаря этому инструменту открывается возможность комплексно и глубоко проникнуть в труды Бодрийяра, понять сложные аспекты его концепций, а также проанализировать методы его научных изысканий. Данный инструмент имеет широкое поле практического применения и может стать незаменимым помощником для ученого, журналиста, психолога, писателя, бизнесмена, менеджера, аналитика, стратегического консультанта и просто человека…

Теперь становится понятно, в чем секрет сбывающихся прогнозов Бодрийяра, ведь они являются результатом комплексных расчетов и применения рабочих формул, а не субъективных философских рассуждений. И если интеллект человека повышать без свойств времени, то будут определенные последствия. Если человек просто читает книги и много знает, то не факт, что качество информации в них соответствует тем категориям, которые ему необходимы для объективной оценки истории, то есть как было на самом деле. При этом очень многие не идут дальше, они не ищут правды, а остаются на том уровне интеллекта и знания, которого, в принципе, им достаточно, как им кажется, чтобы нормально жить. Безусловно, лучше правду сразу закладывать в фундамент интеллекта. Мудрые говорили «лучше разобраться с вопросом один раз и навсегда». Но для этого нужно, в том числе, поставить под сомнение и всё написанное ранее.

Подводя итог главы, еще раз замечу: мы имеем дело с универсальным инструментом, который даёт понимание, представление и прогноз жизни человечества в разных масштабах. В своих работах Жан Бодрийяр показал, как с помощью данного инструмента можно исследовать различные явления в обществе, двигаться в прошлое или делать прогноз о будущих явлениях с высокой степенью вероятности. Он использовал этот инструмент для проведения собственных исследований, и нам его завещал, для того, чтобы мы могли продолжить изыскания в этой плоскости и после его смерти. В этом вся суть: тот, кто сможет понять этот аналитический инструмент, сможет его использовать для того, чтобы проводить дальнейшие исследования в этом вопросе (текущие, последующие и т.д.). Вся моя заслуга заключается лишь в том, что я вывел этот инструмент на доске, исходя из трудов Жана Бодрийяра, его философии и социологии, и дал возможность этот инструмент уже не осмыслять, а сразу использовать в работе.

Jean Baudrillard
PHOTOGRAPHIES 1985 - 1998
BAUDRILLARD
JEAN
BESSA-R2S

ГЛАВА 12
ФОТОГРАФИЯ БОДРИЙЯРА

Фотография Жана Бодрийяра. Наверное, это самая загадочная, неизвестная и противоречивая тема, связанная с жизнедеятельностью великого учёного. По той простой причине, что о ней никто ничего не знает. Мое знакомство с трудами Бодрийяра начиналось с изучения его философии. Затем я изучал фотографию Бодрийяра, как некое зеркало его философии. После этого я привел весь полученный материал в определенную исследовательскую систему, потому что для Жана Бодрийяра фотоаппарат — это инструмент исследования мира и философии.

Впоследствии, в Португальской экспедиции в марте 2020 года, я провел целый курс исследования философии Бодрийяра посредством фотографии. И первое, что было важно рассмотреть — это первоисточники происхождения информации. В рамках данного курса мы изучали и анализировали все интервью маэстро, в которых он говорил о своем подходе к фотографии, о ее связи с философией и социологией, ссылаясь на своих предшественников, коллег и товарищей — различных ученых и деятелей искусства. Мы пытались понять, как Жан Бодрийяр относился к фотографии, как он стал фотографом, и почему его фотография — такая, какая есть. Были изучены два сборника: *«Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению»* и *«Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»*. Учёный дал достаточно большое количество интервью о фотографии:

1. Диалог между Жаном Бодрийяром и Энрико Баем *«Прозрачность китч»* (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»).

Энрико Бай — итальянский художник, наиболее известный своими политическими коллажами, гравюрами, картинами и скульптурами, и писатель в сфере искусства. На его работы повлияли различные социальные и научные темы, включая ядерную войну, псевдофилософскую «патафизику» и человеческую сексуальность, которые он исследовал с помощью абстрактных детских образов. Как писателя его называют ведущим пропагандистом авангарда.

2. Интервью с Николасом Зурбруггом *«Странный мир»* (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»).

Николас Зурбругг — академик, критик и поэт, внес неоценимый вклад в современное искусство и теорию культуры, в частности, в изучение и продвижение постмодернистского мультимедийного авангарда.

3. Интервью с Сержем Брэмли *«История с обложки»* (Сборник «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению»).

Серж Брэмли — писатель, этнолог, сценарист, искусствовед, историк фотографии. «Наставник» Жана Бодрийяра по фотографии и организатор его первой фотовыставки.

4. Интервью с Тимом Отто Ротом *«Искусство исчезновения»* (Сборник «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению»).

Тим Отто Рот — исследователь, фотограф, немецкий художник (послевоенная, современная тематика). Автор книги «История Культуры Теней Картин»; автор десятка статей о свете, фотографии, пространстве, звуке.

5. Интервью с Паулом Хегарти *«Невозможный и незаменимый»* (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»).

Паул Хегарти — писатель, музыкант и преподаватель эстетики в Университетском колледже в Корке. Он написал книги по истории Noise Music, изданные в 2007 году. Выступает в шумовой группе Safe и участвует в управлении экспериментальным музыкальным лейблом «DOTDOTDOTMUSIC».

6. Интервью с изданием Le Monde *«Зеркало фотожурналистики»* (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»).

Издание «Le Monde» — французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов с тиражом 364240 экземпляров (на 2014 год). Была основана Юбером Бёвом-Мери по распоряжению Шарля де Голля в 1944 году, а с 19 декабря 1995 года газета доступна онлайн.

7. Интервью с Катерин Франкблин *«Комедия дель арте или комедия масок»* (Сборник «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры»).

Катерин Франкблин — искусствовед, историк искусства и независимый куратор. Была главным редактором Art Press. Является автором справочника по «Новым реалистам», опубликовала несколько монографий, посвященных современным художникам.

8. Дискуссия *«Между различием и сингулярностью (своеобразием)»* с Вольфгангом Ширмахером и Фридрихом Ульферсом (Сборник «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению»).

Вольфганг Ширмахер — немецкий философ, редактор и педагог в области философии, искусства и критического мышления. Он был деканом-основателем отдела средств массовой информации и коммуникаций в Европейской аспирантуре, где является профессором и заведующим кафедрой философии имени Артура Шопенгауэра.

Фридрих Ульферс — литературный критик и философ, профессор немецкого языка в Нью-Йоркском университете, выдающийся научный сотрудник, удостоенный нескольких наград. Также является деканом отдела средств массовой информации и коммуникаций в Европейской аспирантуре в Саас-Фе.

***

По сути, в рамках почти двухнедельного курса по фотографии Жана Бодрийяра было проведено расследование о том, почему его фотография — именно такая. Кто-то может посчитать, что связь философии Бодрийяра и его фотографии несколько преувеличена. Он и сам вначале так считал, потому что камера в руках впервые появилась у него случайно, во время поездки в Японию:

«…во время одной из моих поездок в Японию, мне дали фотоаппарат, и я начал ее понемногу испытывать, делал фотографии с самолета на обратном пути. Но в течение довольно многих нескольких лет у меня была очень простая маленькая камера с низким автофокусом, и на самом деле именно на эту камеру я делал большую часть фотографий моей недавней выставки в Париже… («Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры», Интервью с Николасом Зурбруггом)».

Однако Бодрийяр довольно быстро «вошел во вкус» и превратил для себя фотоаппарат в дополнительный исследовательский инструмент. Например, его теория о симулякрах и симуляциях появилась именно благодаря фотографированию во время его пребывания в США. Фотографируя пустыню, Бодрийяр вдруг узрел некие оптические явления в атмосфере, широко известные нам как миражи. Именно так у него возникла идея симуляции или симулякры, в силу прототипологической логики, присущей ему, как истинному ученому:

«…Сам анализ является, возможно, решающим фактором гигантского процесса обледенения смысла. Тот прирост смысла, который вносят теории, их конкуренция на уровне смысла абсолютно вторичны, сравнительно с их коалицией в обледеняющей, четырехуровневой операции по диссекции и транспарентности. Нужно четко осознавать, что, каким бы образом ни шел анализ, он движется в одном направлении — к обледенению смысла, он способствует прецессии симулякров и индифферентных форм. Пустыня разрастается… («Симулякры и симуляции», Жан Бодрийяр)».

Познание мира человеком прототипологично. Поэтому и логика у человека должна быть именно прототипологической, что избавило бы его от великого множества ошибок. И если ещё древние говорили «Человеку свойственно ошибаться», то, вероятно, это связано именно с тем, что на деле чаще всего он пользуется логикой математической. И постоянно допускает ошибки. Любая попытка считать-рассчитывать математически — это гарантия ошибки, как говорил Герд Гигеренцер. Наш разум плохо работает с цифрами.

Например, советский конструктор, который не мог придумать, как в контейнер упаковать ракету, чтобы она там поместилась, но при запуске смогла бы лететь (в Советском Союзе подобного рода разработки были крайне секретными). Он долго не мог найти решение, но однажды съездил на охоту. Там он увидел, как птица вылетает из гнезда: она складывает крылья и выпрыгивает, а затем расправляет крылья и летит. И ученого осенило. Прототип птицы, вылетающей из гнезда, послужил конструктивным прототипом: конструктор сложил крылья крылатой морской ракеты и таким образом расположил ее в специальный контейнер. Крылья раскрывались тогда, когда ракета вылетала из специальной «трубы» — ангара.

Что-то подобное произошло с Жаном Бодрийяром в пустыне США. Там он оказался не случайно, представив именно пустыню в качестве метафорического прототипа Нью-Йорка. В итоге мираж стал неким прототипом симулякры. Это то,

что выше человеческих иллюзий и заблуждений. Это доказанная искаженная конструкция, как он впоследствии написал в своих трудах:

«…один порядок симулякров удерживается лишь благодаря алиби предыдущего порядка. В нашем случае конструкция с вывернутыми наружу трубопроводами и арматурой выдает себя за вместилище традиционной культуры, простирающейся вглубь. Порядок предыдущих симулякров (порядок смысла) производит пустую субстанцию следующего порядка, который уже даже не подозревает о различении между означающим и означаемым, между формой и содержанием… («Симулякры и симуляции», Жан Бодрийяр)».

В качестве такой симуляции можно привести элементарный математический пример: «2х2=4». Этой формулой владеет всякий школьник в пределах четырёх классов. Однако мало кто обращает внимание на то, что данный ответ верен только при применении десятеричной системы. Если детям говорят, что дважды два всегда четыре, это и есть симуляция, потому что не всегда так. Любой математик знает, что уже в 20-ричной или 30-ричной системах координат показатели будут 6, 8 и так далее. Но об этом, как правило, не говорят. Так и возникает симуляция.

Итак, фотоаппарат для философа стал инструментом исследования. То есть благодаря фотографии Бодрийяра, сделанной в пустыне, появилось научное философское понятие симулякры. По аналогии в свое время Братья Стругацкие придумали такие слова, как «сталкер» или «кибер», которые также стали затем широко употребляемыми в науке.

Бодрийяр во время интервью относительно собственной фотографии нередко отрицал свой профессионализм, говоря, что это всего лишь зеркало его философии:

«…возможно существует некая параллель, дело в том, что я не фотографировал людей или живых существ, я фотографировал только объекты и ландшафты. Это было связано с путешествиями, моими заметками и так далее. Это был другой мир, для меня это был второй мир, и, возможно, в моих письменных работах, тоже нет людей… Есть только понятия и абстракции — …но истории; в моих письменных работах есть истории, а, возможно, и в моих фотографиях тоже, но в фотографиях истории являются таинственными. И это совсем не фольклорные истории. За каждой фотографией есть тайная история, но она должна быть загадкой — ее нужно угадать… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. Исчезновение культуры». Интервью с Николасом Зурбруггом)».

Однако мы знаем, какой успех имели его фотографические выставки по всему миру и скольких людей интересовал его взгляд на фотографию. Но это, как говорится, уже история.

Систематизация материалов из интервью Жана Бодрийяра дали нам 8 условных блоков, формирующих его общий подход к фотографии.

БЛОК №1	**“ИСЧЕЗНУВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ” (АРХИВИРУЕТСЯ В СИМВОЛ)**
БЛОК №2	**СИМВОЛЬНАЯ СИСТЕМА**
БЛОК №3	**ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ**
БЛОК №4	**ИНТЕРВАЛ ВРЕМЕНИ + МОМЕНТ + ОТДАЧА**
БЛОК №5	**ПРОИЗВОДНЫЕ + СХЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ФИЛОСОФИИ БОДРИЙЯРА**
БЛОК №6	**ТАЙНА + ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ + МАШИНА ВРЕМЕНИ**
БЛОК №7	**АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ + СВЕТ / ТЕНЬ + СУБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
БЛОК №8	**ВЗГЛЯД В НЕВИДИМОЕ + СТАТИКА / ДИНАМИКА + ГЕОМЕТРИЯ СНИМКА + ВРЕМЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ**

Блок 1. Исчезнувшая реальность. Крайне важно не путать «исчезнувшую реальность» с «исчезающей реальностью» — у Бодрийяра это два разных философских понятия. Исчезнувшая реальность — это та, которая запаковывается и архивируется в символ. Есть заархивированные и не заархивированные (пустые) символы. Не исчезают только первоначала.

Блок 2. Символьная система. Это сложная вещь, с которой мы будем работать в отдельной главе — «Символьная система Жана Бодрийяра». Книга, которая ее описывает, называется «Пароли». Сама книга состоит из двух частей — «Пароли» и «Фрагменты». Но часть «Фрагменты» также будет рассмотрена в самом конце нашей книги, как одна из ее завершающих глав.

Блок 3. Философский концепт, размещённый в фотографию.

Далее следуют формальные блоки:

Блок 4. Интервал времени + момент + отдача.

Блок 5. Производные + схемы построения философии Бодрийяра.

Блок 6. Тайна + противоположность + машина времени.

Блок 7. Архитектурный образ + свет/тень + субъективная интерпретация.

Блок 8. Взгляд в невидимое + статика/динамика + геометрия снимка + временная составляющая.

Так выглядела эта система в момент окончания курса по фотографии Бодрийяра. Однако проникновение в глубину понимания каждого блока требовало определенных усилий и времени. И я искал подходы к объяснению, чтобы каждый человек, изучающий курс, мог наиболее точно воспринять всю информацию.

Затем, уже во время моих интервью с учеными международного уровня о фотографии, я познакомился с человеком, который занимался фотографией вместе с Бодрийяром. Это, по сути, учитель Жана Бодрийяра в данной отрасли: учил отбирать фотографии, систематизировать их в альбомах и многое другое. Речь идет о французском писателе, фотографе, искусствоведе и организаторе первой фотовыставки Бодрийяра — Серже Брэмли (Serge Bramly). Наиболее важным аспектом нашего интервью стала формула фотографии Бодрийяра, которую мне описал господин Брэмли.

Важно сказать, что Бодрийяр изначально не считал себя профессиональным фотографом, он неоднократно отмечал это в своих интервью. Но потом ему показалось, что фотография заслуживает особого внимания. И Серж Брэмли описал то, что Бодрийяр крайне короткий период времени чувствовал себя учеником в фотографии *(видео-интервью «Правда о фотографии Бодрийяра. Акт второй. Интервью с Serge Bramly», журнал «Экспедиция», 11 апреля 2020)*. У него была потрясающая способность к самообучению: если ему один раз что-то показали, он очень быстро это усваивал. И далее уже всё делал сам. Поэтому и профессиональным фотографом Бодрийяр стал достаточно быстро.

Напомню, в одной из поездок в Японию ему подарили камеру, хотя он вообще не собирался быть фотографом. Случай? Закономерность? Думается, и то, и другое. Фотография стала частью его научной работы, когда Бодрийяр уже изобретал симулякр. Произошло это уже по прошествии 10 лет его профессиональной философской социологической работы и научной деятельности: книга «Симулякры и симуляции» написана в 1981 году. Следом вышли труды «Фатальные стратегии» (1983) и «Божественные Левые» (1985). Уже после них была написана книга «Америка» (1986).

Тогда это уже была четвертая поездка Бодрийяра в США; её своеобразным резюме и стала сама книга «Америка», в которой Нью-Йорк сравнивается с пустыней:

«…Я люблю пустыню, ее пустоту, ее полное безразличие. Это не природа и не культура. Это непристойно в том смысле, что у нее нет сцены. В ней нет игры, нет соблазнения. Америка радикально непристойна; там все на виду. Эта радикализация непристойного действия — крайнее усиление. Там нет ничего скрытого. Все видно, освещено. Мое описание Америки восторженно. Пустыня — это метафора. Мой отклик на это является грубым… (Сборник интервью «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению»)».

«…Нет ничего более напряженного, более наэлектризованного, более витального и более подвижного, чем улицы Нью-Йорка. Толпа, уличное движение, реклама оккупируют улицу то агрессивно, то развязно. Улица заполнена миллионами слоняющихся, равнодушных, агрессивных людей, которым словно больше нечем заняться — возможно, они действительно нужны только для того, чтобы творить сценарий повседневной жизни города… («Америка», Жан Бодрийяр)».

В первую же поездку в США Бодрийяр впервые столкнулся с таким явлением, как симуляция, результатом которой стала книга «Симулякры и симуляции» в 1981 году.

Бодрийяр понимал, что его философию и социологию статистическому обычному человеку понять достаточно непросто при отсутствии образа. Для того, чтобы проиллюстрировать свою философию, он начал делать фотографии. Художники, многие деятели искусства всю жизнь тянулись к Жану Бодрийяру и черпали из его трудов свое вдохновение — философ был чрезвычайно популярен именно среди них.

Возвращаясь к самой фотографии Бодрийяра, Серж Брэмли в интервью дал некую формулу фотографирования Бодрийяра: он рассказал о том, что у него было три уровня фотографии. При этом был и четвертый, и даже пятый уровень. Но четвертый уровень условно можно охарактеризовать как «Х» и о нем я расскажу немного позже, а о пятом уровне Бодрийяр… просто боялся говорить.

Все начиналось с первого уровня, который назывался **«Метафора»**: это — когда что-то превращалось в метафору. Второй уровень — **«Искусство исчезновения»**. Третий — **«Машина времени»**.

Был некий **«Х» психологический уровень фотографии** — четвертый уровень фотографии, но Жан Бодрийяр его так и не разработал. А тот уровень, о котором он боялся говорить, пятый — это **символьный уровень фотографии** (символ). Таким образом, у нас образуется определенная схема фотографии Жана Бодрийяра.

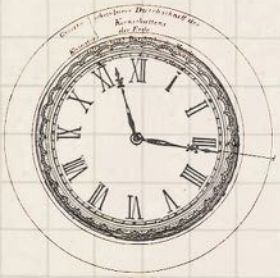
ФОРМУЛА ФОТОГРАФИИ Ж. БОДРИЙЯРА

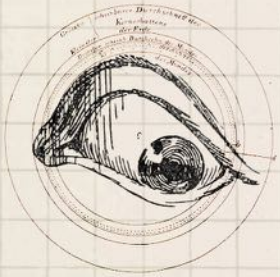
СИМВОЛ.
БОДРИЙЯР БОЯЛСЯ О НЕМ ГОВОРИТЬ

– ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

ИСКУССТВО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

МЕТАФОРА

Перед нами научная схема фотографии Бодрийяра. Но, как оказалось, у него существовала еще и методика, которую мы также рассмотрим в этой главе.

На следующем этапе работы над фотографией Бодрийяра я предлагаю расставить в данную научную схему фотографии систему информации из 8 блоков, о которой мы говорили ранее.

Если рассмотреть **первый уровень фотографии Бодрийяра — метафоры,** то он включает в себя следующее:

- философский концепт как метафора;
- интервал времени как метафора;
- масштаб в виде метафоры;
- тайна в виде метафоры;
- архитектурный образ как метафора;
- пропорции статики и динамики, создающие определенную метафору;
- геометрии снимка, создающую определённую метафору.

Обратите внимание, здесь описано исчерпывающее количество информации, которую дал Жан Бодрийяр, связанную с метафорой.

Далее идет **второй уровень фотографии — искусство исчезновения,** к которому относятся:

- исчезающая реальность;

Ее нельзя путать с исчезнувшей уже реальностью. Исчезающая реальность только исчезает. Говоря ещё проще — это момент, который больше не повторится; ускользающий момент.

- момент, который больше никогда не возникает. Это определённый угол зрения. При том, этот момент можете видеть только вы, а другие его могут не замечать.
- время и его движение по шкале;
- противоположность;
- пропорция света/тени;
- взгляд в невидимое.

Третий уровень фотографии Бодрийяра — машина времени:

- отдача;
- сама машина времени;
- субъективная интерпретация;
- временная составляющая кадра в элементах системы координат.

Четвёртый уровень фотографии — «X». Этот уровень Жан Бодрийяр не успел сформулировать письменно, поэтому расскажу о нем только то, что известно:

- на этом уровне находятся три «X»: X1, X2, X3.
- он связан с психологией. Психологическая фотография, где особый предмет исследования в глубинной психологии — это ущербность: отражение в фотографии психологических последствий, как заблуждений, симуляций и гиперреальности.

Пятый (последний) уровень фотографии Бодрийяра — символьная система и фрагменты, о котором, как я упомянул ранее, Бодрийяр боялся говорить. То есть опасался не самого уровня, не его изложения, а того, что попадёт всё это в нечистые руки.

Как видно, перед нами некоторая сырая система, каждый из блоков которой требует отдельного пояснения, равно как и элементы каждого блока. Но в рамках данной книги мы этого делать не будем: она не о фотографии Жана Бодрийяра. Фотографии Бодрийяра будет посвящена отдельная книга, где все эти элементы и блоки будут подробно описываться. Вероятно, даже одной книги не хватит, чтобы описать все. Я думаю, что нужно написать пять книг по фотографии Бодрийяра, каждая из которых подробно бы описывала каждый уровень его фотографии.

Как можно увидеть на данной схеме — это не только уровни фотографии Бодрийяра, но они также являются одновременно и уровнями познания, и исследовательской машиной, и системой ретрансформации донесения информации. По сути, представленная схема — это целая машина. Бодрийяр именно с помощью фотоаппарата увидел симулякр. Но эта машина, как и иллюстративная машина, одновременно позволяет и иллюстрировать что-либо, и выступает в роли исследовательской машины. По этой причине данная научная схема требует особого внимания для рассмотрения и отдельных книг, ведь фотоаппарат в руках Бодрийяра был не только иллюстратором его работ, но и инструментом его исследования.

Альбом. Фотографии 1985–1998 г. Жан Бодрийяр

DOMAPUR

COMPUR

KODAK HAWKEYE
Surveillance Film
2465-0132-0045
09/2011
VOIGTLÄNDER

И в этом мы с ним очень похожи. Для меня как ученого фотоаппарат также является инструментом исследования, а не иллюстратором. Фотографии, которые я делаю, иногда непонятны, и возникает вопрос, зачем я вообще их сделал. Но в них я вижу те вещи, которые не видят другие. Ещё древние знали: «Смотреть» и «Видеть» — не одно и то же. Являясь председателем одного из старейших научных фотографических обществ в мире — Одесского фотографического общества, я также возглавляю Экспедиционный корпус — специальное подразделение НИИ «Институт Памяти». Поэтому много фотографирую в разных частях мира, в разных условиях, при разных обстоятельствах. И если изучить все мои прошлые фотографии, сделанные в научных экспедициях в разных странах, то половина этих фотографий — не художественные, а именно научные, исследовательские.

Сан-Себастьян. Испания

Сан-Себастьян. Испания

Сан-Себастьян. Испания

Сан-Себастьян. Испания

Бавария

Святилище Мадонны Ди Польси. Италия

Бавария

Бавария

Остров Фавиньяна. Италия

Для меня как ученого такие фотографии крайне важны, потому что это — импульс открытия. И мои воспитанники видели много раз, когда во время экспедиционного выезда днем я нажимал на спуск и появлялись определенные кадры, а уже ночью выводил открытие в тетрадке. Думаю, что я как фотограф родился всё-таки в путешествии, как, кстати, и Жан Бодрийяр. Но и это отдельная тема, которая не касается данной книги.

В моей научной деятельности фотография играет ключевую роль. Для меня фотоаппарат, как для биолога – микроскоп. Даже на рабочем столе у меня всегда стоит камера. И если взять все фотографии, которые я сделал за последние семь лет в рамках экспедиционной деятельности, то их количество только в одном из мест хранения насчитывает 57000 вариантов. А в другом месте — около 52000 фотографий. Свои работы я отношу к научной фотографии — это иллюстрация моей работы и инструменты исследования. И смею надеяться, некоторые из них имеют и художественную ценность.

Далее поговорим немного о **тактике изучения фотографии Бодрийяра**, состоящей из трех уровней, которые он называл «базой»:

Уровень № 1 — это метафора.

Уровень № 2 — метафора + искусство исчезновения.

Уровень № 3 — машина времени + искусство исчезновения + метафора.

Таким образом, Жан Бодрийяр учился символьной фотографии, и затем встраивал символьную фотографию отдельно в третий уровень, затем — во второй, а затем и в первый уровень. По сути, действовал в обратном порядке. Каждый следующий уровень возникал так: он встраивал в фотографию на всех трех уровнях психологическую составляющую с исследовательской концепцией ущербности.

Так выглядит тактика изучения фотографии Бодрийяра. И раз фотография — зеркало его философии, то она же является и системой изучения его философии альтернативным способом.

Так выглядит вся система в виде обобщенного научного анализа тех интервью, которые Жан Бодрийяр дал разным изданиям, моих интервью с его непосредственными коллегами и друзьями, которые с ним занимались вопросами, связанными с искусством, с организацией выставок и т.д. Все эти вещи, безусловно, обсуждались с Бодрийяром за пределами выставок и после них.

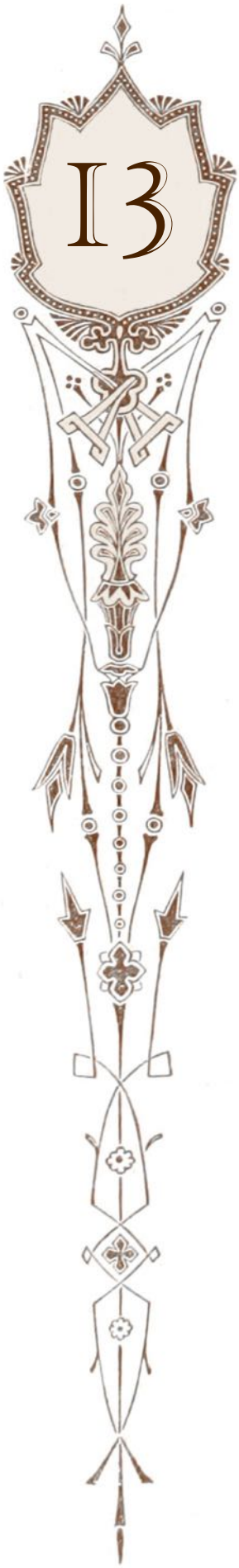
Надо отметить, что выставки Бодрийяра имели громадный успех. Но одни люди говорят, что Бодрийяр — плохой фотограф и очень крутой философ и социолог, другие — что успех Бодрийяра на выставках связан с тем, что это именно его фотографии. Многие люди считают, что его фотографии действительно гениальны. Что из этого является правдой — ответить однозначно достаточно сложно.

Во-первых, до нашего времени никто не мог описать систему подхода Бодрийяра к фотографии. Да, это предмет моей особой гордости: я — первый, кто это сделал. Во-вторых, никто не выдвинул гипотезу о методологии изучения фотографии Бодрийяра. Важно сказать, что прежде никто не пытался подвергнуть анализу с инструментальной философской точки зрения фотоаппарат в качестве научного инструмента, как инструмент изучения философии Бодрийяра. Очень многие пытаются изучать философию Бодрийяра, не изучая его фотографию, что сделать непросто, потому что у нас нет образов.

Человек так устроен, что у него к каждому названию есть образ. Например, такой предмет как «ручка». Вы видите образ и название. Но если смотреть только на название и не понимать природы, то глубину философии Бодрийяра понять будет крайне затруднительно. Вот, собственно, о чём речь…

Attraction
Construction
Eagle
LEO-
Religion
CANCER
marriage.
July
August
VIRGO-
Familism
21st
September.
LIBRA-
Rulership
October.
Labor-
SCRIPIO
Destruction
Wealth
SAGITTA
Decem. Novem.
HELL-DARKNESS
Jan.
Commerce
CAPRI-
AQUARIUS
Home.
Ap
PISCES
Receptive Side
The OX
Repulsion
Arts-
New Years
21st
March. February.
WINTER
Equinox
Vernal
April
Letters
Science.
MAY
Taurus
Man
West.
SPRING
motus
Solstice
JUNE
Culture
GEMINI
HEAVEN
SUMMER
Equinox
Solstice
East.
AUTUM
Census
POSITIVE
Minor Axis
South

ГЛАВА
СИМВОЛЬНАЯ СИСТЕМА И МЕХАНИЗМ ПЕРЕЗАРЯДКИ СИМВОЛА

Жан Бодрийяр в ряде своих работ уделяет особое внимание знакам и символам, а также воздействию символов на человека. Он пошел дальше своих коллег: изучал знаки и символы с научной точки зрения. Книга «Пароли» дает его полное объяснение работе символьной системы человека. А книга «От фрагмента к фрагменту» касается системы донесения информации во внешней среде. Эти работы стали ключевыми для научного открытия символьной системы, но книгу «Фрагменты» мы будем рассматривать несколько позже — в одной из последних глав этой книги. Сейчас же нужно отметить, что Бодрийяр очень близко подошел к пониманию символьной системы, о чем мы и поговорим в рамках этой главы. О чем, в сущности, речь?

Символьная система — это потолок восприятия человека. Жан Бодрийяр пришел к выводу: символьная система прямо определяет судьбу человека и общества, но и об этом чуть позже. «Символьная система», по сути, просто название, терминологический оборот. Человек символизирует значимые для него вещи. Есть символ и некое его объяснение. Бодрийяр также вводит такое понятие, как «исчезнувшая реальность» — это та, которая запаковывается и архивируется в символ. То есть существует некое пространство, которое можно назвать «реальностью». Происходит ее исчезновение, а в самом пространстве остаются лишь универсалии (первоначала), потому что они неизменяемы. Как происходит исчезновение реальности? Она капсулируется. То есть исчезнувшая реальность архивируется в символ. Так возникает понятие «сумма фантомов исчезновения», которые остаются в этом пространстве в качестве символов. Первоначала же остаются, потому что они неизменяемы, но имеют временное состояние. Таким образом, согласно Бодрийяру, *реальность — это исчезновение + универсалии (первоначала)*:

Тем самым, мы всегда имеем дело, в основном и главным образом, с двумя явлениями — человеком и окружающей его действительностью.

Разумеется, к этому явлению можно подходить по-разному, но в любом случае исходными будут два элемента. Например, академик Григорий Семенович Попов, досконально исследовавший символьную систему, определял эти два элемента так: есть память человека и мировая память. У нас возникает парный мир из двух первоначал.

УНИВЕРСАЛИИ (ПЕРВОНАЧАЛА)

временное состояние

Исчезновение реальности

СИМВОЛ

СИМВОЛ

СИМВОЛ

СИМВОЛ

СИМВОЛ

СИМВОЛ

Сумма фантомов исчезновения

Принято считать, что у человека есть внутренний мир. Об этом толкуют на все лады испокон веков. Но если вы, подобно прозектору, туда заглянете, то кроме биологических органов (костно-мышечная, кровеносная, мочеполовая и прочие системы), ничего там не найдете. В этом смысле, наличие у человека внутреннего мира — первая иллюзия человека. Никакого внутреннего мира у него нет. Уверенность в наличии внутреннего мира — всего лишь отраженная в психологии реакция на внешние переменчивые обстоятельства и на анатомо-физиологические процессы в самом организме. Есть один мир — внешний, в который вкраплён и частицей которого является сам человек. Впечатление человека о том, что он отграничен от мира кожей и одеждой, что он отграничен от мира своим телом, иллюзорно.

Произнесём слово «страх» и представим себе это явление. У человека существует четыре центра принятия решения: голова (когда он обдумывает что-то и принимает решения), грудь (порыв), живот (животное проявление человека), половые органы и ноги. Точно также распределяется система происхождения страха. Подростков в кадетском корпусе учили в свое время искать страх в своем теле. Как выглядит «страх в голове»: я заряжаю пистолет, снимаю его с предохранителя, досылаю в ствол патрон и направляю на вас. Это уже не шутка: вы знаете, что пистолет заряжен. Вам совершенно естественно становится страшно. Известное дело: солдаты говорят — кочерга раз в год сама стреляет. А тут — заряженный на ваших глазах пистолет. Ведь выстрел может быть и случайным. Обратный эксперимент: разряжаю пистолет на ваших глазах, показываю пустой казенник, вынимаю магазин, снимаю с предохранителя. Делаю контрольный щелчок — выстрела нет. Ставлю оружие на предохранитель. Безопасно. И приставляю пистолет к вашей голове. Страшно? Нет, конечно. Вы знаете, что пистолет разряжен, он пуст. На этом примере видим, как возникает страх в голове.

Что такое страх в груди? Это страх динамический, ситуационный — неизвестная двигательная задача. Как учили тех же кадетов видеть и понимать происхождение этого страха при подготовке? Брали на тренировке настоящий острый нож и наносили им удары. Пол в спортзале был в крови. Незначительные, конечно, заведомо неопасные для жизни и здоровья порезы и уколы учили кадета преодолевать страх перед оружием. Чувство бесстрашия вырабатывалось в связи с навыками обороны. Если ты умеешь — тебе не страшно. Это чувство не снижало уровня внимания, осторожности, точности в локомоциях, а сочеталось с ними и придавало уверенность.

Как выглядит самый главный грудной страх? Когда человек учится водить автомобиль — это ещё не очень знакомый ему механизм. При езде на полигоне ему, конечно, страшновато, но не так, как при езде по самой оживлённой улице. В этот момент в его голове «прокручивается», как в кино, множество ситуаций и последствий. Но вот у него уже есть освоенные теория и практика. Опыт. А страха нет. Есть чувства осторожности, внимания. Есть реакция. А страха, повторимся, нет. Когда ты умеешь что-либо (или даже только думаешь, что умеешь),— грудного страха нет. Страх в груди возникает от бессилия.

От страха в животе избавиться нельзя. Это вещи, связанные с инстинктами самосохранения, поэтому страх такого рода — «слизывается», то есть человек к нему привыкает. Что это значит? Если вы увидите, как тренируют спецназ — там выстрелами над головой и холостыми патронами в упор адаптируют к таким шумам. Вырабатывают привычки. Возьмём сапёров на войне: мины рвутся справа

и слева, и любой осколок может быть фатальным — это не поединок. Это некая непреодолимость, которая может случиться, и тогда человека покалечит. Или вообще — убьёт. Запросто. Человек привыкает к этой атмосфере достаточно длительный промежуток времени.

Преступный мир: его «мастерами» становятся не сразу. Он также постепенно превращает эту жизнь в привычку. Когда первый раз он идет «на дело», ему очень страшно — а вдруг поймают? Провал, схватка, погоня. Стрельба. Могут, опять-таки, и подстрелить, и застрелить. Тюрьма — тоже не санаторий. Когда перед вами уже вор-рецидивист — ему не страшно, ему уже плевать на все, так как он — мастер, владеет ситуацией, точно знает, что делает. Оговоримся: можно так заиграться, что этот страх вообще исчезнет, останется на мелком фоновом уровне. Тогда это беда для человека: он может допустить ошибку. Человек, который «слизал» этот страх настолько, что у него нет инстинкта самосохранения, не понимает, что определенные вещи делать нельзя, он начинает плевать на все инструкции и прочие вещи… Сколько случаев известно у летчиков, которые не проводят предполетный брифинг, ни чек-лист не читают и его не выполняют — они уверены в том, что ничего не случится, по сути, у них уже нет естественного страха… Даже так говорят: «Ты что, страх потерял?» И это — начало катастрофы. Это касается и вождения автомобиля, когда человек врезается в столб, будучи классным водителем. Или, когда разбиваются парашютисты, за которыми уже более 1000 прыжков. Касается и полководцев на войне, которые привыкли к своим успехам и к своей непобедимости. И даже у героев-любовников, адаптировавшихся к безотказности…

Страх в ногах — это сила из неизвестности. Когда снайперы попадают в кого-то, у наблюдающих это ноги подкашиваются: видят, нечто неведомое убило человека. Чего люди более всего боятся? Того самого «нечто», неведомого, неизвестного, непонятного. Для того, чтобы не было страха неизвестности — нужны образованность и развитые способности. Чем больше человек образован, тем меньше у него страха неизвестности. Чем выше ваши способности, тем меньше страха неизвестного.

Эти четыре педагогических приема показывают: страх бывает в голове, в груди, в животе и в ногах. У человека есть 4 вида страха, и на каждый из этих видов человек реагирует по-разному. Как, впрочем, и на одно и то же разные люди реагируют по-разному. Поэтому происходящее внутри человека на самом деле — это лишь реакция организма на внешние обстоятельства. Это не размещение чего-либо в каком-то объеме какого-то внутреннего мира. Микроуровень — продукт тенденции человека к автономности, попытка отгородится, создать в окружающей действительности некий собственный мир, где реализация его личных интересов осуществляется запросто, без согласования с внешним миром. Да-да, иллюзия. Иные называют это внутренним миром, не думая о том, что он по определению судьбой расположен внутри большого, общего, внешнего мира, а не только и исключительно внутри его тела. Соответственно, мир, который человек может считать внутренним, собственным, личным, никого не касающимся, на деле находится всецело в распоряжении мира внешнего, мира наружного.

Обратите внимание на то, что человек ничего не может придумать, не опираясь на свой собственный опыт. Разумеется, этот последний тоже не есть нечто сугубо личное: проклёвываясь в социум из лона матери, человек именно в реальной жизни получает сведения о хорошем и дурном, обретает ценностную систему.

Она — не одна-единая ни на Земле, ни на континенте, ни в стране, поскольку у разных человеческих сообществ (классов, слоёв, прослоек, даже георайонов и компаний). Эти системы имеют определённые — иногда даже и коренные — отличия. Иначе сама жизнь на планете, сама история человечества сложилась бы по-другому. Это совершенно очевидно и не требует рассмотрений. Но в данном случае для нас важно то, что свой, собственный, личный-индивидуальный опыт отдельного человека является таковым тоже условно. Это — та часть общечеловеческого опыта, которую по тем или иным причинам данный индивидуум присвоил и усвоил. То есть всё его «кино» в голове, которое он себе крутит, связано исключительно с прошлым опытом, и не преодолевает его тяготения, не прорывается за его пределы. Что такое, при этой смете, кино? Это просто перебирание человеком своей личной «картотеки», собранной из картотеки внешней, общей. Это идет из прошлого опыта: он перебирает «карточки», надёрганные из его собственной жизни — протекавшей в социуме, в общей истории, психологии и экологии. А если у человека много картотек («богатый жизненный опыт»), то будет всего лишь длинное кино. Скажем, сериал. И человек сам не режиссирует этот фильм — даже если он высокопрофессиональный режиссёр по профессии.

Да, мы имеем дело с двумя системами: с человеком, который является отдельной частицей общего окружающего мира, и с этим самым общим, с окружающим миром, который постоянно динамически изменяется и не бывает статическим. Это — тоже не наше открытие, ещё в средней школе мы узнавали (точнее, должны были узнавать) о том, что Гераклит и другие мудрецы, греки и римляне, утверждали: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Они были диалектиками. И воспринимали всё сущее в режиме постоянных перемен.

Исходя из этого, говорим: у человека существует собственная символьная система. Всё более и более познавая мир и себя в нём, ориентируясь в этой системе координат, он что-то определяет, выделяет, символизирует и запоминает (запаковывает данные в памяти), вырабатывает эту самую картотеку. Её «карточки» могут быть близкими к истине вообще или в момент получения они могут устаревать, быть далёкими от истины и просто ложными, что также зависит от многих причин. Но без символьной системы человек в жизни не может. Наряду с этим и как бы отдельно от этого существует также и внешняя символьная система, то есть система окружающего мира — так называемая «исчезнувшая реальность», запакованная в символы, с точки зрения Жана Бодрийяра. Внешняя символьная система имеет приоритет над собственной (индивидуальной), потому что у человека существует такая функция, как обучение — постоянный поиск некой системы, неких символов, которые бы обеспечили ориентирование в его жизни.

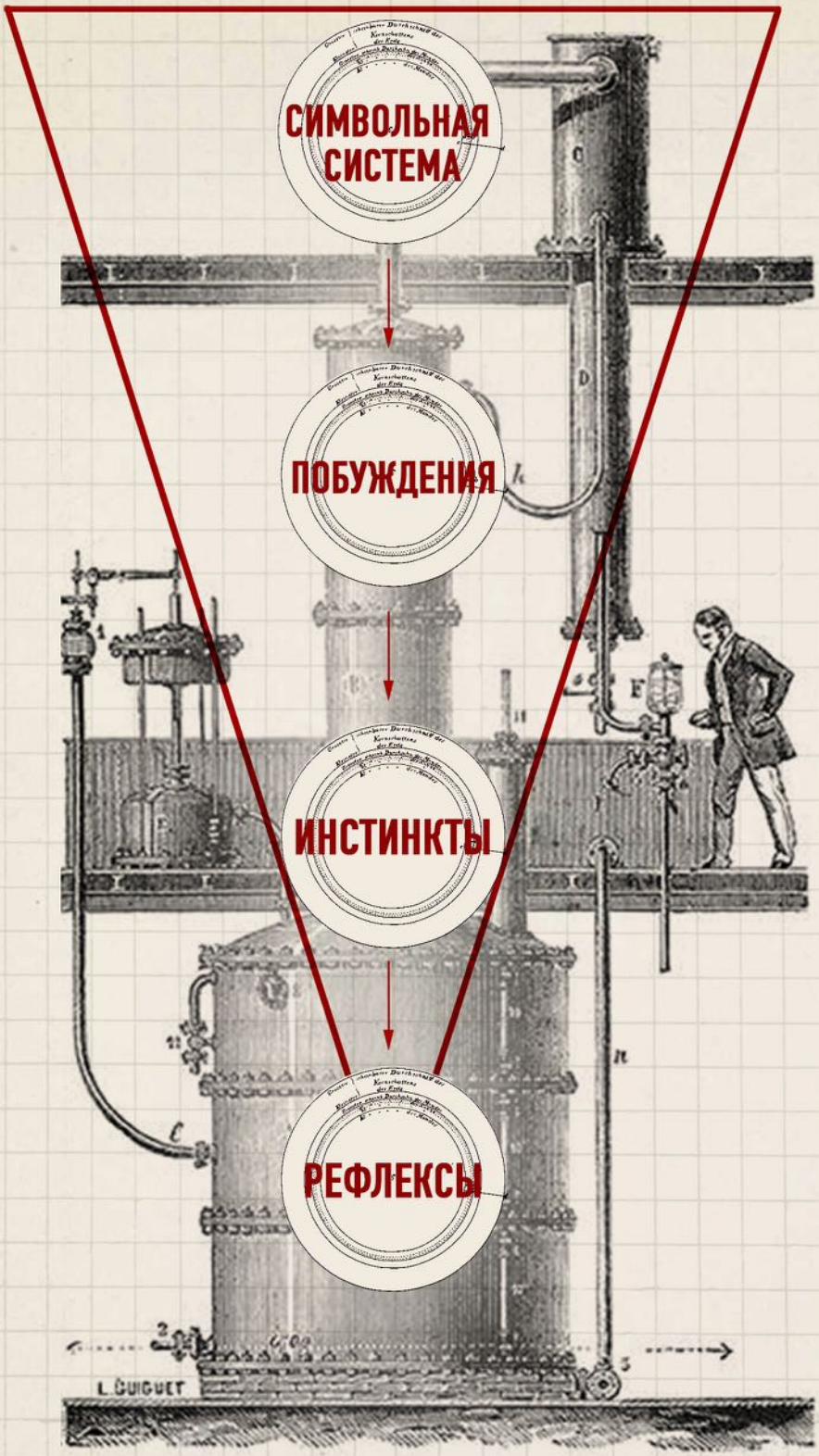
Важно сказать, что на уровне символьной системы математика, биология, антропология, физика и другие науки — не работают. Как, впрочем, и любая другая академическая наука. Если не всё, то очень многое делается парадоксально — вопреки научным знаниям. Кстати современная наука учитывает это самое «вопреки». Уровень символов — это уровень парадокса. С точки зрения физики, например, человек не может перепрыгнуть 5-метровый забор, даже будучи классным прыгуном в высоту. Но в определенных экстремальных ситуациях люди запросто одолевали и более серьезные препятствия. Потом, бывало, ни повторить сей подвиг, ни объяснить его они не могли. Важным моментом относительно символьной системы

является следующее: люди, случается, убивают себя в угоду идеи, в угоду символа. Некоторые исходят из того, что «погибшие за веру попадают в рай». Мнения о случившемся ушедших таким образом из жизни нам получить невозможно. Но оставшиеся в живых слагают о них всевозможные притчи, легенды, производят традиционно в герои, ставят им памятники, воспевают в литературе и искусстве. То есть, опять-таки, на уровне символьной системы здравый рассудок, психология, антропология и другие вещи, с нашей точки зрения — тоже не работают.

Так как человек имеет этот символьный духовный уровень, то при наличии определенной доктрины он способен на крайне парадоксальное поведение. Психологи сегодня утверждают, что поведение человека в настоящее время — иррационально. Это происходит в силу символьной системы. Иррациональность поведения человека связана с символьным уровнем, к которому человек имеет доступ. При этом мировая символьная система превалирует над собственной символьной системой, что касается конкретного среднестатистического индивида. Безусловно, есть исключения, и ни одно. Люди потенциально могут построить собственную символьную систему, которая называется доктриной, и будут жить, подчинённые этой доктрине. В сущности, человек либо подчиняется символьной системе, которую сам же и строит, либо пользуется кем-то выстроенной системой.

Иллюстрацией этого может послужить такой пример. Объявляется, по случаю войны, призыв в армию трех возрастов. А являются на пункты призыва восемь возрастов. Людей отгоняют, отправляют обратно домой. И многие делают все, что угодно, вплоть до того, что приписывают себе возраст, чтобы только попасть в армию. Казалось бы, гражданский долг — выполнить приказ Родины. А по приказу требуются только три возраста. Стало быть, то же чувство долга (а равно — и трезвость, и инстинкт самосохранения) требуют не соваться туда, куда тебя Родина не просит. Ан нет, срабатывает приоритет символа. По сути, иррациональное поведение. Ведь зачем человеку идти на войну, если его там могут контузить, покалечить, убить, наконец — тем паче, тебя не зовут? Это нерациональное и крайне неразумное поведение, с точки зрения и гражданственности, и трезвости, биологии, антропологии и т.д. Но такое поведение является последствием символьной системы, построенной государством для его граждан, которая полностью подчиняет все их поведенческие структуры и реакции.

От философской категории символа и символьной системы Бодрийяра можно перейти в плоскость психологии и рассмотреть символ как психологическую категорию. Когда мы имеем дело с символьной системой, она, как в вертикаль, строит уровень побуждений человека. То есть природой человеческих побуждений является символьная система. Этот уровень побуждений, в свою очередь, строит уровень инстинктов, а уровень инстинктов потом подчиняет себе уровень рефлексов (таким образом, как бы строится пирамида сверху вниз). В результате получается так, что практически всё поведение лица — иррационально.

СИМВОЛЬНАЯ СИСТЕМА
ПОБУЖДЕНИЯ
ИНСТИНКТЫ
РЕФЛЕКСЫ
L. GUIGUET

Жан Бодрийяр говорил: мы видим сегодня иррациональное поведение людей в обществе потребления и в других постмодернистских обществах, обществе модернизма, когда начиналась психология знака, психология символов потребителей. На примере Советского Союза это выглядело следующим образом: там всегда использовали некий символ, чтобы передать большинству людей огромный пласт информации. Например, человек стригся полностью налысо, что говорило о том, что он — бандит. Все бандиты тогда ходили бритоголовыми. Как только человек стригся налысо, он сразу же давал всем знать, что он принадлежит к бандитской касте. Или же он надевал кожаную куртку, которая также была символом 1990-х годов, ее носили бандиты. А всего-то за пару десятков лет до этого мужская лысина означала борьбу с тифом. Вплоть до генеральских и маршальских чинов — вспомним фотопортреты комкора Котовского, начгенштаба Жукова, наркома обороны Тимошенко. Приметы, приметы, приметы…

Человек с мобильным телефоном был символом власти в девяностых годах — престижны были огромные спутниковые телефоны Motorola, каковых не было у абсолютного большинства наших сограждан. И как только вы видели у человека этот символ, сразу понимали: этот индивид принадлежит к высокому и высшему сословиям общества. Лысый, бритый, в кроссовках Adidas, в кожаной куртке и с мобильным телефоном… в 1990-х годах считался таковым, кто «Бога поймал за бороду».

Интересно, что в 1917–1918 годах кожаная куртка означала принадлежность к власти диктатуры пролетариата. Раньше кожаная куртка выступала своего рода символом «карающего меча Революции» — так одевались чекисты, сотрудники Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Этот символ сохранился и впоследствии, поскольку материал такой одежды был весьма носким. И ведь не глупый человек выбрал кожаные куртки в 1990-х годах у бандитов как их символ — сознание русского человека привыкло к этой одежде, как к символу власти. Народная память сохраняла ещё долго из поколения в поколения и этот страх перед ЧК и его формой одежды. Бандитизм, о котором идет речь, на мой взгляд — не нечто спонтанное, а очень грамотный проект. Именно бандиты, именно люди бандитских навыков и настроений, были востребованы для определённого этапа и периода. Без них были практически невозможны такие энергичность и интенсивность захвата собственности, передела захваченного, передела переделённого и отстаивания результата. Впрочем, это — отдельная криминологическая тема и мы её не будем обсуждать здесь.

И получалось так, что эти «новые хозяева» впитали в себя качества тех, кто были и «новыми хозяевами жизни» в незабвенном 1918-м году. По сути, использовалась та самая символьная память народа: символ дает возможность и проектировки последствий дальше того, что будет.

Эсэсовская униформа совершенно строго соответствует религиозной форме — монашеской. А так как очень многие люди привыкли подчиняться религиозным деятелям, черная форма СС «говорила» им о том, что это духовный культовый рыцарский орден. У «ордена» был собственный замок в Германии, собственная обитель — Вевельсбург (не путать с Бабельсбергом). Это военизированное формирование не принадлежало ни к Вермахту, ни к какому-либо управлению Германии. И ни для кого не секрет, что именно СС виновны во множестве военных преступлений и преступлений против человечества, являясь основным организатором террора

и уничтожения людей по расовым и национальным признакам, политическим убеждениям и государственной принадлежности, как в Германии, так и в оккупированных ею государствах. Все, кто были членами СС, то есть членами рыцарского ордена СС, согласно приговору Нюрнбергского трибунала были объявлены военными преступниками. А такого рода преступления не имеют срока давности.

Таким образом, когда перед людьми предстает некий символ, знакомый им, люди мгновенно распознают символику и реагирует на нее определенными поведенческими моделями. Бодрийяр пишет: когда возникла буржуазная экономика, когда возникло постмодернистское общество, общество потребления, общество знака, телефоны стали символами благополучия, то есть машины стали символами… Всё превратилось в символику, в знаки:

«…В современном обществе, с его повышенной интеграцией, индивиды уже более не соперничают друг с другом в обладании благами, они самореализуются в своем потреблении, каждый сам по себе. Лейтмотивом является теперь уже не конкурентный отбор, а персонализация для всех. Одновременно и реклама от коммерческой практики обратилась к теории потребительского «праксиса», которая увенчивает собой все здание общества. Такая теория излагается в американской рекламе. Логика ее проста: 1) общество потребления (вещей, товаров, рекламы) впервые в истории предоставляет индивиду возможность вполне раскрепостить и осуществить себя; 2) система потребления идет дальше чистого потребления, давая выражение личности и коллективу, образуя новый язык, целую новую культуру. Таким образом, потребительскому «нигилизму» противопоставляется «новый гуманизм» потребления («Система вещей», Жан Бодрийяр)».

Еще одним примером символов в истории постсоветского периода являются «красные пиджаки», точнее, малиновые пиджаки. Это аномалия. Когда определенные люди пытались повысить собственную эффективность, они искали модель эффективного существования. Но модель такую не находили. Дело в том, что в русской криминальной традиции такой модели не существует — модели эффективного существования в обществе. С русской точки зрения криминал — это подполье, андеграунд, и выделяться здесь опасно. По сути, принадлежать к русскому криминалу — значит, всю жизнь жить в подполье. Поэтому определенные люди начали искать эффективную модель и… нашли. Такая одежда свойственна итальянцам.

Так, в определенный момент в Италии возникает мода на горчичные, фисташковые, малиновые пиджаки. То есть у итальянцев на тот момент времени было модно ходить в таких вещах: определенного покроя галстук, малиновый пиджак, белая рубашка, черные брюки и итальянские чёрные ботинки Testoni. И вот русские, бывая заграницей и смотря на это всё, увлечённые фильмом «Крестный отец» и другими в том же роде, решают переустроить бандитское формирование в виде российской криминальной традиции на итальянскую модель. Они начинают делать то, что делают итальянцы: при встрече целоваться (именно итальянцы при встрече целуются) и многое другое. Русские никогда этого не делали, и русская криминальная традиция себя таким способом не ведёт. Но эта попытка переустройства русской на итальянскую модель не увенчалась никаким успехом. Возникла гибридная модель — между русской и итальянской, которая впоследствии вся развалилась. Причина в том, что итальянская система требует долгого системного изучения, прежде чем проектировать организацию по этому принципу. Это очень сложная вещь,

особенно, что касается ее символьной системы. Итальянская символьная система очень сложна, а без нее итальянская модель — не работает (я подробно описал итальянскую символьную систему в монографии «Философия юга Италии», 2020). Но все-таки, в отличие от «кожаных» бандитов, бизнесмены, то есть криминал иного порядка, более высокого интеллектуального уровня, новая бизнес-элита, «новые русские», так сказать, стали одеваться по образу и подобию итальянской мафии.

Почему так? Принадлежать к бандитам России — осуждаемо в обществе. Другое дело — итальянцы, люди благородные, рыцарских кровей, благородного дворянского происхождения… И конечно, новым русским хотелось именно такого происхождения для себя, потому что почти все они были, надо сказать, «из грязи в князи»: никакого приличного происхождения у них не было. А эта итальянская система им дала возможность воображать себя принадлежащими к высшему обществу, высшей касте. Итальянская модель для русских была самой привлекательной на всех уровнях. Надо сказать, что этому влиянию немало способствовал и Голливуд. Снятая им серия таких фильмов, как «Крестный отец», «Однажды в Америке» и другие, в Советском Союзе пересматривали огромное количество раз. Фильм «Однажды в Америке» вообще стал самым культовым среди бандитов времен пост-перестройки: его сцены стали самыми пересматриваемыми. «Крёстный отец» был не менее культовым фильмом, но еще более востребованной была сама книга Марио Пьюзо, по которой снят этот фильм. Все читали Марио Пьюзо: настолько книга была в разы интереснее, чем фильм. И она позволяла составить собственное впечатление о том, как это было.

Говоря о символьной системе, четко понимаем, что она руководит жизнью человека. Происходит это бессознательно. Проблема в том, что человек не знает о существовании символьной системы и механизмах ее работы, а она контролирует каждую мысль человека, каждое слово, желание, действие и т.д. Само понятие «бессознательное» берется не из того, что у нас что-то может работать автоматически, а что-то может работать в полуавтоматическом режиме, что-то — при ручном управлении, а именно от незнания. Поэтому у большинства людей символьная система формируется бессознательно в процессе жизни. В книге «Пароли» Жан Бодрийяр подробно описал, как человек попадает под власть символьной системы:

«…Важно избегать любых переносов, любых операций по импорту или экспорту. Мы можем искать в других учениях вдохновляющие нас идеи, открывать схожие с нашими или, наоборот, отличные от наших мыслительные ходы, но если какая-то мысль превратилась для нас в определяющую символическую форму — не важно, западноевропейская это мысль или восточная, — нам следует насторожиться: универсального способа мышления не существует, в сфере мышления всегда имеют место только исключения… («Пароли», Жан Бодрийяр)».

Человек символьный уровень даже не рассматривает, он у нас формируется сам по себе, стихийно. Стихийное формирование уровня обеспечивает внешняя система символов — не собственная (человеческая) система символов, а именно внешняя, которая и формирует собственную систему человека методом приоритетов и выбора: когда человек из общей системы символов мира выбирает те символы, которые ему нравятся, он из внешнего мира набирает себе «наборчик», при том абсолютно бессознательно.

С точки зрения Жана Бодрийяра, все эти вещи происходят принудительно. Принудительное происхождение этих вещей объясняется очень просто: когда возникает выбор без выбора (когда других вариантов нет), выбирать приходится только из того, что есть в наличии. Ярким примером в обществе потребления этого выбора без выбора является наш поход в магазин для покупки одежды. И вам предлагают то, что у них есть в наличии, а не то, что вы хотите. Ну, а поскольку раздетыми жить не получается, одежда жизненно необходима, вы и купите, и оденете не то, что хотели. В современном мире потребления символьная система возникает принудительно, хотите вы этого или нет.

У человека память так устроена, что эти «клеточки», условно говоря, у него существуют и должны быть заполнены. Человек, «собирая» их, расставляет символы в «клеточки». По сути, формирует свою символьную систему путём очень простых действий: ему что-то нравится или не нравится, он голосует за то или за это, считает себя приверженцем того или иного, и т.д. Каждая символьная конфигурация ему неизвестна. Но, при этом она строит его жизнь. И причина того, что человек не может объяснить свои поступки, заключается в том, что он не знает, какая символьная система за ними стоит.

Внешняя символьная система, как говорил Жан Бодрийяр, переустраивается совершенно без нашего участия. То есть мы не влияем на переустройство символьной системы мира. Но человек может повлиять на конфигурацию своей собственной символьной системы, если он о ней знает. Если же он не в курсе существования и воздействия символьной системы, то не может никаким образом на это повлиять. А так как большинство людей не знают о ее существовании (наверное, до появления работ Жана Бодрийяра не в курсе подобных вещей были все), то выходит — символ владеет нашей судьбой.

Говоря о выборе женщиной мужчины, мы имеем дело с разным подходом в разные исторические интервалы. Раньше, когда у женщины появился какой-то выбор, механизм был следующим: она выбирала себе отца. Почему так? Об этом не принято говорить, но факт есть факт: очень многие дети в определенный момент разочаровываются в собственных родителях — существует такая, почти неизбежная, стадия в жизни человека. Это происходит в тех или иных формах, в той или иной степени: это, разумеется, не обязательно отрицание родителя. Масса всего может быть, но претензии к родителям всегда существуют. Поэтому женщина, по сути, в те времена искала «отца», того, кто бы построил такую семью, как в её фантомном представлении. Этот архаизм сохранился и по сей день, но в несколько иной форме.

Сегодня выбор женщиной мужчины построен по несколько иным механизмам. При выборе мужчины для женщины главным является символьная составляющая: насколько символьная система женщины соответствуют ее представлениям о символьной системе мужчины, который существует. То есть у женщин есть набор символов, который она сегодня предполагает в своем будущем муже. Допустим, машина Mercedes, дом за границей и т.д. Если этот набор символов существует, то этот человек рассматривается как потенциально возможный муж. Если такого набора символов не существует, мужчина не рассматривается даже теоретически. Таким образом, сегодня у очень многих женщин символьная система является прерогативой при выборе: они смотрят на образ символов, на систему символов, которые окружают мужчину, а не на него самого.

Обратите внимание, очень редко бывает так, что мужчина ищет жену. Женой она ему становится потом, но изначально он жену не ищет. Женщина же мужа, по сути, также не ищет — она ищет другой мир, который соответствует представлениям об этом мире. Известно, что у множества женщин право выбора появилось достаточно поздно — в XIX веке. У мужчин право выбора было всегда. Но когда женщины получили это право, мир стал еще сложнее. Женщины, безусловно, крайне важная часть этого мира, они являются разными формами символов для тех или иных мужчин. В силу этого всё очень непросто, и с этим нужно отдельно разбираться.

Итак, человек живёт в некой стихийно сформированной собственной символьной системе и символьной системе мира, которая порождает человеческие побуждения, которые, в свою очередь, формируют судьбу человека. Таким образом, символьная система — это причина существования человеческих побуждений. А когда имеем дело с побуждениями, то, по сути, имеем дело с направлениями наших движений по оси времени в будущее (побуждения определяют наши движения), а выбор определяют нашу судьбу. Бодрийяр говорит о том, что именно символьная система формирует посредством побуждений судьбу человека: *«…У судьбы нет никаких «намерений», но мы, тем не менее, порой испытываем ощущение, что, по мере того как к нам приходят успехи, слава, где-то начинает работать некий механизм, незаметно изменяющий ситуацию в противоположном направлении и непостижимым образом превращающий нашу благополучную жизнь в драму. Фатальное событие нельзя объяснить ссылкой на те или иные причины: в момент, когда оно случается, оно противоречит всякой каузальности; однако, хотя его истоки находятся за сферой причинности, оно неизбежно, ибо обязано выполнить свою секретную миссию… («Пароли», Жан Бодрийяр)».*

И если эта символьная система неизвестна, побуждения появляются для непосвящённого человека непонятно откуда. В результате человек действует так, как «заказано» символьной системой. То есть индивид, с одной стороны, ограничен символьной системой, а с другой — ему непонятна система возникновения побуждений (он не понимает, как она устроена).

Мы уже говорили: у человека собственная символьная система имеет одну пропорцию, а у мира — другую. Символьная система человека делиться на две части: условно говоря, управляющую символьную систему и силополагающую. Управляющая символьная система состоит из 12 элементов, силополагающая символьная система — из 16 элементов. Таким образом, символьная система человека включает в себя 28 элементов. Символ обеспечивает доступ и позволяет держать под контролем работу системы определенных механизмов человека в режиме ручного управления. Но эти системы также прекрасно работают в автоматическом режиме. Для того, чтобы эти механизмы как-то овеществились для человека, возникают соответствующие им символы. Таким образом, у человека есть 28 «ячеек» символов. Безусловно, если необходимо, то эту систему сознательно можно расширить.

Мировая символьная система состоит из 36 элементов — условно, из 36 «ячеек», с которыми мы можем одновременно работать. Наша память так устроена, что сердечник в ней может содержать максимальное количество элементов — 64. Но поскольку в мировой символьной системе суммарно 72 символа (2 сердечника по 36 ячеек, итого 72 символа — общее число символов, которое может быть воспринято человеком в двух барабанах сердечника, что, по сути, выходит за максимально

допустимый объем в одном сердечнике), поэтому и возникает два сердечника по 36 элементов в каждом.

Что такое сердечник? Откуда это понятие? Все очень просто — из памяти. Как можно представить себе сердечник: например, в боксе есть три вида ударов — это сердечник из которого создается множество комбинаций ударов. Без наличия сердечника система срабатывать не будет. Отсюда проистекает вывод: сердечник — это основа символьной системы, основа ее эксплуатации. Элемент сердечника — это технический элемент. Если вы возьмете фехтование, то количество технических элементов в системе не должно превышать 64 элемента; если их больше — 72, тогда формируется два сердечка по 36 элементов.

Когда мы говорим, что числовой показатель мировой символьной системы — 72 элемента — это, по сути, предел символов, с которыми одновременно может работать человек. То есть он может воспринять 72 символа и выбрать из них что-либо. Человек привыкает к комбинированию этого объема, и обычно язык определяет количество символов. Но, в общей сложности, у языка предел в нашем случае, у русских, 72 элемента. А были люди постарше, в веках — у них было 144 символа.

Мы совершенно точно понимаем, что устройство памяти, тот язык, который нам дан, вносят коррективы в формирование собственной системы человека. Предел человеческой символьной системы — это 36 символов. Но сердечник можно увеличить и до 64 символов, что и будет являться пределом индивидуальной символьной системы человека.

Истоком мировой символьной системы является Европейский мистицизм. 64 элемента — это 64 фигуры Европейского мистицизма, той самой Драфы, которую мы немного рассмотрели в 6-й главе книги — «Европейский мистицизм Бодрийяра». Драфа является «хозяйкой» этого мира: представленная в виде так называемой ложи, она состоит из пяти уровней вверх и четырех уровней вниз. И если посчитать вместе все фигуры, которые существуют на этих уровнях, и которые, якобы, формируют те обстоятельства жизни, в которых мы все живем — их как раз 64 фигуры, что равно максимальному количеству элементов в сердечнике человека — 64.

Рассмотрим другой пример символьной системы. В русском языке 32 буквы. Это очень близко к 36 элементам сердечника человека. По сути, русский человек в среднем использует 32 символа, потому что он привык говорить на этом языке — комбинации из 32 букв. Так и жизнь человека формируется, исходя из его языка — из символов, к которым он привык. Буквы в алфавите — «а», «б», «в» — это также символы. Это тот символьный ряд, который человек использует, и язык вносит свою корректировку. Речевые характеристики у разных людей разные. То же — и на письме. Скажем, письмо Пушкина Дельвигу принципиальным образом отличается от письма солдата Ивана Бровкина в деревню любимой Любаше. Есть изящная словесность, речь образная, афористичная, метафоричная — богатая речь. Есть речь примитивная, безграмотная. Но едины они в том, что состоят из этих самых, совершенно одинаковых букв, знаков или звуков.

К слову, человек может использовать и 36 символов, и даже 72 символа в сердечнике, но никто этого не делает по одной простой причине — никто об этом ничего не знает. Поэтому повторюсь, система формируется стихийно, складывается в некую систему жизни, некую систему принципов и принятия решений. Из опыта работы этой системы мы получаем определенные убеждения. Поэтому убеждение

одного человека не соответствуют убеждениям другого — срабатывает разница символьных систем. Соответственно, различны и взгляды, и вкусы, и привязанности, и убеждения. Каждая символьная система работает по-своему, формируя посредством побуждений ту самую судьбу человека, о которой он тоже ничего не знает. Мы можем влиять на это лишь при наличии знания об этом. Но если мы ничего не знаем, то тут момент односторонний: система на нас влияет, а мы на неё никак повлиять не можем.

Что сделать крайне сложно, почти невозможно — это навязать людям искомый объем символов мира. Но именно капитализм это сделал в обществе потребления: приоритет определенных символов над другими символами. Как пример этому, сегодня для многих людей было бы неплохо иметь машину, квартиру, престижную работу и т.д. Это всё символы благополучия. То есть существует символьный ряд благополучия и эти символы являются главными в этой внешней символьной системе. Человек только выбирает из этого, что ему больше «по душе»… Он сам себе формирует набор из символов. А так как все общество потребления построено на «хочу» и «могу получить любыми способами», в том числе и посредством кредита, то мы и получаем некую символьную систему.

Переходим к системе перезарядки символа. У символьной системы есть функция замены одного символа на другой, что позволяет вносить изменения. Но исключить существование символьной системы не представляется возможным. Замена символов должна быть подчинена принципам эффективности.

Как часто бывает, у человека что-то не получается продолжительное время. Тогда он начинает искать символ, чтобы его заменить вместо какого-то другого символа в собственной системе. Здесь возникает главное — тут хранится причина очень многих психиатрических заболеваний и психологических расстройств. Неспособность человека поменять символ, найти символ ведет к тому, что человек начинает неадекватно себя вести: быть возбужденным, плохо себя ориентировать и контролировать в мире. По сути, его глупость ведет к еще большей нагрузке и следующей глупости, которая приводит к следующей нагрузке и к новой глупости и так далее. Это всё крутиться, как барабан. В результате — перезарядка символа не происходит, а человек становится неадекватным. Состояние человека ухудшается все больше и больше, потому что он не способен работать с символьной системой, не способен перезарядить символы так, как нужно. Он ничего не способен сделать, а его состояние все ухудшается и ухудшается.

Поменяв же символьную систему, может измениться всё. Но как перезарядить символы, чтобы они соответствовали текущей ситуации, ведь система сформирована стихийно? Так как, с точки зрения Бодрийяра, если иметь такую символьную систему, которая соответствует текущей задаче человека в жизни и деятельности, то у него никаких особых проблем в жизни и деятельности не будет. Но Бодрийяр в своих трудах не дал ответа на вопрос «как это сделать». Являясь последователем академика Г. С. Попова и продолжая его исследования в области памяти человека, я знаю, как перезаряжается символьная система: посредством амальгамы. Это научное открытие принадлежит академику Г. С. Попову, но не является темой данной главы. Сам же Бодрийяр не дает ответа на этот вопрос.

С моей же точки зрения, Бодрийяр, вероятно, не хотел давать представления человечеству о том, что нужно делать, а хотел, чтобы оно — человечество — само

искало способы это сделать. Есть и другой момент, который я также увидел: Бодрийяр очень часто начинал работу, делал её, но не завершал, по причине того, что предполагал написать ещё одну книгу по этому поводу. Но написал он только то количество работ, которые успел написать. Любой настоящий ученый — это своего рода «незаконченная картина»…

Известно, что Бодрийяр написал более 54 трудов, но у нас постоянно появляются его новые работы. У философа, помимо написанных им книг, есть еще и эссе, которое он написал: есть неизвестные эссе, которые написаны им в Италии, во Франции, в США. Но я уверен, что Бодрийяр — это человек, который был абсолютно последователен в своих рассуждениях, потому то, что написано в эссе либо предваряет какую-то из его работ, либо расширяет представление о той системе, что изложена непосредственно в самих книгах.

Таким образом, нет методики перезарядки — Бодрийяр ее не описал. Он писал о реальности, которая выглядит более явной реальностью, чем гиперреальность. Вероятно, речь идет о научно-фантастических произведениях, о научной фантастике, которая была бы более реальна, чем реальная гиперреальность: *«Фактически научная фантастика в прямом смысле нигде больше не существует, и вместе с тем она повсюду — в циркуляции моделей, здесь и сейчас, в самой аксиоматике окружающей симуляции. Она может внезапно возникнуть в грубом виде вследствие самой инерции этого операционального мира («Симулякры и симуляции», Жан Бодрийяр)».*

Здесь у Бодрийяра прослеживается подход к амальгаме в полном объеме, но, кроме этого, у него ни в одной книге нет утверждения, что с помощью амальгамы можно перезарядить символьную систему.

Подводя итог главы, еще раз замечу: человек живёт под воздействием неизвестной символьной системы, которая им создана бессознательно и стихийно. Эта система порождает побуждения человека в жизни и определяет его судьбу посредством выбора. Выбирая символ бессознательно, человек создает ту конфигурацию, которая и определяет его дальнейшую судьбу.

Требуется не просто изучить ее, понять — какая символьная система у человека, а какая — у окружающего мира, и что нам предлагается среди символов, а ещё и помнить, что капиталистическая экономика потребления и знака уже создала всю систему символов и постаралась от вас скрыть иные символы, чтобы вы использовали только тот набор символов, который свойственен этому строю, этой форме общества и социального взаимодействия. Поэтому нужно не стесняться, а смело идти в историю и искать там другие символы, другую символьную систему. Потому что, используя данную капитализмом символьную систему, никем, кроме завуалированного раба, человек быть не может. В современном мире всё создано так, чтобы человек превращался главным образом в трудящегося, который ходит на работу. Он из себя ничего не представляет, а его удовольствие ограничено той заработной платой, которую ему выделяют ежемесячно.

Поэтому нужно идти в историю, к другим символам и выбирать ту символьную систему, которая наиболее всего отвечает требованиям текущей жизненной ситуации и будущего человека в то или иное историческое время, где он живёт, с корректировкой на требования и задачи, которые ему ставит жизнь и на то, что ему придется делать завтра, послезавтра и так далее. То есть человеку важно уметь прогнозировать и «смотреть» в будущее, планировать перезарядку символов таким

способом, чтобы его жизнь и представление о мире оставались всегда актуальными. Жан Бодрийяр говорил о том, что не нужно стесняться и ограничиваться символами этого общества потребления — нужно отодвинуть их в сторону, идти назад в историю и искать другие символы, искать те самые эффективные модели: *«Мы ностальгируем, потому что у нас есть история, у нас есть происхождение и у нас есть финалы. Сейчас мы должны испытывать ностальгию, потому что эти ценности, эти качества исчезают более или менее… («От гиперреальности к исчезновению», Жан Бодрийяр)».*

Я — криминолог, и моя работа как криминолога, как религиоведа, как философа всю жизнь была очень тесно связана с символьной системой. Я реставрировал в полном объеме Европейский мистицизм и дал людям возможность полностью познакомиться с этой системой. Я изучил всю философию итальянской криминальной традиции, все базовые символы разных организаций, и написал на базе этого исследования монографию «Философия юга Италии». По сути, дал возможность человечеству выбрать то, чего они хотят. Считаю, что нельзя останавливаться сегодня в этих исследованиях — нужно идти дальше, еще более углублять представления и понимания об этом, потому что мир не стоит на месте, он преобразовывается.

Мы видим, что существуют и пандемии, и прочие глобальные угрозы, о чём также писал Жан Бодрийяр. И никуда они не денутся — и дальше будут существовать. И в этих условиях нужно выбирать философию, основанную на тех символах, которые сегодня, с одной стороны, дают абсолютную неуязвимость, а с другой — абсолютную работоспособность и результативность. Поэтому надо использовать аналогии, искать их, отличия друг от друга, находить символьные системы, которые реально по сей день выжили за столько веков, и продолжают работать. И смотреть, как исторически эти символы реформировались, во что превратились, кто выжил, и кто в каком авторитете остался по настоящий день.

ГЛАВА
РАДИКАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Глава, представленная вам на рассмотрение, достаточно серьёзна. И название, как вы догадываетесь, не случайное. Именно этим терминологическим оборотом обобщают работы Жана Бодрийяра, которые были написаны, начиная с 1972 года. К слову, это не только моя личная позиция как ученого, это твёрдое мнение многих учёных относительно материалов Бодрийяра. Поэтому вся данная глава построена на аналитических умозаключениях — как моих, так и ряда европейских авторов — которые символизируют финал огромной философской работы Жана Бодрийяра. Так, в одном из его последних произведений, которое называется «Интеллект зла» (полное название — «Интеллект зла или пакт ясности», впервые было опубликовано в 2004 году), поднимаются вопросы, которые на сегодня крайне актуальны.

Когда в нашем поле зрения — радикальная антропология, имеющий очи да увидит её прямую связь с неким ветхозаветным еврейским учением. Не секрет, что Бодрийяр очень многое заимствовал для анализа (не для плагиата) из еврейских текстов. А в одном из моих интервью в рамках исследования философии Бодрийяра Дэвид Джаннони (David Giannoni), Директор Дома Поэтов в Брюсселе и сооснователь с Антонио Бертоли Maelstrom ReEvolution, назвал Бодрийяра *«мистиком и манихейским пророком» (видео интервью Ph. D. Олега Мальцева с David Giannoni «Психоанализ и Бодрийяр», журнал «Экспедиция»)*. У Жана Бодрийяра радикальная антропология построена на анализе и сопоставлении нынешнего общества, Ветхозаветного учения евреев и критике текущей мировой ситуации. И при том, к этой критике Бодрийяр подходит с разных сторон. Но центром его критики всё-таки является система — та система, в которой мы сегодня живём… Бодрийяр считает, что эта система состоит из двух составных:

Во-первых, из **правил**, которые он обозначает как «code».

К слову, здесь существует огромная русскоязычная проблема: с английского языка термин «code» переводят как «код». Для русского человека «код» — это что-то типа пин-кода, пароля (француз именно так, в основном, и воспринимает термин «parole» — «слово»). Но дословно с английского «code» — это «правила». Поэтому переводчики обычно допускают огромную ошибку, когда на русский язык слово «code» переводят как «код», как «пин-код». Что такое «пин-код»? Это такая вещь, которую либо нужно знать, либо необходимо подобрать к чему-то. Например, цифры 6, 7, 8. Именно «код» не имеет в виду Жан Бодрийяр, когда использует слово

«code». Он этим термином обозначает **«свод правил»**. Этот «свод» у него, в конце концов, сводится к трём правилам: 1) Закон один для всех; 2) Вещи называются только своими именами; 3) Возможность выбора, о чем я более подробно писал в главе восьмой «Три понятия, введенные Жаном Бодрийяром».

Во-вторых, мы имеем дело с некой моделью, которую я назвал **«Чёртовым колесом»** — это механизм возникновения симуляции. Потому что огромное количество людей считают симулякр — центральной идеей философии Бодрийяра. И что они с ним только не делают: выстраивают этажи симулякр (симулякра первого порядка, второго, третьего и т.д.). Но на самом деле это не важно. Важно то, КАК симулякр возникает, откуда он появляется. Повторюсь, существует алгоритм из четырёх действий, обеспечивающий возникновение иллюзий, которые порождают симуляцию (симулякр):

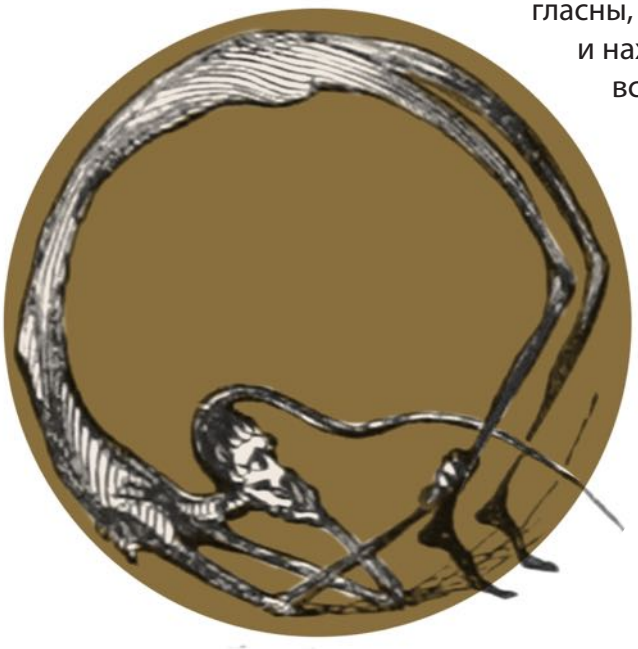
Шаг № 1: отсутствие тайны. То есть в этом мире тайн больше нет. Точка. О чём это говорит? О том, что, следовательно, в этом мире нет и науки. Потому что наука — это научные открытия. Если нет тайн, значит, нет и поля неизвестного. Соответственно, нет и науки. Ничего нет. Человечество всё познало, оно уже все знает… и это первый шаг в алгоритме.

Шаг № 2: **если вдруг появится какая-то тайна, то всегда есть способ эту тайну открыть. Всегда есть инструмент, методология или некий способ быстро раскрыть эту тайну.** И самая лучшая методология — это придумать ответ на эту тайну, чтоб сильно не мучиться… Именно на этом шаге кроется корень зла, как считает Жан Бодрийяр. Потому что это порождает множество. Что значит «множество»? Допустим, я взял в руки ручку и сказал, что это… бегемот. На что мне отвечают: это ручка, а не бегемот! Следовательно, другие люди не согласны с тем, что я назвал ручку бегемотом. И сколько таких несогласных возникает? Немало, не правда ли…

Шаг № 3: появляется множество. Описать этот шаг можно следующим образом: «Вы не согласны с тем, что я сказал? Кто не согласен? Как вас много — тех, кто не согласен с тем, что я сказал!» Надо сказать, что весь нюанс данного шага заключается не в том, что кто-то хочет кому-то что-то объяснять, а в том, что возникает само явление. Оно — револьверно (от английского «revolve» — «вращать»), то есть возникает автоматически. Когда я сказал, что это не ручка, сразу проявилось огромное количество людей, которые не согласны со мной.

Шаг № 4: консенсус.

Что в итоге получается? Есть тайна — это шаг № 1. Затем шаг № 2 — я называю предмет «бегемотом». На следующем, шаге № 3, многие не согласны, что это — бегемот. Мы начинаем искать консенсус и находим его… это — …носорог! То есть — шаг № 4: все договорились, что это носорог! Потому что так удобнее. Таким образом, только что ручка в четыре шага превратилась в носорога, очень быстро! Этот **алгоритм возникновения симуляции я и назвал «Чёртовым колесом»**: тайны нет, ответ придумывается, после этого возникают несогласные, они конфликтуют между собой — в конце концов вся эта толпа приходит к выводу, что это всё-таки не бегемот, а носорог…

При этом не играет важной роли, как быстро люди придут к консенсусу — они могут ругаться и год, и два, и три, пока в конце концов не договорятся между собой в силу совершенно разных причин. Всё заключается в том, что доказывать ничего не нужно, не требуется. Лучше — просто договориться. Ведь, науки тоже нет (раз нет и тайны). Значит, люди сами решают, что есть что.

Что мы получили посредством консенсуса? Наука, в том числе, превратилась в некую симуляцию. Мы получили иллюзию. То есть мы иллюзорно считаем, что ручка стала носорогом. Это иллюзия. И в настоящее время груды этих иллюзий на базе консенсуса превращаются в устоявшиеся конструкции, которые называются симуляциями. Потому что люди и дальше продолжают договариваться, искать причинно-следственные связи между всем этим. В результате возникает некая конструкция, которая вроде как доказана обществом… Ведь каким-то образом люди смогли, например, доказать друг другу, что человек ограничен нейрофизиологическим уровнем. Это же не правда! У человека ещё есть уровень психики, существует и духовная составляющая (уровень «Я»). Но если сегодня взять подавляющее большинство психологов в мире, они в разговоре будут доходить только до антропологического и нейрофизиологического уровня. А как только речь зайдёт о психологии, если не все, то очень и очень многие скажут, что это слишком эфемерно и не совсем научно… А ещё — дескать, у человека и «Я» отсутствует как таковое… Мы сегодня ясно видим — очень многие учёные подходят к вопросу описанным выше способом, который меня не просто удивил, а изумил. Насколько был прав Жан Бодрийяр, когда описывал то, что происходит в современном мире:

«…ловушка этих множественных идентичностей, этих множественных существований, этой передачи «интеллектуальным машинам» — машинам для игры в кости, а также машинам сетей — состоит в том, что после исчезновения общего эквивалента все новые возможности эквивалентны друг другу и, следовательно, взаимно нейтрализуют друг друга. Эквивалентность все еще существует, но она больше не является эквивалентностью органа наверху (эго); это эквивалент всех маленьких эго, «освобожденных» своим исчезновением. Разрушение судьбы происходит из-за избытка возможностей — поскольку размывание знаний происходит из-за избытка информации или сексуального обрушения путем снятия запретов и т.д. («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)».

Если посмотрим на предшествующие произведения, можно говорить о том, что он эту тему разрабатывал еще с 1976 года, по сути — на протяжении 28 лет, до момента выхода книги «Интеллект зла» в 2004 году. Ей предшествовало одиннадцать работ: десять прямо имеющих к ней отношение, и одна — косвенная философская работа, которая словно стоит в стороне, но также связана с «Интеллектом зла». По сути, Жан Бодрийяр написал 11 работ до выхода обсуждаемой книги, в которых поэтапно развивал эту тему, объясняя то, что происходит:

1976 год — «Символический обмен и смерть» *(«L'Échange symbolique et la mort»)*

1983 год — «Фатальные стратегии» *(«Les Stratégies fatales»)*

1986 год — «Америка» *(«Amérique»)*

1987 год — «Прохладные воспоминания» *(«Cool Memories»)* — отдельная серия

1990 год — «Прозрачность зла» *(«La Transparence du mal»)*

1992 год — «Иллюзия конца или забастовка событий» *(«L'Illusion de la fin ou la grève des événements»)*

1995 год — «Совершенное преступление» *(«Le Crime parfait»)*
1999 год — «Невозможный обмен» *(«L'Échange impossible»)*
2001 год — «Телеморфоза» *(«Telemorphosis»)*
2001 год — «Дух терроризма» *(«La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu»)*
2002 год — «Ад власти» *(«Power Inferno»)*

Скажу больше, современный мир пришел в такое состояние, что даже в ответ на свой вопрос одному ученому «Считаем ли мы Жана Бодрийяра ученым?» я услышал в ответ: «Это смотря что считать учёным». Именно «что», а не «кого». Тогда я перефразировал вопрос будучи журналистом: «Хорошо, скажите пожалуйста, считаем ли мы деятельность Бодрийяра научной деятельностью?», на что мой собеседник улыбнулся и ответил: «Смотря что считать научной деятельностью». И это говорит учёный, профессор, живущий и действующий в Соединённых Штатах Америки…

По сути, мы видим: нужен консенсус, люди постоянно ищут консенсус… и это проявляется во всем. А «Чёртово колесо» работает — оно продолжает крутиться, вращаться… Я спросил этого ученого: «Вы считаете философию наукой?», и услышал: «Надо тоже разобраться в этом вопросе». Парадокс заключается в том, что не только он один так говорит. Сомнения о том, считается ли философия наукой или нет, высказали 5 или 6 человек. Так, одни считают философию над-наукой, то есть стоящей над всеми другими науками. Другие же считают, что она — факультативная дисциплина в науке, как бы даже не совсем наука. И это — разговор об одной из древнейших наук. Но факты говорят об обратном. Правила современной академической науки, которая была заложена, образно говоря, в XIX веке (те дисциплины, которые появились на рубеже XIX–XX веков), никто не пересматривал. Просто включилось «чёртово колесо» и эти правила приобрели какой-то пластилиновый вид, когда явления стали интерпретировать как угодно и договариваться о том, что чем считать. И когда. То есть собственно правила исчезли, и возникло нечто вроде других правил. Да, система никуда не делась, но изменились правила — они стали совершенно иными. Ведь очень научно всё поставить под сомнение. Почему не считать Бодрийяра учёным? И почему его считать таковым? При этом не важно — кем его считать: писателем или кем угодно, главное, чтобы не учёным. Ведь научная мысль не только позволяет, но и прямо требует поставить под сомнение буквально всё.

Обратите внимание, речь идёт не столько о науке, сколько, главным образом, о человеке. Известно, научная мысль говорит о том, что дискутировать нужно науку, а не личность. Если вы не согласны с философией, предложите новую концепцию. Но ничего нового никто не предлагает. Дискутируют личность. Почему? Потому что удобно это работающее «чёртово колесо». В науке куда-то подевались методологические правила, сама методология науки: исчезли механизмы превращения данных, идей и фактов в научные категории. Исчезло всё, что давало возможность качественно проводить исследование. Почему? Не потому ли, что исследования стали не нужны? Вместо исследовательской деятельности возникла политика. Поэтому Жан Бодрийяр, создавая свои труды, как бы говорил: это «Чёртово колесо» вращает умы молчаливого большинства.

Раньше дело гробили установки в науке. А сегодня науку и общество гробит машина, задуманная, спроектированная, сооруженная и вращающаяся с целью создания целой системы симуляций. По сути, Жан Бодрийяр говорит,

что симуляция — это замена реального мира некой выдуманной Вселенной, контрмиром знаков:

«…В «Символическом обмене и смерти» (1976), который открывается утверждением, что «На уровне современных социальных формаций больше не существует символического обмена, как организационной формы», Бодрийяр разбивает свою палатку на основании теории Мосса об обмене дарами и «общей экономики» Батая (а также сочинения Соссюра об анаграммах) и всерьез начинается разработка радикальной антропологии, на которой его анализ будет опираться наиболее централизованно в ближайшие годы. Здесь он развивает свою теорию трех порядков симулякра, утверждая, в частности, что мы вышли из индустриальной эры, в которой производство было доминирующим, в фазу с кодовым управлением, где доминирующей схемой является симуляция. Симуляция — это, как он говорит в другом месте, замена мира некой заменяющей вселенной, контрмиром знаков («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)».

Отсюда появляется концепция обратимости: если человек ездит по Одессе с картой города Нью-Йорк, то, в конце концов, он обязательно врежется в столб. То есть система сама себя уничтожит: *«…Мы положили конец этой двойной связи с солнцем. «С ядерной энергией и бомбой,— говорит Канетти превосходным образом,— мы аннексировали солнце; мы бросили его на землю, не имея возможности сдать его, и тогда его свет — это свет смерти. Обратимость все еще существует, но она принимает форму мести»… (Там же)».*

Всё это, конечно же, не само по себе, не от сырости: кто-то все эти симуляции придумывает, кто-то их допускает, а кому-то — это просто удобно. Кто бы это мог быть? Мы не знаем — это «Х» для нас, фамилию назвать нельзя.

Существует гипотеза о том, что неким людям такое положение дел могло бы быть удобно. Так, допустим, если рассмотреть пример с наукой, сидят 10 профессоров на кафедре. У них всё хорошо. Приходит к ним молодой ученый со своим научным открытием и говорит: «Хочу написать докторскую работу, у меня открытие!». На что слышит: «Не надо» — «Как это — не надо? Это же научное открытие!». А ему в ответ: «Может, оно и научное, но оно потревожит все наши научные открытия, а с этим мы не согласны! Мы профессора, а ты — соискатель научной степени. Поэтому разговор закончен». Молодой ученый обижается, идет на другую кафедру. Но там… ему говорят то же самое. Да, есть учёные, которые не заинтересованы в новых научных открытиях. Спрашивается, какие же тогда они — учёные? Но точно так же, как плохие стихи тоже именуются стихами, а плохие картины также относят к живописи, такие люди тоже называются учёными. Хотя ещё древние обращали внимание своих современников и потомков: называться и являться, казаться и быть — по-одесски говоря, две большие разницы. Очень большие. Огромные. О том, что многое называется и считается, но на деле не является таковым, мы можем прочесть и у Фукидида, который жил за тысячи лет до нас. И можно сколько угодно рассуждать и сожалеть об этом, но совершенно ясно: явления сии благополучно прошли сквозь плотины эпох и достаточно широко представлены в современности, в том числе и в науке.

Необходимо сказать, что наука по большей части всегда держалась на плечах энтузиастов и почти никогда — на плечах государства. Исключение составил Советский Союз. Если, условно говоря, вывести за скобки истории семи десятков его

Иеронимо Санчес де Карранза

Франсиско Лоренс де Рада

лет, как некое аномальное явление в мире, это утверждение будет вполне очевидным. Так, Иеронимо Санчес де Карранза (командор Ордена Иисуса Христа), Франсиско Лоренс де Рада (командор Ордена Святого Сантьяго в Мексике) и другие — это люди, обладающие колоссальной властью, которые завоевали весь мир. Наука была нужна правящему образованному классу для того, чтобы трезво, разумно, мудро управлять и властвовать. Мысленно пройдём вдоль галереи образов учёных. Философы все сплошь были энтузиастами. Кого из них осыпали золотым дождём? Кому давали миллионы? Баруху Спинозе? Или Иммануилу Канту, кто всю жизнь просидел на кафедре. Да нет же, никому — ничего. Стимулами служили огромная любознательность, не меньшая увлечённость, научная интуиция, озарённость, долг учёного.

Возвращаясь к книге «Интеллект зла», замечу ее крайне интересное предисловие, написанное другом Бодрийяра и его восторженным критиком — Крисом Тернером, который описал всю карьеру Жана Бодрийяра в полном объёме. В отношении этого великого учёного он пишет, что тот никогда не стремился заигрывать с академической наукой. Ему было всё равно, что скажут и что о нем думают. Бодрийяр продолжал делать то, что он делал. То есть более чем 11 лет он посвятил преподаванию в разных университетах Франции и Германии. Но после этого он больше никогда не возвращался ни в один университет. Его звали и в Сорбонну, и в Гарвард читать лекции — он отказывался. Бодрийяр говорил: он — учёный и ему нечего делать в университете. Видимо, он пришел к выводу о разнице между научной и преподавательской деятельностью. И о возможной степени независимости, необходимой для учёного и невозможной при его службе. При этом ничего не брал у других, ничего не просил, что не могло не раздражать коллег — особенно с учётом его популярности.

Нужно сказать, что Жан Бодрийяр оставил нам в наследование не только философию, радикальную антропологию и социологию — он также оставил нам то, что я бы охарактеризовал как очень интересные письменные советы. С одним из таких советов сейчас с вами познакомимся. Бодрийяр пишет: *«Невозможно уничтожить систему с помощью логики, основанной на противоречиях или путем изменения баланса сил… («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)». Проще говоря, Бодрийяр прямо писал о том, что прямой конфронтацией ничего не добиться — бесполезно бороться вот так «в лоб». Почему невозможно это сделать? Дословно из «Интеллекта зла»: «…худшая ошибка, допущенная всеми нашими революционными стратегами, заключается в том, что они могут положить конец системе на реальном плане… (то есть на физическом плане — прим. автора) (Там же)».* Но этого совершенно недостаточно. Наказать виновных, изловить всех — это можно. Что нельзя сделать? Нельзя убрать другие планы, стоящие над этим: план интеллектуальный, психологический, духовный. Почти столько же, сколько человечество живёт, оно борется с паразитами (с тараканами и клопами).

И что же? Извели? Отнюдь. Нечто подобное происходило и происходит в борьбе законопослушного мира с миром преступным. Сколько бы взяточников не ловили, они продолжают брать взятки. Потому что уничтожение любой системы коррупции на физическом, как Бодрийяр говорит, «на реальном плане», ничего не даёт. Это, как говорили древние, сизифов труд.

Дальше Бодрийяр пишет: «*…единственное решение — это «бросить вызов системе с помощью дара, на который она не может ответить — кроме как своей собственной смертью и крахом»… (Там же)*». По сути, то, что в 30–40-х годах XX века отмечал один из выдающихся советских ученых, академик Г. С. Попов, ярко преображается в философии Бодрийяра: найдите то, что они не смогут повторить. А ведь оба ученых родились в Европе: Попов — в Германии, Бодрийяр — во Франции. Государства-соседи, имеющие общие фрагменты истории в прошлом… Таким образом, философия Европейского мистицизма ярко всплывает в словах Бодрийяра в его книге «Интеллект зла». Бодрийяр говорит то же, что ранее и академик Григорий Семёнович Попов: найдите то, что они не смогут повторить! Это, по сути, единственный способ победить систему.

Если рассмотреть это в виде некоего образа, можно представить «человека, подрывающего себя гранатой». Так очень часто в военных кинофильмах изображают героя, который подрывает гранатой себя и врагов вокруг. Но если представить, например, что враги в этот момент отдалены от него на 50 метров, погибнет наверняка только он один. Согласимся: это скорее будет похоже на элементарное самоубийство, и к тому же не на самый рациональный его вариант. Это модель уничтожения системы в XXI веке.

Сошлюсь на свою монографию «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины». Что происходило в Европе в начале мировой пандемии? Что происходило с европейцами в связи с разновидностью гриппа? Как явился миру и проводился карантин? И это не отдельное государство, а весь европейский субконтинент! Подобным наглядным примером является первая серия британского сериала «Черное зеркало», которая прямо по-бодрийяровски показала, в каком обществе мы живём сейчас. Это власть рейтингов. Власть цифр и признания. Это власть политиков, чаще всего и по существу — политиканов, людей случайных, которые на деле ничто из себя не представляют и ни на что не влияют. И власть капитала, стоящего над ними и за ними, а также власть стоящих за ними других систем, которые к государству не имеют никакого отношения, и которые при этом (парадокс!) действительно обладают реальной властью и на самом деле управляют. Поговорим немного о моей концепции, изложенной в учебнике, написанном в Португальской экспедиции 2020 года, который называется «Безопасность деловых кругов в 21 веке»: вы должны выработать такую тактику, которая

вас заставит победить. И в книге «Интеллект зла» Жан Бодрийяр под очень интересным углом отвечает на этот вопрос: как выработать тактику, которая заставит вас победить? Это значит — приучить себя поступать так, и больше никак. А что, в свою очередь, значит «поступать так и больше никак»? Как написано до этого. То есть прямая атака скорее всего не даст никакого результата (о чем я и писал выше). Теоретически говоря, можно посадить всех коррупционеров. Во всяком случае, можно себе это представить. Но нельзя не понимать того, что на их место, уж будьте уверены, придут новые коррупционеры. Исторический опыт — сын ошибок трудных. Он именно таков и на сей счёт никаких сомнений быть не может. По сути, Жан Бодрийяр считал: единственное, что можно сделать — не дать системе то, на что она не способна отреагировать иначе как собственным крахом и смертью. То есть вызов, на который она не может ответить ничем, кроме как своего краха.

Следующее, о чем важно сказать — наличие власти в руках очень ограниченного меньшинства людей. Наглядный пример: в Российской империи после правления Петра Первого начинается эпоха дворцовых переворотов. Что это значит? Определенным людям захотелось непомерной власти. На самом деле идея, которую многие историки и публицисты приписывают Петру I, не была такой уж новинкой. До него бушевали стрельцы, которых пришлось умертвить в некое утро стрелецкой казни. Стрельцы составляли антиказачьи подразделения (некий контрспецназ на то время). И когда эти стрельцы поняли, что без них власти в государстве не существует, начали диктовать свои условия: кого возводить на трон, что кому делать. Если верить некоторым источникам, в детстве Петра I потрясла картина бунта стрельцов, их вооруженного митинга у дворца и сброса членов царской фамилии на стрелецкие пики. Да и позднее ему пришлось среди ночи чуть ли не в белье бежать из дворца в монастырь от взбунтовавшихся стрельцов. Когда Пётр I пришел к власти, произвёл с ними полный расчёт: коих казнил (говорят-пишут, даже и собственноручно), коих отправил в места, достаточно отдалённые. Взамен полусамодеятельных стрельцов, он создал кадровую армию и её элиту — свою гвардию, которая не бузила и охраняла его вполне надёжно. Сработала в этом плане и реорганизация спецслужбы.

Но это были «Птенцы гнезда Петрова» — его люди и его сообщества, не беспроблемные для следующих правителей и правительниц. Не потому ли далее начинается серия военных переворотов? И новые императрица или император приходили к власти, как говорили в старину, конно, людно и оружно. По сути, все решает только военная элита — гвардия. Екатерина II точно так же пришла к власти — по воле и в опоре на тех, которые хотели власти: самые богатые и влиятельные люди этого государства — графы Орловы, за которыми стояло огромное количество людей. Их воля, их умелое и решительное маневрирование делали своё дело — царствование императрицы потомкам представляется системным и благополучным. Заводило её порой довольно далеко — одна только «дружба» самодержицы с якобинцем Вольтером чего стоит. И не то, чтобы при её правлении всё было ровно-гладко. Пугачёвскую историю она не случайно называла «Ужасом XVIII века». Но государство относительно легко и малокровно разобралось и с этим «ужасом». И правила она долго и государственно эффективно, потому что ее подход к власти был тактически абсолютно жизнеспособен: не лезть самой, а предоставить мужчинам разбираться (как бы по ее поручению) в делах государственной власти.

После ухода Екатерины II и спустя некоторое время в России возникает движение, которое буквально сотрясло государство. До этого никто не мог себе позволить подобного рода резких движений, как, например, убить всю семью Романовых. Оговоримся: цареубийствами, осуществлёнными или проваленными, отмечены все триста лет Дома Романовых. Имели место эти явления и в предшествующие эпохи. Царевича Дмитрия зарезали отнюдь не революционеры. Но эти акты касались только отдельных лиц. Правда, в планы декабристов-южан (Пестель и Ко) образца 1825–26 годов входило не только убийство царя, но и истребление всей фамилии, дабы исключить претензии на трон. Однако декабристы-северяне компании Рылеева были категорически против и попросту не дали бы это осуществить. Не обошлось и без примеров просвещенной Европы — кровавый террор французской революции (и до сегодняшнего дня во Франции именуемой великой) столь же воодушевлял одних российских граждан, сколь шокировал других. И вот в свой час на историческую арену Российской империи вышли, в числе прочих политических и поначалу вполне мирных партий, предшественники левых эсеров — так называемые народовольцы. Начинали они, нужно заметить, считая себя носителями и выразителями воли народа, тоже вполне мирно: это были пропагандисты-народники. Но очень быстро убедились в неэффективности такой работы в народе. Народ выдавал их власти пачками, получали они обидно небольшие наказания. И тогда они схватились за кинжалы-бомбы-револьверы. То есть, в конце концов, террор — практическая основа революции.

Они открыли форменную охоту на царей, великих князей, министров, губернаторов. В перекрестие прицела попадали жандармские и полицейские чины, следователи, агенты охранного отделения. И даже свои не слишком дисциплинированные товарищи. Эпоха террора! Никто не был в безопасности, никакой государственный чин не давал гарантии личной неприкосновенности. Наш земляк Степан Халтурин даже умудрился устроить мощный взрыв во Дворце — заминировал кухню под столовой. Герцен восхищался теми, кого называли героями террора. Прозаик Маркс, теоретически как бы не одобряя терроризм, поэтически называл их «штурмующими небо». Обобщая подобные явления, Бодрийяр относился к явлению вполне определённо: теракт — то, что, в конце концов, выворачивает мир «мехом наружу». И заставляет человечество задуматься. Ничего другое на них не действует, кроме терроризма. То есть люди уже ни на что другое не реагируют: *«Терроризм ничего не изобретает и ничего не открывает. Он просто доводит все до крайности, до пароксизма. Он обостряет определенный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности […] если терроризм проистекает из избытка реальности и его невозможного обмена, из этой щедрости без возможности возмещения, из принудительного урегулирования конфликтов, тогда искоренение его как объективного зла — полная иллюзия, поскольку терроризм, как он есть, в своей абсурдности и своей бессмыслице, является осуждением и приговором, который это общество само себе и выносит… («Дух терроризма», Жан Бодрийяр)»*.

Возвращаясь к теме главы, отмечу очень интересную вещь: *Неаполитанский стиль Испанского фехтования как раз является яркой Бодрийяровской моделью.* Основной постулат этого стиля фехтования сводится к доведению противника до состояния полной беспомощности, когда он уже не может сопротивляться. Это яркий аналог Бодрийяровского противопоставления, когда «противник» ничем

не может ответить, кроме краха и смерти. Как заставить себя победить? Действовать только так и больше никак. Когда наши умения выходят за рамки умений противника, он не может ничего этому противопоставить.

Обратите внимание на то, что в определённый момент Жан Бодрийяр отказывается от социологии и вообще исключает понятие социального. Он говорит: *«…нет «социального», есть только сети символических обязательств, которые не являются социальными отношениями… («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)»*. И в 1979 году у него появляется термин «соблазн»: уже судьбу определяет объект соблазнения, а не субъект. Возникает параллельная вселенная, как отмечает Бодрийяр, игры, испытаний, дуэлей и т.п.: *«…можно мельком увидеть другую, параллельную вселенную…, вселенная, которая больше не может быть истолкована с точки зрения психических или психологических отношений, а также с точки зрения репрессий и бессознательного, но должна интерпретироваться с точки зрения игры, испытаний, дуэлей, стратегии явлений — то есть в плане соблазна (Там же)»*. Почему она возникает? Потому что люди, живущие в гиперреальности, сумасшедшие: они, условно, при езде по Одессе пользуются картой Нью-Йорка. Поэтому начинается Апокалипсис, удары в стены, конфликты ни с того, ни сего там, где их нет. Возникает некая другая среда, которую социальной назвать крайне затруднительно. Эта среда вытесняет среду социальную.

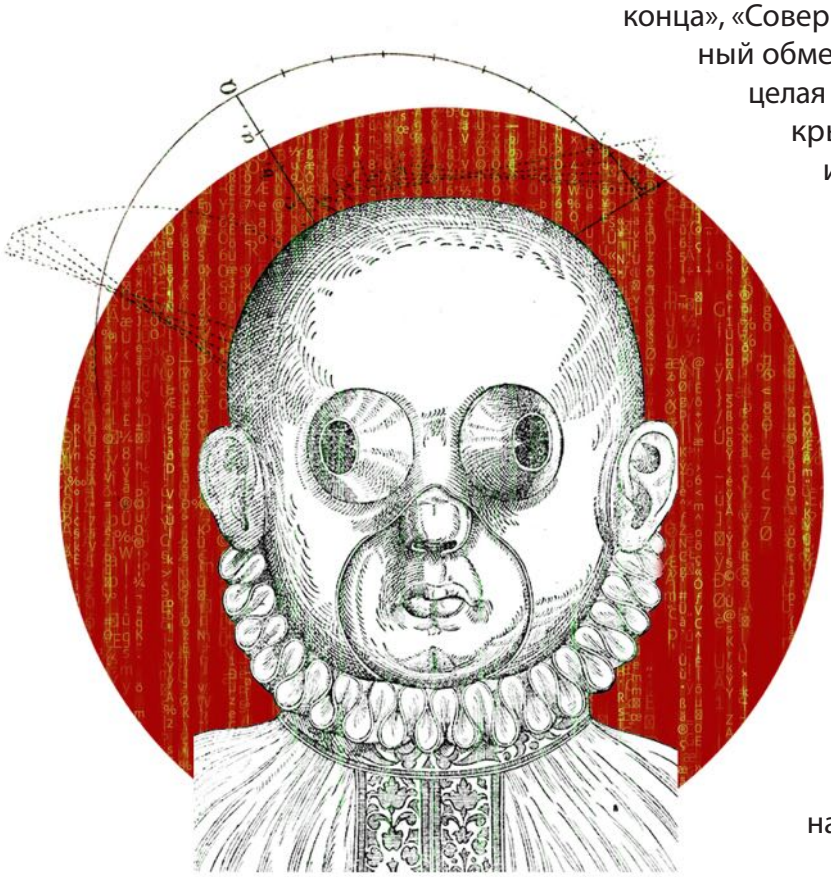

Именно в книге «В тени молчаливого большинства» Бодрийяр как раз и пишет о крахе системы методом подталкивания её к гиперлогике: *«…Они знают, что ни против чего, строго говоря, не восстают, что упраздняют систему, всего лишь подталкивая её к функционированию по законам гиперлогики… («В тени молчаливого большинства», Жан Бодрийяр)»*. Бодрийяр говорит не о том, чтобы останавливать это, а наоборот — усиливать. И нынешняя пандемия — это как раз пример того, что обеспечило гиперлогику, то есть идентичную логику всего мира. Кто-то знал, что абсолютное большинство людей поведёт себя одинаково. Исключения — не в счёт. И здесь как раз возникает новая теория судьбы, где объект обольщения и подталкивает человека к этой гиперлогике. По сути, жизнь в Европе, которая основана на обольщении, не способна противостоять пандемии. То есть эти общества, правительства противостоять пандемии не способны. Так любая вещь, которая обеспечивает гиперлогику (к слову, пандемия, теракт, другие явления — это то, что обеспечивает именно гиперлогику), когда всем одновременно становится плохо — именно это кардинально меняет общество. А любая попытка его изменить — ведёт его к краху. Как говорит Бодрийяр: *«Вселенная, которая больше не может быть истолкована в терминах структур… («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)»*. И возникает термин «соблазнительная обратимость». Это то, что описывал ранее: реакцией на гиперлогику будет «соблазнительная обратимость», то есть развал системы.

Помимо этого, Бодрийяр пишет о том, что вызов уничтожает того, кто совершает вызов в этой системе: «*…Это процесс уничтожения структурной позиции каждого термина, позиции субъекта каждого из антагонистов и, в частности, того, кто бросает вызов… (Там же)*». Допустим, бросьте государству вызов, и оно вас уничтожит. Так бывало в истории неоднократно и в самых разных масштабах. Но если делать это по-другому (условно говоря, удар в подворотне кинжалом намного эффективней, чем вызов государству), то результат может быть достигнут. То, что делали революционеры-террористы в восьмидесятые годы XIX века и далее, в начале XX века, по большому счёту делало государство беспомощным — оно не могло, оставаясь властью, отвечать им тем же.

Бодрийяр обращал внимание на то, что мир может быть описан уже только и совершенно в других категориях: «символических, магических… каких угодно, кроме социальных». Он говорит: «*…создается реальность, которая сама по себе экстремальна, экстремальна при отсутствии критической дистанции, которую она предоставляет нам… (Там же)*», когда люди врезаются в столбы, то есть гиперреальность. Возникает понятие «гиперреальности»: мира запредельного, «мира после оргии». То есть мир запредельный — это мир не вне этого мира, а мир после чего-то… Мир после пандемии, мир после ядерной катастрофы, мир после теракта 11 сентября — всё, что после оргии, становится миром запредельным. У этого мира не существует ни логики, ни догматики — это мир хаоса и случайностей. Всё становится экстремальным, и всю реальность вытесняют симулятивные модели. То есть «Чёртово колесо» продолжает крутится…

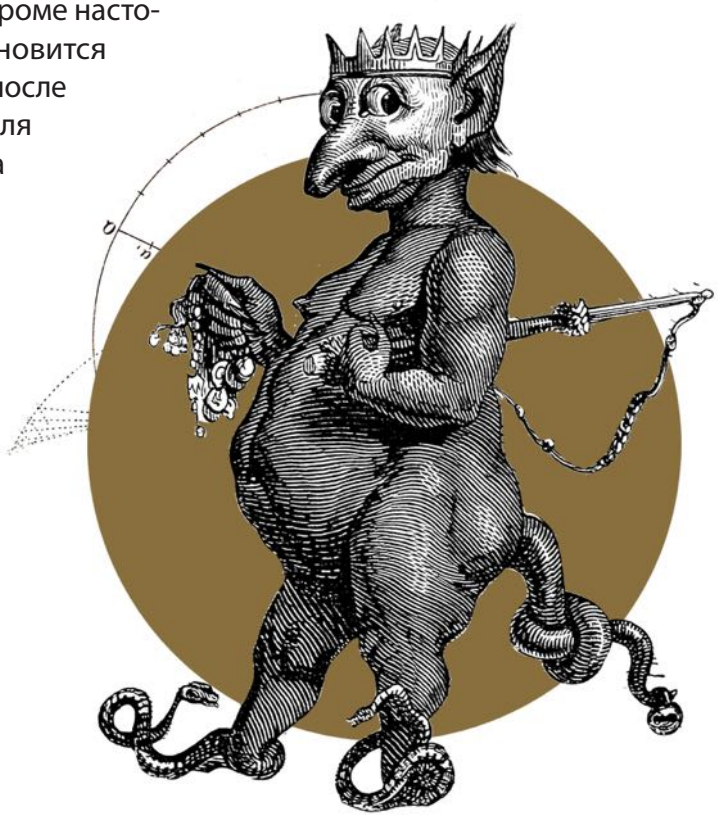
Бодрийяр пишет о том, что «Интеллект зла» — это финальная работа, которой предшествовали: «Фатальные стратегии», «Америка», «Прозрачность зла», «Иллюзия конца», «Совершенное преступление», «Невозможный обмен», «Дух терроризма» и другие. Это целая череда книг, в которых поэтапно раскрывается и вопрос гиперреального, и оргии, и многих других. А «Интеллект зла» уже концентрирует все эти понятия в одной книге. При этом Бодрийяр считает, что это не конец: процесс симуляции, который превратился в экстремальный процесс гиперреальности, будет заменён впоследствии ещё большим экстремальным процессом виртуализации: «*В этих «теориях-вымыслах» процесс «симуляции» превратился в еще более экстремальный процесс виртуализации… (Там же)*». То есть возникнет отдача из интернета: люди уже переходят в общении на интернет-логику и прочее.

Поэтому следующий этап краха системы — это виртуализация. Проект виртуализации — это то, что возникает после гиперреальности. И Бодрийяр назвал это «самоубийственным проектом уничтожения человеческого рода», так называемым безграничным экспериментом над самими людьми: «*…Бодрийяр продвигает — сначала игриво, но затем с возрастающей силой — гипотезу о том, что, поскольку мы неспособны вынести мир символического обмена (который теперь трансформируется в более философскую терминологию «иллюзии»), наш коллективный проект создания виртуальной реальности (во всех ее различных формах, включая такие технические начинания, как клонирование) должен быть понят как самоубийственный проект уничтожения человеческого рода… (Там же)*». То есть сами люди над собой ставят безграничный эксперимент.

Здесь Бодрийяр вводит понятие **«совершенного преступления»** (идеального) — преступления, за которое никогда не последует наказание. Эти «совершенные преступления» становятся главной частью нашей жизни, а «умные» люди совершают «идеальные преступления», те, которых не существует в Уголовном Кодексе. Бодрийяр отмечал, что все правительства стоят на совершении этих «идеальных преступлений». Потому, что у них есть учёные, которые обосновывают их деятельность, и делают её как бы не только законной, но и научной.

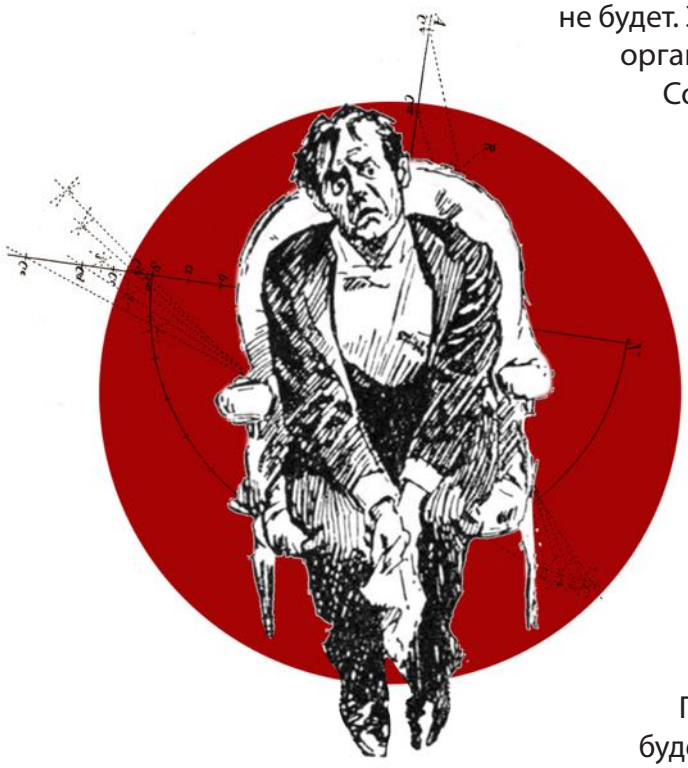
Бодрийяр обращает внимание на то, что они сделали: заменили слово «Зло» на слово «несчастье». Теперь «Зла» как такового не существует в природе. У нас только… «несчастье». Но если не существует «Зла», следовательно, отсутствует и «Добро». У нас нет ни Зла, ни Добра — только несчастье. Пандемия — это же несчастье? Летучие мыши принесли опасный коронавирус? Определённо! Ведь имеется и такая в числе научных версий появления этой эпидемии. И стало быть, они устроили нам несчастье. И сейчас все используют карантин в своих интересах. Не проходите мимо! Бодрийяр и подчёркивает: в этом и суть нашего общества — никто не пройдёт мимо. Поэтому у нас «ежесекундное» исключает прошлое и будущее. То есть, кроме настоящего времени, ничего не остаётся. Становится традиционным мышление по принципу «после меня хоть потоп», где главное — урвать для себя. Потому что после оргии — мир хаоса и случайностей. Но самая большая проблема, которая существует на сегодня: от этого некуда бежать!

А Бодрийяр предупреждал о подобном ещё в 1976 году, что очень скоро не станет важным даже табель о рангах общества, не будет этого существовать. Потому что все будут одинаково подвержены воздействиям извне этих случайностей и хаоса. Под этим воздействием исчезнут статусы. А атомизация, по сути, обеспечивает гиперлогику, то есть все как бы думают одинаково.

Вспомните фильм «Царство небесное». В одной из сцен ярко показана логика некоего человека, который говорил с Саладином. Саладин его спросил: «*Сколько побед дал Бог до того, как я взошел на трон? Скажи, сколько до того, как я был избранным?*», на что тот ему отвечает: *«Немного, потому что мы были грешны»*. То есть не Саладин создал их государство, не Саладин дал им победы, мудрость и всё остальное, а это Бог им не дал победы, потому что они были тогда грешны… Этот человек мыслит совершенно в другом направлении. По его логике, у Саладина как правителя нет никаких заслуг перед обществом, перед государством, которое, по сути, он собрал. И даже не потому, что когда Саладин взошёл на престол, для них стало всё хорошо: Саладин ввёл закон, обеспечил нравственность, победы и все остальное. В этом всем они не видят его заслуг, потому что по логике того человека, Бог не дал им побед, потому что они тогда были грешны, а сегодня они не грешны… Здравомыслящим людям понятно: если убрать Саладина, то все их государство рухнуло бы, но тому человеку это непонятно. Вот так и сегодня всё наше общество мыслит: поставьте у руля государства нормального президента, который бы разрулил всё в этом государстве, наказал бы всех негодяев, и ровно через 10 лет все будут говорить: «Ну и что? Другой бы пришёл, сделал бы то же самое». «Молчаливое большинство» мыслит другими категориями. К чему мы пришли сегодня и в каком мире живем — это общество гиперлогики, хаоса и случайностей. И дальше — виртуализация, проект постановки эксперимента над самими собой, как и говорит Жан Бодрийяр.

В чём же сегодня проблема? В беспомощности людей. Все люди, которые существуют сегодня — беспомощны. По сути, нужна контральтернатива этому всему, что происходит вокруг. И мой учитель, и Наставник Виктор Павлович Светлов, эту альтернативу показал ещё в далёком 1992-м году: он сказал о том, что порядка в нынешней форме правления в государствах всё равно никогда не будет. Это невозможно. Либо необходима такая форма организации и система, как был устроен Советский Союз, то есть социализм, и тогда будет порядок. Либо нужна контральтернатива. Но контральтернативу организовать полностью для всех — невозможно. По сути, она возможна лишь для ограниченного числа лиц. Безусловно, можно предполагать и выдвигать версии того, по какому пути дальше пойдут Европейские государства — Украина и все остальные после 2020 года, но думаю, что государство в том виде, в котором оно существует сейчас, сильно преобразуется в ближайшие 10 лет.

Жан Бодрийяр описывал общество, в основе которого есть три составляющих. Напомню: называть вещи своими именами, возможность выбора и закон один для всех. При этом совершенно не важно, как общество будет называться. То есть с точки зрения Бодрийяра, основой станет общество, а не государство.

У нас же сейчас основа — это государство, под которым и для которого существует общество. Он говорил о том, что общество станет формировать ту структуру, которая не важно как будет называться: государство, постгосударство, универсум или что-то иное. Важно другое: центральной формой этой системы станет общество. Бодрийяр об этом так и пишет, что первичной структурой, формирующей территорию, будет общество, а не государство. То, что видим сейчас — у нас государство отдельно, а общество отдельно. По сути, государство занимается «своими делами», а общество, что хочет (а чаще что может, что ему остаётся), то и делает. Поэтому вполне логичен вопрос: откуда криминал? Криминал — это контробщество.

Нужно заметить, историческая наука и прежде подмечала некоторые странности этой ситуации. В книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, государства и частной собственности» можно прочесть о некоем процессе отчуждения. В ходе развития всё больше разделяя труд и специализируясь, общество выделяло группы и объединения, которые освобождались от производительного труда (оставаясь, как все, потребителями), для координации общественной жизнедеятельности. То есть центральный и местные аппараты обслуживания общества. Но на известном этапе эволюции и включился механизм отчуждения: государство стало не столько обслуживать общество координацией, сколько использовать свою свободу от производства и верхнюю позицию, делегированную обществом власть — для себя самого. Таким образом, всё более отдаляясь от изначальной своей задачи, в наши дни государство бьёт все рекорды этой дистанции. Но процесс этот протекал так медленно-постепенно, что выросли целые поколения, для которых такое отчуждение вполне привычно. Даже иные бизнесмены говорят: мы готовы платить деньги за то, чтобы государство нам не мешало. Подумать только — платить слугам, чтобы те не мешали господам! Слава богу, люди потрезвее уже давно спрашивают: а зачем нам такое государство? А нужно ли нам оно вообще?

Наглядным примером тому является фраза, сказанная одним из героев российского сериала «Охота на Изюбра» о том, что он не помнит, чтобы простым людям предлагали заводы в приватизацию… По сути, в 1990-е годы механизм приватизации всех средств производства осуществлялся при помощи криминальных структур, которых как раз и создали для этой приватизации, для этой войны за собственность в 1990-х. Даже тогда большинство граждан всё равно ничего не решали, ни в чём не участвовали. Да чего там — даже и не совсем понимали, что происходит. Поэтому Бодрийяр говорил о том, что основообразующей системой станет общество, а не государство. И пока оно, это общество, не перестроится, не перепрофилируется,

не переделается — ни о какой другой форме не может быть и речи. Всё как было, так и останется. Бодрийяр так и пишет: *«сеть символического сообщничества… («Символический обмен и смерть», Жан Бодрийяр)»*, говоря о сети символического обмена.

Замечу, ни в одной книге Жан Бодрийяр не говорит о том, что вам делать. Но он проявляет и показывает, как это выглядит и что можно было бы с этим всем сделать, если бы люди хотели это сделать. Последняя книга, которую Бодрийяр написал перед смертью в 2004 году «Отсканированные» — это тупик. Это не возврат куда-то, в новое общество. Нет, это полностью тупиковая книга, показывающая, куда все пришло.

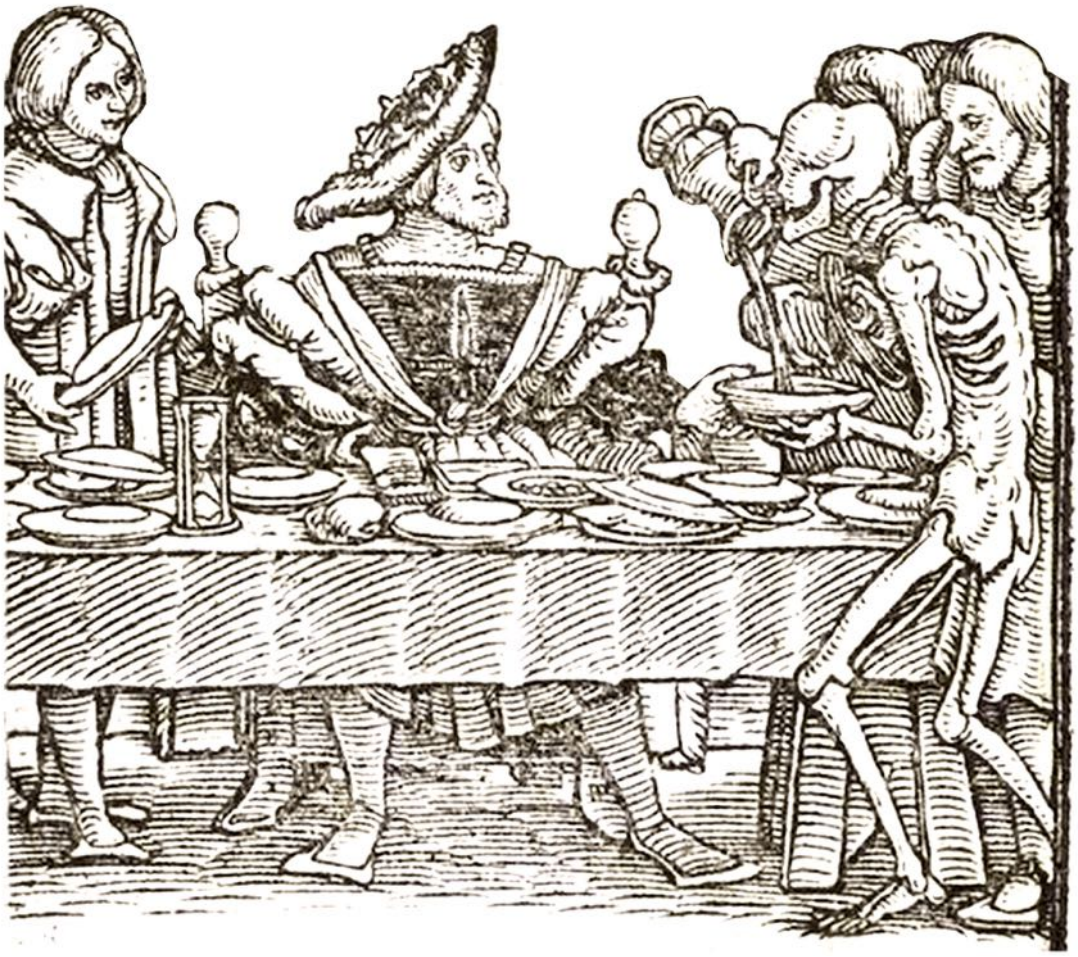
В завершении главы скажу еще раз: Жан Бодрийяр считал, что эксперимент, который человечество ставит само над собой, закончится истреблением рода человеческого — если, разумеется, кто-то не возьмётся реконструировать и перестраивать общество. Кто это будет? Неизвестно. Бодрийяр не отвечает на этот вопрос.

У него была несколько другая радикальная антропологическая теория — о том, что мы все стремимся к бессмертию. А это значит путь назад. То есть наши предки якобы были бессмертными, а мы стали смертными. И суть в том, что когда вернёмся к бессмертию, то выясним, что мы абсолютно примитивные существа, как отмечал Бодрийяр. По сути, чем дальше состояние назад, тем больше возникает состояние примитива. Таким образом, бессмертие — это состояние примитива. Горизонтальное движение назад в бессмертие ведёт нас к деградации. А к Богу идти мы не можем, по причине того, что для этого «общества потребления» и «отсканированных», в котором мы живём сегодня, Бога уже не существует. То есть для этого общества его нет. Он так и пишет в одной из своих работ: «Бога нет»: *«Когда Бог умер, еще был Ницше, чтобы провозгласить об этом,— великий нигилист перед лицом Вечного и перед трупом Вечного. Но перед симулятивной транспарентностью всего на свете, перед симулякром материалистической или идеалистической завершенности мира в гиперреальности (Бог не умер, Он стал гиперреальным) уже больше нет теоретического и критического Бога, чтобы распознать своих… («Симулякры и симуляции», Жан Бодрийяр)»*.

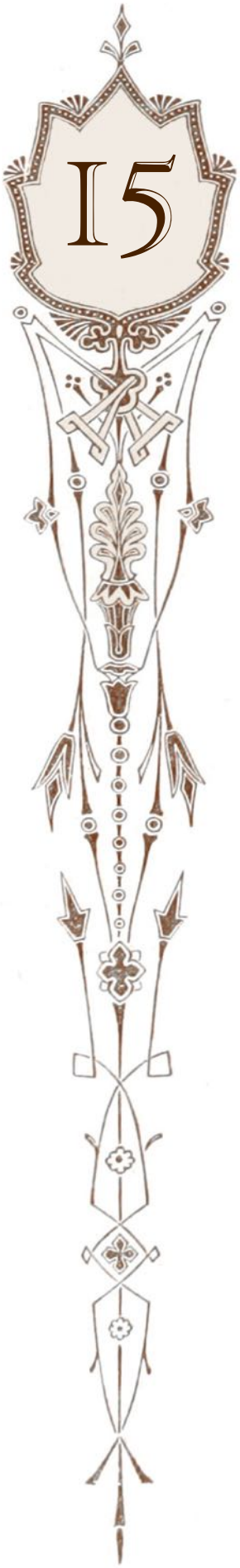
Это не значит, что для конкретного человека Бога не существует. Безусловно, есть и верующие, и неверующие, атеисты и не атеисты и т.д. Но Бодрийяр говорил, что для самого общества в целом, для этого «молчаливого большинства», «масс», «отсканированных» — уже Бога давно нет. Поэтому двигаться к Богу, в бессмертие мы не можем, так как некуда двигаться. Соответственно, можно двигаться только назад. А назад — это деградация. Двигаться же вперёд — невозможно, потому что дальше — мир хаоса, случайностей и неизбежности после оргии. По сути, люди заперли себя. Ни тпру, ни ну! И то, что сегодня редуцируется, ведёт нас, вероятно, к неизвестной власти. И, наверное, мы всё-таки придём к новой эре, к новой власти, где сама власть становится всё больше и больше неизвестной, где всё больше и больше событий становятся необъяснимыми.

Да, в нашем обществе всё больше и больше событий становятся неизвестными, и, по сути, «идея неизвестных отцов», описанная Братьями Стругацкими в книге/фильме «Обитаемый остров», всё актуальнее становится в нашем обществе. То есть власть стремиться к тому, чтобы быть неизвестной. И даже если и сохраниться форма государства, то власть в этом государстве, скорее всего, будет в руках никому не

известных лиц. А власть в мире — уж и подавно. Таким образом, формации категорически бесполезны для неизвестной власти. Как бы человек не назвал те или иные формы общества и территориальные единицы, в которых живут определённые люди, граждане, сограждане или что-то другое (название значения не имеет), вся власть будет стремиться к неизвестности, потому что неизвестность — это неуязвимость. Так как уже давно все поняли, что любая нынешняя власть уязвима, прямо уязвима, поэтому то, что мы видим сегодня — тенденциозно: стремление к власти в состоянии неуязвимости. А состояние неуязвимости — это неизвестность. По этой причине идея Стругацких с «неизвестными отцами» в «Обитаемом острове» становятся более чем актуальной в настоящий момент.

ГЛАВА 15
ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФОРМА ВРЕМЕНИ. ФРАГМЕНТЫ

Этой ночью я видел во сне реальность; какое же облегчение я испытал, когда проснулся!
Станислав Ежи Лец,
Эпиграф к книге «От фрагмента к фрагменту», Жан Бодрийяр

Перед вами одна из последних глав этой книги, которую я назвал **«Геометрическая форма времени или фрагменты»**. «От фрагмента к фрагменту» — так называется одна из книг Бодрийяра, ярко описывающая тот мир, в котором мы живем — фрагментарную эру. Эту главу я решил писать одной из последних, потому что она по-своему подводит к некой точке в фундаментальных основах, заложенных в философии, социологии и радикальной антропологии Жана Бодрийяра. Таким образом, этот труд, как комплексная работа, с моей точки зрения, будет важен в первую очередь деловому человеку. Это не обязательно должен быть бизнесмен. Книга имеет крайне прикладное значение для человека, не умеющего и не желающего жить «наобум Лазаря» или «як Бог дасть», пытающегося отвечать за жизнеустройство себя и своей семьи, за её настоящее и будущее. По сути, философия Бодрийяра имеет огромную практически-прикладную пользу.

Приведу несколько примеров. Недавно вышел уже упомянутый учебник для служебного пользования «Безопасность деловых кругов в 21 веке». Он весь написан на Бодрийяровской основе. Я долго не писал эту книгу, потому что не находил ей основы. Ведь можно и должно делиться своим опытом, но при этом совершенно необходимо одновременно использовать философскую, конкретную научную категорию, без которой объяснить безопасность XXI века невозможно даже теоретически. Таким образом, философия Жана Бодрийяра — это уникальная среда программирования. Так, если выражаться электронным способом, это уникальный язык программирования, которым можно запрограммировать всё что угодно. Но, безусловно, и сам по себе подход Бодрийяра мне очень близок.

В чем уникальность философии Жана Бодрийяра, по сравнению с другими уникальными вещами в мире? Бодрийяр абсолютно трезв в высказываниях относительно того, что сейчас происходит, и того,

что будет происходить. Он — пророк, в отличие от других. Всех других философов можно было бы назвать «рассуждателями», так как они лишь рассуждают, а Жан Бодрийяр — именно прогнозирует. При том, его взгляд крайне остёр, отточен и очень непонятен человеку. В этом и суть, потому что человек сам не знает, чего он хочет. Допустим, задай сейчас ему 10 вопросов о его будущем — большинство будут находиться в ступоре, потому что многие и сами не знают, что они хотят знать о своём будущем, и… хотят ли они вообще знать о нем.

А Бодрийяр не концентрируется на личности, на будущем конкретного индивида — он сосредотачивается на общем будущем — на будущем «человечества как рода». Бодрийяр выводил: виртуализация — это эксперимент человечества над человеческим родом, который закончится его же вырождением:

«…В этих «теориях-вымыслах» процесс «симуляции» превратился в еще более экстремальный процесс виртуализации (и неопределенности), для которого Бодрийяр продвигает — сначала игриво, но затем с возрастающей силой — гипотезу о том, что, поскольку мы неспособны вынести мир символического обмена (который теперь трансформируется в более философскую терминологию «иллюзии»), наш коллективный проект создания виртуальной реальности (во всех ее различных формах, включая такие технические начинания, как клонирование) должен быть понят как самоубийственный проект уничтожения человеческого рода… («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)».

Бодрийяр, с одной стороны, констатировал факт, но с другой — безусловно, всячески говорил о том, чтобы люди прекратили заниматься этими экспериментами. Потому что нельзя виртуализировать жизнь, сделать ее виртуальной. Иначе возникает экстремальная среда. То есть люди, виртуализируя жизнь, создают экстремальную среду для собственного существования.

Ведь когда человек становится, условно, «слепым», «глухим» и так далее, то есть вообще не понимает, что происходит, то с ним невесть что может и произойти в этом мире. В таком случае прогресс ли это!? Виртуализация — это эксперимент, это не прогресс: *«Существует «более мягкая» версия этой мысли, в которой вся человеческая жизнь представляется экспериментальной, «безграничное экспериментирование над самими людьми» (Там же)».*

И когда человечество само над собой ставит эксперимент: выживет оно или нет — это печальный эксперимент. Поэтому Бодрийяр именно так и ставит вопрос. В этом и заключается «прозрачность Зла» Бодрийяра. То есть сцена, и то, что делается на сцене, не соответствует тому, что делается за кулисами. Когда одни «ведают, что творят» и не хотят, чтобы другие «ведали», что они творят…

«Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается — тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова… («Прозрачность зла», Жан Бодрийяр)».

Отсюда, из «прозрачности зла» у Бодрийяра вытекает такое явление, как «совершенное преступление», за которое нет наказания. Приведу пример. Наказание существует в силу диспозиции статей особенной части Уголовного кодекса, или других кодексов (например, административных). А если это «деяние» не подпадает ни под одну статью Уголовного кодекса?

Допустим, если один человек выплеснул в лицо из стакана воду другому человеку, находясь у себя в доме, то это не считается никаким хулиганством, потому что он у себя в доме. Если бы это происходило в общественном месте, то подобное деяние рассматривалось бы как мелкое хулиганство, а в первом случае — не считается. Это можно было бы расценить как некое оскорбление личности, говоря языком этики и морали. Безусловно, это лишь условный пример, но он четко показывает, что человек не стал бы делать это в общественном месте, где его накажут — он совершил деяние так, что его нельзя наказать при этом действии. Это лишь базовый пример «совершенного преступления», когда важна сама суть: человек всё делает так, чтобы его наказать было невозможно, но реализованное действие — преступное. При чем, вне зависимости от того, какой бы совершенный не был кодекс… люди найдут способ совершить это идеальное преступление, как говорил Бодрийяр:

«…Есть ли какие-либо смягчающие обстоятельства в этом преступлении? Разумеется, нет, поскольку их всегда следует искать в мотивах или среди виновников. Однако это преступление без лютивации и без авторства, и поэтому остается совершенно необъяснимым. Вот в чем его истинное совершенство. Хотя, конечно, с концептуальной точки зрения это, скорее, отягчающее обстоятельство. Следствиям этого преступления нет конца — именно потому, что нет ни убийцы, ни жертвы. Если бы был хотя бы один из этих двух, тайна преступления была бы однажды раскрыта, а следствие закрыто. Тайна, в конечном счете, заключается в том, что тот и другой перепутаны: «В конечном счете убийца и жертва — это одно и то же лицо. Мы сможем постичь единство [unity] рода людского, только если сможем постичь во всем ее ужасе истину этой конечной [ultime] эквивалентности» («Совершенное преступление», Жан Бодрийяр)».

Но можно найти способ с «преступниками, которые пытаются совершать идеальные преступления» разобраться по-иному… И об этом также говорил Бодрийяр: лобовое столкновение с ними не дает ничего, но подход от того, чтобы реакцией был крах системы («то, что она не может никак иначе отреагировать, кроме как разрушить саму себя»), о чем мы говорили в прошлой главе «Радикальная антропология» — это и есть теория Жана Бодрийяра. Некий тактический подход, особенная логика, несвойственная человечеству.

Из того, что многие преступные структуры живы до сегодняшнего дня, следует: им удавалось безнаказанно совершать «идеальные преступления». Например, убийство человека — не есть «идеальное преступление», так как убийство подходит под диспозицию Уголовного кодекса. А «идеальное преступление» как раз не подходит под него. Весь смысл заключается именно в том, что человек в итоге сидит в ресторане, пьет кофе и ухмыляется, потому что ему ничего нельзя сделать. Бодрийяр исключает необходимость ждать доказательств, потому что, сколько бы их не предъявили, всё равно ничего не сможете сделать. «Идеальное преступление»…

Его книга «Совершенное преступление» начинается с Введения об «убийстве реальности»:

«– Итак, мой друг, следуя примеру финикийцев, ты прокладывал свой путь по звездам?»

«Отнюдь, — отвечал Менипп — Я путешествовал среди самих звезд».

Учитывая накопленные доказательства, единственной достоверной гипотезой полагается реальность. Учитывая накопленные доказательства об обратном, единственным ее решением является иллюзия. Это история одного преступления — убийства реальности. И уничтожения иллюзии — жизненно важной иллюзии, радикальной иллюзии мира. Реальное не исчезает в иллюзии, это иллюзия исчезает в интегральной реальности.

Если это преступление было совершенным, эта книга также должна быть совершенной, потому что она претендует на реконструкцию преступления. Увы, преступление никогда не бывает совершенным. И в этой черной книге об исчезновении реальности ни мотивы, ни виновников преступления не удалось установить, а труп самого реального так и не был обнаружен.

Что же касается главной идеи этой книги, ее также невозможно определить. Ведь она была орудием преступления. Хотя преступление никогда не бывает совершенным, совершенство, как это следует из самого названия, всегда преступно. В совершенном преступлении само совершенство является преступлением, точно так же, как в транспарентности зла сама транспарентность является злом. Но совершенство всегда наказуемо: наказание совершенства — его воспроизведение [reproduction]. («Совершенное преступление», Жан Бодрийяр)».

То есть за то, что человек убивает реальность людей, никакой ответственности не существует. Те, кто морочат людям голову, убивают их реальность — у них никакой ответственности нет ни перед законом, ни перед людьми, ни перед кем бы то ни было, выводит Бодрийяр. А средства массовой информации — это один из рычагов и инструментов убийства реальности. Так, сегодня в Германии уже доказали, что никакой эпидемии в Германии не было, но в силу тех жестких мер, которые были применены ко всем, одна из ведущих немецких авиакомпаний «Люфтганза» получила убытков более чем на 1 млрд. 200 тыс. евро и была на грани банкротства, так же, как и другие немецкие компании. Теперь они говорят о том, что правительство заплатит за это: в силу того, что никакой эпидемии, как они «рисовали», не было — правительство должно вернуть им все убытки, которые они понесли по их вине, ведь все, что оно сделало за период пандемии — по факту не соответствует закону. Не было пандемии — соответственно, все те меры были нецелесообразны, и не было той угрозы безопасности, которой правительство аргументировало свои действия.

Сейчас ученые, знаменитые писатели начали писать и говорить о том, что подобной аферы в Германии ещё не было. И этот прецедент набирает огромные масштабы. Уже пишут только о том, что те или иные СМИ брали деньги (а немцы доказали, что некоторым СМИ поступали деньги за то, чтобы те писали статьи о пандемии). В Германии есть закон о средствах массовой информации, который говорит о том, что если действия СМИ влияют на национальную безопасность государства и это — недостоверная информация, то редакция СМИ будет нести финансовую ответственность перед государством.

Таким образом, Бодрийяр выводил то, что мы в общем-то говорим о двух совершенно известных вещах: о «восхитительной катастрофе» и то, что любая система имеет «обратимость» (что я описал подробно в главе 8 «Три понятия, введенные Жаном Бодрийяром»). То есть пандемия — это вещь, на которую система отреагировать, кроме как своим крахом, никаким способом не может. И кто-то явно «выбрал этот ключ», который подошёл к замку, что и обрушило весь Европейский союз… Так как можно отреагировать на существующую пандемию, но нельзя никак отреагировать на пандемию несуществующую, на искусственно придуманную. Не с чем бороться. Это как борьба Дон Кихота с ветряной мельницей. И как подтверждение этому — многие боролись с пандемией, но все сели на пятую точку: и президенты многих стран, и правительства.

Обратите внимание, кто не пострадал в результате пандемии: Швеция и Норвегия не пострадали совсем, Финляндия — пострадала частично, а Португалия практически не пострадала. То есть были другие государства, которые грамотно вели себя в рамках карантина, они не устраивали карантина, потому что знали, как необходимо действовать даже в условиях придуманной пандемии, и поэтому не сильно пострадали. Безусловно, это заслуга этих государств и их правительств — оказавшихся во всеоружии государственной и житейской мудрости. А вот все остальные: от Австрии, Швейцарии и до Испании, то есть почти вся Европа — пострадали.

Возвращаясь к теме нашей главы, перейдем непосредственно к рассмотрению того, откуда же у нас появляется эта «прекрасная» жизнь — то, что можем наблюдать сейчас в современном мире? **Фрагментарность или геометрическая форма времени, или фрактал (как говорил Бодрийяр, фрактальная эра) появляется из гиперреальности,** то есть из экстремальной ситуации, из экстремальной среды. Таким образом, экстремальная среда — это и есть среда фрагментов.

Рассмотрим фрагмент как явление. Так как просто говоря термин «фрагмент», достаточно сложно понять, что это такое. Давайте его прототипологизируем на основах, которые нам понятны: фрагмент — это ситуация. То есть жизнь, состоящая только из ситуаций, называется фрагментарностью.

Но возникает вопрос: что не так? Ведь и раньше были ситуации в жизни…

Первая характеристика фрагмента — это неожиданность, экстремальность. Ситуация возникает для человека неожиданно. Представьте себе, что вас неожиданно посадили за штурвал самолета на высоте 10000 м, а управлять самолётом вы никогда не учились и, конечно же, не умеете. Эта ситуация — яркий пример полной неожиданности не только для самого человека, но и для всех вокруг.

Вторым признаком является фатальность фрагмента. То есть отказаться от этой ситуации (фрагмента) нельзя! К сожалению, Бодрийяр рассматривает этот вопрос исключительно с точки зрения самого фрагмента. Он человека в этот фрагмент не тянет и просто объясняет, что ждет человека в этом фрагменте при такой фрагментарной эре.

Следующим элементом фрагмента является спонтанность (беспричинность его возникновения). То есть фрагмент не только неожиданный, но и спонтанный. Хаос и случайность. Тем самым, помимо всего прочего, характеристикой фрагмента является ее спонтанность. Что это такое? Это беспричинность (нет причины), невозможно установить причину возникновения этих ситуаций. Стало быть, не ясно

и что делать. По идее надо бы ликвидировать причину для того, чтобы ситуации не повторялись впоследствии, но здесь это сделать… не невозможно, но крайне сложно установить существование причины.

Четвертая характеристика фрагмента — это его конечность. То есть все фрагменты конечны (у них есть начало и конец). У фрагмента нет продолжения. И это ведет к огромному количеству психологических травм. Есть даже такое выражение «былое не воротишь». И вот такого «былого» у человека в жизни начинает скапливаться огромное количество. По сути, это необратимость. И повторить это нельзя, ничего с этим уже не сделаешь. Но так как кроме этих фрагментов у человека ничего нет в этой жизни во фрагментарной эре, то он постоянно находится в расстроено-ущербном фатальном состоянии.

Бодрийяр называет этот фрагмент — **«ликом судьбы»**. То есть это явление, как непредсказуемая спонтанная ситуация — фатальна для человека, как лик судьбы. Знаете, как говорят, «ничего с этим нельзя поделать».

Последним выводом Бодрийяра относительно фрагмента является его вариативность. То есть фрагменты бывают множества вариантов, и каждая ситуация не похожа на другую ситуацию даже в одной категории. Все ситуации — неповторяющиеся. И именно это выводит Бодрийяр: опыт, как человеческая антропологическая категория, перестает быть необходимым и перестаёт существовать. По сути, человек больше не может опираться на прошлый опыт. Бодрийяр пишет о фрагментах так, что это конец антропологической категории человеческого опыта: *«За этим состоянием всеобщего смешения имеет смысл понаблюдать: мир явно судорожно сжимается, и сжимается потому, что стал добычей неумолимого водоворота. В некотором отношении мы находимся уже по ту сторону своего конца, а значит, хотя людям трудно это признать, ни на какую конечную цель наше движение больше не ориентировано… Люди живут совсем не так, как им кажется, они уже распрощались со своей прежней жизнью, с репрезентацией, с социальностью, с избирательной системой. Возьмите, к примеру, комедию выборов, которая к настоящему времени превратилась в полнейшее безумие, и не только в Соединенных Штатах! Но я все же плохо представляю себе, что может прийти на смену структурам репрезентации. Вероятно, им на смену вообще ничего не придет! Вероятно, мы оказались в зоне пустоты, зоне своего рода инсценированного вакуума!.. («Пароли. От фрагмента к фрагменту», Жан Бодрийяр)».*

Обратите внимание, что выводит Жан Бодрийяр с научной точки зрения: раньше вращались прототипы людей, а теперь начинают вращаться прототипы систем. Люди исчезли, они стали только следствием вращения прототипов систем. То есть от человека более ничего не зависит. Человечество пришло в эру, где от человека ничего не зависит. И этим создаются определённые предпосылки к тому, чтобы получить не человека, а некоего сверхчеловека. То есть в таком мире может жить только сверхчеловек, а обычный человек в таком мире — не выживет.

Почему Бодрийяр и говорит, что современный мир виртуализации — это эксперимент над самим собой, который приведет к исчезновению рода человеческого. Те «винтики», которые были ранее, уже не работают, потому что ничего не повторяется. Нет повторов, а есть лишь спонтанность и фатальность… По сути, невыносимые условия жизни — не с точки зрения быта, а с точки зрения самообеспечения.

Опыт позволяет человеку жить, что-то зарабатывать. А здесь возникает безориентирный тупик, когда человек уже думает о том, что надо же где-то еду и одежду взять. Обращаться, по сути, особо к некому. Поэтому Бодрийяр говорит о том, что для этих людей Бога давно нет, он давно исчез для них: *«Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (что все еще является частью идеологии), то вторые открывают эру симулякров и симуляции, когда уже не существует Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно… («Симулякры и симуляции», Жан Бодрийяр)».*

По этой причине философ выводил то, что мира нет, а есть только работа философов, рассматриваемая в четвертой главе данной книги: даже мира для этих людей нет.

По сути, человечество к этому придет, если и дальше будет так себя вести. Поэтому, когда говорим о некоем сверхчеловеке, сверхличности — никто не даёт ответа на вопрос, как этого достичь. Есть лишь предпосылка, своего рода требование его образования, но никто не дает методику. Нет методологии формирования (подготовки) такого сверхчеловека, и в этом вся суть. Человек не сможет жить в этих условиях, не став сверхчеловеком. При этом сам Бодрийяр нигде не пишет, что нет методики. Он просто выводит в своих трудах, что тенденциозно возникает требование к этому.

Таким образом, Жан Бодрийяр нам оставил огромное поле для исследований. По сути, он начал этот путь, показал, в каком направлении проводить дальнейшие исследования, и ушёл. А теперь только от нас зависит, продолжим мы исследовательскую деятельность в этом направлении или не продолжим. Или будем довольствоваться прогнозами только Жана Бодрийяра и ждать, пока попадем в эту фрагментарную эру.

Сегодня социальное (сферу социологии) нельзя описать, как пишет Бодрийяр, «ни в каких иных категориях, кроме как магические, некие научные категории, символьные категории», которые нам неведомы на сегодняшний день: *«…все, что было задумано и осуществлено в этом социальном «сценическом действии по-итальянски», никогда не имело существенного значения. В своей основе вещи никогда не функционировали социально — они приходили лишь в символическое, магическое, иррациональное и т.п. движения… («Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы», Жан Бодрийяр)».*

По сути, мы можем этими категориями оперировать для того, чтобы описать социальное. Но на самом деле, как отмечал Бодрийяр, социального уже нет. Нет предмета исследования социологии, он — исчез, и в этом вся проблема. Поэтому этот мир можно описать только в других категориях. По сути, Бодрийяр уже констатировал факт: то, что сегодня исследуют социологи, такое явление исчезло. Они работают с виртуальной реальностью. Как дословно и пишет Бодрийяр в своей работе: вещи никогда не функционировали социально — они приходили лишь в символическое, магическое, иррациональное и т.п. То есть сегодня описать социальную среду при помощи функции математики, науки, инструментов социологии — невозможно. В этом весь смысл и суть.

С моей точки зрения, этот труд — книга, которая сейчас создается, как раз и дает комплексное фундаментальное представление о философии, социологии и радикальной антропологии Бодрийяра для того, чтобы, встав на этот фундамент, для себя принять решение: я буду этим пользоваться? То есть закрыть для себя вопрос: ответить — да или нет. Данная книга, по сути, как азбука Бодрийяра (его букварь). Она связана с личностью Бодрийяра и с его взглядом на мир как философа, социолога и радикального антрополога. Потому что именно Жан Бодрийяр открыл миру радикальную антропологию. Он — создатель радикальной антропологии.

Радикальная антропология полностью противоречит современной антропологии. Бодрийяр обращает внимание на то, что человечество так не развивалось, оно не развивается и никогда не будет действовать в соответствии с антропологическими законами, потому что среда его (человечества) обитания резко многократно изменилась уже на сегодняшний день — до и после того, как антропологи написали эти работы: «…*Потеряв из виду конец, мы отчаянно пытаемся зафиксировать начало. Свидетельство тому — наше нынешнее стремление отыскать истоки. Но эти усилия тщетны: и антропологи, и палеонтологи обнаруживают, что все истоки исчезают в глубинах времени, они теряются в прошлом, таком же бесконечном, как и будущее.*

На мой взгляд, мы уже прошли точку невозвращения и полностью вовлечены в безостановочный, экспоненциальный процесс, в котором все погружено в беспредельный вакуум и утратило человеческое измерение и который лишает нас и памяти о прошлом, и нацеленности в будущее, и возможности интегрировать это будущее в настоящее. Отныне наш мир представляет собой вселенную абстрактных, бесплотных вещей, продолжающих жить исключительно по инерции, ставших симулякрами самих себя и, тем не менее, не знающих смерти… («Пароли. От фрагмента к фрагменту», Жан Бодрийяр)».

То есть, когда они писали эти работы, это касалось той среды, в которой человек жил во время написания этих работ. Но уже несколько раз менялись эры: была экономическая эра, то есть информационная эра, и уже мы подходим к фрагментарной эре. По сути, мы уже ни на что реагировать не можем. У нас даже, возвращаясь к теме пандемии, никто в Европе адекватно отреагировать на пандемию, за исключением считанных единиц, не смог.

Жан Бодрийяр — хороший философ, шикарный социолог и лучший в мире антрополог. Он смотрит на вопросы сразу с нескольких научных сторон, одновременно с нескольких научных теорий, и делает единственно верный, единственно необходимый и единственно точный вывод по ситуации, в которой мы находимся. То есть подход Бодрийяра учит человека думать иными категориями. Бодрийяр фактически создает на интеллектуальном уровне этого сверхчеловека.

Бодрийяр говорит о том, что если мы не остановим этот эксперимент, то человечество обречено. А как это сделать? Бодрийяр не даёт ответа на этот вопрос. Он не отрицает опыт, но пишет, что когда наступит фрактальная эра, вот тогда уже будет поздно что-то менять. Фатализм Бодрийяра заключается в том, что люди, как он отмечает, меняться не захотят: «…*Нельзя не заметить: сегодня наблюдается ничем не прикрытое влечение к виртуальному и связанным с ним технологиям. И если виртуальное действительно означает исчезновение реальности, то оно, вероятно, есть пусть и плохо осознаваемый, но зато смелый, специфический вы-*

бор самого человечества: человечество решило клонировать свою телесность и свое имущество в другой, отличной от прежней, вселенной, оно, по существу, отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном… («Пароли. От фрагмента к фрагменту», Жан Бодрийяр)».

Выхода нет. Но можно, как говорил и мой Наставник, Виктор Павлович Светлов, и Жан Бодрийяр, организовать социум, достойную социальную среду для ограниченного числа лиц. И мы видим, что это сделать возможно, что более подробно рассматривалось в одной из прошлых глав.

По сути, возникнет новое общество, новый мир. И смысл заключается в том, с моей точки зрения, что мы не знаем того нового общества, которое возникнет в ближайшее время, в ближайшие десятилетия. Оно будет возникать в последующие десять лет. А дальше будет, вероятно, некая форма становления этого мира в несколько другой форме, которая будет принципиально отличаться от того, что есть сейчас.

Вероятно, может исчезнуть судебная система, система правоохранительных органов в полном объеме, государственной безопасности. Преступный же мир… С точки зрения того закона, который был, все будут преступниками. А новые законы, которые будут составляться на этой территории — по ним это будут люди «благородные и честные». А так как условия сейчас самые благоприятные, что ни на есть, для этого, то огромное количество людей не будет иметь себе применения. И как раз в подобных кондоминиумах, как сейчас с мировой пандемией… всё начнётся с эпидемией, потому что все сейчас будут играться с этими эпидемиями и дальше…

Каждый человек сам в ответе за свою жизнь. И Бодрийяр считал своим делом констатировать факт того, что сейчас происходит, он объяснил, что это будет и как. При этом он говорил, что нормальное общество (настоящее общество) характеризуется тем, что выбор в нем — это частное дело каждого человека: *«…Все великие повествования о нашем индивидуальном сознании свободы, воли, идентичности и ответственности — просто добавляют бесполезную, даже противоречивую, чрезмерную решительность к нашим действиям, когда они «происходят», в том смысле, что мы являемся их причиной, что они выполнение нашей воли, что наши решения являются продуктом нашей свободной воли и т.д. Но наши действия не нуждаются в этом: мы можем решать и действовать без необходимости вовлекать волю и идею воли. Нет необходимости вовлекать идею свободной воли, чтобы делать выбор в жизни… («Интеллект зла или пакт ясности», Жан Бодрийяр)».* Поэтому, с моей точки зрения, Жан Бодрийяр и не писал в трудах что выбирать. Он не говорил человеку что делать, потому что считал, что нормальное общество стоит на трех китах. И возможность выбора — это один из этих китов.

Если Бодрийяр был бы президентом, то три правила общества появились бы первыми и сразу: три правила, по которым живёт это государство. Ведь вопрос всегда стоял, кого избирать в президенты. Обратите внимание, что в президенты почему-то идут дельцы, потому что им как-то нужно обеспечивать безопасность своих владений, бизнесов. А «безмолвные», с моей точки зрения, «молчаливое большинство», как их называл Жан Бодрийяр — не желают ответственности. Я очень хорошо знаю правила «молчаливого большинства», потому что очень хорошо читал труды Бодрийяра. У «молчаливого большинства» пять правил, и одно из них гласит:

«если хотите что-то изменить, то только в нашу пользу; иначе не вздумайте вносить какие-либо изменения». Молчаливое большинство мыслит этими категориями. Это не разумная, а абсолютно иррациональная субстанция. И главная характеристика молчаливого большинства, как говорят социологи,— это иррациональность: все решения иррациональны. Эти решения вроде как глупые, но они их почему-то категорически устраивают.

В завершение же этой, предпоследней, главы, скажу лишь одно. По сути, эта фрагментарная эра — тупик для человечества. И либо человечество пойдёт развиваться вверх, то есть с некими признаками сверхчеловека, либо оно будет ретрансформироваться до тех пор, пока не придет к полному примитиву.

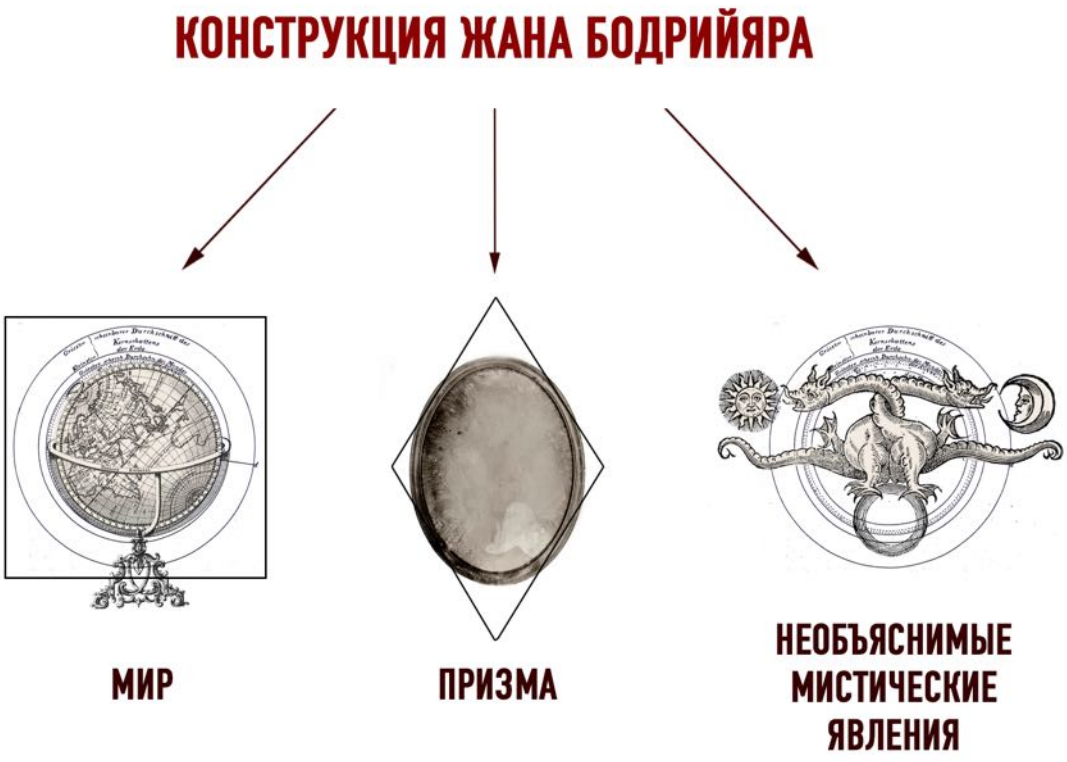

ГЛАВА 16
КОМПЛЕКСНАЯ ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФИЛОСОФИИ БОДРИЙЯРА

Итак, предлагаемая вашему вниманию заключительная глава этой книги приглашает на своеобразную экскурсию в мир философии Бодрийяра — в её наиболее полной целостности. Главная задача этой книги выполнена — мной построена модель философии Жана Бодрийяра. По сути, я восстановил «здание» Бодрийяра и нарисовал чертеж всей его философии, с помощью которого мы сможем понимать, что в мире вообще происходит, когда происходит, почему все именно так, а не по-другому. То есть этот чертёж отвечает на все вопросы с точки зрения, безусловно, Жана Бодрийяра: его философии, радикальной антропологии и социологии до определенного момента времени (до краха социального). А социологией Бодрийяр занимался достаточно много времени — более 10 лет.

Сначала я бы вам хотел предложить **конструкцию философии Бодрийяра в некой упрощенной модели.** Эта модель состоит из 3-х частей:

1. мир, в котором мы живем;
2. некая призма (или экран), через который мы смотрим на этот мир;
3. необъяснимые мистические явления.

По сути, существует такая тройка: **мистика, призма (или экран) и мир.** И каждую из этих частей рассмотрим в отдельности, чтобы понять, о чём идёт речь.

Мир у Жана Бодрийяра составляет очень большую конструкцию, и над этим миром, как Дамоклов меч, висит такое явление как **обратимость**. Как еврейская мудрость гласит, «все будут исправлены» (бесспорный процесс исправления всех будет завершён рано или поздно), так и у Жана Бодрийяра — все будут обратимы (все обратимо), то есть рано или поздно сами уничтожат себя. Поэтому над этим Миром, над всеми явлениями Мира, как меч Гедеона, как Дамоклов меч, висит обратимость.

Но понятий Бодрийяра в мире настолько много, что работать с конструкцией такой величины не представляется возможным. Я разбил эту конструкцию на определенные группы: они структурированы по понятийному аппарату Бодрийяра так, что отражают определенные свойства этих групп.

Группа № 1 — Воздействие. Это прямое действие на что-то, и в эту группу вошли три явления:

- Великолепные катастрофы
- Оживление явлений
- Экстремальная реальность

Эти три явления — то, что прямо воздействует на мир.

Группа № 2 — Механизмы этого мира (некие шестерёнки). Сюда вошло достаточно большое количество явлений:

- совершенное преступление (то есть преступление, за которое нет наказания)
- наука как генератор выгодной глупости
- сети символического обмена
- прозрачность зла
- замена значений
- реальность, вытесняемая симулятивными моделями

Группа № 3 — Состояние. То есть в каком состоянии всё находится:

- молчаливое большинство
- коды, правила
- проблемы социальной сферы
- мир, который не может быть истолкован социально
- оргия
- мир хаоса и случайностей

Группа № 4 содержит только одно значение — это **проявление мистики**, которое у Жана Бодрийяра называется **обратимость**.

Что получается? У нас существует некое **состояние**, которое достигается **воздействием**. Это воздействие осуществляется при помощи определенных **механизмов**. И над всем этим висит **обратимость**. Как видно наглядно, все вещи на лицо. И при этом конструкция с виду очень проста: некие механизмы работают, они обеспечивают силовое воздействие. А это силовое воздействие обеспечивает состояние, в котором находится всё. Но мы разбираем только одну часть — Мир.

О **воздействии.** Жан Бодрийяр дословно пишет о том, как работает воздействие:

«Экстремальная реальность порождает Великолепные катастрофы, а СМИ и невежество «избранных» наделяют их одушевленными признаками, упорядочивают мистическими или иными человеческими формами».

По сути, существует Экстремальная реальность, которая порождает Великолепные катастрофы. Великолепные катастрофы, СМИ и невежество «избранных» одушевляют, то есть делают их как бы подобными человеку, человеческим свойствам — то есть, их превращают либо в мистические, либо в человеческие формы.

Рассмотрим пример. Экстремальная среда, в которой мы живем, порождает мировую пандемию. Средства массовой информации и разного рода руководители превращают это в некое человеческое существо. То есть пандемия становится уже некой *«старухой с клюкой»*, как говорил один из главных героев фильма «Собачье сердце» профессор Преображенский, определяя термин *«разруха»*, которая ходит по всему миру. У коронавируса уже начинают брать интервью, на телеканале «Дождь» играются в коронавирус… То есть коронавирус становится неким одушевлённым предметом; тем, с которым можно вести диалог. Это уже предмет, который существует в виде некой человеческой или нечеловеческой, или мистической формы. Это и есть то, что происходит в момент Воздействия.

Важно сказать, что схема работает только так, и больше никак! И это можно видеть на примере фильма «Собачье сердце»: *«А что означает эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая вышибла все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует, доктор. Что вы подразумеваете под этим словом? А это вот что: […] разруха в головах!»*. Профессор Преображенский совершенно четко выразился: у людей разруха — в голове. Именно это и хочет показать Жан Бодрийяр: он говорит вещи совершенно тождественные герою книги Булгакова и экранизированного фильма профессору Преображенскому. Потому что в мире происходит всё именно так, и больше никак.

Рассмотрим следующую часть конструкции Бодрийяра (группа явлений № 2) — **механизмы**. Механизмов у Бодрийяра много, поэтому сначала их необходимо разбить на две категории:

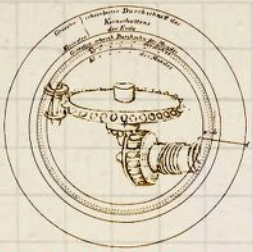
- совершенное преступление
- прозрачность зла

- наука как генератор выгодный глупости
- сети символического обмена
- замена значений
- реальность, вытесняемая симулятивными моделями

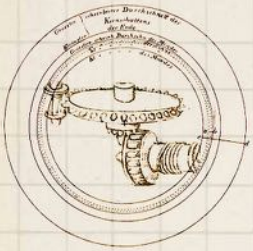
Совершенное преступление и прозрачность зла прямо связаны между собой, одно без другого не существует. По сути, прозрачность зла порождает те самые совершенные преступления.

Следует сказать, что какие-то термины, которые использует Бодрийяр, уже существовали ранее, а другие — ввёл как термины сам Бодрийяр. Например, термин «социальный» — существовал, а термин «наука как генератор выгодной глупости» был введен Жаном Бодрийяром. У «науки», к слову, в этой схеме двойственное значение — создание экрана и генератор выгодной глупости. То есть наука создает эти две вещи.

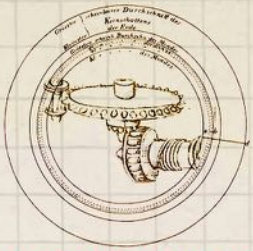
Применяя метод зависимых и зависящих, рассмотрим, что из чего проистекает. С левой стороны: *прозрачность зла* порождает *совершенные преступления*. Группа явлений справа выглядит следующим способом: *наука как генератор глупости* допускает и порождает *замену значений*, что в свою очередь, посредством *сети и символического обмена сетей* обеспечивают *реальность, вытесняемую симулятивными моделями*. Так работают эти механизмы.

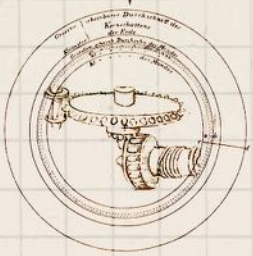
ПРОЗРАЧНОСТЬ ЗЛА

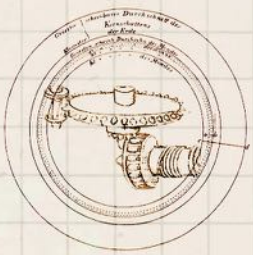
ПОРОЖДАЕТ СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

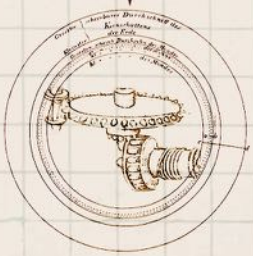
НАУКА КАК ГЕНЕРАТОР ВЫГОДНОЙ ГЛУПОСТИ

ПОРОЖДАЕТ ЗАМЕНУ ЗНАЧЕНИЙ

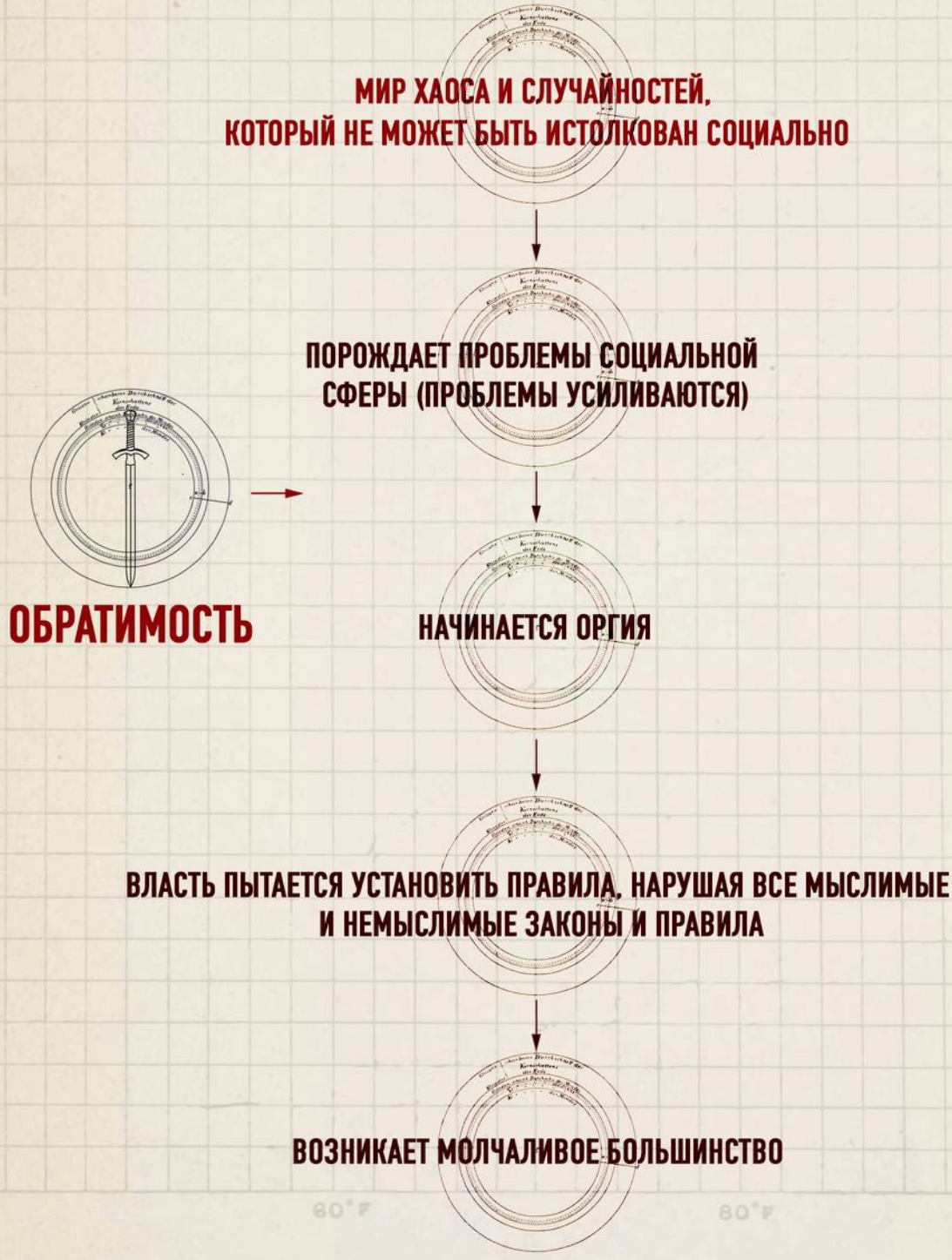
ЗАТЕМ ПОСРЕДСТВОМ СЕТЕЙ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБМЕНА ОБЕСПЕЧИВАЕТ

РЕАЛЬНОСТЬ, ВЫТЕСНЯЕМУЮ СИМУЛЯТИВНЫМИ МОДЕЛЯМИ

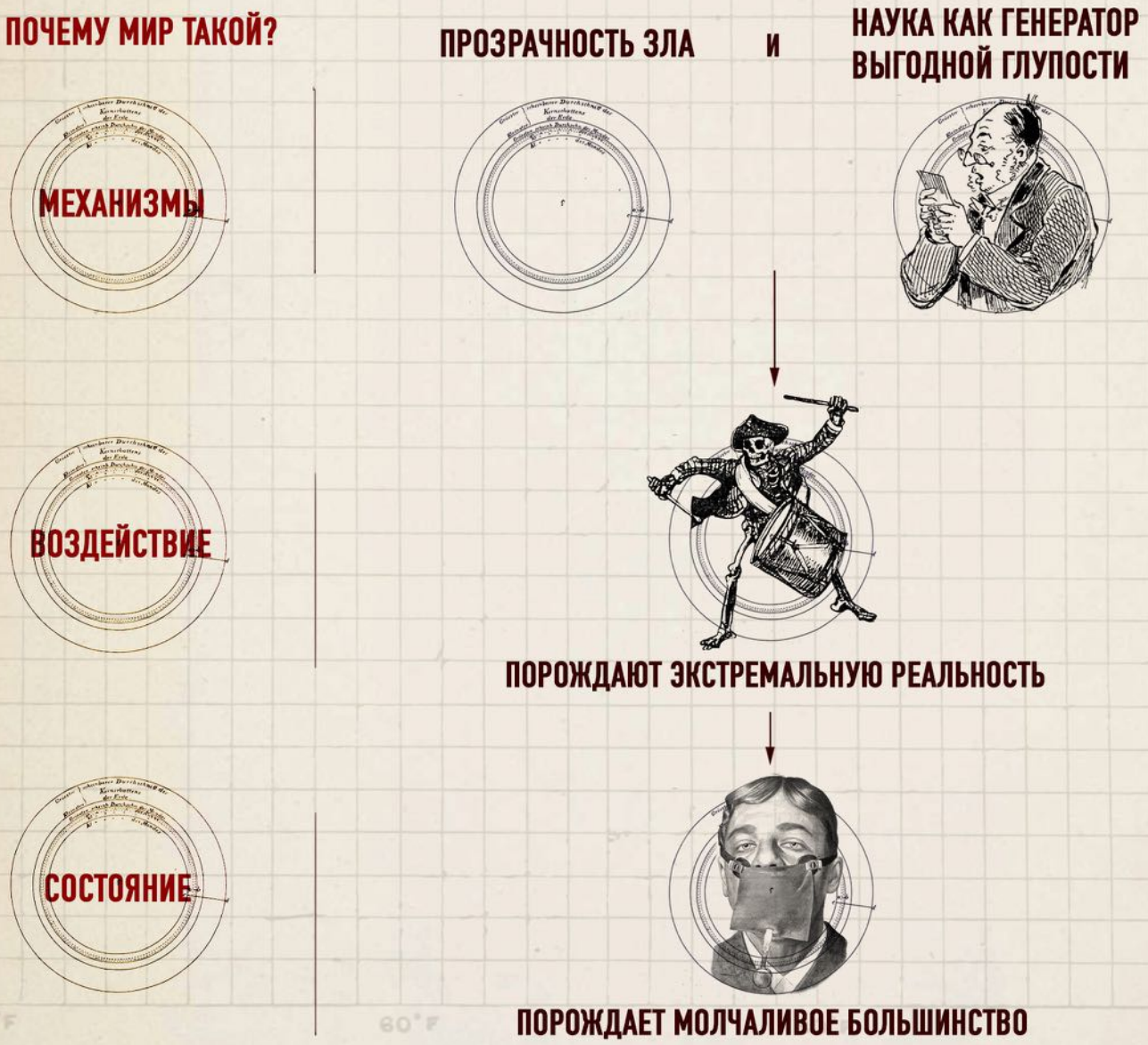

Группа явлений № 3 — Состояние. Не менее сложная группа явлений, но здесь сразу будем рисовать последовательность: *мир хаоса и случайностей, который не может быть истолкован социально, порождает проблемы социальной сферы (проблемы усиливаются). Начинается оргия. Во время оргии власть пытается установить правила, нарушая все мыслимые и немыслимые законы и правила, что порождает молчаливое большинство.* И над всей этой реальностью висит как Дамоклов меч — *обратимость*.

Наглядный пример — американский фильм «Судная ночь», где достаточно ярко показано, как возникает молчаливое большинство. По сюжету фильма есть одна ночь в году, когда разрешается совершать все преступления, кроме применения для этого такого вида оружия как авиация и подобного: когда человек может убить кого угодно, даже своего отца или мать — всех, кто ему не нравится; может насиловать, убивать, грабить, по сути, делать всё что ему угодно, но только один раз в году — в течении 12 часов. И люди за эту одну ночь в году готовы весь год быть паиньками — и копить, готовиться к этой «судной ночи», планировать ее и прочее, что совершенно четко отражено в поданной выше схеме, когда власть пытается нарушить все мыслимые и немыслимые правила и законы, потому что во время оргии страшно.

Сведя все вышеизложенное в одну схему, получим причины, последствия и механизмы, то есть **полную принципиальную схему работы философии Жана Бодрийяра:**

Здесь в разрезе показано, что это все работает как единая машина. Но речь идёт пока только о Мире. Следующим этапом рассмотрим Призму (экран) и необъяснимые мистические явления. Все вместе дает **комплексную принципиальную модель философии Жана Бодрийяра, которая будет состоять из Мира, Призмы и Мистики.**

На самом деле философия Бодрийяра очень проста для человека, который кое-что знает, если можно было бы в самом начале допустить некоторую гипотезу. Но так как её нельзя допустить в самом начале, и она появляется только в результате тщательного и подробного изучения самих трудов Бодрийяра, то можно еще раз убедиться в том, насколько Бодрийяр умён: любому человеку теперь в любом случае придется перечитать все его труды, чтобы убедиться в том, правильна эта схема или неправильна. Поскольку, только изучив все книги Жана Бодрийяра, можно вывести эту **принципиальную схему**, где *Прозрачность зла* и Н*аука как генератор выгодной глупости* порождают *Экстремальную реальность*, что в свою очередь порождает *Молчаливое большинство*. Замечу, что на этой принципиальной схеме, описаны только причины — почему так происходит в мире, а сами схемы не расписаны подробно, так как они уже описаны в полном объеме на предыдущих схемах. Таким образом, данная схема — это ответ на вопрос «Почему мир такой?»

Что же делать в таком случае? Во-первых, необходимо разрушить прозрачность зла. Во-вторых, вернуть в науку академическую форму. В-третьих, убрать экстремальную реальность. В-четвертых, «перетрясти» молчаливое большинство, сделав его не молчаливым, а активным.

Теперь пришло время вычертить самую важную, комплексную модель, которая отражает **комплексную систему философии Бодрийяра**, принципиальную модель его философии:

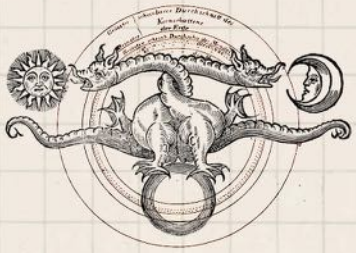

Обратите внимание на то, что **Призма** состоит из пяти компонентов: иллюзия, симуляция, гиперреальность, виртуальность и механизмы создания этих явлений. И этими механизмами Призма связана с Миром.

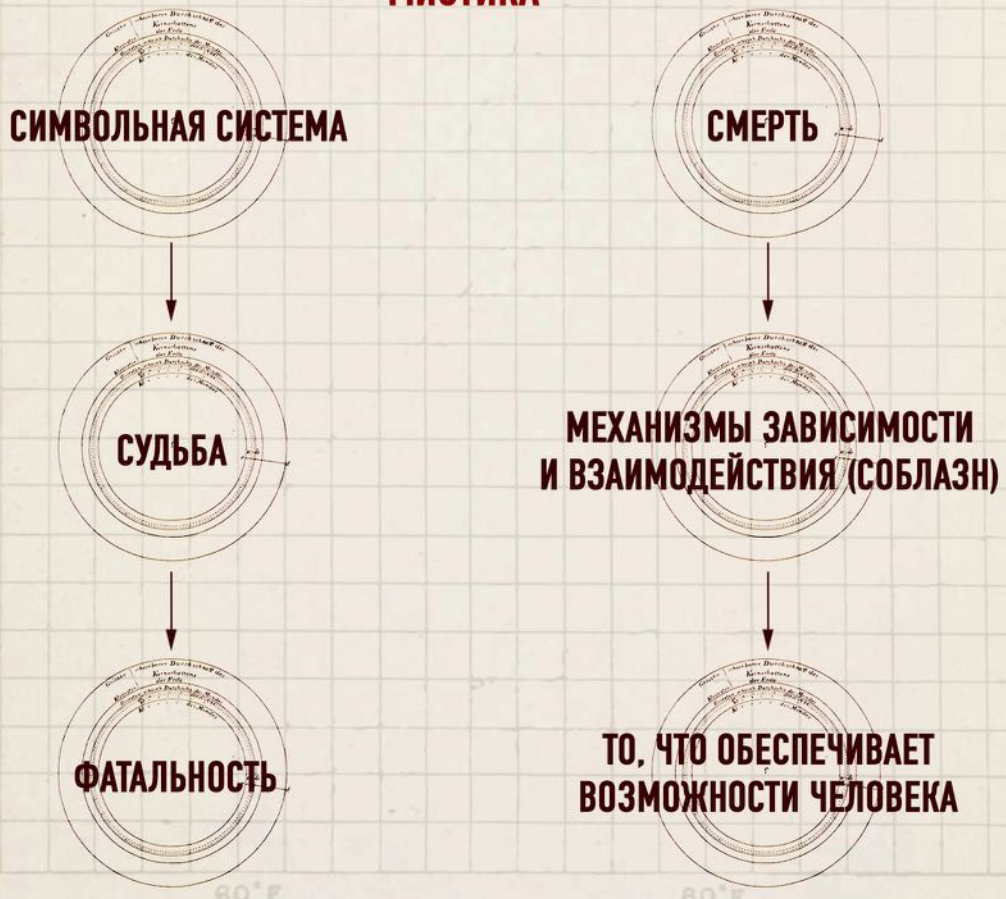
Мистика Бодрийяра. Мистика Бодрийяра достаточно сложна, и состоит из шести явлений, которые расположены в двух группах:

- Символьная система
- Судьба
- Фатальность
- Смерть
- Механизмы зависимости и взаимодействия (Соблазн)
- То, что обеспечивает возможности человека

По сути, имеем дело с двумя группами, во главе одной из которых стоит Символьная система, а во главе другой — Смерть. И это важно отметить в силу дальнейших выводов главы.

МИСТИКА

Когда смотрим на эту конструкцию, с виду она особо ничего не даёт. Но если проделать определенные действия, то получится крайне интересная вещь. Если внимательно посмотреть на принципиальную схему философии Жана Бодрийяра и его составную часть — Мистику, состоящую из двух, по сути, колонок, то мы видим следующее. Колонка слева, во главе которой стоит Символьная система, означает, что эта группа явлений — **Тора** (Тора — это некий компас, который позволяет человеку открыть для себя Тайну; как зеркала, которые во всех смыслах жизни человека показывают ему отражения его бытия), а вторая колонка, во главе которой стоит Смерть — это **Тайна**. Говоря более простым языком, возникает модель Европейского мистицизма, в основе которой лежит Символьная система и Смерть. Убедиться в этом достаточно просто: достаточно полететь в Европу, например в Мюнхен или Палермо, и прогуляться по историческому центру, который просто пронизан языком Европейского мистицизма, его фигурами и символами.

Если нарисовать эту схему несколько иначе (развернуть вертикально): **Мистика** расположена вверху, затем идёт **Призма**, а внизу стоит **Мир**; то сразу возникает **основная модель Европейского мистицизма — Бог, Миры и Мир.** Потому что для человека Мистика — это Бог и всё, что ему неизвестно. Призма — это искажения, своего рода зеркала, которые идут вниз от Истины (так возникает «у каждого своя правда»), а этот Мир, в котором живёт человек — мир полного искажения.

Если бы мы говорили, что эти два рисунка не совпадают — мистический и полно-философский — то получилось бы, что нет никакой связи между ними. Но это не совсем так. Возникают пары: с одной стороны, *Символическая система*, с другой — *Смерть*, *Судьба* и *Призма искажения, Фатальность и Соблазн.* Все вместе — это классическая модель Европейского мистицизма: Бог, Драфа и Мир. Драфа — одно из самых сложных и мистических моих исследований в Европе. Драфа — это система сегодняшнего миропорядка, созданная несколько веков назад, а в архитектуре Европы зашифрованы механизмы этой Драфы. Но вся схема в полном ее объеме и есть то «здание», которое разобрал Жан Бодрийяр, включая все механизмы каждого блока, которые были описаны мной на предыдущих схемах. То есть **в основе всей философии Жана Бодрийяра лежит Европейский мистицизм!** Поэтому человек, который не имеет представления о Европейском мистицизме, никогда не соберет это «здание», но тот, кто знает эту древнюю науку, без труда по «кирпичам» его соберет.

Таким образом, видим у Жана Бодрийяра законченную работу, завершенное построенное «здание» и разобранные кирпичи в виде 54 программных трудов Бодрийяра, которые сегодня существуют и написаны им более чем за 30 лет, не считая его эссе. И видим полную модель Европейского мистицизма, наложенную на нашу реальность. То есть Бодрийяром применены для исследования все методы Европейского мистицизма и его основная модель, применены механизмы для ретрансформации (к сегодняшнему дню, когда еще раз проанализирован Мир при помощи этой модели), еще раз проанализирована Призма и Мистика. Тем самым Бодрийяром было собрано «здание» с соответствующими названиями и терминами, относящимися к современному миру. Европейский мистицизм — вещь древняя, и понятно, что если его оставить в той форме, в которой он есть, то он не отражает мир текущий (не отражает ни терминами, ни исторически). Жан Бодрийяр, по сути, провел повторное исследование с использованием Торы и Тайны для того, чтобы описать методами Европейского мистицизма современный мир: какой он есть на самом деле. В результате у философа получилось 54 программных тома выводов. То есть 54 программных тома — это конец, завершенная работа Бодрийяра. А принципиальная схема — это начало; то, с чего у Бодрийяра все начиналось! И написав книгу «Маэстро. Последний пророк Европы», я показал вам, дорогой читатель, все то, что сделал Жан Бодрийяр, как бы ведя вас по главам от конца в начало — к тому, с чего все началось.

Бог

МИСТИКА

СИМВОЛЬНАЯ СИСТЕМА

СМЕРТЬ

Драфа

Миры

ПРИЗМА

СУДЬБА

ПРИЗМА ИСКАЖЕНИЯ

Мир

МИР

ФАТАЛЬНОСТЬ

СОБЛАЗН

Предметом исследования Бодрийяра в большинстве случаев было общество Европы и США. Он не исследовал восточные общества, хотя был хорошо знаком с восточным мистицизмом. Разница между ними заключается прежде всего в подходе и в целях, так как правда для всех — идентична. Целью научной работы Жана Бодрийяра был беспристрастный анализ того, что происходит. Представители же восточного мистицизма склонны к искажению исследования ради собственной власти: если у нас наука — это генератор выгодной глупости, то там, на Востоке, священники — это генератор выгодной глупости: они больше претендуют на мистичность, а не научность (они пошли в свое время путем тайн Востока). Бодрийяр же комплексно анализировал действительность. Он использовал историю (историзм) и иллюстрировал словами великих мыслителей подтверждение своих слов, а этим характеризуется исключительно европейская традиция. Если взять все трактаты и учебники XIV–XIX веков, то в них все написано в этой же самой манере. Так, когда Луис Пачеко де Нарваэс писал свой трактат «О величии меча» (1605), он ссылался на огромное количество личностей, которые с его точки зрения ярко подтверждают его выводы в той или иной степени, в отношении тех или иных явлений.

Я, как в своем время и мои учителя, называю эту древнюю науку (а она является именно древней европейской наукой) Европейским мистицизмом, потому что мистика — это мистификация. Любой человек, когда что-то не знает и не понимает, начинает это мистифицировать. Поэтому это мистика. Но мистика — это также наука, и философия религии прямо об этом говорит. Мистика существовала всегда, особенно в Европе, в той или иной форме.

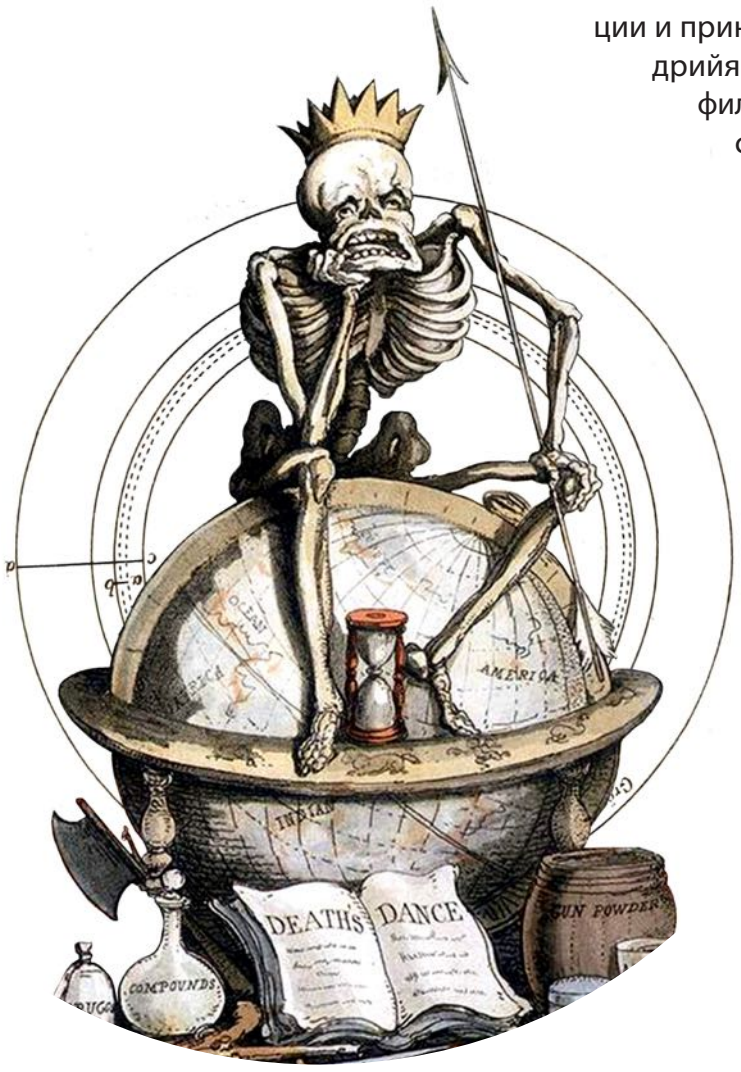
Жан Бодрийяр использовал Европейский мистицизм — науку, которая, к слову, породила современную академическую науку, так как она не возникла на пустом месте. Современная академическая наука — всего лишь жалкая ничтожная часть той самой науки, которая для всех стала секретной в определенный момент времени. По сути, вся современная наука ограничена пятью именами философов эпохи Возрождения (Кант, Локк, Юм, Декарт и Спиноза), и она замкнута в рамки куба этого Возрождения. Но на самом деле, если изучить труды и документы XVI–XVIII веков, были люди куда более могущественней и серьезнее этих философов, о чем подробно говорили в третьей главе этой книги.

Европейский мистицизм — это уникальная машина сама по себе, в отличие от всех других машин в мире. Она имеет механизм самовоспроизводства и самообучения. И так как Жан Бодрийяр родился во Франции, в цитадели Европейского мистицизма (Германия, Австрия, Франция), то, безусловно, Европейский мистицизм оказал огромное влияние на Бодрийяра в силу этого механизма самовоспроизводства и самообучения: достаточно было просто посмотреть на один символ, и в голове у человека все могло перевернуться в одну секунду. А потом эта машина сама начинает учить человека. По сути, она рождает нового человека. Об этом механизме более подробно написано в моей научно-методической книге «Тень европейского континента».

Чаще всего люди едут в Европу путешествовать, отдыхать, ходят по улицам и при этом не видят ничего. Но вот один человек что-то заметил. Дальше эта машина начинает его учить на каждом шагу. В Европейском мистицизме, в этой европейской системе, все так устроено, что это огромная открытая книга, которая обучает человека. И если у него есть к этому тяга, есть желание учиться, понять тайну и получить те знания, которых нет у других, то он все это получит.

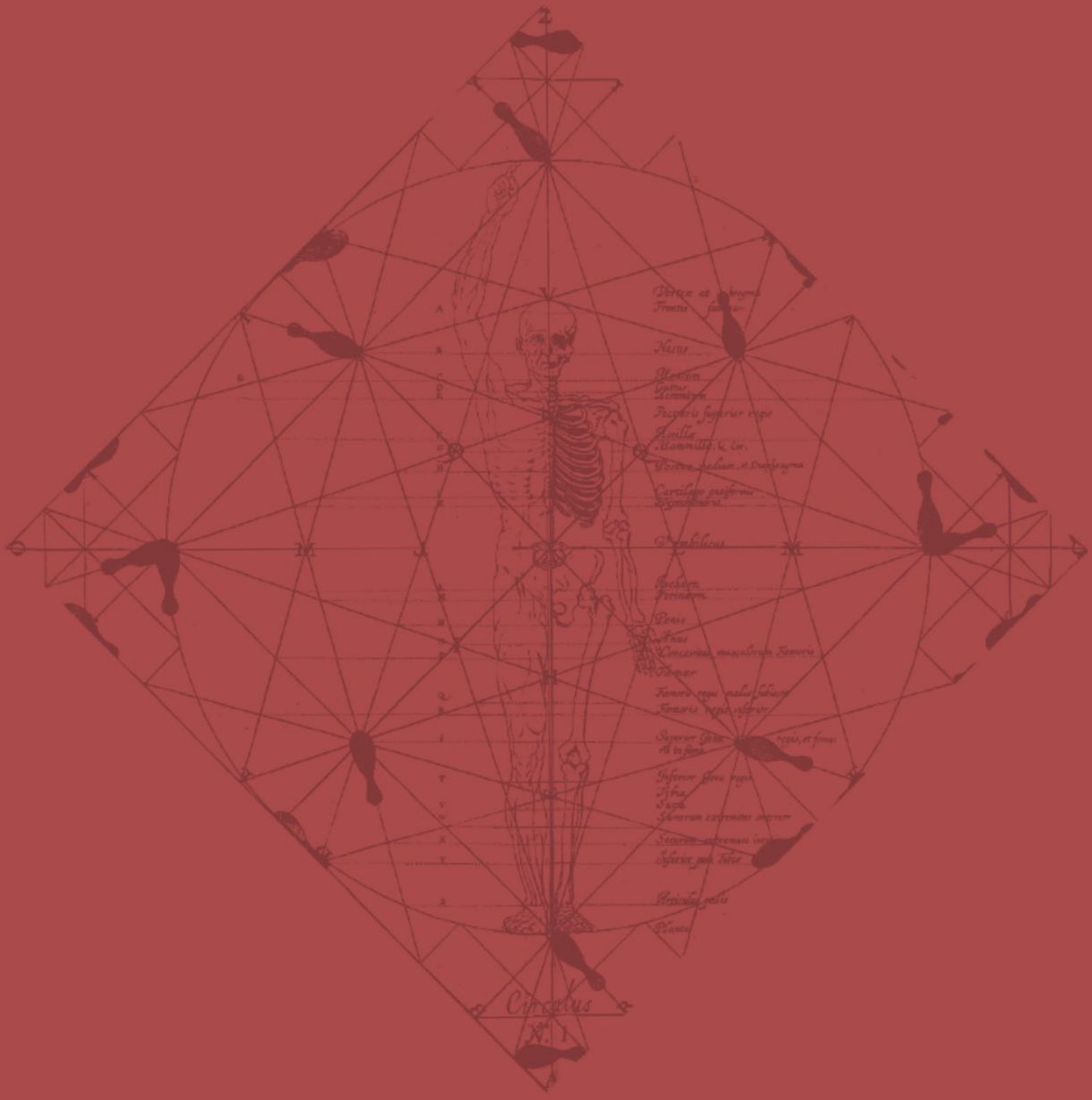
Жан Бодрийяр — очень важный мыслитель современного мира. Сегодня ущербность как психологическая категория — это тот блок глубинной психологии, который в настоящее время необходимо активно исследовать, для того, чтобы эта психология начала приносить пользу. А философия Жана Бодрийяра предшествует психологической категории ущербности, она ее проявляет. Но когда я только начал изучать Бодрийяра, не мог назвать его своим коллегой. Во-первых, я ничего о нем тогда не знал и еще не был знаком с его трудами, только начинал изучать его философию. Поэтому мне пришлось приложить много усилий, чтобы изучить труды Бодрийяра в очень короткие сроки. К слову, с такой скоростью до меня Жана Бодрийяра не изучал никто: были такие, кто изучал Бодрийяра и по десять, и даже по двадцать лет… Но у меня не было столько времени, поэтому я занимался этим вопросом крайне серьезно. По сути, с задачей на первом этапе я справился: Бодрийяр изучен в полном объеме, а его «здание» мной восстановлено полностью. И сейчас я точно могу сказать, что Жан Бодрийяр — мой коллега: я с ним «одной крови» Европейского мистицизма и у нас один и тот же предмет исследования как философов.

Своими трудами Жан Бодрийяр заложил потрясающие научные основы для развития и дальнейшей исследовательской работы, как его последователей, так и коллег — для того, чтобы люди продолжили работу в этом направлении. Бодрийяр заложил огромную исследовательскую перспективу в философии нового времени, поскольку философия постмодернизма, которую он возглавлял, уже прекратила свое существование. Хотя, безусловно, постмодернизм жив, он никуда не исчез как стадия философии мира. Но с моей точки зрения, дальнейшее развитие философии предопределено именно Жаном Бодрийяром.

Так мною были выведены и восстановлены все конструкции и принципиальные модели философии Жана Бодрийяра, которые он использовал. Выдающийся философ XX века, Жан Бодрийяр в своих трудах совершенно четко описал не только то, что происходит в настоящее время в мире, но и дал очень точные причины того, почему все так, а не иначе; каким образом сформировался тот современный мир, в котором сейчас живет человек, и что ожидает человечество, если ничего не изменится. Его философия имеет крайне прикладное применение, но только для того, кто захочет в этом для себя разобраться и начать применять. А выбор, как отмечал сам Бодрийяр, за самим человеком.

На этой ноте и на этом этапе научной работы — честь имею кланяться, дорогой читатель!

Circulus
N. 1